

5738

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Исторический сборник

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

3333

~~4332~~

9
и 90

Историческая Комиссия Академии Наук СССР

5 августа 1935 года минуло 40 лет со дня смерти одного из великих учителей пролетариата — Фридриха Энгельса.

Исторические работы Энгельса являются одним из краеугольных камней марксизма-ленинизма и образцами подлинно-научного марксистского изучения истории. Разработка исторического наследия Энгельса — одна из важнейших задач советской исторической науки.

Историческая Комиссия Академии Наук СССР отмечает эту годовщину путем организации Исторического отдела в большом общеакадемическом издании, посвященном Фридриху Энгельсу, где будет всесторонне освещена многогранная деятельность великого соратника Карла Маркса.

8879

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

4

5738
575

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь акад. *В. Волин*

Июль 1935 г.

Редакционная коллегия: акад. *В. П. Волгин*,
акад. *Б. Д. Греков*, *И. М. Троицкий*

Технический редактор *А. Покровский*

Ученый корректор *С. М. Данини*

Сдано в набор 16 мая 1935 г. — Подписано к печати 9 октября 1935 г.

Формат бум. 62 × 94 см. — 21 печ. л. — 38 800 печ. зн. в печ. л. — Тираж 4165
Ленгорлит № 29085. — АНИ № 477. — Заказ № 1895

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. К. Щербаков. Крестьянские восстания в Белоруссии в XVII в.	5
И. П. Петрушевский. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв.	36
А. Н. Вершинский. Очерки по истории верхневолжских карел	73
А. Д. Юдицкий. Еврейская буржуазия и еврейский пролетариат в текстильной промышленности первой половины XIX в.	108
А. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе	135
Акад. Д. М. Петрушевский. Городское хозяйство средневековой Европы и новая историческая литература	183
Сообщения и материалы	
И. Л. Морозов. „Горестная профанация“	223
Доклады на сессии Академии Наук 17-XII 1934 г.	
В. А. Казакевич. Современное состояние исторических памятников в Восточно-Сибирском крае	259
В. А. Забиров. Предварительное сообщение о работе Археографической экспедиции Академии Наук	269
Критика и библиография	
Рецензии	
Е. Кагаров. M. L. W. Laistner. Greek History	283
К. Пушкаревич. „Autour de Križanic“	285
М. В. Джервис. R. Sierpinski. Tło gospodarcze i istota vlasowa powstania listopadowigo 1830 roku	287
Б. Козьмин. „Воспоминания“ Антоновича и Елисеева	290
Б. Р. Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары	296
Информация	
По историческим журналам	307
Письма в редакцию	
Д. Благой. Письмо в Редакцию	327
И. Троцкий. Ответ Д. Благому	329

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ XVI И XVII ВВ.¹

I

Вопрос о крестьянских восстаниях и казачестве в Белоруссии до сего времени не нашел надлежащего освещения в исторической литературе. Буржуазные историки — великодержавники и историки-националисты Белоруссии — оставили нам немало работ по вопросам, касающимся истории Белоруссии эпохи феодализма. Но в этих работах мы не найдем или почти не найдем никакого материала о борьбе крестьянства против крепостников-феодалов, о крестьянских восстаниях в Белоруссии XVI—XVII вв. Эти вопросы в большинстве случаев обходились буржуазными историками. Те же, кто останавливался на вопросах истории крестьянских движений, самым грубым образом фальсифицировали эту историю.

Борьба белорусского крестьянства изображалась ими либо в виде бессмысленных бунтов черни, холопов, либо как движение, направленное в защиту религии, национальности, культуры.

Это положение целиком подтверждается на примере работы известного белорусского националиста, контрреволюционера — историка Игнатовского. В своем „Кратком очерке истории Белоруссии“ Игнатовский уделяет место вопросам истории крестьянских движений и казачества в разделе „Казачество на Белоруссии“. Какие же основные положения выдвигает Игнатовский по этому вопросу? В его изображении главными мотивами движений крестьянства и казачества в Белоруссии являлись национальный гнет и религиозные преследования, что подчеркивается им неоднократно. „Все, кто не мог переносить социально-религиозного и национального гнета, начали

¹ Настоящая статья является одной из глав подготовленного автором исследования о крестьянских и казацких движениях в Белоруссии XVI—XVII вв.

группироваться“.¹ Совершенно очевидно, что Игнатовский этим своим положением старался разжигать национальную вражду, подменяя классовую борьбу крестьянства против крепостников религиозным и национальным движением. Верный теории белорусских буржуазных националистов об отсутствии классовой борьбы в историческом процессе Белоруссии, Игнатовский главные причины крестьянских движений видит в религиозном и национальном угнетении.

Но Игнатовский на этом не останавливается; он идет дальше, углубляя и расширяя этот свой тезис о национальном, а не классовом характере крестьянских движений. Для него самая борьба белорусского крестьянства была борьбой не против местного помещика, шляхтича, купца, а борьбой только против польского пана и польского шляхтича, против польского государства, причем в этой борьбе в одинаковой мере участвовали казаки, крестьяне, мещане городов. Игнатовский не хочет видеть классового расслоения среди городского населения, не видит городских низов, он не выделяет верхушки казачества, политика которой была направлена против интересов крепостного крестьянства, а изображает казачество как единую сплоченную массу. Для него все население Белоруссии, однородное по своему классовому составу, боролось против польского национального и религиозного угнетения. „Долго не мог гетман Радзивилл остановить восстание. Среди топких болот и густых непроходимых лесов Белоруссии долго существовали всякие группы восставших мещан, мужиков и казаков“. Так пишет Игнатовский о едином фронте борьбы мещан, казаков и крестьянства. Он не хочет видеть измены крестьянству и городской бедноте со стороны зажиточного населения городов и верхушки казачества.

Относящийся к рассматриваемым проблемам архивный материал не мог не быть известным буржуазным историкам, в частности таким, как Пичета, Довнар-Запольский, написавшим много работ по истории Белоруссии. Но вопрос о классовом содержании крестьянской борьбы они умышленно обходили.

Уже начиная с конца XV в., в Белоруссии развертывалось массовое крестьянское движение, которое, в конце концов, разрослось к середине XVII в. в целую крестьянскую войну.

¹ Проф. В. Игнатовский. Краткий очерк истории Белоруссии, стр. 134 и 138.

К концу XV и началу XVI в. в Белоруссии создались все необходимые предпосылки для развития массового движения крестьянства, направленного против феодально-крепостной эксплуатации, против феодалов-угнетателей и крепостнической диктатуры панов-шляхты.

Общая причина, вызвавшая массовое крестьянское движение, лежит в том усилении феодально-крепостной эксплуатации, в том нажиме на крестьянство со стороны попов и шляхты, которые особенно настойчиво проводились с конца XV в. Вторая половина XV и весь XVI в. характеризуются в истории Белоруссии целым рядом новых явлений по сравнению с предыдущими веками. В это время происходит отделение города от деревни, растет многочисленная шляхта, происходит массовый захват шляхтой и панами общинных крестьянских земель, увеличиваются обложение и повинности крестьян, усиливается политическое угнетение эксплуатируемого крестьянства.

Развитие товарно-денежных отношений в стране, втягивание панов и шляхты в торговлю и, в частности, в торговлю с Западом, рост роскоши и мотовства, порождали ненасытную жадность панов и шляхты к продукту крестьянского труда и, следовательно, влекли за собой усиление феодально-крепостной эксплуатации крестьянства Белоруссии.

Практически это усиление эксплуатации крестьянства проводилось путем увеличения денежных налогов, падающих на крестьянство, усиления отработочной ренты, путем расширения размеров панских хозяйств за счет крестьянских наделов и общинных земель, еще большего подчинения крестьянского хозяйства господскому, — все это вело к полному закрепощению селянства. Проведение в середине XVI в. „Волочной померы“ было ничем иным, как массовым ограблением крестьянства.

„Волочная помера“, проведенная довольно успешно в западных частях Белоруссии, являлась здесь шагом по пути развития связи феодального хозяйства с рынком через господское хозяйство. Отсюда здесь, в этих частях страны, рост собственных хозяйств панов, рост фольварков, увеличение господских земель за счет грабежа селян и быстрый рост барщины.

По другому пути шло развитие феодального хозяйства в юго-восточных частях Белоруссии. Здесь эксплуатация крестьянства осуществлялась через взимание ренты в денежной

форме, здесь росли денежные поборы с крестьянства и здесь же попытки проведения „Волочной померы“ встретили резкое сопротивление со стороны селянства, здесь проведение ее растягивалось на долгие десятилетия.¹ Развитие товарно-денежных отношений затрагивало здесь и крестьянское хозяйство. Местные рынки таких городов, как Могилев, Мозырь, Речица, Бобруйск, Кричев, заполнялись главным образом продуктами сельского хозяйства, которые крестьяне сбывали для того, чтобы выплачивать ренту феодалам деньгами. В этих же районах было наиболее развито ростовщичество, для которого необходимость сбыта продуктов крестьянского хозяйства для уплаты денежных поборов панам и шляхте создавала чрезвычайно благоприятные условия. Странствующие торговцы и скупщики проникали в этих районах в села и деревни и опутывали здесь крестьянство.

Было несколько причин, приведших к образованию этих двух отличающихся друг от друга хозяйственных частей Белоруссии. Во-первых, западные и северо-западные районы находились ближе всего к западному рынку и имели наилучшие пути сообщения — водные пути. Этого мы не можем сказать о восточных и юго-восточных частях, хотя и здесь протекали такие реки, как Днепр, Сож, Березина, Припять. Все эти реки не связывали непосредственно соответствующие районы Белоруссии с Западом. Во-вторых, в западных районах паны чувствовали себя наиболее прочно: они не боялись за свои хозяйства, не боялись, что они будут разрушены, отняты соседями извне. Восточная же часть Белоруссии все время находилась под угрозой нападения и отнятия ее Московским государством; войны Литовско-белорусского государства с татарами и Московским государством не позволяли здесь панам и шляхте строить обширные господские хозяйства и фольварки. В-третьих, паны и шляхта в западных частях Бело-

¹ Селяне бунтовали в целом ряде мест (особенно в Бобруйском старостве), не желали садиться на нововымеренные волюки, отказывались платить подати, выполнять разные повинности. Начатая в 1560—1570 гг. реформа в восточных частях Белоруссии, в районах Орши, Могилева, Рогачева, так и не была доведена до конца из-за волнений крестьянства. И позднее крестьянство встречало ревизоров активно-враждебными выступлениями. Неоднократно происходила порча установленных границ, несмотря на все репрессии, которые проводились против крестьянства государскими чиновниками.

руссии могли развертывать свои хозяйства и фольварки, не боясь в такой мере разрушения их со стороны селянства, как это могло быть в восточных частях. Здесь была центральная власть; здесь было под рукой большее количество вооруженной силы; здесь, наконец, было немало укрепленных замков, которые служили форпостами не только в борьбе с внешними врагами, но и опорой для феодалов в борьбе с внутренними „бунтовщиками“, с крестьянскими восстаниями.

Выступление крестьянства Белоруссии против панов, шляхты, духовенства и купцов, хотя и было, следовательно, ответом на усиление феодально-крепостной эксплуатации крестьянства, хотя и было направлено против феодально-крепостной системы в целом, против крепостнического режима, — имело, однако, далеко не одинаковые причины в отдельных частях Белоруссии. И крестьяне-барщинники и крестьяне-оброчники боролись за уничтожение феодально-крепостного режима, против крепостнического грабежа, но в то время, как первые стремились возвратить свои земли, увеличить наделы, получить лучшую землю, освободиться от каторжной работы в господарских хозяйствах и фольварках, крестьяне-оброчники ставили своей задачей завоевание полной свободы в отношении распоряжения той землей, которая находилась в их руках, боролись за уничтожение денежных поборов как против феодалов, так и против ростовщиков и откупщиков.

Если учесть все эти обстоятельства, если принять во внимание, что крестьяне, вносящие денежную ренту, находились не в такой зависимости от пана, как крестьяне-барщинники, и имели большую самостоятельность; то нам станет понятно, почему в юго-восточных частях Белоруссии крестьянское движение приняло более широкий размах, было более упорно, чем в западных районах страны. Крестьяне-оброчники могли лучше организовать, они не имели над собой каждодневного контроля со стороны пана и его приказчиков. Ко всему этому нужно добавить, что крестьяне восточной и юго-восточной частей Белоруссии, помимо непосредственного влияния, оказываемого на них восстаниями крестьянства Украины и Московского государства, помимо получения от украинских повстанцев непосредственной помощи, не были в такой степени стеснены со стороны войск Речи Посполитой и Литовско-белорусского государства, как в западной части, этом центре феодальных

верхов и феодального войска. Крестьянство восточных и юго-восточных районов, будучи в большей мере втянуто в товарно-денежные отношения, скорее могло получать информацию о происходящих событиях, чаще сталкивалось с людьми, уже втянутыми в борьбу против эксплуататорских классов, легче могло заражаться этой борьбой. Известны, например, случаи, когда во время базаров в городах перед крестьянством выступали агитаторы-вожаки, призывавшие массы к восстанию.

Выступления крестьянства против шляхты и панов и их урядников носили массовый характер уже с конца XV в. и протекали на протяжении всего XVI в. Из уже опубликованных архивных материалов, относящихся к истории Литвы и Белоруссии, видно, что крестьянство применяло самые разнообразные способы классовой борьбы с землевладельцами: убивало их, поджигало усадьбы, устраивало нападения в лесах, грабило панов и с имуществом убегало в соседние районы, а то и дальше, за пределы Белоруссии, чаще всего в украинские степи. Во II т. „Белорусского архива“, изданного БАН в 1928 г., и ряде других изданий опубликованы документы, относящиеся к борьбе селянства с панами и шляхтой.

Через всю вторую половину XV и все XVI столетие красной нитью проходит борьба крестьянства Белоруссии в связи с наступлением панов и шляхты на крестьянскую общину. Крестьянство напрягало все усилия, старалось отстоять в борьбе с феодалами свое прежнее положение, сохранить за собой общинные земли, разного рода угодья, которыми оно владело, боролось против увеличения налоговых обложений и повинностей. Землевладельцы наступали против крестьянства и крестьянской общины, отнимали у крестьян земельные и лесные угодья. Крупные феодалы передают целые волости, села и дворища более мелким, а вместе с этим крестьян-данников переводят на положение тяглых крепостных.

На этой почве и разгорается борьба крестьянства с феодалами. В этой борьбе крестьянство старается использовать общину и свои общинные организации. В лице крестьянской общины массы крестьянства находят часто готовую форму организации для выступления против феодалов. Этой борьбой крестьянства заполнено в истории Белоруссии все XV в XVI столетия. В ряде районов она велась довольно упорно и в XIV столетии.

Остановимся на конкретных примерах этой борьбы в истории Белоруссии, на формах ее.

Борьба крестьян прежде всего и чаще всего развертывалась на почве обложения крестьянства податями и увеличения его повинностей. До XVI века скарб Литовско-белорусского княжества раскладывал повинности и налоги не на отдельные хозяйства-думы и не на дворища, а на волость в целом. Эта последняя уже распределяла, производила „разруба“ по отдельным селам и дворищам. Эти подати собирались старостою, который вместе с выборными отвозил их в скарб или в ближайший город. Всякого рода сборщиков, господарских приказчиков волость старалась не впускать в пределы своей территории, ибо они были очень обременительны для населения.

С середины XV и особенно в XVI столетии державцы повели наступление против волостей. Они начали увеличивать сборы податей, стали появляться в пределах волостей. Между тем количество плательщиков все больше и больше уменьшалось вследствие раздачи князьями отдельных сел и дворищ мелким и средним землевладельцам. Кроме того крестьяне сами уходили с волостей вследствие наступления панов и урядников. От этого также уменьшилось количество крестьян и подрывались основы волостной общины.

Происходят столкновения волостей прежде всего с урядниками и державцами. Крестьяне волостей жалуются великим князьям на ущемления и трудности. Около 1536 г. крестьяне Могилевской волости жаловались великому князю на своего державца Соломирецкого. Они договорились с Соломирецким, что за дополнительные платежи Соломирецкий освободит их от отбывания подводной повинности. Между тем державец установил в волости своих десятников, которые грабили крестьян, брали у них подводы. Державец увеличил подати на дым с 2 грошей до 20, назначил сам старца, который чинил населению „драпежства“ и „тяжкости“. Вследствие этого население из волостей начало расходиться.

В 1554 г. Чечерская волость вела продолжительную борьбу со своим наместником — державцем паном Юрием Зеновьевичем. Этот пан, так же как и его предшественники, чинил населению всякие „кривди“, вводил новины, брал „неслушные пожитки“ „непомерные“ вины, отчего многие люди „с тое волости наше проч ся разошли“.

Борьба крестьянства волостей с администрацией, господарскими державцами, писарями, проезжавшими для сбора дани, проводилась не только в XVI ст., но и гораздо раньше. В конце XV ст. Озерицкая и Усвятская волости на Полоччине вели борьбу с Витебским наместником, воеводой Глебовичем. Этот последний принуждал крестьян косить на себя сено и „волочить“ озеро Вымна. В начале XVI ст. Кричевская, Пропойская, Чечерская, Горвальская, Речицкая, Свислочская, Любошанская, Усвятская и Озерицкая волости очень долго и упорно вели борьбу против въезда в их пределы писарей за сбором податей. Эти въезды очень дорого обходились крестьянам. Писаря жили за счет крестьян по нескольку недель в волостях, собирали большие дополнительные налоги, брали подводы, расправлялись с крестьянами. Вследствие этого хозяйничанья и „того великого драпейства и грабежу, многие данники наши с тех волостей наших разошлись“. Крестьяне настаивают, чтобы они сами собирали дань, обещали ее аккуратно выплачивать и отвозить в скарб, лишь бы только к ним не пускали писарей.

Жестокие притеснения чинил в начале XVI столетия наместник Кричевской волости князь Жилинский. Он отнял у волощан воскобойню, ездил на полюдье „у великом почте“, собирал с крестьян произвольно большую дополнительную денежную дань, заставлял крестьян работать на себя, вводил тягло. Благодаря этому и здесь „многие люди з места и з волости Кричевское разошлись прочь и земли их опустели и дань наша гинет“.

Несмотря на неоднократное вмешательство в это дело великого князя Сигизмунда I и последовавшие распоряжения последнего о прекращении Жилинским притеснений и расправы, Жилинский не унимался. Жилинский не пускал в пределы своего наместничества господарских писарей, угрожал стрелять в них и не подчинялся великому князю. Он избил старосту, посадил его в тюрьму. Крестьяне начали угрожать великому князю, что если не будет укрощен Жилинский, то все они с женами и детьми разойдутся из волости.

Державец в Рогачевской волости также начал чинить расправы и вводить новые повинности на крестьян. Он заставлял крестьян, присланных сторожить замок, пасти его скот, сосредоточил в своих руках торговлю, скупая все меха, требовал много лишних подвод, вводил большие судебные пошлины, принуждал крестьян работать в своих фольварках. Крестьяне жа-

луются королеве Боне, которой принадлежала волость, на этого наместника.

Можно было бы привести целый ряд других примеров, говорящих о новых поборах с крестьян, о притеснении их, о самовольстве державцев, но и приведенных достаточно. Великие князья и крупные феодалы, которым принадлежали эти волости, стараются в интересах удержания населения от бегства, поддерживать иногда крестьян. Но эта поддержка была довольно слабой. Наместники же не подчиняются распоряжениям великих князей „не вводить новины“, а делают на местах, что хотят. Они чувствовали себя полными хозяевами.

Крестьяне ведут борьбу против этих наместников путем протестов, жалоб, а чаще всего путем ухода из волостей. Часто крестьяне покидают пределы своих волостей на время сбора податей. По окончании их они возвращаются опять в свои волости. Но против этого выступают сами общины, так как на оставшихся ложатся большие дани за ушедших; при наличии раскладки дани по волостям приходится нести тяжесть оставшимся.

Волостная община в этот период разлагается не только под давлением извне, со стороны державцев, вследствие раздачи сел и дворищ отдельным владельцам, раздачи общинных земель и введения тягла, но и изнутри. „Старцы“ сами уже начинают злоупотреблять своей властью, они открыто переходят на сторону державцев, увеличивают налоги, наживаются. Население городов — этих центров волостей — старается переложить тяжесть податей и повинностей на крестьян, захватывает лучшие земли, переносит повинности на крестьян и т. д. Наместники при поддержке старцев и многих волочан, особенно центров волости, нарушают старину, вводят новины, привлекают население к выполнению барщинных работ. Крестьянская община вследствие этого разлагается, слабеет. Пинский староста Петр Мыльский в середине XVI ст. особенно жестоко расправлялся с населением и крестьянской общиной. Он арестовывал мещан Пинска, грабил население, брал взятки, хватал людей будто бы за воровство, обирал их, а после отпускал, отнимал товары, привозимые в город, сажал многих в тюрьму.

Крестьянство часто не выдерживало всех этих расправ и поборов и переходило к открытой борьбе, подымало восстания. Такое восстание, происшедшее в 1536 г. на Жмуди, привело

центральное правительство в большое беспокойство. Крестьяне, собравшись в Тельшах, устроили здесь совещание и отсюда направились избивать приказчиков, наместников, бояр и самих крестьян, которые не присоединились к восставшим. В результате восстания было убито много наместников и бояр. Центральное правительство всякими мерами — уговорами, просьбами, обещаниями снятия некоторых податей, старалось успокоить крестьян. В 1555 г. восстание здесь повторилось с новой силой. Напряженная борьба велась крестьянами с городским населением из-за неравномерного распределения податей и повинностей, на почве захвата городом лучших общинных земель и т. д.

В 1533 г. в Полоцком воеводстве, недалеко от самого Полоцка, произошел следующий случай. Некий пан Иванено Волянец взыскивал с крестьян полоцкой игуменьи полторы копы грошей, присужденных в пользу князя Глинского копным судом. Когда Волянец, после взыскания указанной суммы путем продажи крестьянского скота, возвращался домой, на него из лесу сделала нападение группа крестьян (в количестве 30 человек). Сам Волянец так излагает это дело в своей жалобе господарскому уряднику в Полоцке: „А той Кроль и с кольканадцетма человеками выскочивши з лесу и мене били и поймали. А потом человек с тридцать собралось. Ниж я никого не знаю, одного того Кроля, а он ведет товаришсов своих. И сняли с меня сукно, сагайдак, шаблю и взяли две седло, епанчу“. Это уже, как мы видим, такой случай борьбы, который говорит о массовом действии крестьян.

В том же 1533 г. была подана жалоба князей Соколенских, Андрея и Павла, на крестьян из дер. Лужновцев, Полоцкого воеводства, за то, что „в прошлом году они сожгли сено на их сеножацях, а в текущем году сеножацы покосили, половили ловы и забили двух лосей“. Это выступление селян явилось протестом против захвата Соколенскими лугов, которые крестьяне считали своими и не хотели уступать князьям.

В 1538 г., в том же Полоцком воеводстве разыгралась борьба между боярином Иваном Глебовичем Корсаком и его подданными. Эти последние не желали подчиняться Корсаку и „вели вяликую борьбу против него и довели его до больших страт“. Уже одно то, что все эти владельцы не могли сами справиться со своими подданными и вынуждены были обращаться к властям, к господарским урядникам, уже это одно говорит о том, что

борьба крестьянства в ряде случаев еще в первой половине XVI столетия приобретала массовый характер.

Но это все же были пока отдельные эпизоды борьбы селянства со своими панами. Более систематический и массовый характер приобретает крестьянское движение с середины XVI столетия и во второй половине его. В течение этого времени произошел целый ряд важнейших событий в жизни Литовско-белорусского государства, которые не могли не обострить крестьянской борьбы.

Война, которая велась из-за Ливонии с Московским государством, требовала больших расходов, тяжело ложившихся на крестьянство. Особенно тяжело приходилось крестьянству от военных действий на территории Белоруссии, где громадные пространства опустошались в течение короткого времени. Сжигались села и деревни, топтались поля и уничтожались посевы, истреблялся скот как войсками Литовско-белорусского государства, так и московскими войсками. Пострадавшие от войны хозяйства и усадьбы панов и шляхты восстанавливались за счет усиления эксплуатации крестьянства. Новые права и привилегии, полученные шляхтой во время этой войны, также в конечном итоге падали на плечи селян. С 50-х годов XVI столетия начала проводиться реорганизация господарских, а вслед за ними и панских имений на основе „Волочной померы“, ударившей, как указано выше, сильнее всего по крестьянству. В результате ее проведения увеличились денежные налоги, усилилась эксплуатация, увеличилось количество барщинных дней, был введен ряд новых поборов, уменьшены крестьянские наделы. Реорганизация аппарата власти, рост числа великокняжеских чиновников также требовал расходов. И все это могло покрываться только трудом крестьян, да, быть может, в небольшой части за счет городского населения. Люблинская уния 1569 г. точно так же была заключена не в интересах селянства, а против его интересов. Она дала возможность польским панам и шляхте колонизировать земли Белоруссии, находившиеся раньше в распоряжении крестьянства. Вместе с захватом земель развертывалась и эксплуатация селянства этими панами и шляхтой в дополнение к той эксплуатации, которая уже проводилась местными землевладельцами.

Все эти обстоятельства мы и должны учитывать при рассмотрении вопроса о росте крестьянской борьбы, о начале развер-

тивания массового крестьянского движения. Иначе нам будет непонятно, почему движение крестьян именно в это время начало принимать широкие размеры.

II

Чрезвычайно мощный толчок развитию крестьянского движения в Белоруссии уже в конце XVI столетия дало начавшееся восстание крестьянства и казачества на Украине. Здесь, как и в Белоруссии, крестьянские восстания тянутся через все XVI и первую половину XVII столетия, пока наконец они не вылились во всеобщее восстание 1648—1654 гг. Те выступления украинского казачества, которые начались в конце XVI ст. и тянутся в течение первой половины XVII ст., не являлись чем-то оторванным от крестьянских волнений и крестьянского движения. Они, напротив, все время питались этим движением закрепощенного украинского крестьянства. В крестьянских войнах на Украине принимали участие как непосредственно закрепощенные помещиками и шляхтой крестьяне, так и украинское казачество. Образовавшееся сначала из беглых крестьян, оно впоследствии представляло из себя неоднородную социальную группу. Часть казачества была внесена в специальные списки-реестры и под покровительством панов приобретала земельные богатства, а вместе с этим и господство над низовой массой казачества, не внесенного в списки, и над крестьянством. По своему социальному положению часть реестрового казачества непосредственно примыкала к помещикам и шляхте, в то время, как казацкие низы сливались с селянством, были по существу однородной с ними социальной группой.

Тот колониальный грабёж, который производился польскими панам и шляхтой на Украине в течение XVI и первой половины XVII столетия, в известной мере задевал и казацкие верхи. Естественно поэтому, что они, будучи недовольны этими грабежами и привилегиями польских панов и шляхты, должны были примкнуть к широкому крестьянскому движению и принять участие в их борьбе с целью использования ее в своих интересах. Казацкие верхи в этой борьбе преследовали свои цели монопольной эксплуатации украинских масс. Их борьба была направлена не против феодально-крепостнической эксплуатации, а против польских панов как своих конкурентов. Вот почему

эти верхи казачества были не только непоследовательными в проводимой борьбе, но на каждом шагу изменяли крестьянству и казацким низам, сами вели против них ожесточенную борьбу. Это в частности имело место и в крестьянской борьбе в Белоруссии.

Рассматривая вопрос о влиянии крестьянского движения и казачества Украины на крестьянские восстания в Белоруссии, мы не должны упускать из виду указанного своеобразия крестьянской войны на Украине, должны учитывать особенности этой войны и неоднородный состав украинского казачества. Влияние движений украинского крестьянства сказывалось как в смысле пробуждения крестьянской массы Белоруссии, так и в смысле непосредственной поддержки и помощи этим массам со стороны украинского крестьянства и казацких низов. Влияние это было чрезвычайно сильным по ряду причин: во-первых, потому, что цели и задачи борьбы на Украине и в Белоруссии были однородны — и там и здесь борьба носила антикрепостнический характер; во-вторых, имела большое значение территориальная соприкосновенность, благодаря которой волны восстания, поднятого на Украине, неизбежно достигали территории Белоруссии, и в-третьих, среди украинского казачества, в частности, среди его низов, было немало беглого белорусского крестьянства и, естественно, все эти беглые с началом крестьянских восстаний стремились вернуться на родину в покинутые места, но вернуться уже вольными крестьянами. Следует заметить, что среди этих беглых было чрезвычайно много стойких и упорных элементов, которые, вернувшись в прежние свои места, становились будирующим элементом, наиболее стойко боровшимся против панов и всех эксплуататоров; часто из них выходили вожаки крестьянских повстанческих отрядов.

Говоря о влиянии украинского крестьянского движения и казачества на Белоруссию, мы не должны упускать из виду и обратного действия — помощи белорусских крестьянских масс восстаниям на Украине. Белорусское крестьянство не раз пополняло украинские повстанческие отряды, проникавшие на территорию Белоруссии, выступало совместно с ними, помогало выявлять конкретных лиц, примыкавших к лагерю противников, толкало украинские казацкие отряды на наиболее последовательную борьбу, вливалось громадными потоками в части украинского казачества и оставалось продолжительное время в его

последователь-
 510 АНТ е х а
 части украин-
 Станисла
 время в его
 УЧТАЛС
 №

рядах, если видело, что казачество не изменяло селянским массам. Но были нередки случаи, когда белорусское крестьянство, видя непоследовательность борьбы казачества с панами и шляхтой, видя измену казацких верхов интересам крестьянства, бросало казацкие отряды, выступало против них. Это становится особенно заметно после перехода украинского казачества на сторону Московского государства, после того, как привилегированные казацкие слои начали выступать против крестьянства, грабить и притеснять его, облагать всякими повинностями.

Особенно большое влияние на выступление крестьянства в Белоруссии в конце XVI в. против панов, шляхты, купцов и высшего духовенства оказал Наливайко, объединявший селянство и, главным образом, казацкие низы. Это было по сути первое массовое вооруженное выступление украинских повстанцев в Белоруссии, поднявшее на ноги громадные массы крестьянства и городских низов обширной территории.

Вот как изложено выступление Наливайко в Белоруссии в хронике Бельского: „Наливайко, повернувшись з Семигородщини, чинив шкоды у землях руських: Луцке, де саме того часу був ярморок і судили на рочках, мусіло дати йому выкуп. Прочувши ж, що гетьман пішов на Україну . . . кинувся до Литвы, на Біларусь і взяв місто Слуцьке з замком . . . Кр. Радивил, воевода Виленський, гетьман Литовський, дізнавшись за це, розіслав по повітах листи й сам став готуватися (до походу) на нього. Проте Наливайко встиг вчасно втікти звідты, взявши з собою з замку 12 найліпших гармат, 80 чаківниц і 70 рушниц та звелівши міщанам знести йому 5 тисяч кіп гр. литовській. А коли він тікав, погромило його трохи пише військо гетьманське з слугами каштеляна виленського та кількадесят їх (казаків) забили. Звідти пішов до Бобруйська, а потім до Могиліва. А Радивил, гетьман литовський, маючи допомогу від інших литовських панів і свого люду чимало зібравши, і татар, прийшов до Койданава, а звідти до Менску, де був попіс. Кали ж казаків до Могиліва не впущено (бо те місто мало не погану оборону), взяли його (козаки) штурмом і людей (багато) посікли. Туды-ж прийшло за ними литовське військо і, не мігшы довго трыматися в полі, особливо тому, що зима була люта, самі запалили місто, щоб выгнати звідти Наливайка . . . Козаки выйшли маючи 20 гармат, опріч іншої огнистої зброї, а (число)

іх було вже далеко більше, бо з усіх боків до них збігвся люд. Погдов був Буйквід, що йому гетьман доручив те військо, за ними, але побачивши, що з силою великою вийшли, не паважився на це, особливо під пострілами, і так вийшли (козаки) на Волинь“.¹

О выступлении Наливайко в Беларусіі мы имеем сравнительно подробные указания и в другом источнике — в Варколавской летописи.

Уже из приведенной выше выдержки мы видим, какой большой успех имел в своем походе на Беларусіію Наливайко. Этот успех был обусловлен активной поддержкой селянства, выступлениями крестьян и пополнением ими рядов отряда Наливайко новыми силами. Известно, что в рядах повстанческого отряда Наливайко при взятии им Острополя находилось до 1000 человек, а в Беларусііи при взятии 30 ноября 1595 г. Могилева в его рядах числилось уже 2000 чел. При той напряженной атмосфере, какая уже была налицо в Беларусііи в связи с обострением классової борьбы и развитием массового крестьянского движения, появление отряда Наливайко не могло не встретить громадного сочувствия и активной поддержки со стороны белорусского крестьянства. Присутствие повстанцев и их выступление против шляхты и купечества городов способствовали развитию в Беларусііи широкого повстанческого движения. 8 января 1596 г. Сапега писал литовскому гетману Радзивилу: „Хлопы, наши піддані, најжджаюць, усе пищаць, воюють, пануюць над намі, а нам наче руки звязани... Не тільки не можемо відплатити ім, але навіть оборонитися від них. Треба було це своєвільство викоренити.“¹ И в той выдержке из хроники Бельского, какою мы уже цитировали, отмечается громадный прилив крестьян в ряды войска Наливайко при его наступлении в Беларусііи: „... А число их было уже далеко большее, ибо со всех сторон к ним сбегался народ“, — читаем мы там. Взятие им без особого сопротивления целого ряда городов также говорит о сочувствии населения. Отряд Наливайко главные свои удары направлял против панов и шляхты, против купцов и верхов духовенства, и в союзе с селянством сжигал панско-шляхетские усадьбы, убивал их

¹ Цитирую по книжке Н. Ю. Мірза-Авак'янц „Внімки з джерел до історії господарства та клясавої боротьбы на Україні“, ч. I, ст. 202—203.

² Ibid.

владельцев, накладывал на купцов и богатых мещан большие выкупы, увозил имущество церквей и костелов. Шляхта была сильно напугана движением повстанцев и оказывала всяческую помощь гетманским войскам. Указание автора Варколабовской летописи на то, что будто бы отряд Наливайко без разбору громил и убивал на всем пути все и всех, явно является искажением того, что происходило в действительности. В летописи сказано, что Наливайко „место славное Могилев, место победное, дома, крамы, острог выжгли, домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жен, детей малых побивали, порубали, попоганили, скарбов теж незличоных с крамов и с домов“. Даже из этой выдержки видно, на кого направляли свои удары повстанцы: на бояр, на „людей учтивых“. Сам город Могилев был подожжен не казаками Наливайко, а гетманскими войсками с целью прогнать оттуда казаков.

Наливайко со своим отрядом вступил в Слуцк в начале ноября 1595 г. 30 ноября он уже берет Могилев, где находится две недели. При появлении Наливайко гетман литовский мобилизует силы и выступает против войска Наливайко. По замыслу Радзивила его войска должны были опередить казаков и занять Могилев раньше их прибытия. Но это ему не удается. „Ухиляючись від неприємностей, мы пішли до Могіліва, сподіваючися там спокійно їсть хліб“, — объяснял сам Наливайко причину своего похода на Могилев. Видимо, план был у Наливайко такой, чтобы перезимовать в Могилеве начавшуюся зиму и после, с весны, начать новое повстанческое движение. Паны и шляхта, под командованием самого гетмана, стянули к Могилеву „татар 4000, литвы 14 000“. Наливайко вынужден был оставить город, в частности благодаря начавшемуся пожару от поджога города литовскими войсками. При выходе его отряда около города произошла битва, тянувшаяся целый день. На Буйницком поле войско гетмана окружало казаков. Последние огородились возами, отбивая нападения. „Из этого казачьего укрепления, — пишет Соловьев, — отбивался он целый день от Радзивила, отбился и ушел к Быхову. Литва гналась за казаками, но ничего им не сделала, только сама грабила“.¹ Благодаря стойкости и упорству, а также наличию неплохого

¹ Соловьев, кн. II, стр. 1454.

вооружения, отряд Наливайко сохранил себя и двинулся от Могилева к юго-западу. Он проходил через Быхов, Рогачев и Речицу. Из Речицы отряд направился к Пинску и взял его. Здесь он произвел нападение на пинского епископа, разорил имение Терлецкого и, наконец, в конце января 1596 г. ушел за пределы Белоруссии опять на Волинь. Таким образом, больше трех месяцев повстанческий отряд Наливайко действовал в Белоруссии, подымая на ноги крестьянство и городскую бедноту. И после его ухода движение крестьянства не прекратилось, а еще шире разгоралось, вовлекая в свои ряды все большие и большие массы. Уже во время пребывания Наливайко в Белоруссии здесь действовал другой повстанческий отряд, во главе с неким Савулой. В 1602 г. появляется новый большой отряд повстанцев во главе с Дубиной, который в конце концов был разгромлен, а его предводитель пойман в Витебске. Казацкие отряды появлялись от поры до времени в Гомеле, Речице, Рогачеве, Могилеве и других местах.

В Варколабовской летописи есть упоминание о пребывании казаков в 1601 г. на севере Белорусии. „Року 1601 великая война была у Вифлянтех с королем шведским за Жикгимонта Третего“. „Того ж року Запорозкие козаки у Швеции были, да ничего не помогли, толко великую шкоду господарю вчинили, бо место словное, место богатое Витебск звоевали, мещан побили, панны поплюгавили, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незличенные скарбы побрали“... И дальше в другом месте: „А тут на Руси Полоцку великую шкоду чинили, а место словное и великое Витебск звоевали, злата сребра множество побрали, мещан учтивых порубали“... „Року божого нарожения 1603 были козаки запорозкие — некий гетман на имя Иван Куцкович. При нем было люду козацкого яко 4 тысячи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то есть грошей коп. 50, жита мер пятьсот, яловиц полтораستا, кабанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пятьсот, сена воз триста“.

„Того же року 603, в месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволенство: што хто хочет, то брoит. На тот же час был выеждый от его крол. милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бо они некоторого квалту в месте, по

села и чинили“.¹ Все эти казацкие ватаги, делавшие нападения на панские и шляхетские усадьбы, на купечество и богатых мещан создавали атмосферу, способствовавшую развитию крестьянского движения.

Новый толчок этому последнему был дан начавшейся в Московском государстве крестьянской войной. Автор Варколабовской летописи рассказывает, что Димитрия в Пропойске было поймали. „А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостю пана своего его милости Зеновича, старосту Чечерского, онного Дмитра Нагого на Попову гору, то есть за границу Московскую пустил со слугами своими пропроводил... Тут же почал лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстислава, Крычева, до Менска и до всех украинных замков, абы люде рыцерские, люде охотные до онного Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповы горы оный Дмитр Нагий, сей мнимый цар московский осел замок московский Стародуб. Теперь же почался люд гулящий, люд свовольный — скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймит з Мстислава до него пришол“.²

Неудивительно, что при такой обстановке крестьянское движение в Белоруссии не затихало. Правда, местные паны и шляхта старались направить это движение по линии борьбы против московского царя и бояр. Но все же борьба на Белоруссии продолжалась как борьба крестьянства против местных панов и шляхты. Так, в письме короля от 21 января 1613 г. констатируется, что крестьяне бунтуют в Бобруйском старостве, волоки, вымеренные ревизорами при проведении реформы, портятся, что крестьяне оказывают сопротивление действиям королевских чиновников.

Как ни грозно было крестьянское движение на Украине и Белоруссии в конце XVI и в первые 2—3 десятилетия XVII столетия, однако, мало-по-малу, польско-шляхетскому войску Речи Посполитой удалось на некоторое время придушить его. Последнее десятилетие перед новой грозной могущественной волной крестьянских восстаний 1648—1654 гг. паны и шляхта окрестили годами „Золотого спокойствия“. В действительности, в это время паны и шляхта повсеместно начали новое насту-

¹ Варколабовская летопись, стр. 33, 40, 41.

² Ibid, стр. 48.

пление на крестьянские массы, был сделан новый сильнейший нажим на крестьянство. Белорусские и польские землевладельцы захватывали еще оставшиеся в руках крестьян земли в Белоруссии, сгоняя крестьян на худшие участки и ограничивая размеры их землепользования. Поспешно происходила колонизация панами и шляхтой восточных земель. Местные белорусские паны и шляхта старались наверстать потерянное ими во время первых крестьянских выступлений. Они жестоко расправлялись с теми, кто делал малейшую попытку противоречить господам, не выполняя их волю. Вместе с нажимом на крестьянские массы землевладельцы начинают вести решительное наступление и против городов, против ремесленных масс, против мещанского населения. Добившись неограниченных прав в деле беспошлинного ввоза и вывоза товаров, в деле торговли с Западом, паны и шляхта наступают на города, суживают их права, ведут наступление против магдебургского права. В этой борьбе они находят себе союзника в лице католической церкви, используя ее как могущественное средство борьбы за свое обогащение.

Естественно поэтому, что недовольство феодальным гнетом росло не только среди селянства, но и среди широких слоев городского населения.

Следует отметить с самого начала, что позиция городского населения не была и не могла быть однородной. Верхи городского населения, купечество и наиболее богатые мещане, землевладельцы и мастера выступали совершенно определенно против крестьянских отрядов, помогали панам и шляхте. Средние слои городского населения, будучи прижаты богатым купечеством, панами, шляхтой и королевскими чиновниками, были крайне недовольны своим положением, они в отдельных случаях становились на сторону повстанцев, но скоро изменяли им, были крайне неустойчивы. Наиболее последовательной и революционно-настроенной частью городского населения была плебейская часть его, которая выступала вместе с крестьянством, боролась плечо в плечо с ним. Среди мелкой шляхты были, конечно, недовольные крупными панами и верхушкой духовенства, сосредоточившей в своих руках большие богатства. Но перед всеобщей волной крестьянских восстаний она сразу же ступевалась, забывала свое недовольство панами и духовенством, отодвигала свои частные интересы на задний

план и выступала единым фронтом со всеми землевладельцами и купечеством. Многих смущает в этом вопросе, между прочим, то обстоятельство, что в ряде случаев мы имели примеры участия отдельных групп шляхты в казацких отрядах, выступавших против панов, а иногда даже отдельные представители шляхты становились во главе некоторых казацких отрядов. Это нас не может смущать именно потому, что этим самым шляхта старалась забрать инициативу движения масс в свои руки и направить его по желательному для себя руслу. А в том случае, если это им не удавалось, мы видим резкий поворот этих элементов в сторону контрреволюции, измену крестьянскому движению, переход на сторону панов. Кроме того, вхождением своим в казацкие отряды шляхта старалась спасти свои усадьбы от разгрома и нажиться во время движения. Лозунги же борьбы за национальные и религиозные интересы были лозунгами городской буржуазии, богатой прослойки мещанства, духовенства и отдельных групп Украины и Белоруссии; этими лозунгами они хотели направить борьбу крестьянства не по руслу борьбы с крепостничеством и панской неволей, а по руслу защиты эксплуататорских групп Белоруссии против своих конкурентов — польского пана, шляхтича, польского и еврейского купца и католического духовенства. Этими лозунгами они мешали крестьянской борьбе, затушевывали основные противоречия, мешали повстанческому движению и фактически изменяли ему. В этом основной смысл поведения мещанско-буржуазного населения городов, духовенства и отдельных групп мелкой шляхты. Лозунги православного духовенства, призывавшего к борьбе с ксендзами, католическими епископами, иезуитами и монастырями, часто увлекали массы и особенно городское мещанство. Но этим самым выступавшие против католиков ослабляли лишь свои силы, отталкивали часто низы польского населения, исповедывавшего католическую религию, от участия в крестьянском движении. Казацкая верхушка действовавших в Белоруссии казацких отрядов также старалась направить борьбу главным образом против поляков, католиков вообще, против ксендзов за веру православную.

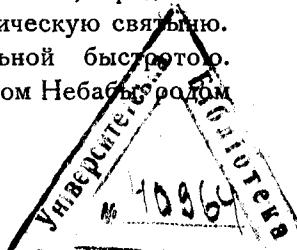
На Украине первые казацкие выступления против панов и шляхты, против польских войск начались уже с ранней весны 1648 г. Скоро эти выступления вылились в целую войну казачества и селянства против польских панов. Сразу же с высту-

плением казачества из Запорожья, селянство повсеместно и в тылу польских войск начало группироваться и формировать свои отдельные отряды, уничтожая польско-шляхетские гнезда, самую шляхту и ее сторонников. Отголоски этой войны доходят и до Белоруссии. Разгром шляхетского войска на Желтых Водах и под Корсунем при участии не только казачества, но и многих крестьянских повстанческих отрядов сразу же нашел живой отклик и среди белорусского крестьянства, послужил сигналом к его массовому выступлению. Селянство, не ожидая призыва, начало формировать свои отряды, целыми тысячами вливаясь в их ряды. Восстание распространялось чрезвычайно быстро и захватило громадную территорию. Появились руководители повстанческих отрядов крестьянства. Сформировались отряды Небабы, Напалича, Хвеська, Михненка, Кривошапки, Горкуша и др.

Первые удары повстанческих отрядов Белоруссии были направлены против панов и шляхты. Крестьяне сжигали панские усадьбы и фольварки, убивали их владельцев и близко стоящие к ним элементы. Поднялась страшная паника. Оставшиеся в живых паны, шляхта, купцы и духовенство бежали, скрывались в лесах, взывая о помощи. Повстанцы в первое время почти совершенно не встречали никакого сопротивления. Они захватывают города. Скоро в руках повстанцев очутился Мозырь, Туров, Гомель, Лоев, Брагин и др. Городское население, с одной стороны напуганное, а с другой — в лице своих низов сочувствуя восставшим, само, не сопротивляясь, отворяет ворота повстанческим отрядам. К этому времени появились и отдельные казацкие отряды, прибывавшие с Украины, которые объединились с местными повстанцами.

Вот как изображает этот первый этап борьбы крестьянства Н. Костомаров: „Восстание народное отозвалось и в Литве. Первый принесший в Литву призыв к освобождению (Р. Ц.) был шляхтич Головацкий, составивший ополчение около Стародуба. Он тотчас же ушел (видимо, Головацкому не очень понравилась разбушевавшаяся крестьянская стихия. Ц.); но посещение его оставило следы: крестьяне, поджигаемые воззваниями Хмельницкого, которые были разсланы возбудителями, предавали огню и мечу владельческие усадьбы и католическую святыню.

Восстание распространилось с изумительной быстротой. Крестьяне соединились в загон, под начальством Небабы родом

из Коруыстышева... Разом с ним бушевали другие загоны Напалича, Хвеська, Михненки, Кривошапки, Горкуши. Города Гомель, Лоев, Брагин сами отворяли им ворота".¹

Повстанческие отряды, начавшие свои действия летом 1648 г. первоначально в районах Гомеля, Мозыря, стали захватывать все большую и большую территорию. Отряд Небабы, переправившись через Припять, двинулся по направлению к Пинску и скоро овладел им. Население Пинска в массе своей также сочувственно отнеслось к повстанцам и выступило против своих поработителей, местных панов и католического духовенства, разорив и разграбив местные костелы. Кривошапка со своим отрядом действовал в районе Сожа. В его руках скоро очутилось местечко Чериков, а затем повстанцы нападают на Могилев и забирают его. Здесь они громят купцов и духовенство, уничтожая их усадьбы, дома и лавки. Из Могилева отдельные мелкие отряды рассеиваются по селам и фольваркам. К ним присоединяются новые массы селянства. В это же время вспыхивает грандиозное крестьянское восстание в окрестностях Мстиславля. Крестьяне начали сжигать усадьбы и истреблять панов. Казацко-селянские отряды проникают далее в глубь страны по реке Березине.

После первой волны крестьянских восстаний, вызвавшей сильную панику в господствующих слоях населения, паны и шляхта, наконец, начали мобилизовать силы на борьбу с повстанцами. Первыми организовалась оршанская шляхта. Сколотивши отряд, она под руководством Друцкого-Горского повела наступление против повстанцев. В ряде других мест также организуются дружины из панов и шляхты. Гетман Януш Радзивил снаряжает против повстанцев целое войско под командованием Мирского и писаря Литовского Воловича. Войско Мирского скоро было разбито повстанцами на-голову при дер. Горвола на Березине. Волович со своим войском выступил против повстанческого отряда Небабы, подступил к Пинску, начал требовать от населения выдачи зачинщиков восстания, угрожая в противном случае истреблением всего населения. Однако эти угрозы не помогли; массы городского населения вместе с казаками дрались с войском Воловича. „Через несколько времени, — пишет Костомаров, — литвины взяли Пинск и перетопили почти

¹ Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, изд. 1859 г., стр. 193.

все народонаселение... Небаба бежал из пылающего города, но был застигнут поляками; отчаянно дрался и погиб в сече". Крестьянские повстанческие отряды в Белоруссии уже к осени 1648 г. начали терпеть поражения и отступать под натиском панско-шляхетских войск. Это поражение и первый спад волны крестьянских восстаний необходимо поставить в зависимость от той соглашательской политики, которую повели казацкие верхи во главе с Хмельницким в отношении польской шляхты и панов. Казацкая привилегированная часть меньше всего желала продолжать борьбу со шляхтой. Напротив, уже после нанесения польским войскам жестокого поражения у Желтых Вод и под Корсунем, Хмельницкий, несмотря на громадный рост повстанческого движения масс, приостанавливает борьбу и входит в переговоры с польским королем и панской знатью. Он пишет им письма и все свое внимание направляет на то, как бы примириться со шляхтой и укротить разбушевавшуюся крестьянскую стихию. Он ограничивает прием в свои казацкие части прибывающих крестьян, зачисляет в казаки только выбранных, а „голытьбу“ возвращает назад. Он заботится в это время о том, как бы сохранить за казацкой верхушкой ее привилегии и право на эксплуатацию тех же селян. И только под натиском казацких низов и крестьянских повстанческих отрядов Хмельницкий должен был снова двинуться на Волынь и Подолье.

Ясно, что такого рода политика Хмельницкого, измены казацкой старшины крестьянскому движению отразилась и на стойкости тех отрядов казачества, которые действовали в Белоруссии. Нашлись и здесь колеблющиеся и предательские элементы. Это обстоятельство воодушевляло панов и шляхту, а прекращение борьбы со стороны казачества во главе с Хмельницким на Украине, позволяло шляхте сосредоточить свои силы на подавлении крестьянских отрядов.

„В Литве борьба с русским народом, — пишет Костомаров, — не прекратилась отступлением Хмельницкого: с ожесточением резались против панов литовские крестьяне, но неудачно (Костомаров называет литовцами фактически белорусское крестьянство). В декабре Горкуша, бывший до того времени в Березине, напал на Быхов, дважды хотел взять его штурмом и дважды был отбит. Он отступил, но Ян Пац преследовал его и, догнав у Поповой горы — замка, который был сборным

местом для составления загонов, разбил на-голову. Кривошапка и Мыкулицкий шли, со своими загонами, на выручку Горкуши; но услышав о несчастье, ушли в Бабиневици. Пац отправил отряд выгнать их оттуда. Хлопы разбежались частью в лес, а частью в Стародуб. Милоковский, Жданович и Горский погнались за ними, имели на дороге несколько стычек, возвратили несколько пленных дворян и дворянок и достигли Стародуба... Вслед за тем, Радзивил напал на Мозырь, бывший в руках Михненка. Прежде всего он отправил отряд, под начальством Павловича, на Овручскую дорогу, чтобы пресечь возможность удалиться казакам, а сам повел войска свои на штурм с трех сторон. После упорного боя драгуны разломали палисады, т. е. тесно соединенные между собой бревна, с большим усилием овладели валом и ворвались в город. Упорство русских приводило в изумление неприятелей; они засели в домах и стреляли в них; город был зажжен; русские продолжали бить врагов, среди пылавших строений убиваемые падающими на них крышами и стропилами. Сам Михненко был схвачен и сброшен с башни. Другой предводитель, неизвестный по имени, был счастливее: он успел выбежать из развалин Мозыря и наткнулся на неприятельский отряд; какой-то жолнер схватил его, но поскользнулся, и казак, в свою очередь, схватил его и умчал с собой. От Мозыря Радзивил отправился к Бобруйску и неожиданно окружил его. Мещане просили пощады; русские священники умоляли Радзивила о милосердии... Князь обещал мещанам целость жизни и имущества, если только они все, по одиночке, выйдут за ограду города, выдадут знамена и начальников возмущения со всеми, кто участвовал в мужичьем восстании. Они согласились, и тогда народ вышел толпою, дрожа от страха. Мятежники зажгли башни и, защищаясь, погибли в пламени города, их предавшего; начальник бросился в воду, но его вытащили, привели к гетману и посадили на кол. Все зачинщики были, подобно ему, посажены на кол, а другим, кого только обвиняли в участии в бунте, рубили руки. Таково было положение в Литве до конца февраля¹.

Эта выдержка из сочинения Костомарова весьма красноречиво говорит нам о том, во-первых, какое мощное повстанческое движение развернулось в Белоруссии с середины 1648 г.,

¹ Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, изд. 1859 г., стр. 291—294.

с каким, во-вторых, упорством дрались повстанческие отряды со шляхтой и ее войсками, в-третьих, как изменяло повстанцам мещанское население городов и, прежде всего, зажиточная часть его и духовенство. Вместо помощи восставшим, они трусливо выпрашивали милостивой пощады у панов, вместо единодушной борьбы они изменяли и предавали повстанцев. Наконец, эта выдержка указывает нам и на слабые стороны в повстанческом движении — это, прежде всего, разобщенность отрядов, отсутствие у них постоянной связи и единого плана действий. Все это позволило панско-шляхетским войскам чуть не поочередно, от одного отряда к другому, нанести жестокое поражение всему крестьянскому движению.

Но на этом борьба крестьянских масс Белоруссии не закончилась. События развивались дальше. Первый этап крестьянского движения закончился к февралю, т. е. зимой 1649 г. Зимнее время, несомненно, не было достаточно благоприятным для действия крестьянских отрядов. С ранней весны 1649 г. началась новая волна крестьянских выступлений. Она совпадает с начавшимся вторичным выступлением казачества в Волыни и Подолии.

После того, как войскам Радзивила удалось разбить главные повстанческие отряды, они разместились на зимовку в районе действия повстанцев, на левом берегу р. Припяти. В это время мелкие крестьянские отряды не прекращали своей борьбы. К тому же в Белоруссию проникали беспокойные отдельные части Нежинского и Черниговского полков, рассеявшиеся по всей Белоруссии. Они вместе с крестьянством продолжали нападать на замки, жечь панские усадьбы, убивать своих врагов. Столкновения с шляхетскими отрядами им приходилось иметь почти непрерывно. В это же время из Украины в район расположения радзивиловых войск был брошен повстанческий отряд Ильи Голоты, „предводителя украинских хлопов“. „Сначала отряд его простирался только до десяти тысяч; но едва в Литве разнесся слух, что гетман украинский прислал новые силы на помощь Русской земле, — пишет Костомаров, — народ сыпнул со всех сторон к нему и число казаков увеличилось. Они напали на зимние квартиры литовцев и, пользуясь их беспомощностью, множество перебили, и остальные, покинув свои походные имущества, разбежались; города за Припятью поднялись; составлялись загоны; шляхта покидала дома свои

и замерзала толпами на дороге".¹ Против повстанцев были брошены новые силы; на этот раз отряды немецкой пехоты. Нападение на повстанцев было неожиданным. Они в это время, не предполагая нападения, часть своих сил, в виде небольших групп, распустили в разные концы. С Голотой оставалось до 7000 человек. С этими силами он не мог выдержать напора противника и отступил к Припяти. „Не в силах мериться с Гонсевским (гетман шляхетских войск. *Щ.*) казаки побежали в непроходимые болота и заперлись на одном острове Припяти, разрубив за собою лед по реке; Гонсевский пошел по следам спрятавшихся... и открыл их убежище. Казаки защищались отчаянно и почти все были перетоплены и побиты вместе со своим предводителем Голотою".² Радзивил с главным корпусом своих войск расположился около Речицы. Из Украины был брошен в Белоруссию новый большой отряд под руководством Степки Подобайло. Имея перед собой большие силы Радзивила, Подобайло избирает для себя место между Днепром и Сожем при устье последнего и, будучи окружен реками и болотами, укрепляется здесь. Город Лоев, как стратегический пункт, сжигается. Радзивил, узнав о расположении отряда, решает окружить его своими войсками. Но в это время новый отряд под руководством Кричевского прибывает из Украины, нападает на часть радзивиловых войск, руководимых Мирским, и наносит ей поражение. Этот успех казачества также служит стимулом нового прилива в повстанческие отряды крестьянства. Вторично части войск Радзивила наносится жестокое поражение. Войска шляхты напрягают усилия и окружают отряды повстанцев Кречевского и Подобайло. Один из отрядов, спустившись в ров в лесу, долго отбивается от наседавшего противника. Сам Гонсевский был ранен повстанцами. Много было убитых и раненых как с той, так и с другой стороны. Радзивиловы войска окружили на берегу Днепра отряд Подобайло. Повстанцы вынуждены были броситься в воду. „Словно плавающие утки (говорит современник) они выставляли из воды головы, которые беспрестанно слетали от литовских пуль. Сам Подобайло с частью воинов успел, однако, прорваться и спешил соединиться с Кречевским; но предводители немецкой пехоты, Тизен-

¹ Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, изд. 1859 г., стр. 451.

² Ibid., стр. 452.

гаузен, Нольд и Вехман, пресекли ему дорогу и рассеяли казаков“. Отряд Кречевского был также разбит, сам Кречевский, будучи раненым, попал в плен. В это время за Припятью собрались новые силы казаков и повстанцев, которые спешили на помощь окруженным. Но заключенный в это время Зборовский мир послужил причиной упадка повстанческого движения. Радзивиловы же войска начали опять жестоко расправляться с крестьянством и населением городов, последнее почти поголовно было вырезано ими в Мозыре и Турове. После этого только мелкие крестьянские отряды не переставали нападать из лесов на панов и шляхту, а значительная часть крестьянства опять бежала в юго-восточные окраины Украины. Ожесточенная борьба повстанцев велась с польско-шляхетскими войсками и в районе Быхова и Могилева. В районе Быхова повстанческий отряд действовал под руководством Сохненко и позднее, в 1649 г., здесь вел борьбу отряд Крывносо. В Быхове от повстанцев отбивался засевший здесь со своими войсками подканцлер литовский Казимир Сапега. Он сидел взаперти, пока на выручку к нему не подошел Ян Пац.

Повстанческим движением была охвачена и территория Оршанщины, Минщины и ряда других районов Белоруссии. Против восставших крестьян и городской бедноты Минска и его района были посланы войска во главе с тем же Яном Пацем. Здесь в 5 милях от Минска эти панско-шляхетские войска „черкасы и гультайство побили“.

Паны и шляхта жестоко расправлялись с теми из повстанцев, кто попадал в их руки. Масса крестьянства безжалостно истреблялась крепостниками. „А около Орши и Минска и Новогрудка и Слонима и Брест-Литовска, — сообщалось в донесении московскому царю, — на полях многие люди, а иные на коле четвертованные, а сказывали тех мест мещане, что все те казненные мещане из животов и бедные люди невинные“.¹

В борьбе против крестьянства и казацких повстанческих отрядов в Белоруссии активную помощь панам и шляхте оказывали купцы и разного рода арендаторы. Богатая торговая буржуазия городов выступала единым фронтом с панами и шляхтой против городских низов и крепостного крестьянства. В то же

¹ Московский архив феодально-крепостной России. Спр. пол. за 1648—1649 гг., № 11, л. 206.

время эти последние, восставая против крепостников-феодалов, не щадили в этой борьбе и купечество. Как на один из ярких примеров сошлемся на выступление борисовского арендатора, некоего Донового. Вот что мы читаем об этом Доновом: „А в Борисове держал от Адама Казановского аренду из Риги немчин... и Адаму Казановскому был верен. И как Черкаская война учинилась и он оказал свою верность и хотя послужить поехал в Ригу, и в Риге и других местах нанял немец 600 человек и, устроив на 2 полки, один полк взял себе, а другой полк дал сыну своему и наперед учил иметь стацию в Борисове и в иных местах королевских и панских и пошел на Черкас и гультайство, которые воевали около Минска и Новогрудка и генваря де 13 пришел к Смолевичам и послал наперед себя дворы занимать. И в Смолевичах мещане дворов им не дали и в стацыи отказали...“ Доновой в результате разгромил рынок в Смолевичах, убил многих мещан и, ограбив население, ушел из местечка. Через некоторое время до Минска дошли сведения, что „Нейчина Донового гультайство побили без остатку, а сам Доновой с сыном убежал только с 25 человек.“¹

Борьба крестьянства и городской бедноты в Белоруссии не ограничилась только 1648—1649 гг. Несмотря на жестокую расправу с повстанцами панско-шляхетских войск и превосходство этих последних над отрядами крестьянства, борьба эксплуатируемых со своими эксплуататорами-крепостниками и купечеством продолжалась и дальше, в последующие годы. Весной 1650 г. повстанцы группируются около Кричева и Мстиславля под руководством Кривоноса, сына убитого руководителя казачко-крестьянского отряда под Слуцком. Против отрядов Кривоноса выступает войско панов-шляхты под руководством смоленского воеводы Глебовича. Ожесточенная борьба продолжается крестьянами и городской беднотой в районах Речицы, Гомеля, около Стародуба, Почепа. Происходят вооруженные столкновения в районе Дубровны. Из всего этого следует, что крепостное крестьянство и городская беднота, несмотря на все предательства Хмельницкого, его призыв подчиниться панам-шляхте, продолжали упорно вести борьбу против своих поработителей-крепостников. Восстание в следующем

¹ Московский архив феодально-крепостной России. Спр. пол. за 1648—1649 гг., № 11, лл. 207—208 (цитирую по рукописи — диссертации аспирантки Вороновой).

1651 г. перебрасывается из районов Кричева, Мстиславля далее на север Белоруссии, в район Могилева, Орши, достигая пределов Витебска, Смоленска, Рославля. Кричев в этом году опять попадает в руки повстанцев. Повстанцами также окружается Рославль и на некоторое время попадает им в руки. Борьба повстанцев в районе Кричева, Мстиславля и Рославля велась под руководством Кривоноса и Старковского. Эта борьба носила чрезвычайно упорный и ожесточенный характер. Указанные города по несколько раз переходили из рук в руки борющихся противников. Летом 1651 г. было донесено царю Алексею Михайловичу, что повстанцы появились и в районе Смоленска, Дорогобужа и Торопца и ведут вооруженную борьбу против панов, шляхты и купцов. Не прекращалась борьба отдельных небольших повстанческих отрядов в это время и в районе Минска, Могилева и Бобруйска. Повстанцы проявляли громадное упорство в борьбе с крепостниками. Помощь последним оказывают феодалы западноевропейских стран. Так, например, шведская королева в 1651 г. посылает свои войска в помощь вооруженным силам Речи Посполитой. Римский папа ассигновал соответствующие суммы в пользу католического духовенства Польши для организации карательных отрядов. В 1651 г. папа разрешает в письме к польскому королю взять золото и серебро из костелов, затратив его на вооружение отрядов шляхты и панов. Так консолидировались силы крепостников-феодалов для борьбы с восставшими крестьянами и городской беднотой.

Следует отметить, что восстания крестьянства на территории Белоруссии очень пугали феодалов Московского государства. Волны этих восстаний докатывались до территории Московского государства. Московское боярство уже в 1652—1653 гг. серьезно задумалось над тем, как бы вслед за крестьянством Украины и Белоруссии не поднялось крестьянство Московского государства. Им были приняты меры к тому, чтобы предупредить всякие волнения крестьян. Борьба же крестьянства в Белоруссии, особенно в районе Кричева, Бобруйска, Минска продолжалась и в 1653—1654 гг.

К ВОПРОСУ ОБ ИММУНИТЕТЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ
В XVII—XVIII ВВ.

Исследование производственных отношений и общественного строя восточного Закавказья и южного побережья Каспия в период персидского владычества и полунезависимых ханств, т. е. в XVI—XVIII вв. (точнее, для собственно Азербайджана — до 20 гг. XIX в., т. е. до ликвидации ханств и введения здесь русской администрации),¹ представляет не только специально кавказоведческий интерес. Слабая степень разработки данного периода в научной литературе, отсутствие в ней синтетических выводов о путях развития и формах переднеазиатского феодализма в этот период, высказывавшиеся время от времени сомнения в самом существовании этого феодализма, — все это крайне усложняет задачу исследователей, но, с другой стороны, и сближает пути исследования социального строя разных стран Передней Азии, направляя их к разработке и выяснению одних и тех же проблем.

Полной картины феодального строя восточного Закавказья и, в частности, Азербайджана при современном состоянии научной разработки его истории мы еще не имеем. Какие стадии проходила феодальная формация здесь, какими особенностями местный феодализм отличался от феодального строя других стран Передней Азии, какие формы феодальной ренты преобладали здесь в разные периоды и т. д., — на все эти вопросы мы сегодня не находим ответа в наличной исторической литературе. Можно лишь отметить, что в так наз. сефевидский период, — с начала XVI в., — в восточном Закавказье, т. е. в нынешнем советском Азербайджане (Ширван и Арран) и в нынешнем иранском Азербайджане, как и в нынешней советской Армении (несмотря на то, что в этой последней стране сохранились еще некоторые специфические черты ранне-

¹ Конечно, режим российской оккупации и российское колониальное господство в восточном Закавказье отнюдь не ликвидировали феодальных отношений здесь; однако история этого периода не входила в нашу задачу.

армянского феодализма), сложился особый тип феодальных отношений, весьма близкий к феодальному строю Персии¹ и существенно отличный от феодализма Дагестана, Грузии, османской Турции, Средней Азии. Конкретное изучение феодальных производственных отношений и институтов могло бы дать плодотворные результаты для выявления особенностей феодального развития в других странах Передней Азии.

Попытки более или менее решительного отрицания существования феодальных отношений в восточном Закавказье, как прежде (имеем в виду представителей школы русского великодержавного кавказоведения),² так и после Октябрьской революции (защитники господства азиатского способа производства в Персии и Ср. Азии и в Азербайджане даже еще в XIX в.³, несмотря на их марксистскую фразеологию, в сущности находились в плену концепции историков-великодержавников, материалом и выводами которых они по преимуществу пользовались, не обращаясь непосредственно к источникам), повидимому, теперь являются уже пройденным этапом в советской историографии восточного Закавказья. Как бы мы не представляли себе феодальное развитие восточного Закавказья в данную эпоху, развитой характер форм феодального землевладения здесь подтверждается борьбой крупных сеньоров с центральной властью (персидской) за удельную независимость и значительным распространением такого специфически феодального института, как иммунитет; его применение в фактически существовавших производственных отношениях выступало довольно ясно, хотя не всегда оно находило ясное отражение в феодальном праве. На существование иммунитета историками Азербайджана не было обращено достаточного внимания.

Время появления иммунитета в Азербайджане (как и в Персии) можно установить лишь приблизительно. Можно

¹ Конечно, если не принимать во внимание некоторых чисто местных особенностей, различных даже для отдельных ханств Азербайджана; эти особенности, однако, имеют второстепенное значение.

² См. напр., М. Н. Кучаев. Феодализм и закрепощение в вост. Закавказье, Русский вестник, 1893 г. № 3; С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1, Тифлис, 1908.

³ См. Об азиатском способе производства, стенографический отчет дискуссии по докладу Т. Берина, под ред. А. А. Болотникова и С. Е. Сефа, Тифлис, 1930; Н. Н. Пчелин. К вопросу о праве собственности в Азербайджане, Известия А. Г. У., вып. V—VI, Баку 1929.

с большой долей вероятности утверждать, что в период арабского владычества, по крайней мере до начала разложения халифата (VII—IX вв.), иммунитет в Арране (Албании, т. е. нынешнем советском Азербайджане), как общее правило, признанное центром, не существовал. Мы знаем, что местные „христианские“ феодальные сеньоры-батрики (بطارقة) — армяне и албанцы, в тот период, вероятно, численно преобладавшие, платили со своих имений в казну халифата подати — джизийю и харадж, а землевладельцы-мусульмане — десятину — ушр; для сбора податей являлся агент центральной власти (عامل).¹ Что касается той формы ленного землевладения, которая известна под именем икта' (или савāфи), то, как правильно замечает немецкий исследователь Бекер, в этот период права мукта' (держателя икта') ограничивались правом получения ренты с крестьян (акара, фаллахун), плативших подати и в казну;² мукта' не пользовался правами управления крестьянами и обычно не вел и собственного хозяйства на территории икта'.

Образование сельджукской державы, сопровождавшееся в значительной мере перераспределением крупного землевладения и появлением слоя новых феодалов из турецкой кочевой аристократии, повлекло за собой превращение икта' в военный бенефиций, предоставлявшийся пожизненно или наследственно. Но и после такого изменения характер икта', за владельцем последнего признавалось в теории, по крайней мере, — лишь право на взимание „законной подати“ (مال حق, т. е. прибавочного продукта с крестьян в пределах установленных норм), но не на власть над землей и крестьянами ра'йятами). Известный министр сельджукского султана Мелик-шаха — Низам-ал-мульк писал около 1087 г. н. э. в своем „Трактате об управлении“: „Земли и ра'йяты — все [это] принадлежит султану, а мукта' и валии подобны наместникам...“.³ Уже при жизни Низам-ал-мулька эта политическая теория далеко не всегда соответство-

¹ Балазури, Футух-ал-булдан („Завоевание стран“), изд. de Goeje, стр. 211. В извлечении, опублик. П. К. Жузе (Материалы по истории Азербайджана, вып. III, Баку 1927), текст стр. 15; перев. стр. 21.

² С. Н. Becker. Steuerpacht und Lehnwesen. Eine historische Studie über die Entstehung des islamischen Lehnwesens, S. 86—89. Der Islam, Bd. V, Heft I, 1914.

³ Сийясет-намэ, изд. Сейида 'Абд-ар-рахима Хальхали, Тегеран, 1310 г. хиджры солн. (1932 г. н. э.), стр. 22: ملك و رعيت همه سلطان راست

مقطعان و واليان جون شخه اند...

вала фактическим отношениям,¹ а в течение XII в. владельцы икта² добились значительного расширения своих прав над райятами.³ В дипломе (منشور) хорезмшаха Текеша (1172—1200 гг. н. э.), помещенном в персидском сборнике официальных документов „Китаб-ат-тавассуль-ия-т-тарассуль“ Мухаммеда Багдади, мелику Туганшаху предоставляется право в его поместьях — икта⁴ близ гор. Ниса (в Хорасане) „приказывать и запрещать, разрешать и связывать, смирять и возвышать (распоряжаться) убытком и прибылью, соединять и разделять благосостояния и источники имущества тех местностей...“,³ т. е. известные права над личностью и хозяйствами райятов, хотя и выраженные в несколько общей форме. Некоторые намеки на иммунитет мы видим в грамоте (مثال) того же Текеша (в том же сборнике Багдади) о пожаловании (между 1182 и 1184 гг. н. э.) царевичу Яган-Дагди селения Нухас: „Мы установили в тех местностях... управление и власть набов (т. е. управляющих) дивана его“⁴ (т. е. канцелярии управления частными доменами царевича).

Неизвестно, отразилась ли эта эволюция бенефиция — икта⁵ в тот период и на земельных отношениях в Азербайджане. Вряд ли, однако, приходится сомневаться, что иммунитет, как часто встречающееся и признанное центральной властью явление, укореняется лишь в эпоху монгольского владычества (1256—1344 гг.). Эпоха создания монгольской „кочевой империи“, как достаточно убедительно показал В. В. Бартольд,⁵

¹ Сийясет-намэ, перс. текст, стр. 94.

² См. об этом А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Ср. Азии и его торговля с Вост. Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменск. ССР., т. 1, стр. 27, 1933.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, тексты, стр. 74: وصل و امر و نهی و حل و عقد و خفض و رفع و ضر و نفع و ...
و فصل احوال فرع و اصل اموال آن مواضع ...

⁴ Ibid., стр. 75: و حکم و تصرف نواب دیوان او... در آن مواضع نافذ
و جایز کردا نیدیم...

Ср. на той же странице грамоты на имя казия Халафа-ал-Мекки и его сына Мухаммеда ибн-Халафа-ал-Мекки.

⁵ В. В. Бартольд. История Туркестана, стр. 25—40, Ташкент 1922; Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование, стр. 408—430, СПб. 1900; Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 68—75, Баку 1925; Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, стр. 10—12, Анийск. серия № 5, 1911.

была временем расцвета феодализма в Передней Азии. Образование монгольской кочевой державы, замечает А. Ю. Якубовский,¹ нужно было как основное условие для дальнейшего развития торгового капитала в специфических условиях восточного феодализма и для укрепления диктатуры крупных феодалов, тесно связанных с купцами-монополистами. Значение вновь вышедшей работы (посмертной) Б. Я. Владимирцова² — именно в том, что в ней выявлена необходимость для кочевого хозяйства, на известной стадии развития производительных сил, феодального способа производства, причем показана связь между специфическими чертами развития феодализма в коренной Монголии и в основанных монголами на территории так называемого „мусульманского Востока“ государствах („улусах“); в частности, Б. Я. Владимирцовым установлено наличие иммунитета в монгольских феодальных государственных образованиях, по крайней мере, во владениях царевичей и других крупных сеньоров; для земель этой группы феодалов иммунитет даже стал общим правилом.³

D'Ohsson, на основании сообщений персидского историка начала XIV в. Рашид-ад-дина, отмечает, что в Монголо-Персидском государстве при Газан-хане (1295—1304 гг.) держатели военных ленов — икта', обязанные военной службой монгольские и турецкие кочевые и полукочевые племена и их главы, получавшие в лен земли с оседлым земледельческим населением (разной величины и ценности, в зависимости от чина и знатности рода), получали право взимать в свою пользу с ра'йятов не только феодальную ренту, но и те подати, которые до этого вносились в диван (казну) — маль (денежную подать) и кубчур (сбор продуктами);⁴ финансовому ведомству запрещалось налагать на военные икта' какие-либо сборы, кроме 50 манов хлеба с каждого воина-держателя икта'. Ра'йятам, сидевшим на землях военных ленов, запрещалось право перехода на земли других землевладельцев, которым, в свою очередь, запрещалось

¹ А. Ю. Якубовский, цитир. раб., стр. 40.

² Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград, 1934.

³ *Ibid.*, стр. 116, 163, 177, 180.

⁴ О термине кубчур *قوبچور* и эволюции его значения см. В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, стр. 31—33.

удерживать беглецов на своих землях.¹ Здесь черты феодального иммунитета выступают довольно ясно; при этом для владельцев военных ленов иммунитет в отношении государственного фиска стал общим правилом.

Прикрепление крестьян к земле в государстве персидских монголов, признанное законодательством, подтверждается приведенным В. В. Бартольдом известием персидского историка и географа Хамдаллаха Мустауфи Казвини, писавшего около 1340 г.² Рента в феодальном поместье носила в этот период смешанный характер; на ряду с продуктовой рентой применялась часть и денежная и отработочная. Полоса крестьянских восстаний (сербедары в Хорасане с 30-х гг. XIV в. и др.), в которых приняли участие и разоренные мелкие землевладельцы, была ответом на установление диктатуры крупных феодалов-крепостников и организаторов международной караванной торговли.

Что система военных ленов — икта³ в монгольское время получила распространение именно в Азербайджане, доказывают ясные свидетельства того же Хамдаллаха Казвини, который в качестве сановника финансового ведомства имел доступ ко всем кадастровым книгам (дафтарам, *دفاتر*). Об области Ширван (северо-восточная часть нынешнего советского Азербайджана) Казвини говорит: „Подати в диван (казну) с него... 11 туманов и 3000 динаров,³ согласно дафтару, и есть там

¹ См. d' Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 420—429. Перс. текст ярлыка Газан-хана о военных икта³ см. у Рашид-ад-дина, *рукопись Института востоковедения Академии Наук Д—66*, лл. 423а—425б. — О прикреплении крестьян к земле и об общем усилении феодальной эксплуатации крестьян в монгольскую эпоху см. В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии, в сборнике „Из далекого и близкого прошлого“ в честь Н. И. Кареева, стр. 60 и сл.

² *Ibid.* Это место приведено В. В. Бартольдом по рукописи б. Аз. музея, 603, л. 27 а, в изданном же тексте географического труда Казвини „Нузхат ал-кулюб“ его нет.

³ По вычислениям В. В. Бартольда, серебряный динар при ильхане (монгольском государе Персии) Газан-хане, состоявший из 3 золотников серебра, стоил 75 коп. серебром; при ильхане Абу-Са' иде (1316—1335 гг. н. э.) динар состоял уже только из 2 зол. серебра и стоил 50 коп. сер. След., туман = 10 000 динаров = 7500 руб. сер. по курсу Газан-хана и 5000 р. сер. по курсу Абу-Са' ида (см. Персидская надпись на стене анийск. мечети Мануча, стр. 17—19).

много икта', рассеянных по вилайату (области)".¹ Об области Гуштасфи (юго-восточная часть нынешнего советского Азербайджана, в низовьях рр. Куры и Аракса) тот же Казвини говорит: „Подати в диван с него... теперь 118 500 динаров, и есть разбросанные [по вилайату] икта' военных людей, что проживают там“.² Это упоминание об икта' рядом с цифрами государственных податей заставляет думать, что подати, следуемые с крестьян, сидевших на землях этих икта', упомянуты здесь, как особая статья, сборы по которой не подлежали уплате в диван. Такое предположение подтверждается еще одним местом из Казвини, который выражается яснее, говоря об округе Пишкин (ныне Мишкин, в северо-восточной части нын. персидского Азербайджана): „Подати в диван с него — 5200 динаров, и тот вилайат определен для икта' войску (т. е. держатели икта'), они обладают почти 5 туманами³ определенного [дохода]“.⁴ Таким образом, здесь сумма дохода с поместий икта', почти в десять раз превышавшая государственные подати, приведена отдельно от последних, явно, как особая статья, несомненно, уступленная владельцам военных ленов на правах иммунитета, очевидно, на основании указа Газан-хана. При этом легко заметить, что в данном типе иммунитета, в отличие от западноевропейского, главное место занимало не освобождение сеньора от власти государственных чиновников, а передача ему прав на взимание податей, ранее взимавшихся в казну.

Установившиеся при монголах порядки держались и в период господства нового феодального государственного образования, так наз. державы Тимуридов, и при их преемниках в западной Персии и Азербайджане — династиях Кара-Койюну и Ак-Кой-

¹ Nuzhat-al—qulub, ed. by G. Le Strange, Gibb memorial series, vol. XXIII 1, p. 92: حقوق ديوانيش آن... يازده تومان وسه هزار دینار بر روی دفتر است و در وجه اقطاعات متفرق ولایت بسیار است...

² Ibid., p. 93. حقوق ديوانيش... اکنون صد و هجده هزار و پانصد دینار است و در وجه اقطاعات عساکر که آنرا ساکن اند متفرق باشد

³ Т. е. 50 000 динаров, равнявшихся 37 000 руб. серебра по курсу Газан-хана и 25 000 руб. по курсу Абу Са' ида.

⁴ Нузхат-ал-кулуб, цитир. изд., стр. 83. حقوق ديوانيش پنج هزار و دويست دینار است و ولایتش باقطاع لشکر مقرر است کمایش پنج تومان مقرری دارد...

юну. Образование так наз. Ново-Персидского государства (династия Сефевидов) в 1502 г., как известно, было результатом победы над старыми феодальными сеньорами кизилбашского движения, ярко окрашенного в те же цвета шиитско-суфийской идеологии, что и антифеодальные восстания половины XIV в. (сербедары в Хорасане и сейиды в прикаспийских областях).¹ Мы до сих пор не имеем исследований, которые позволили бы судить о классовой природе сефевидско-кизилбашского движения, начавшегося именно в Азербайджане с половины XV в.; в виде рабочей гипотезы можно, однако, предположить, что это было широкое движение, направленное против диктатуры крупных феодалов-крепостников, связанных с монополистическими купеческими кампаниями, и объединившее социально разнородные элементы, от зависимых крестьян (рай'ятов) до мелких феодалов включительно.² Однако, как и в восстаниях XIV в., от победы движения выиграли только присоединившиеся к нему феодальные элементы, занявшие место старых феодалов, крестьяне же ничего не выиграли. „Сефевидская“ Персия быстро превратилась в такое же централизованное государство позднефеодального типа, каким были прежние государственные образования послемонгольской эпохи, лишь состав феодально-землевладельческого класса значительно обновился. Мы пока не можем нарисовать полной картины социального строя так наз. сефевидской Персии, так как этот период — один из наименее изученных в истории Передней Азии. Можно лишь сказать, что в первый период своего господства Сефевиды стремились сокрушить уцелевшие местами (в частности в Азербайджане и в прикаспийских областях) ди-

¹ Как известно, сторонники суфийских шейхов из рода Сефевидов первоначально не называли себя шиитами (см. об этом у Хамдаллаха Казвини, в цитир. изд. Нузхат-ал-кулюб, стр. 82). Лишь позднее (не ранее половины XV в.) сефевидское движение, уже после того, как оно приняло массовый характер, приняло шиитскую окраску. В. В. Бартольд, не высказываясь относительно социального характера сефевидско-кизилбашского движения, подчеркивает, однако, что оно не было национальным (см. „Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира“, стр. 101).

² Шах Исма'ил I (1502—1524 гг.), вождь кизилбашей и „основатель“ Сефевидского государства, до сих пор почитается, почти обоготворяется в персидском Азербайджане крестьянами, принадлежащими к секте Али-Илахи (см. Вл. Гордлевский. Кара-Коюнлу, стр. 21—22, Известия об-ва обл. и изуч. Азербайджана, № 4).

насти старых удельных князей.¹ В этот период Сефевиды усиленно поддерживали теорию о государстве как единственном собственнике и распорядителе земли, сильно потускневшую при монголах; центральная власть стремилась (что ей, впрочем, не всегда удавалось) не допускать иммунитета и привилегий феодальной знати. Однако позднее, с начала XVII в., повидимому, когда процесс обновления состава феодальной знати закончился, и новая знать достаточно окрепла, сефевидскому государству пришлось поступиться значительной долей своих сюзеренных прав в пользу местных сеньоров. Это выразилось, между прочим, в том, что к военным бенефициям — тийюлям стали прилагать старый термин икта,² с которым со времен монголов было связано представление о ряде феодальных привилегий. Система феодального иммунитета вновь получила распространение и в Персии и в Азербайджане, особенно в период экономического упадка Персии и распада „Сефевидского“ государства. Образование в Азербайджане полунезависимых ханств в половине XVIII в. могло только укрепить эту систему. Чтобы ясно представить себе сущность азербайджанского иммунитета XVII—XVIII вв., необходимо отметить некоторые особенности феодального землевладения здесь. Как известно, в Персии и Азербайджане этого периода преобладали два вида землевладения — мулька и тийюль. Владелец мулька был почти неограниченным распорядителем поместья (хотя в теории и мульки считались собственностью государства, лишь предоставленной в наследственное держание частным лицам), всегда передававшегося по наследству, не связанного с какими-либо обязательствами со стороны мулькадара (владельца мулька) по отношению к государству; мульки могли свободно продаваться, закладываться или передаваться владельцами в другие руки.³ Более распространенной

¹ Об этой борьбе Сефевидов с местными династиями в прикаспийских областях рассказывает историограф шаха 'Аббаса I Искендер Мунши (см. его Тарих-и алем арай-и 'Аббаси, тегеранское литограф. изд. Ага-Мирза Махмуда, 1310 г. хиджры, перс. текст, стр. 312 и след.).

² Искендер Мунши употребляет термины тийюль (تیمول) и икта (اقطاع) как синонимы (см. Тарих-и алем арай-и Аббаси, цитир. изд., стр. 235, 532).

³ См. Азерб. центр. архивн. управл., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 2, лл. 280—290, 394—403, 434—446, 449—455, особенно лл. 493—505, 541—548; д. 3, л. 53; д. 4, лл. 133 об. 134, 147 об., 152 об. — 153, 243 и др. образцы купчих крепостей на мульки, заключенн. в XVIII в. — Центр. арх. упр. Грузии, ист. архив, фонд канц. устройства крестьян, д. 211,

формой землевладения был тийюль, под которым понимались разные виды феода (пожизненного, наследственного, предоставленного на время отправления той или иной должности, а чаще всего на неопределенный срок, продлить или сократить который зависело от воли шаха, иногда и местного хана), связанного с отбыванием службы (чаще всего военной) в пользу центральной власти в лице шаха, или местного владетельного хана, причем тийюльдару предоставлялись неодинаковые в разных случаях права. Бекер справедливо замечает, что позднейший феодал в странах „мусульманского Востока“ (следовательно, и в Азербайджане) во многом напоминает прежний икта¹, — в том виде, какой последний получил при сельджуках и особенно при монголах, т. е. в форме преимущественно военного лена.

Характерная особенность феодального строя Азербайджана и Персии, отличавшая его от западноевропейского феодализма, заключалась в том, что землевладелец (в особенности тийюльдар) в большинстве случаев не вел собственного хозяйства на территории поместья, довольствуясь взиманием с закрепощенных ра'йятов продуктовой (отчасти и денежной) ренты; там, где феодал заводил собственное хозяйство, он удовлетворялся барщиной по 3—5 дней в году, или пользовался трудом особой категории крепостных крестьян (ранджбары, акеры). Во второй половине XVIII в. лишь некоторые ханы и немногие значительнейшие феодалы заводили собственное, относительно крупное хозяйство (чаще всего это были шелковичные плантации), обрабатывавшиеся руками ранджбаров, кадры которых вербовались из среды обезземеленных теми же феодалами ра'йятов.

Такое явление отчасти (отнюдь не всецело) объяснялось самым характером тийюля, как временного владения. Затем, в ряду прочих причин, недостаточно еще изученных, сыграли роль особенности так наз. кочевого феодализма. Со времен сельджуков и особенно монголов, главы пришедших с завоевателями кочевых и полукочевых племен (ایلات) в Персии и Азербайджане получали от центральной власти земли с оседлым земледельческим населением (земли целых сельских общин), чаще всего в виде военного лена. Во многих случаях они при

лл. 173—192. — См. также *Թամհ. Առև ասլ հեղինակ Բաշրահ աճյուն* XVII, 1-րդ XVIII դարերում. Կարբ, № 2 (Тад. Авдабекян. Бахра и мюльк в XVII и XVIII ст., на армянск. яз., в журнале „Норк“, книга II, январь—март 1923 г., Эривань).

¹ С. Н. Becker, *ibid.*, S. 90.

этом продолжали вести кочевую жизнь, переходя с подчиненными им племенами и родами с кишлагов (зимние кочевья) на яйлаги (летние пастбища в высокогорных районах), не живя в пожалованных им поместьях, не вмешиваясь непосредственно в производственный процесс и довольствуясь получением оброков с крестьян. Ежегодным переделом земли, севооборотом и т. д. ведала сельская община, феодал же обычно не вмешивался. Связь такого порядка с условиями кочевого феодального хозяйства в коренной Монголии выяснена Б. Я. Владимирцовым.¹ В Азербайджане XVII—XVIII вв. такой порядок был также далеко не редким явлением, и в протоколах Бакинской и Эриванской бекских комиссий, созданных царским правительством в 50—60-х гг. XIX в., такие факты упоминаются постоянно.²

Естественно, что при преобладании такого порядка феодал, добываясь от шаха или владетельного хана прав иммунитета, был заинтересован не столько в освобождении иммунитетной территории от юрисдикции государственных чиновников (которая его непосредственно не затрагивала, если он не жил в поместье), как это имело место в западноевропейском иммунитете, сколько в увеличении дохода с поместья путем получения права на взимание в свою пользу и государственных налогов. При этом имело место типичное для стран Переднего Востока смешение ренты с налогом, которое отмечено К. Марксом. Этот момент весьма ярко выступает в азербайджанском фео-

¹ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 114—115. — См. также И. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева, стр. 461, Труды вост. отд. Росс. археолог. о-ва, VIII; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 89, 1927.

² Азерб. центр. архивн. управл. (Аз. Ц. А. У.), истор. арх., см. фонды Бакинской бекской комиссии, дела 2—4, Эриванской бекской комиссии, дела 2—3, см. напр. типичные показания Насыр-бека Кенгерлинского Эриванской бекской комиссии: „Род мой происходил из рода беков Нахичеванских... и во владении их (отцов и дедов) были населенные земли (т. е. с оседлым населением)... и также были в их управлении (дедов) кочевники — два аймака (племени) Кенгерлу, — Ак-Бекау и Чагатайлу“ (перевод наш) — *از... و نسل ما... از نسلی بیگان نخجوان... و قریه های و اهالی در تصرف ایشان بوده... وهم اجداد من ایل که دو او یماق کنکرلو آق بیکلو و چغتایلو در حکم ایشان... بوده* Фонд Эриванск. бекской комиссии, д. 2, лл. 7—8 (русск. пер.), 9—10 (персидский текст). См. также описание Карабагской провинции, составленное полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским, 1823, в разделе — Поместья Угурлу-бека.

дальном иммунитете, тогда как типичное для западноевропейского иммунитета (напр., для франкского VII—X вв.) запрещение агентам центральной власти вступать на иммунитетную территорию¹ здесь обычно отсутствует, а если и применяется в шахских и ханских фирманах (указах), то опять-таки в связи с фискальным моментом; об этом нам придется сказать ниже.

В Азербайджане в указанный период мы встречаемся с разными видами феодального иммунитета. Прежде всего, существовал иммунитет для некоторых социальных групп, которые освобождались от податей, оброков и повинностей в пользу казны или феодальных сеньоров. Лицо с таким положением в обществе обозначалось чаще всего арабским термином „ма'аф“ (معاف, свободный), или соответствующим персидским термином „азад“ (آزاد). Эти термины прилагались в более широком смысле ко всем лицам, освобожденным от всех или некоторых специальных феодальных повинностей; в этом значении термин „ма'аф“ был известен в Иране уже в XI в.² В более узком смысле ма'афами в Азербайджане в поздний период (в XVII—XVIII вв.) называли особую группу крестьян, освобожденных от феодальных повинностей землевладельцам и от податей в казну под условием отбывания военной службы в ополчениях, собиравшихся ханами и другими владельческими феодалами по фирману шаха,³ или по собственному почину. Звание ма'афов было наследственным. Иногда оно давалось шахом или ханами целым сельским общинам (джама'атам), оседлым или кочевым, проявившим те или иные военные заслуги или защищавшим важные в стратегическом отношении пограничные пункты.⁴ Ма'афы встречались во всех ханствах

¹ Sine introitu iudicum — обычное выражение иммунитетных дипломов франкских королей меровингского и каролингского периода. См., напр., сборники *Diplomata regum Francorum* в изд. Pardessus или Pertz'a.

² В отрывке из утраченной части труда знаменитого персидского историка XI в. Абу-л-Фазля Бейхаки, приведенном компилятором XV в. Хафиз-и Абру. См. В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. 1, тексты, стр. 157.

³ См. истор. арх., фонд Эриванск. бекской комиссии, д. 3, л. 438 — фирман Мухаммед-хана, сардара Эриванского, 1214 г. х. (1800 г. н. э.) о сборе из всех поместий людей на службу шахиншаха; оригинал, персидский текст.

⁴ В подготовленном к печати проф. А. С. Губайдуллиным и Абд. Субханвердихановым сборнике фирманов кубинских и дербендских ханов 1705—

Азербайджана, и число их было довольно значительным.¹ Существование ма'афов как особой категории свободных крестьян повидимому было необходимо ханам и другим владельческим феодалам, дабы располагать более или менее постоянными и надежными кадрами войска. Помимо собственно свободных крестьян, право ма'афства в деревне присваивалось тем группам, верность или поддержка которых была необходима феодалам для укрепления своей диктатуры и обеспечения исправного поступления прибавочного продукта от зависимых крестьян; таковы были кедхуды — сельские старшины, нередко наследственные, сельские муллы, сейиды, считавшиеся потомками Мухам-еда и Али и т. д. В отдельных случаях ма'афы сами владели по ханским фирманам немногими (обычно не более 3—4) семьями („дымами“ русских официальных актов XIX в., перс. *خاندان*) зависимых крестьян — ранджбаров или нукеров, работавших на их пашнях или в их домашних хозяйствах.² На войну ма'афы обязаны были являться конными и вооруженными.³ В общем, положение ма'афов представляется достаточно выясненным⁴ и не требует слишком подробного рассмотрения.

Весьма важно подчеркнуть, что личной свободой от податей (*آزادی*) в диван (казну) шаха или владетельного хана пользовались все лица, принадлежавшие к феодальной знати и располагавшие шахскими или ханскими фирманами о причислении их к „благородным“ (*نجیبا*), — аги (*آق‌الر*), беки, мелики, султаны, члены ханских фамилий, так же как и все духовенство (*علماء*).

1809 г. н. э. (из рукописей истор. архива Азерб. центр. архивн. упр., на персидском языке) приведены под №№ 1—3 фирманы кубинских ханов Хусейна 1117 г. х. (1705 г. н. э.), Султан-Ахмеда 1122 г. х. (1710 г. н. э.) и Хусейна Али 1139 г. х. (1727 г. н. э.) об утверждении прав коллективного ма'афства за сельской общиной (джама'атом) Худад. О существовании подобных же прав ма'афства, предоставлявшихся целым общинам в монгольский период, упоминает Хамдаллах Казвини, говоря о сел. Сарджихан, жители которого были „освобождены“ (= были ма'афами) от податей в пользу дивана (*سرجهان ... از حقوق بیوانی معافست*) Нузхат-ал-кулюб, цит. изд., стр. 65.

¹ См. Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Тальшск. врем. правления, дд. 1—5; фонд Каспийск. палаты гос. имущ., дд. 88, 208 и др.

² Аз. Ц. А. У., истор. арх. фонд Бакинск. бекской комиссии д. 4, лл. 624—625, 628—636 об.—662 и др.; в том же фонде д. 2 лл. 251—258; 689; фонд Касп. пал. гос. имущ. д. 321.

³ См. Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии д. 4, л. 61 об. — о ма'афах султанства Куткашинского.

⁴ О ма'афах см. А. С. Губайдуллин. Феодальные классы в Азербайджане.

Именно этот вид иммунитета давал право на принадлежность к сословию феодалов; впоследствии, в 50—60 гг. XIX в. созданные царским правительством так наз. „бекские“ комиссии утверждали в „бекском звании“ только тех лиц, которые могли представить, если не шахский и ханский фирман (таких фирманов к тому времени оставалось сравнительно немного), то подписанное по крайней мере 15—20 местными беками свидетельство о том, что „отцы и деды такого-то всегда были беками и сыновьями беков, никогда податей в диван не платили и в податном звании не состояли“.¹

По отношению к ма'афам, бекам и вообще лицам, свободным от податей в казну и феодальных повинностей, прилагался также термин „тархан“ (ترخان, от монгольского darxan, множ. ч. darxad). Этим термином еще в Монголии обозначались лица, освобожденные от повинностей.² Уже в XIII в., по словам персидского историка Джувейни, термины „тархан“ и „ма'аф“ были синонимами: „Тарханом был тот, кто был свободен (= был ма'афом) от всех повинностей“.³ Как синонимы, эти термины постоянно употреблялись в Азербайджане в XVII—XVIII вв.

Видом такого личного иммунитета в Персии и Азербайджане было пребывание под патронатом шаха, владетельного хана или одного из членов царских домов. Группы таких лиц и их земли обозначались арабским термином „хас“ (خاص — „собственный“, „личный“, во мн. числе — خواص этот термин часто обозначал „знать“). Происхождение этого института восходит, повидимому, к монгольской эпохе. Термином „хас-инджу“ (араб. „хас“ в сочетании с турецко-монгольским inji, injü,⁴ в персидской среде (اینجوی خاص, انجو) в Монголо-Персидском государстве обозначались собственные имения хана или членов ханской фамилии

¹ Такие свидетельства (شهادات), почти всегда на персидском языке, стандартного типа, попадают почти в каждом протоколе Эриванской бекской комиссии; см. Аз. Ц. А. У., фонд Эриванск. бекской комиссии, д. 2.

² Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 164.

³ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты, стр. 104: ... ترخان آن بود که از همه مؤنات معاف بود. — Впрочем, в данном тексте Джувейни термин „тарханы“ получает и специальное значение крупных феодальных сеньоров, пользовавшихся особыми привилегиями (освобождение от обязанности являться в суд, право на долю в военной добыче и т. д.).

⁴ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 100, 163.

и сидевшие на этих землях люди;¹ хас-инджу назывались также вассалы и дружинники, лично зависевшие от хана, его жен или царевичей, и их земли.² Принадлежность к этой группе лиц нередко была следствием „добровольной“ (разумеется, только формально, юридически) коммемдацией их хану, который, включая их в разряд хас-инджу, принимал их персонально под свой патронат (حمایت, букв. „покровительство“).³ Лица и земли этой категории пользовались известным иммунитетом, выражавшимся в некоторых льготах от податей и в защите от произвола местных агентов власти, хотя мы не знаем точно, в чем заключались эти права.⁴ Распространение поместий „хас-инджу“ на территории Азербайджана отмечено у Хамдаллаха Казвини.⁵

¹ Характер института хас-инджу подробно выяснен В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, стр. 27—30.

Катрмер (Histoire des Mongols de la Perse, écrit en persan par Raschid-eldin, publiée et traduite par M. Quatremère, Paris, 1836) определяет слово „инджу“, как „частный домен государя“ (le domaine particulier du prince..., celui qui appartient au roi d'une manière spéciale*... Ibid., т. I, стр. 130—131, прим. 12). Владения „инджу“ не смешивались с землями государственными и имели особое управление: ... آنچه دیوانی و اینجو باشد — „[Все] то, что относится к дивану (т. е. составляет собственность государства) и к инджу...“ (Рашид-ад-дин, по Катрмеру, *ibid.*). — ... متصرف اینجو های عراق بود — „Он управлял [имениями] инджу в Ираке...“ (Рашид-ад-дин, *ibid.*). Поместья инджу могли отдаваться ханами в пользование вассалам: قرية زبرآباد که اینجو بود بوی قریشید... — „Селение Зирабад, которое было инджу [Газан-хан], подарил ему...“ (Рашид-ад-дин у Катрмера, *ibid.*).

² Рашид-ад-дин говорит: „Все войско... относится к хас-инджу Хулагу-хана“ — ... مجموع لشکری تمامت با اینجوی خاص هولاکو خان... باشد — Рашид-ад-дин, II, перс. текст, стр. 230, изд. Березина, Т. В. О. Р. А. О, XV.

³ Рашид-ад-дин, рук. Азиат. муз., а, 566, л. 410 а, цитир. по В. В. Бартольду, *ibid.*, стр. 27, прим. 2: „Или кто-нибудь из супруг [хана] или царевичей и эмиров оказал бы покровительство какой-либо местности (для принятия в разряд хас-инджу...“ — یا از خواتین و شهزادگان و امراء کسی حمایت مواضعی کرده باشد. В другом месте Рашид-ад-дин говорит: „Люди [из разных] областей отдавали своих сыновей в инджу супругам [хана] и царевичам...“ — مردم... ولایات پسران خود را با اینجوی بخواتین و شهزادگان می دادند... (у Катрмера, *ibid.*). Лицо, коммендировавшее себя таким образом хану, его жене или царевичу, заявляло при этом: „Я — твой инджу“ — من اینجوی توام — (*ibid.*).

О коммемдации и патронате, связанном с положением „человека—ханского инджу“ см. также у d'Ohsson, Histoire des Mongols, t. IV, p. 390—398.

⁴ В. В. Бартольд, *ibid.*, стр. 29.

⁵ Нузхат-ал-кулуб, цитир. изд., стр. 84: „И тот вилайат (Нюу-Диз, в нын. персидском Азербайджане) в дафтерах записывают как булюк — и инджу“ (собств. поместье хана) — ... و آن ولایت را در دفاتر بلوک اینجو نویسندهند...“

Этот институт в несколько измененном значении территорий (в том числе городов) и лиц, находившихся под личным патронатом шаха или местного хана, пережил монгольское владычество; термин „хас“ сохранился в Азербайджане, как и в Персии, вплоть до русского завоевания (выражения „инджу“ в XVII—XVIII вв. мне не приходилось встречать). Именем „хас“ обозначались разные категории лиц, находившихся на шахской или ханской службе, прежде всего гулямы (غلام خاص — „собственные гулямы“) — гвардейцы из собственных рабов шаха или хана, иногда купленных, получавших обычно свободу и освобождение от повинностей, кроме военной службы, по особой формуле;¹ они, оставаясь в звании „собственных гулямов его величества“,² занимали высокие посты в администрации и войске;³ в таком же положении находились ханские нукеры — дружинники и др. лица, находившиеся потомственно на ханской службе и освобожденные от налогов. Все они зависели непосредственно от шаха или хана, если только последний не подчинял их кому-либо другому.

Для нас, однако, больший интерес представляют те случаи, когда звание „хас“ давалось городам или крупным торговым селениям;⁴ в таких случаях положение „хас“ было для этих

Там же, стр. 80: وقف خاص غازانى (о местности Ахджум, в нын. персидском Азербайджане).

¹ См. сборник официальных документов эпохи Надир-шаха (1736—1747 гг.), Мирзы-Махди-хана (انشاء ميرزای محدی خان), тегеранск. литогр. изд. 1294 г. х. (1876 г.), стр. 82, رقمی که در خصوص آزاد کردن غلام عالی نوشته شده... (указ, писанный по поводу дарования свободы гуляму его величества).

² Искендер Мунши, цитир. изд., стр. 253.

³ Искендер Мунши, стр. 258:... هزار بیگ غلام خاص که داروغه بود — „Хазар-бек, гулям — и хас, что был даругой (наместником)...“; там же, стр. 288: „Юли-бек, гулями хас священной особы (шаха), что был правителем Исфакана...“

См. также, напр., в фирмане Ибрахим-шаха, племянника Надир-шаха, 1162 г. х. (1748 г. н. э.) о назначении Насиб-Али-бека Афшара беглербегом эриванским: جمعى از غلامان اخلاص کیش و ملازمان صدق اندیش که در طریق صداقت و عقیدت ثابت قدم و راسخ دم باشند هر یک را بدرجۀ ... رسانده... خاص — Некоторые из гулямов преданного поведения и мулязимов прямого помышления, укрепившихся на пути прямоты и правды, — каждый из них был пожалован достоинством хас... — Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Эрив. бек. ком-ин, д. 2, л. 235, оригинал, персидск. текст.

⁴ См. Аз. Ц. А. Упр., истор. арх., фонд военно-окружн. нач-ка, д. 14, лл. 17—19, из „регистра“ имений Шах-Назара, мелика варандинского, бывших

пунктов милостью шаха или хана, важной прежде всего для купечества и отдельных амкаров (цеховые ремесленники). Такие привилегии городам давались и в монгольскую эпоху, в которую институт „хас“, повидимому, оформился: город Ани, как известно, считался хас-инджу монгольского хана Персии Абу-Са'ида (1316—1335 гг.); как мы знаем, такое положение, однако, не предохранило города от поборов алчных чиновников, доведших его до разорения; лишь в виде особой милости город был, по ханскому фирману, вырезанному на стене мечети Мануче, освобожден от некоторых податей.¹

В Азербайджане, после того, как персы вторично отвоевали его у османских турок (в 1603—1607 гг.), звание „хас“ было предоставлено шахом 'Аббасом I нескольким торговым городам. Не приходится сомневаться в том, что этим пожалованием шах имел в виду вознаградить верхушку торговой буржуазии, оказавшую персидской армии помощь при отвоевании страны. Как известно, персидско-турецкие войны XVI—начала XVII в. за обладание Закавказьем были в значительной мере борьбой за пути караванной торговли с Западом, пролежавшие через Закавказье. Хотя история этой борьбы и недостаточно изучена, мы имеем определенные сведения о том, что крупные купцы Азербайджана, участники торговых компаний, монополизировавших торговлю гилянским шелком и др. товарами, шедшими из Персии в Европу, стояли на стороне персов. В Баку горожане — турки при приближении персидских войск перебили турецкий гарнизон;² армянские купцы гор. Джульфы (которые еще до турецкого завоевания получили от шаха монополию на вывоз шелка из Персии в Европу) также перерезали турецких солдат и передали город шаху Аббасу I. Права городов „хас“ были даны армянским торговым местечкам Апракунисского района и гор. Джульфы;³ в чем заключались данные им привилегии, мы в точности не знаем, знаем лишь, что Джульфа была свободна

в его потомственном владении:... [сел.] Тагаверд с [шелковичными] садами и мельницами, жители „хас“; то же о селениях. Зарданашен и Кизгала, там же.

¹ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, перс. текст, стр. 5, русский перевод стр. 6—7.

² Искендер Мунши, цитиров. изд., стр. 515.

³ Об этом подробно трактует подготовленная к печати работа С. В. Тер-Аветисяна. Очерк торгового гор. Джульфы, ч. 1; ссылаемся на нее с разрешения автора.

от власти наместников и местных феодалов, — она управлялась выборным градоначальником из крупных купцов.¹

Однако, до нас дошел фирман того же шаха 'Аббаса I 1016 г. хиджры (1607 г. н. э.) дававший звание „хас“ городу Ордубаду (в нын. Нахичеванской автономной ССР), вырезанный над порталом Ордубадской соборной мечети и опубликованный Н. Ханьковым.² Этот указ, написанный на имя „великих и малых, и бедного и слабого люда доброй касабы (местечка) Ордубад“,³ в действительности имел в виду именно „великих“, т. е. купцов, которым и был дан, вероятно, в благодарность за верность Персии. Изобразив бедствия жителей Ордубада в период турецкого господства, автор фирмана говорит: „С того времени, как упомянутый вилайат (область) поступил во владение победоносной державы шаха, прощены мальджахат⁴ и [другие] подати с указанной касабы, налог с ремесла и торговли, с пастбищ, и на благотворительные учреждения...⁵ и тлаки,⁶ и постои (войск и чиновников), и эврезы...⁷ [касаба от них] свободна, и из писцовых книг Азербайджана да будет исключена, как и из статьи итлаков в пользу дивана“...⁸

¹ С. В. Тер-Аветисян. Очерк торгового гор. Джульфы, ч. 1. Разрушение Джульфы тем же 'Аббасом I в 1605 г., вызванное частью стратегическими мотивами, частью планом передвижения путей шелковой торговли с Европой к югу (через Персидский залив), не отразилось на благосостоянии джульфинского купечества, которое и на новом месте поселения (в Новой Джульфе, близ Испахана) получило те же привилегии, какими пользовались в старой Джульфе; в пути при переселении в Испахан пострадала исключительно „чернь“, т. е. городская беднота, купцы же получили при переселении особую охрану.

² M. de Khanykoff, *Mémoires sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, texte pers., p.p. 94—95, Paris, 1863.

³ Ibid.: اکابر و اصاغر و عامه فقراء و ضعفاى قصبه طبیه اردوباد...

⁴ Налог в размере $\frac{1}{10}$ дохода, шедший нередко в пользу местного феодала.

⁵ Лакуна в тексте.

⁶ В данном значении один из налогов в пользу дивана (казны) центрального правительства, характер его точнее по текстам не определяется.

⁷ Различные косвенные и дополнительные сборы и повинности работой, сверх обычных.

⁸ Ibid., ...از تاريخى كه ولايت مذكوره بتصرف دولت قاهره شاه در آمده مالوجهات و وجوهات قصبه مزبوره را عفو مال محرقه * اصناف و صفاغان و مرعى و خيرت... واطلاقات و نزول و عوارض... معاف شد واز سجلات ادربايجان مستثنى كرديد و از مورد اطلاعات ديواى...

* Чтение Ханькова в данном случае не дает полного смысла. Можно скорее предполагать чтение محترقه

Этот едва ли не единственный в своем роде фирман достаточно выявляет положение городов „хас“ по отношению к центральной власти и местным владетельным феодалам: приведенный выше фирман несомненно предоставил городу Ордубаду иммунитет, избавив его „навсегда“ (подобное выражение, однако, не избавляло горожан от необходимости просить о возобновлении привилегии у преемников шаха 'Аббаса I) от всех видов налогового обложения.¹

Если отмена сборов с ремесла и торговли, обычно известных под именем „бадж“ была выражением шахской милости, прежде всего для городской торговой буржуазии, то отмена налога за пользование пастбищами могла заинтересовать владельцев крупных стад скота, которыми были местные землевладельцы и купцы. Повинность „нузуль“ (в ед. ч. نزل), заключающаяся в обязанности жителей предоставлять квартиры и разные виды продовольствия для войск, шахских гонцов (ایلیچیان) и различных чиновников особых поручений, на практике превращалась в настоящее ограбление населения, иногда сопровождавшееся пытками и убийствами;² освобождение от этой повинности означало для жителей одновременно и запрещение войскам и чиновникам останавливаться при проезде через иммунитетную территорию. Исключение из писцовых книг в действительности вело и к освобождению от вмешательства в городские дела персидских наместников Азербайджана и других агентов центральной власти.

Пред нами, таким образом, вид иммунитета с преобладанием моментов фискального характера.

¹ Искендер Мунши (цит. изд., стр. 556) говорит о преданности жителей Ордубада шаху 'Аббасу I, о „всеобщей резне“ (قتل عام), которой они подверглись в дни господства „румейцев“, т. е. османских турок. Сообщение это тенденциозно; по всей вероятности, ордубадских купцов привязывали к Персии те же интересы, которые поддерживали тяготение к ней купцов всего Нахичеванского края, лежавшего на торговом пути. Иск. Мунши, упоминая о „милости шаха“, освободившего ордубадцев „от всех податей“ (از جمله تكالیف), несомненно, имел в виду приведенный здесь фирман.

² О тяжести постоя для жителей и о насилиях над ними см. Клавихо. Жизнь и деяния великого Тимура. Дневник путешествия, текст стр. 112, 117, 125, 127, 130 и др.; перевод стр. 172, 184—185, 199, 204, 211 и др., под ред. И. И. Срезневского, Сборн. Отд. русск. яз. и словесности Ак. Наук, т. XXVIII, СПб, 1881. См. также И. Березин. Путешествие по Сев. Персии, стр. 238, Казань, 1852; см. там же о терминах „сурсат“ и „шусун“.

Иммунитет для крупных поместий (мульков и особенно тийюлей, также вакуфов — владений мусульманских религиозных учреждений) получил в этот период большое распространение, хотя официальный язык и не создал особого технического выражения для обозначения этого института; употреблявшийся иногда в актах термин آزادی (перс., буквально „свобода“) не имел такого строго определенного значения.

Нужно иметь в виду, что даже крупные феодальные сеньоры Азербайджана в период персидского владычества не обладали иммунитетом в силу обычая, как привилегией, присвоенной им по их положению в феодальной иерархии. Шахские фирманы, утверждая, наприм., султана или мелика в его звании и владении наследственной сеньорией, подчеркивали его обязанности по отношению к местным агентам центральной власти.¹ Предоставление иммунитета центральная власть всегда рассматривала, как исключение и милость (شفقت, مرحمت, عنایت) шаха по отношению к данному сеньору. Однако, как ни желала центральная власть видеть в иммунитетных льготах только исключение из общего правила, логика феодального развития в период разложения персидского государства приводила к тому, что иммунитет, не только для крупных феодальных сеньорий, но и для землевладельцев средней руки, становился обычным явлением. Несомненный экономический упадок Персии во второй половине XVII в. и в первой половине XVIII в., сокращение транзитной торговли и обмена внутри Ново-Персидского государства и распад хозяйственных связей между отдельными частями его стимулировали стремление феодалов к независимости от центральной власти, в первую очередь в фискальном отношении. Хань полунезависимых ханств Азербайджана второй половины XVIII в. хотели видеть себя настолько же сильными абсолютными монархами, какими были шахи в период расцвета персидского позднефеодального государства. На деле, однако, они оставались только наиболее крупными землевладельцами и были вынуждены покупать верность своих вассалов и аррьер-вассалов ценою предоставления им иммунитета, хотя в теории последний и теперь рассматривался как исключитель-

¹ См. фирман Надир-шаха 1159 г. х. (1746 г. н. э.) на имя Мелик-Джафара Шекинского Şəki xanları və onun nəsiləgi хаджи Сейида 'Абд-ал-хамида, прилож. № 3, под ред. Абд. Субханвердиханова, Баку 1930.

ная милость хана своему вассалу, „рабу его величества“ (بنده والا). Ходячее представление о ханах, как о восточных деспотах, управлявших по произволу, верно лишь постольку, поскольку ханы не касались сословных привилегий знати; последняя часто терпеливо сносила акты ханского произвола, направленные персонально против отдельных феодалов, но обычно дружно поднимались в случаях ханских покушений на их „права“ и „обычай“ (رسوم). История междоусобных войн в Азербайджане в XVIII в. довольно ярко выявляет, насколько феодалы ценили политические формы восточной деспотии именно потому, что они укрепляли их интересы и сословные привилегии. Правда, и в этот период иммунитет не превратился в общий порядок для всех феодальных поместий; однако, судя по обилию данных документов, главным образом архивных, он, формально сохраняя характер исключительной привилегии, получил очень широкое распространение; права иммунитета получали не только крупные, но и многие средние и мелкие землевладельцы.

Как было сказано, в поземельном иммунитете наиболее ярко выступает фискальный момент, хотя им одним и не исчерпывается содержание иммунитетных грамот.

Типичен в этом отношении фирман Фетх-Али-шаха персидского, относящийся, правда, уже к началу XIX в. (1225 г. х. = 1810 г. н. э.), но являющийся лишь подтверждением грамот других „царей исламских“ (персидских шахов), на имя Ага Карапета Шах-Азиза из рода армянских князей Камсараканов в Нахичеванском ханстве. „Все достояние его, — говорится в фирмане, — слуги и землепашцы, сколько бы дымов их ни было, по первоначальному установлению пусть остаются в бесподатном и свободном состоянии, ... да и никто с достояния его — садов, посевов, слуг, землепашцев, — не дерзнул бы взимать никаких государственных налогов“.¹

¹ Аз. Ц. А. У. истор. арх., фонд Эриванской бекской комиссии, д. 3. л. 196. Большинство сохранившихся в историческом архиве Аз. Ц. А. У. ханских фирманов принадлежит последним ханам (конца XVIII — начала XIX в.). Объясняется это тем, что все пожалования ханов, хотя бы и данные „навсегда“ (ابدی), должны были непременно подтверждаться их преемниками. Мулькадар или тийюльдар, получив фирман нового хана, редко считал нужным хранить все прежние фирманы, еще реже представлял их для регистрации в русские учреждения.

Разумеется, здесь, как и во всех других ханствах Азербайджана, иммунитет был „милостью“ только для землевладельцев, а не для ра'йятов и др. категорий крестьян, так как государственные налоги (حقوق دیوانی) не отменялись, а переходили к владельцу (в данном случае мульткадару), который взимал их наравне с продуктовой рентой (бахра — بهاره) в свою пользу.

Не мало сохранилось та'лик (предписаний) Махди-Кули-хана карабагского (1806—1822 гг. н. э.), обычно лишь подтверждавших фирманы прежних ханов,¹ предоставлявших бекам-землевладельцам право взимать с ра'йятов в свою пользу, на ряду с оброками, также и все государственные подати, кроме „червонцев“,² т. е. дани, вносившейся России.

В Шекинском (Нухинском) ханстве, согласно „Описанию Шекинской провинции“, составленному ген. Ахвердовым и ст. сов. Могилевским в 1819 г., т. е. вслед за присоединением ханства к России, в Агдамском махале (округе) ра'йяты 27 селений вносили оброки бекам и подати в диван (казну), а 12 селений платили все подати только своим бекам (кроме „червонцев“, т. е. дани России); в Арешском махале того же ханства 21 селение платило подати хану и оброки бекам, а 6 селений — только бекам и т. д.³ Несомненно, в последних случаях беки владели иммунитетными грамотами.

Насколько при этом увеличивались и доходы бека-владельца селения, показывает, напр., следующая ведомость повинностей сел. Кюкель, Падармского махала Шекинского ханства.⁴ Владелец Аслан-бек получал с ра'йятов ежегодно: а) мальджахат (десятину с валового урожая хлеба и шелка) — 3 даругских тагара (27 пуд. 30 фун.) пшеницы и 34¹/₂ стия (около 18 фун.) шелка; б) даругалык — (оброк, следовавший собственно даруге — управляющему селением, если он был в селении) с 12 шелковичных садов по 1¹/₂ стия шелка с каждого и с 12 рисовых полей (чал-

¹ См., напр., Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинской бекской комиссии, д. 2., лл. 245—246, 386—387, фонд военно-окр. нач.-ка, д. 47, л. 221. Ср. фонд Бакинск. бекск. комиссии, д. 2, л. 253, та'лика Махди-Кули-хана на имя Аллаха-Кули-бека, которому уступались „все подати, какие только поступали в пользу дивана“ с сел. Бадара. Напротив, многие другие фирманы Махди-Кули-хана не содержат никаких признаков иммунитета.

² فوط.

³ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд верх. груз. правительства, д. 65; см. разделы — Агдам, Ареш и др.

⁴ Ibid., см. раздел — Падармский махал, по вед. № 9.

тыка) по 5 каис (4 п. 25 ф.) с каждого, пшеницы с 5 сох по 2 каисы (1 п. 34 ф.); в) байрамлык („праздничное подношение“) — 5 руб. серебром; масла — 1 батман (24 ф.). Барщина заключалась в том, что ра'йяты должны были засеять в пользу Асланбека 3 даругских тагара чалтыка (риса — 41 п. 25 ф.) и снять урожай, наряжая на работу 8 быков. Кроме этих повинностей, Асланбек по ханским та'ликам получил право взимать в свою пользу и государственные налоги: а) тоуджи (денежная подать) — 31 руб. 20 коп.; б) натуральный сбор с пшеницы, ячменя, чалтыка и шелка, по 5 даругских чанахов (по 1 п. 20 ф.); в) в виде исключения Асланбек взимал в свою пользу и 2 червонца (5 руб. 60 коп. серебром ханскими деньгами), которые следовало бы вносить русскому правительству. Наконец, с крестьян полагался наряд на казенные работы — 4 человека и 1 соха, которые Исма'ил-ханом шекинским также были предоставлены в пользу Асланбека.¹

Передача государственных доходов в пользу землевладельцев обычно влекла за собой запрещение ханским сборщикам податей появляться в иммунитетном поместье; нередко такое запрещение прямо оговаривалось в ханских фирманах. Так, в та'лике Махди-Кули-хана карабагского 1226 г. х. (1811 г. н. э.), написанной на имя составителя кадастра (дафтар — دفتر) по Хаченскому махалу Карабагского ханства, Мирзы Джа'фара, читаем: „А как деревня Харамурт пожалована любезному Фатали-беку, с получением сей моей талаги, означенную деревню, как принадлежащую ему, Фатали-беку, исключить из ведомости описываемого вами махала, а если что-нибудь необходимо будет, я сам напишу ему для исполнения“.² Иными словами, чиновник не должен был появляться в поместье Фетх-'Али-бека даже в экстренных случаях. Тот же Махди-Кули-хан в грамоте на имя армянского Гандзасарского монастыря писал: „Во все вышеописанное имение³ не смел бы никто из карабагских чиновников вступаться, кроме того монастыря“;⁴ этот фирман лишь под-

¹ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд верх. груз. правительства, д. 65; см. раздел — Падармский махал, по вед. № 9.

² Аз. Ц. А. У. истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 2, лл. 275—276. Та'лика эта сохранилась только в русском переводе, причем указано, что персидский подлинник был зарегистрирован в Шемахском городском суде и возвращен владельцу.

³ Перечислено 5 селений с пахотными и пустопорожними землями и „гора, из которой делают жернова для мельниц“.

⁴ Аз. Ц. А. У. истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 2, л. 293.

тверждал длинный ряд фирманов прежних ханов карабагских и шахов персидских.¹ Мир-Хасан-хан талышский, возобновляя в 1234 г. х. (1817 г. н. э.) по просьбе „высокопочтенного Кербелая — Шахверди-бека“, фирман, выданный его отцом, Мир-Мустафа-ханом талышским, писал: „Жалую вам в потомственное владение нижеуказанное имение,...² чтобы вы владели этим имением тем порядком, каким оно было у вас при покойном отце моем, и чтобы никто из моих подчиненных не смел касаться того имения“.³

Приведенные фирманы относятся к тийюльным поместьям, т. е., к феодам. Едва ли не наиболее интересный по подробному изложению прав землевладельца из виденных нами фирманов касается так называемого суйюргал (вид наследственного тийюля). Монгольский термин „soyurhal“ („пожалование“)⁴ появился в Персии и Азербайджане вместе с монгольскими завоеваниями. Уже в XIII в. под ним понимали наследственный бенефиций,⁵ и такое значение он сохранил в Средней Азии и Персии и позднее. В Азербайджане в XVIII в. термин этот встречается уже редко, хотя наследственные бенефиции не исчезают, их лишь именуют просто тийюлями. Здесь мы имеем в виду фирман персидского шаха Сефевида Хусейна 1113 г. х. (1701 г. н. э.) на имя своего вассала Байяндур-султана, хана карадагского (в южном, нын. персидском Азербайджане), опубликован-

¹ Сохранился фирман шаха 'Аббаса I, *ibid.*, л. 292.

² Указаны селения Муса-Куджа, Шихляр, Зийюн и 67 семейств акеров и нукеров в разных селениях.

³ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 4, л. 767; ср. фирман Мустафа-хана ширванского от 1234 г. х. (1818 г. н. э.), *ibid.*, л. 499.

⁴ См. Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 115, прим. 2; Н. Березин, Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева, стр. 428.

⁵ См. напр., у Рашид-ад-дина, III, перс. текст стр. 77, изд. Березина. Труды В. О. Р. А. О., XV; *پسر او [تیمورملک] سیورغامیشی یافته از حضرت* — „Сын его (Тимур Мелика), получив пожалование, от его величества Бату вернулся; вышло повеление земли и движимости отца сохранить за ним“. — Джувейни (В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху Монгольского нашествия, ч. 1 тексты, стр. 108): *پسر او (اوزار) سقناق تکین را سیورغامیشی کردند و جای پدر بدو ارزانی داشتند*.. „Сыну его (Узара) Сикнак-Тегину дали пожалование и место отца (область Альмалик) предоставили ему“.

ный Н. Ханыковым.¹ Фирман этот, повторяем, дает настолько полную картину условий держания суйюргаля и связанных с ним иммунитетных прав, что нам кажется не лишним привести здесь деловую часть его полностью, выпустив лишь вступление, содержащее славословия и стихи в честь Мухаммеда, 'Али и шиитских имамов.²

¹ Lettre de M. Khanykov à M. Dorn, précédée d'un rapport de cet Académicien, Mélanges Asiatiques, t. III, livraison I, texte pers., p. 71—74. SPb., 1857. Приводимый русский перевод наш.

چون در ینولا امارت و حکومت پناه نظرًا مآ الامارة و الحكومة بایندر² سلطان حاکم قراجه داغ بعرض رسانید که مبلغ شش تومان و سه هزار و نود و شش دینار و نیم از بابت مالوجهات و وجوهات محل مذکوره ضمن زرمار بازاء خدمات و جانسپاریها بالیاس خلیفه عم و الد امارت پناه مشارالیه بعد از فوت او بشمس الدین خلیفه و لداو شفقت شده بود که در اسفار سائحه موازی هفت نفر مرد مکمل و مساح حاضر سازد و بعد از فوت شمس الدین خلیفه چون وارثی از او نمانده بوده و باوالد امارت پناه مومی الیه بنی عم بوده اند سیورغال مزبور بدستور شمس الدین خلیفه بوالد امارت پناه مزبور شفقت شده بوده و در ایام حیات والد امارت پناه مشارالیه الیاس خلیفه نامی بحلاف عرض نموده بود که ولد شمس الدین خلیفه است و سیورغال مزبور از والد مشارالیه قطع و در وجه الیاس خلیفه مزبور مقرر و بعد از فوت او ببرهان الدین خلیفه ولد او شفقت شده بوده و الحال مشارالیه بتصدیق فرق شده است و از او وارثی نمانده و [بایندر سلطان] استدعا نمود که سیورغال مزبور در وجه نجابت و رفعت و معالی پناه سرانجا محمد قاسم بیک ولداو عنایت شود بنابر شفقت بیفایت شاهانه در باره مشارالیه از ابتداء سه ماه و نیم بیلان ٹیل و جھیرا که بسیورغال مرحوم محمود سلطان والد امارت پناه مقرر بوده و از او قطع و بسیورغال الیاس خلیفه و بعد از او در وجه برهان الدین خلیفه مقرر شده بوده و بلاعقب فوت شده بدستور مرحوم محمود سلطان و الیاس خلیفه و برهان الدین خلیفه حسب انطعر بسیورغال نجابت پناه مزبور شفقت و مرحمت فرمودیم که مرد سفرکنش مقرری سیورغال مزبور را بدستور صاحبان سیورغال سابقه در اسفار سائحه تجار و بساق شاهی حاضر سازد کدخدایان و رعایای محال مزبوره رفعت و معالی پناه مزبور را صاحب سیورغال خود دانسته سال بسال مالوجهات و وجوهات و حقوق دیوانی خود را بدستوری که بصاحبان سیورغال سابق مهم سازی مینموده اند و اصل مشارالیه ساخته چیزی قاصر و منکسر نسازند حکام و قمال الکاء مزبور بحلاف و حسابت نخل در سیورغال ننموده قلم و قدم کوتاه و کشیده دارند و بعلت اخراجات و عوارضات مسدود الابواب بمراسم و رسم که بوده باشد مزاحمت مجال رعایای محال سیورغال مشارالیه نرسانند و هرساله حکم مجدد طلب ندارند...

„Так как ныне прибежище власти и управления, устроение власти и управления,¹ Байяндур-султан, правитель (хаким)² Караджадага, представил донесение, что сумма в шесть туманов и три тысячи девяносто шесть с половиною динаров из статьи мальджахата и оброков с Дизмарского отдела упомянутого махала [Карадагского] за службу и преданность [нам] была пожалована Ильяс-халифэ, дяде родителя вышеупомянутого прибежища [власти] (т. е. Байяндур-султана), а после кончины его — сыну его Шамс-ад-дин-халифэ, [с тем], чтобы он доставлял для походов партию в семь человек, снаряженных и вооруженных. И после кончины Шамс-ад-дин-халифэ, так как наследника последнего не осталось, а с родителем вышеуказанного прибежища власти они были двоюродными братьями, то указанный суйюргаль был пожалован родителю упомянутого прибежища власти, на [том же] основании, [что и] Шамс-ад-дин-халифэ. И при жизни родителя вышеупомянутого прибежища власти известный Ильяс-халифэ представил против [него] прошение [о том], что он — сын Шамс-ад-дин-халифэ, и указанный суйюргаль был отнят у родителя вышеупомянутого [Байяндур-султана] и определен указанному Ильяс-халифэ. И после кончины его был пожалован сыну его Бурхан-ад-дин-халифэ. И теперь вышеупомянутый [Бурхан-ад-дин] умер, а наследника после него не осталось. И [Байяндур-султан] представил прошение, дабы указанный суйюргаль был пожалован сыну его, прибежищу благородства, достоинства и величия, Сараджан-Мухаммед-Касим-беку. По беспредельной милости шахской к вышеупомянутому, жалованье, что было определено в суйюргаль покойному Махмуд-султану, родителю упомянутого прибежища власти и от него было отнято и определено в суйюргаль Ильяс-халифэ и после него Бурхан-ад-дин-халифэ, а он умер без наследников, — мы, начиная с половины четвертого месяца (буквально „от трех с половиной месяцев“) года змеи,³ соблаговолили пожаловать указанному прибежищу благородства (Касим-

¹ Обычный для данной эпохи феодальный титул, вроде „его сиятельства“.

² С точки зрения теории абсолютного государства, ставшей в период разложения сефевидского государства идеологическим пережитком, шахское правительство хотело видеть в феодальных сеньорах лишь своих наместников (хакимов, валиев) и официально именовало их так, а ханства называло махамами — округами административного деления Персии.

³ По турецкому, „звериному“ двенадцатилетнему циклу.

беку) на [том же] основании, [что и] Махмуд-султану, Ильяс-халифэ и Бурхан-ад-дин-халифэ, чтобы он доставлял ратных людей, определенных с упомянутого суйюргала по обычаю предшествовавших владетелей суйюргала, для походов какие будут, в войско шахское. Пусть кедхуды (старшины селений) и ра'йяты указанного махала, признав упомянутое прибежище достоинства и величия владетелем суйюргала своего, из года в год представляют ему мальджахат, оброки и подати диванские (государственные), [следуемые] с них, [тем же] порядком, [каким] они выполняли необходимые повинности предшествовавшим владетелям суйюргала и вышеупомянутому роду, ничего не упуская и не утаивая. Правители и чиновники указанной страны, не препятствуя исчислению доходов в суйюргале, пусть не ведут переписки и не вступают туда (буквально „*пусть укоротят и оттянут перья и ноги*“ . И. П.), [ибо] для [взимания] податей и эврезов¹ ворота [того суйюргала для них] заграждены, по правилам и обычаям, бывшим [ранее]. И пусть они не приневоливают [к государственным повинностям] ра'йятов² округа вышеупомянутого суйюргала и пусть не требуют ежегодно указов о возобновлении [пожалования]...“

Редкая точность выражений и подробное изложение условий пожалования в данном документе позволяет нам сделать ряд ответственных выводов, тем более, что приведенный фирман, вместе с тем, довольно типичен и не содержит ничего такого, чего нельзя было бы встретить в ряде других фирманов, лишь в более общих и менее определенных выражениях.

Прежде всего, документ показывает, что при пожалованиях наследственных тийюлей не было места шахскому произволу. Хотя при вступлении во владение наследника требовалось возобновление пожалования шахом, однако оно носило формальный характер, так как порядок наследования соблюдался строго, и только в случае отсутствия прямого наследника,

¹ Дополнительные и чрезвычайные сборы.

² В опубликованном Ханыковым тексте دعایای — явная опечатка.

Ханыков транскрибирует термин سیورغال — siourghal. Даже с точки зрения узкого понимания феодализма европейских буржуазных историков XIX в. могло бы показаться курьезным, что Ханыков именно в этом документе видел доказательство отсутствия в Персии феодализма, „который никогда не существовал на Востоке“ (qui n'a jamais existée en Orient, *ibid.*, p. 76).

На этот фирман обратил мое внимание проф. Е. А. Пахомов.

суйюргаль мог перейти к родственникам по боковой линии: ни шах, ни местный хан не изменяли порядка наследования.¹

Характерно, что в начале фирмана говорится о пожаловании сыну хана карадагского только доходов с суйюргалья, — такова нередко формула пожалования и в других шахских и ханских фирманах XVII—XVIII вв. Несомненно, что продуктовая форма ренты в Азербайджане в указанный период преобладала, и предоставление владельцу дохода (под ним подразумевалась иногда только рента продуктами и деньгами, а иногда, как в данном случае, и государственные подати) было центральным моментом в держании феода (тийюля или суйюргалья) особенно при редкости личного хозяйствования владельца в поместье. Однако данный фирман показывает, насколько неправильно было бы идти по стопам кавказоведов великодержавной школы и на основании фирманов делать вывод, будто взимание „доходов“ было единственным правом владельца. Из текста данного фирмана (как и из ряда других) ясно вытекает, что предоставление „дохода“ тем самым давало владельцу и определенную власть над ра'йятами, и он осуществлял управление над ними даже в тех случаях, когда не заводил собственного хозяйства в поместье. Если он не вмешивался непосредственно в процесс производства, то все же управлял ра'йятами, как сеньор-тийюльдар или мульткадар.

О власти землевладельца над ра'йятами во многих текстах и ханских фирманах говорится, как о чем-то само собой разумеющемся, непреложном. Возьмем на удачу два фирмана разных периодов, во всех почти отношениях типичных и стандартных по своему языку и стилю. В фирмане шаха 'Аббаса II 1064 г. (1654 г. н. э.) на имя некоего Пурам-бека читаем: „[Пусть] упомянутые ра'йяты, признавая вышеуказанного и его потомков из рода в род своим полновластным тийюльдаром,

¹ Для подтверждения этого вывода не малый интерес представляет коллекция фирманов персидских шахов и разных ханов, владевших Карабагом, об утверждении в наследственном владении армянских меликов в Варанде (в зап. Карабаге), из рода Шах-Наварянов, см. Ав. Ц. А. У. истор. арх. фонд военно-окр. нач-ка, д. 14, лл. 341, 346, 343, 344, 345, 348 — фирманы шаха 'Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.), Мусахиб-хана ганджинского 1120 г. х. (1708 г. н. э.), шаха Тахмаспа II 1133, 1134, 1139 гг. х. (1720, 1721, 1727 гг. н. э.), Хаджи Челеби-хана шекинского 1162 г. х. (1749 г. н. э.), Ибрахим-хана карабагского 1205 г. х. (1791 г. н. э.), Махди-Кули-хана карабагского 1221 г. х. (1806 г. н. э.).

пусть из года в год... доставляют упомянутому тийюльдару и потомкам его мальджакат, оброки и подати диванские (государственные)... И [пусть] они свои дела [судебные], кроме уголовных (буквально „кровных случаев“), представляют им.“¹

Здесь налицо и черты иммунитета (предоставление тийюльдару права взимать в свою пользу и государственные налоги; при этом выражения фирмана почти текстуально совпадают с приведенным выше фирманом 1701 г.), и право суда над ра'йятами. Сравним с ним фирман Селим-хана шекинского (нухинского) 1211 г. х. (1796 г. хр. э.) на имя Ибрахим-Халиль-хана о пожаловании ему сел. Нидж, где ра'йятам предписывалось: „[Пусть] никто не противится его (т. е. тийюльдара) приказаниям и запрещением, проявляя усердие и старание в [исполнении назначенных платежей, из-под ярма повиновения мятежнически [пусть] никто не выходит“ (дословно: „мятежа да не выказывает“).²

В разбираемом нами фирмане Хусейн-шаха 1701 г. передача владельцу права управления и суда над ра'йятами отмечается в общих выражениях: права владельца суйюргала или тийюля считались чем-то известным и установленным. Иммунитет владельца в данном случае, помимо общих моментов личной зависимости крестьян от владельца, выражался в запрещении чиновникам (не только финансовым агентам — *عمال*, но и „правителям“, т. е. администраторам и, быть может, местным фео

¹ Персидские документы Гос. музея Грузии, подготавливаемые к печати Ю. Н. Марром и В. С. Путуридзе, № 3: *رعایای مذکورہ مومی الیہ و اولاد اورا نسلا بعد نسل تیولدار با استقلال خود دانسته سال بسال مالوجہات و وجوہات و حقوق دیوانی خودرا.. بروچہ تیولدار مذکور و اولاد او رسائیبدہ... و قضایای سائحہ خودرا سواد قضیہ خون بدیشان* Цитируем с любезного разрешения Ю. Н. Марра. Ю. Н. Марр читает *مالوجہات* (место *مالوجہات*).

² Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд военно-окр. нач-ка, д. 47, л. 281 об.: *از امر و نھی او کسی تجاوز نکرده کذا رات مقرر قیام و اقدام نموده کسی* — В этом фирмане отступлением от стандарта является то, что вместо обычного *دائشیم* („селение... мы предоставили“) стоит *بخشیدیم... را...* („селение Нидж мы подарили“). Ср. там же, л.л. 280—281, еще четыре фирмана Селим-хана (все того же 1211 г. х.), составленные почти в тех же выражениях. Налицо только персидский текст, русского перевода нет; фирманы приведены в копии, снятой переводчиком Агасаровым.

дальным сеньорам — *حکام*) вступать на иммунитетную территорию. Буквальное выражение фирмана, „пусть укоротят перья и оттянут (т. е. уберут) ноги“ можно понять лишь в смысле запрещения чиновникам не только вступать в суйюргалы, но и вносить его в кадастровые книги.

Данная персидская иммунитетная хартия, таким образом, больше, чем другие фирманы, приближается к типу западноевропейского иммунитета, хотя на первый план, как основной мотив запрещения чиновникам вступать на иммунитетную территорию, и здесь выступает фискальный момент, — желание охранить владельца суйюргала от каких-либо поборов в пользу казны.

Передача владельцу права взимать в свою пользу, кроме ренты,¹ также и диванские (государственные подати), в разбираемом нами фирмане также достаточно подчеркнута; при этом, как видно из текста, фирман Хусейн-шаха не создавал нового положения, а лишь подтверждал „обычай“, т. е. иммунитетные права, предоставленные прежним владельцам Дизмарского суйюргала предшественникам Хусейн-шаха. Слова фирмана о том, что чиновники не должны ежегодно требовать возобновления или подтверждения фирмана, указывают на то, что фирман сохранял силу „навсегда“, точнее на время царствования данного шаха.²

Единственной обязанностью владельца суйюргала по отношению к центральной власти, как видно из текста фирмана, была доставка семи вооруженных людей в случае войны. Эта обязанность расширяла права владельца суйюргала над райями, среди которых он сам производил военный набор и снаряжал в походы людей по своему собственному выбору, заменяя таким образом, в этом отношении агентов центральной власти. Тут мы имеем дело с порядком, утвердившимся в Персии и Азербайджане со времени образования больших империй

¹ В данном случае *مالو جهات و وجوهات*. Вообще же термин „мальджахат“ в разные периоды и в разных ханствах употреблялся в различных значениях, то в смысле „феодал. ренты“ (Кубинское ханство), то в смысле подати в пользу государства (Шекинское ханство).

² Ср. фирман шаха Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.), который предоставил Баги, мелику варадинскому, право взимать в свою пользу налог, носивший название „русум“ *رسوم*, но только на один год. — Аз. Ц. А. У. истор. арх., фонд военно-окр. нач.-ка, д. 14, лл. 341—342.

кочевников — Сельджукской и особенно Монгольской. До сельджуков землевладельцы-дихканы и владельцы бенефициев — икта не были обязаны, в силу самого факта земельного держания, нести военную службу лично и при помощи своих зависимых крестьян.¹ При сельджуках эта повинность распространялась, повидимому, только на владельцев военных ленов, но не всех землевладельцев. Еще в эпоху монгольского нашествия дихканы в Хорасане, как видно из одного сообщения историка XV в. Мирхонда,² рассматривались центральным правительством как частные лица и не привлекались к обороне страны. Напротив, после монгольского завоевания, на этих же дихканов, поскольку они уцелели после разрушения Хорезмийского государства, стали возлагать функции низших агентов центральной власти, заставляя их доставлять по нарядам своих зависимых крестьян на осадные и другие работы для монгольского государства. Этот порядок удержался в Персии и после монголов, в так наз. Сефевидском государстве; позднее, в конце XVII — начале XVIII в., в обстановке распада этого государства, предоставление феодальным сеньорам права самим производить военный набор могло способствовать только расширению прав иммунитета.

Приведенные в нашем фирмане цифры воинов, доставлявшихся владельцами суйюргалья (7 человек), и уступленных им податей (6 туманов 3096¹/₂ динаров) показывают, что фирман относился к феодальной сеньории средних размеров и средней доходности.

Поскольку в фирманах содержатся привилегии землевладельцам, близкие к типу иммунитета, они предоставлялись одинаково и крупным и мелким сеньорам и формулированы в одинаковых выражениях. Подобно тому, как термины „мульк“, „тийюль“, „суйюргаль“ прилагались одинаково и к целым ханствам и феодальным княжествам³ и к отдельным, иногда незначитель-

¹ С. Н. Becker, op. cit., S. 86.

² См. Мирхонд. Чингис-хан намэ, изд. École des langues orientales vivantes, texte pers., p. 144, Paris, 1841.

³ В упомянутых персидских документах Гос. музея Грузии, подготовляемых к печати Ю. Н. Марром и В. С. Путуридзе, в док. № 1 (фирман шаха Сефи на имя Закарии и Луарсаб-беков 1047 г. х. — 1637 г. н. э.) в тийюль „жалуется“ Кахетинское царство, в свою очередь состоявшее из отдельных мульков и тийюлей. ... تيوول ... است ... تيوول مشاراليه ...
مقرر نموديم ...

ным селениям, так и права иммунитета предоставлялись, в виде шахской или ханской „милости“ сеньорам, стоявшим на разных ступенях лестницы феодальной иерархии, начиная от хана и кончая владельцем небольшого поместья; это, несомненно, черта развитого феодального строя, поскольку она обнаруживает известную тенденцию к превращению поместья в сеньорию, в „поместье-государство“.

Если в большинстве случаев в иммунитетных привилегиях XVII—XVIII вв. на первый план выступает фискальный момент, то в отдельных случаях мы встречаем и такие „пожалования“, которые обеспечивали очень широкую феодальную независимость сеньора от агентов центральной власти. В этом отношении интересны грамоты персидских шахов-Сефевидов на имя султанов Илису (в северо-западном Азербайджане).¹ Эта пограничная и не всегда покорная сеньория не только ничего не доставляла в диван центрального правительства, но, напротив, в XVIII в. султаны сами получали субсидию от персидского правительства.² Но обеспечить верность султанов Персии было для последней политически важно, в виду стратегического положения территории султанства на границе с Дагестаном и Джарскими вольными обществами, чаще всего враждебными Персии, и близости к Грузии. И вот фирман шаха Тахмаспа I 970 г. х. (1562 г. н. э.) предоставил владельцу Илису и Цахура Ади-Куркулу-беку право широкого иммунитета; в фирмане, между прочим, говорится: „По беспредельной царской милости к вышеупомянутому (Ади-Куркулу-беку), мы соблаговолили определить, чтобы ни в каком случае никто из правителей, тийюльдаров и беглербегов Гурджистанских³ не чинил препятствий власти вышеупомянутого в землях, зависящих от вышеупомянутого; пусть отступятся [от него], чтобы он был [полновластным] владельцем. Признав предписанное в этом отношении, пусть они остерегаются прошений и жалоб вышеуказанного его высочества [на них]“.⁴

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии, т. II, прил. II, Документы на турецком и персидском языках, № 1—22.

² См. там же, № 8.

³ В административном отношении Илису причислялся тогда к Грузии.

⁴ См. там же, № 1: بنا بر عنایت بیغایت شاهانه در باره مشارالیه مقرر فرمودیم که اصلا و قطعاً احدی از حکام و تیولداران و بیگلربیگان بکار کرجستان مانع تعریف مشارالیه در املاک معصله ضمن متعلقه

Здесь подчеркивается административная независимость султана от чиновников центральной власти. Иммунитетные права султана Илисуйского и в XVIII в. не раз подтверждались шахами.

Все же, в большинстве случаев иммунитеты феодальных сеньоров носили фискальный характер. Право управления ра'йятами и суда над ними в низшей инстанции, как было сказано, принадлежало феодалу, но судебный иммунитет не развился, благодаря существованию духовного шариатского суда, права которого не могли быть нарушены центральной властью.

Существование в Азербайджане в XVII—XVIII вв. полукочевого и отчасти кочевого хозяйства в больших размерах обуславливало необходимость для феодальной знати обеспечить земли своих летних и зимних кочевий (яйлагов и кишлагов) от посягательств со стороны дивана государственных имуществ и других представителей кочевой и полукочевой знати; не менее важно было для феодалов оградить земли своих селений земледельческой полосы от прохода чужих стад и масс кочевников во время передвижений на летние и зимние кочевья. В этих целях беки и другие феодалы добивались специальных грамот от ханов, и такого рода льготы отмечались в иммунитетных грамотах. Иногда иммунитет владельцев кишлагов и яйлагов утверждался в общих выражениях. Та'лика Ахмед-хана кубинского 1203 г. х. (1789 г. н. э.), утверждая за Казарбеком (из известного потом в период русского владычества рода армянских беков-крепостников Казаровых) владение кишлагом Кохнэ-Хачмаз, пожалованным „прежними ханами“, кратко определяет: „Во все времена владеть ему тем кишлагом, и никому до того не касаться“.¹ Та'лика Шейх-'Али-хана кубинского 1205 г. х. (1791 г. н. э.) вновь подтвердила прежние „пожалования“: „Кохнэ-Хачмазский кишлаг дал я почтенному Казар-беку навсегда. В его воле распахивать его или содержать там баранов, никому до него дела нет“².

بمشارالیه نشده بگذارند که متصرف شود درین باب قدغن دانسته شکر و
شیکیایت مومی الیه را عظیم موثر شناسند

Ади-Куркулу-бек в этом фирмане именуется состоящим в числе „личных мулязимов священной [особы шаха]“ *درسلك ملازمان خاصه شریفه*, иными словами, он числился состоящим и в числе „людей хас“, находившихся под патронатом шаха.

¹ Ав. Ц. А. У., истор. арх., фонд кубинского коменданта, д. 10, л. 5 об., № 7.

² То же дело, л. 5 об., № 7².

Иногда мы встречаемся с прямыми запрещениями чиновникам вступать на территорию иммунитетных пастбищ, выгонять на них ханские табуны или собирать сборы со стад в пользу казны. По та'лике Фетх-'Али-хана кубинского 1195 г. х. (1781 г. н. э.) Искендер-кишлаг и яйлаг Барчигай-Герсус-Хапут были, за особые заслуги, пожалованы Тахир-беку Хаджи Шейх-'Али-оглы „в вечное владение с тем, чтобы его бараны всегда паслись там“. „Приказываю, — говорится далее в та'лике, — из года в год ни аминахуру, ни табунщикам¹ и никому другому до его баранов не касаться; и сбора как ими, так и деньгами, с него не брать“.²

Иммунитет пастбищ был снова подтвержден Фетх-'Али-ханом та'ликой 1202 г. х. (1788 г. н. э.), прямо адресованной „наибу (т. е. местному ханскому наместнику), аминахуру и всем начальникам и прислужникам моим“: „С Тахир-бека чакалинского, как с моего ближнего,³ не брать баранов за [пользование] кишлагом и яйлагом и никому близко к ним не подходить“.⁴ Грамота эта была подтверждена преемником Фетх-'Али-хана, Ахмед-ханом кубинским.⁵

Нередко такие иммунитетные грамоты давались лицам категории „хас“, — состоявшим под патронатом хана. Та'лика Шейх-'Али-хана кубинского 1207 г. х. (1792 г. н. э.) выражается кратко: „Исма'ил-ага — мой нукер, а потому я следуемую с его баранов за кишлаги и яйлаги подать прощаю, и никто бы до

¹ Т. е. главному конюшему и охранителям ханских табунов.

² То же дело, л. 7 об., № 91.

³ „Приближенный его величества“ مقرب الحضرت, т. е. лицо, находившееся под личным патронатом хана.

⁴ То же дело, л. 8, № 92. Ср. сходный фирман Махди-Кули-хана карабагского 1238 г. х. (1822 г. н. э.) по поводу кишлагов Мирза-Мухаммед-Кули на берегу р. Куры, данный им на имя своего наиба Хасан-бека: „... Не следует никого туда посылать, и никто не должен там останавливаться, дабы, владея ими (кишлагами), Мирза-Мухаммед-Кули мог спокойно пасти своих баранов“. *Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 3, л. 269.*

⁵ *Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Кубинск. коменданга, д. 10, л. 8, № 93,* без года, месяц шабан. Все приведенные нами документы из этого дела, при рассмотрении их царскими властями, были признаны подлинными и не подлежащими сомнению (что не помешало русским военным властям конфисковать некоторые кишлаги, на которые имелись „беспорные грамоты“). Ср. в том же деле, л. 9 об., № 11, та'лика Шейх-'Али-хана кубинского 1208 г. х. (1793 г. н. э.) о пожаловании Гемре-кишлага Хусейн-беку, мелику будущему; фонд Бак. бек. ком., д. 2, л. 97, та'лика Махди-Кули-хана карабагского 1236 г. (1820 г. н. э.) о пожаловании яйлага Инджилау Хасан-беку-наибу.

его баранов не касался“.¹ Владелец сел. Зюмур-хач, в Карабаге, в конце XVIII в. Ляля-Мехр 'Али-бек, бывший нукером ханской сестры Гюсер-ага, также не платил никаких податей с кочевья и селения.²

Конечно, и тут „пожалование“ распространялось только на феодала-владельца, а не на его крестьян. Пастбища (ятаги), даже и уступленные какому-либо роду или кочевому племени „в вечное владение“ (именно во владение, а не в собственность), считались собственностью государства (или, вернее, ханского дивана; в XVIII в., в отличие от более ранних эпох, строгого различия между землями государства и личными угодьями хана не проводилось); если частное владение сопровождалось правом иммунитета, то крестьяне, ведшие полукочевое скотоводческое хозяйство, или джама'аты (племенные общины) кочевников не освобождались от подати за пользование пастбищем (чоп-баши, взимавшейся чаще всего натурой, т. е. скотом, реже деньгами), а должны были вносить ее владельцу кишлага или яйлага. Та'лика Махди-Кули хана карабагского от 1237 г. х. (1821 г. н. э.) сообщала кедхудам (старшинам) кочевых общин Миранлу и Полатлу:

„Из милости к почтенному 'Али-беку мы вас всех пожаловали ему... Повелевается... отбивать ему все крестьянские повинности, доставляя ему все следуемые с вас подати и не отдавая их, как в пользу дивана моего взыскиваемых, так и прочих, никому другому, ибо они все предоставлены нами ему, которому и должны вы служить всегда. Мохасилам³ же и правителям приказываем... не требовать ничего с означенного кочевья“.⁴

Во второй половине XVIII в. много государственных ятагов (пастбищных земель), которые до того находились в пользовании сельских или кочевых общин, были ханскими фирманами прочно закреплены за феодалами; при этом они иногда, с расширением личного хозяйства беков, распахивались для посевов.⁵

¹ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Кубинск. ком-та, д. 10, л. 18 об.

² Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, д. 3, л. 318 об.

³ محاصل — сборщик податей.

⁴ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд военно-окр. нач-ка, д. 47, л. 221.

⁵ См., напр., Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Кубинск. ком-та, д. 10, л. 1, № 2, та'лика Шейх-Али-хана кубинского 1214 г. х. (1799 г. н. э.) на имя Кельб-Хусейн-аги.

В Азербайджане летние пастбища (яйлаги) нередко располагались на большом расстоянии (за 100 км и больше) от мест зимовий; приходя на яйлаги издалека, крестьяне нередко находили земли яйлага занятыми новыми владельцами, иногда распаканными ими.

Если владелец пастбищ, пользовавшийся правами иммунитета, разрешал чужим крестьянам пасти свой стада на его пастбище, он взыскивал с них всю пользу чоп-баши и другие сборы.¹

Особый вид иммунитета составляли предоставлявшиеся местными ханами „льготы“ крепостным крестьянам, служившим в качестве дружинников или челядинцев (нукеров) беков и других землевладельцев, или выполнявших сельскохозяйственные работы в их личном хозяйстве (ранджбарам, акерам). Некоторые из этих категорий зависимых крестьян, работая на пашне беков или присматривая за их табунами, должны были еще вносить и подати в казну, другие были „освобождены“ от них. Русский чиновник Хотяновский, составляя в 1830 г. камеральное описание Кубинской провинции (до 1809 г. Кубинское ханство), писал, что там есть два вида ранджбаров: платящие подати в казну и освобожденные от них.²

В Карабагском ханстве почти все ранджбары были освобождены от податей в диван.³ Напротив, ранджбары Шекинского ханства, работавшие, главным образом, в шелковичных садах беков, в большинстве платили и разные сборы в диван,⁴ только ранджбары ханских шелковичных плантаций не были обязаны делать эти взносы.

Обычная, более или менее стандартная формула „освобождений“ ранджбаров от податей в казну была такова: „Мы повелеваем, чтобы отныне такие-то... не были притесняемы в отношении повинностей диванских; пусть отступятся [от

¹ То же дело, л. 146 — та'лика полк. Ханлар-аги 1237 г. х. (1821 г. н. э.), которой предписывалось его крестьянам, пасшим свой стада в Кельбаджаре и Тутчу, платить чоп-баши Ага-беку, которому эти пастбища были подарены Мустафа-ханом ширванским (персидский текст, перевода нет).

² Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд верх. Груз. правительства, д. 297, лл. 124—125.

³ См. Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд Бакинск. бекской комиссии, дд. 2—3, также фонд Шушинск. бекской комиссии, *passim*. См. также Описание Карабагской провинции, составленное полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским, Тифлис, 1823.

⁴ Аз. Ц. А. У., истор. арх., фонд. верх. Груз. правительства, д. 262.

них, дабы] они спокойно выказывали усердие и старание в отправлении ранджбарских работ такому-то [владельцу]“¹.

Такая, повторяем, стандартная формула достаточно вскрывает социальные мотивы „освобождения“ ранджбаров от податей и повинностей в пользу дивана; это „освобождение“ должно было дать им больше свободного времени для работ в хозяйстве владельца, больше возможностей для усиления эксплуатации их беком. Этот акт был освобождением, льготой не для крепостного, а для его владельца-бека. Именно с этой точки зрения мы и можем рассматривать такого рода „льготы“ как особый вид феодального иммунитета.

Большое число грамот иммунитета характера в XVII и особенно в XVIII в. говорит о росте этого института; это явление до сих пор не было предметом внимания и исследования историков Азербайджана. Если правильно (как нам представляется), что, при современном состоянии научной разработки истории восточного Закавказья и прикаспийских областей, синтетическим исследованиям по вопросам феодализма в этих областях должен предшествовать период анализа конкретных фактов, все же факт значительного развития своеобразного иммунитета здесь дает возможность сделать известные предварительные выводы для выяснения типа феодального строя в этих областях, его „профиля“.

Если мы пока и не можем наметить периодизации стадийного развития феодального строя здесь, все же мы можем установить, что рост иммунитета в отмеченный период был тесно связан с процессами хозяйственного упадка Персии и прикаспийских областей (в значительной степени в связи с тем, что старые караванные пути утратили значение), усилением борьбы местных ханов и других сеньоров за феодальную независимость и с распадом Ново-Персидского государства.

¹ Центр. Арх. упр. Грузии, центр. ист. арх., фонд. канц. наместника кавказского, д. 472, л. 3 (о ранджбарах Нур-Мамед-бека) من فرمودیم که ... بعد در خصوص ... حواله جات دیونی مشارالیهما متعرض نشده گذارند [که] فارغ البال بامور رنجبری مشارالیه را قیام و اقدام نمایند По вопросу о ранджбарах нами подготовлена к печати специальная работа, поэтому нам представляется нецелесообразным подробно останавливаться на ранджбарах и здесь; касаемся их постольку, поскольку освобождение их от диванских повинностей было связано с иммунитетными правами владельцев.

В особую группу можно было бы выделить иммунитетные привилегии мусульманских религиозных учреждений — мечетей, медресэ, суфийско-дервишеских ханэкахов (обителей), так называемых пиров (гробниц святых и т. д.) и их земель. Развитие иммунитета в XVII—XVIII вв. (как и ранее) этого типа достаточно подтверждается документами. Однако, рассмотрение этих иммунитетов не входит в нашу задачу.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ КАРЕЛ В XVI—XIX ВВ.¹

I. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРЕЛ В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI—XVII ВВ.

Буржуазная историческая наука объясняла переход значительного количества карел в XVIII в. в пределы Московского государства религиозными притеснениями шведов, стремившихся обратить их в протестантство. Эта точка зрения фигурирует не только в старых работах земских статистиков (В. И. Покровский, Д. Рихтер), но и в крупных исторических трудах. Так в курсе „Исторической географии“ С. М. Середонин писал: „Когда в 1617 г. Московское государство должно было отказаться от так называемой Ингрии, то православные карелы не захотели переходить в шведское подданство и были поселены в Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях“.²

Этот взгляд, заимствованный без критической оценки, встречается особенно в изданиях научно-популярного характера.

Наряду с указанной точкой зрения мы также встречаем попытку объяснить карельскую колонизацию запустением северных уездов Замосковного края после крестьянской войны начала XVII в. и связанным с ним недостатком рабочих рук. Этой точки зрения придерживался Ю. Готье в своем труде „Замосковский край в XVII веке“. „Эти пустые земли, — писал он, — было трудно рассчитывать заселить крестьянами из соседних местностей Замосковья... Быть может, именно этим объ-

¹ Настоящая работа является первой попыткой наметить основные этапы истории верхневолжских карел.

В силу исторических условий карелы СССР территориально разбиты на две части. Одна из них составляет основную массу трудящихся Автономной Карельской советской социалистической республики, другая переселилась в пределы Московского государства в XVI—XVIII вв. и ныне концентрируется преимущественно в четырех выделенных национальных районах — Лихославльском, Толмачевском, Рамешковском и Максатихинском.

² С. М. Середонин. Историческая география, II, 1916, стр. 199.

ясняется появление в некоторых северных областях Московского государства... выходцев из-за Шведского рубежа — карел".¹

Основными источниками, рисующими процесс карельской колонизации, нужно считать: а) писцовые книги 1620 г., б) переписные книги 1646 г. по Бежецкому, Новоторжскому и др. уездам, в) переписи карел, вышедших из-за рубежа 1664—1669 гг., г) переписку администрации Московской Руси — местной и центральной — конца XVII в. по вопросу о розыске и учете карел и д) челобитные помещиков, монастырей и самих переселенцев с жалобами на действия администрации. Этот перечень далеко не полон. Немало источников, говорящих о карелах в XVII в., находится в архивах отдельных помещичьих семей. Неизвестны пока и шведские источники, трактующие о событиях этой эпохи. Наконец, не учтены для сопоставления с сведениями XVII в. и данные ревизских сказок первой половины XVIII в.

В конце XV в. (1471—1478 гг.) московское правительство овладело всей территорией Великого Новгорода, включавшей огромные пространства, заселенные многочисленными народами, находившимися в колониальной эксплуатации новгородских бояр и купцов. В числе этих земель отошла к Московскому государству и Карелия. Политическое подчинение новой подвластной территории сопровождалось разгромом феодальных владений новгородских бояр. Их многочисленные владения, раскинутые на огромном пространстве, были обращены в черные земли, ставшие земельным фондом для образования сети мелких поместий, владельцами которых становились мелкие помещики центральной части Московского государства. В это время выросло и церковное землевладение в Карелии, так как и монастыри использовали завоевание Новгорода в своих интересах.

Вместе с ломкой старого феодального землевладения Московское правительство ведет энергичную внешнюю политику на северо-западе. Господство Ганзы на балтийских путях противоречило интересам Московского купечества. Иван III в 1494 г. производит разгром контор ганзейских купцов. Был закрыт и немецкий гостиный двор в Новгороде. Неизбежно должен был стать вопрос об отношениях с Швецией — вопрос о балтийских путях.

¹ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., стр. 299, М., 1906.

Еще в конце XV в. начинаются военные столкновения с Швецией. В 1496 г. делается безуспешная попытка овладеть Выборгом. Строится на р. Нарове крепость—Ивангород. Борьба затянулась надолго, захватив и начало следующего столетия. Результаты ее не были успешны для Московской Руси. Мирный договор 1537 г. подтвердил прежние границы между враждовавшими сторонами, установленные Ореховским договором 1523 г., делившим Карелию на две части—русскую и шведскую.

Новый этап борьбы начинается во второй половине XVI в. и связан с Ливонской войной. Борьба на северном фронте в 60—80 гг. XVI в. сопровождалась вторжением Швеции в новгородскую Карелию. В 1580 г. шведский полководец Делагарди, перейдя русскую границу в двух милях от Выборга, захватил Кексгольм (Карельский городок), а в следующем году вся полоса старых новгородских владений очутилась в руках Швеции. Насколько утраченные области были нужны помещикам и купцам Московской Руси видно из того, что в 1586 г. с помощью огромного напряжения сил отвоеваны были Копорье, Ям, Ивангород, но поход на Выборг вновь потерпел неудачу.

Борьба за Прибалтику во второй половине XVI в. закончилась Тявзинским миром 1595 г., составившим новую полосу в истории русско-шведских отношений. Московское государство потеряло часть северной приладожской территории. Швеции предоставлялась полная свобода торгового плавания в Ладожском и Чудском озерах, но в свою очередь и русские купцы могли торговать в Швеции и Финляндии.

Напряженная военная борьба за балтийские торговые пути, шедшая с небольшими перерывами в течение всего XVI в., не могла не отразиться на состоянии Новгородской Карелии, являвшейся местом военных действий. Вторжения шведов сопровождалось не только разорением, но и уничтожением большого числа деревень, закабалением и захватом крестьян. После похода Делагарди в 1580 г. из 4041 двора населения оно сохранилось только в 440 дворах. Много карел бежало и другие места.¹

Для шведов пленные карелы были добычей, которая уводилась на север в качестве рабочих рук для шведских помещиков.

¹ Слабая изученность писцовых Новгородских книг, к сожалению, не дает возможности характеризовать состояние карельской деревни в XV—XVI вв.

Этот же прием практиковался и русскими помещиками. Кризис рабочей силы в центральных областях Московского государства заставлял русских помещиков усиленно искать пополнения крестьянского населения крепостных вотчин не только за счет бежавшего из Карелии населения, но и за счет увода пленных на помещичьи земли. Тянули к себе карел и монастыри, привлекая их обещаниями льготных условий работы на своих землях.

Все эти способы переселения карел во внутренние области Московского государства были использованы во второй половине XVI в. в период Ливонской войны, о чем свидетельствуют косвенные указания письменных источников. Интересным документом, проливающим свет на изучаемый вопрос, является жалованная грамота о возобновлении Коневского монастыря, разоренного шведами. В 1597 г., когда и Карела и Карельский уезд остались за Московским государством, правительство Федора Ивановича дало распоряжение о восстановлении Коневского монастыря, разоренного шведами во время войны. Учитывая политическую роль монастыря в деле укрепления власти московских царей, правительство распорядилось восстановить „царскою казною“ монастырь и все хозяйство монастырской вотчины „с рыбными ловлями и всякими угодьями, владеть которыми предписывалось „по старине, по писцовым книгам“, а крестьяне должны были быть „названы“ в старую монастырскую вотчину из других мест.

Следовательно, передвижки населения были обычным явлением. Во время военной оккупации территории шведами население вотчин, в частности монастырских, уводилось на юг — в Новгородский район и по возобновлении мирных отношений переселялось обратно на старые места.¹

Поэтому, несмотря на осторожность высказываний некоторых этнографов,² следует допустить вероятность устных преданий о том, что первая колонизационная карельская волна должна быть отнесена к 80—90-м гг. XVI в. Она не могла быть большой, поскольку Карельский уезд остался за Москвою по Тязвинскому миру 1595 г. и передвижки карел на юг имели место лишь в качестве спорадического явления, именно в виде увода

¹ Дополн. к Актам Историческим, т. I, СПб., 1846, стр. 236—237.

² Д. Рихтер. Заметки о Тверских карелах. СПб., 1904; Д. Золотарев, Этнограф. состав населения Бежецкого у. „Бежецкий край“, вып. I, Б., 1921 г.

пленных из шведской части Карелии или приема беженце с прифронтовой полосы.

Период первой крестьянской войны, охвативший конец XVI в. и первые десятилетия XVII в., сопровождался наступлением Швеции на невско-балтийские пути, на соседнюю Новгородскую область.

В 1606 г. Швеция по договору с правительством Василия Шуйского занимает Орешек, Кексгольм, Ям, Копорье. Была отдана и „царская вотчина“ г. Карела с уездом. В связи с последним происходила в 1610 г. эвакуация Карельского уезда, причем было сделано распоряжение о вывозе казны, церковного и монастырского имущества и о выезде духовенства, посадских людей, стрельцов и погостских волостных всяких людей со всего Карельского уезда с тем, чтобы очистить г. Карелу, „отданный свийскому королю Карлусу“.¹

В 1610 г. претензии Швеции разрастаются. Она уже претендует на Новгород и в 1611 г. занимает его своими войсками. Интервенция шведов на северо-западе Московского государства осуществляет заветную мечту представителей шведского торгового капитала стать единственным хозяином балтийских путей, включить в орбиту шведской политики и Волхово-ильменский водный узел.

Однако такое продвижение Швеции в Невско-ладожском бассейне грозило интересам русских помещиков и купечества, и они употребили все усилия для того, чтобы вернуть хотя бы часть занятых земель. В 1613 г. правительство первого Романова должно было продолжать доставшуюся от предыдущих лет войну с Швецией, и военные действия с переменным успехом шли в последующие годы — 1614—1616. Война на балтийских путях, усиление Швеции не могли не вызвать со стороны представителей западноевропейского купечества попыток помирить противников, и при посредстве английского посла Джона Мерика был заключен в 1617 г. Столбовский мир. Одним из пунктов последнего предусматривалось право русских помещиков и церковников перейти в пределы Московской Руси. Этой возможностью воспользовались многие, выводя вместе с тем и часть крепостных крестьян карел. Карелия, входившая в со-

¹ Кадыкин и Шляпкин. Летопись и акты Новгородского Деревяницкого монастыря. СПб., 1911, стр. 20.

став Обонежской и Водской пятин как один из ее уездов, была значительно опустошена во время войн. Уход части населения способствовал ее еще большему обезлюдению.

В 20—30-х гг. XVII в. Карельский уезд, как и остальная отходившая к Швеции территория, подвергся колонизаторской политике шведских баронов. Началось расхищение земель дворянством, которому шведское правительство раздавало „ленные вотчины“, и захват помещиками крестьян. Карельские крестьяне, оставшиеся на шведской территории, должны были испытывать всю тяжесть происходивших экономических и политических перемен.

Русско-шведские войны, шведская интервенция и оккупация Невского и Волховского водных путей и грабеж Карелии с 20—30-х гг. XVII в. шведскими баронами, сопровождавшиеся захватом обеими воюющими сторонами пленных карел как рабочей силы для помещичьих вотчин, вызвали протест со стороны карел, выразившийся в бегстве их с насиженных гнезд.

После крестьянской войны XVII в. в пределах Московского государства помещики остро нуждались в крепостных руках для обработки пустовавших и нередко заросших лесом пахотных земель. Этот факт обусловил не только интенсивность процесса карельской колонизации, но и в известной части политику первых Романовых по отношению к карельскому вопросу.

В научной литературе до настоящего времени не установлена точно дата начала второй по счету и наиболее сильной карельской колонизационной волны XVII в.

П. Семенов в „Географическом словаре“¹ указывает 1625—1669 гг. как даты ее начала и конца. В. И. Покровский на основании источников указывает тот же период, не различая в нем отдельных моментов.

В этих же рамках времени говорят о переселении карел и Д. А. Золотарев² и И. В. Беляков,³ причем последний указывает два момента колонизации. Д. И. Рихтер неправильно определяет время колонизации, начиная его с 1646 г. и заканчивая в 1678.⁴

¹ Т. II, стр. 512—514.

² Д. Золотарев. Этнографический состав населения Бежецкого уезда, „Бежецкий край“, вып. I, Б., 1921.

³ Из истории карел Тверской губ. Дипломн. работа.

⁴ То же мнение высказывает и Готье в своей книге „Замосковный край в XVII в.“

При таком разнообразии высказанных в литературе мнений необходима проверка их на основе источников.

Какую картину переселения дают документы 60—70-х гг. XVII в.?

„Переписная книга зарубежским выходцам“ приводит следующее показание одного из карел-переселенцев. „Корелянин Калинка Дементьев... в допросе сказал: вышел из Корельского уезда в 1629 г.; вышел из-за рубежа, жил в Обонежской пятине, в Кобецком погосте, вотчины Зверинского девичья монастыря, в дер. Вохове 17 лет, а после того — в вотчине Вознесенского девичья монастыря в Новоторжском уезде 16 лет, а в Толмачево пришел в 1662 г. февраля в 6 день“.

Такие показания типичны. Они дают возможность сделать вывод, что бегство из „ленных вотчин“ Приладожья, после установления власти Швеции, было явлением обычным. Правительство Михаила Романова не принимало широких мер к объединению и устройству беженцев на первых порах. Карелы поселялись в качестве рабочей силы в монастырских вотчинах, спешивших использовать труд беженцев.

Следовательно в 20—40-х гг. карельская колонизация шла стихийно, в одиночку, не регулируемая московским правительством. Рабочая сила карел использовалась экономически сильным помещиком, каким были монастыри, иногда они искали работы в городах. Бывали случаи, когда карелы в 30-х гг. делали безуспешные попытки уйти из-под господства шведских помещиков Приладожья.

Вопрос о карелах был поставлен в Московском государстве более определенно лишь при втором Романове в 50—70-х гг. XVII в. и находился в тесной связи с войной 1656—1661 гг., когда была сделана попытка вернуть потерянные по Столбовскому миру земли Приладожья. Весь Приладожский край был razорен московскими войсками. Они безуспешно пытались взять города Орешек и Корелу (Кексгольм), разрушили слабый Ниеншанц.

Кардисский мир 1661 г. подтвердил старые границы. Русскому торговому капиталу и на этот раз не удалось овладеть господствующим положением на Балтийском море. Зато шестилетняя частичная оккупация Приладожья не только подтолкнула карел к переселению из прифронтной полосы и уходу из-под власти шведского дворянства, но и способствовала выводу карел как пленников в Московскую Русь.

Недовольство зарубежных карел, возможность перетянуть на свою сторону рабочую силу от противника, желание карел использовать предложение переселиться с сурового севера в экономически более выгодные для сельского хозяйства местности заставило правительство Алексея Романова подойти к вопросу о карелах более широко. Оно использует „карельских знатцев“ — вербовщиков, которые помогали усилить количество переселявшихся, привлекает карельских крестьян обещанием льгот и поселением на дворцовых землях. Возникший в 1662—1663 гг. Приказ тайных дел, объединяющий личное хозяйство царя, ведет поиски переселявшихся карел в Бежецком, Ярославском и Углицком уездах. Предпринимаются, наконец, переписи вышедших „из-за рубежа“ карел. Делаются попытки сконцентрировать рабочую силу карельских беженцев в руках царя, отобрав их в случае наличия у монастырей и помещиков.

Перспективы дальнейшей борьбы на балтийских путях, необходимость привлечь на свою сторону беженцев, создать благоприятное настроение в пользу московского правительства у карел, оставшихся у Швеции, попытаться ослабить противника переселением части карел и использовать их труд в крепостном хозяйстве — вот что толкало правительство на „заботы“ о карелах в это время.

Обстановку этого „нового выхода“ карел из-за „Свейского рубежа“ рисует цитированный выше источник. „Карелянин Степан Авксентьев с детьми в допросе сказал... выходил из-за рубежа до нынешней войны в 1632 и 1643 гг. и в Толмачеву слободу пришли в 1660 г.“ Другое показание: „Карелянин Васька Макаров вышел из Юрьевского-ливонского уезда из Егорьевского погоста из-за помещика Флеминга в 1657 г. в великий пост; из-за рубежа вышед приставал в Валдайском кругу в деревне Софрониха 3 года, а в Толмачеву слободу прибыл в 1660 году“.

Таким образом борьба шведских и русских феодалов имела в качестве одного из мотивов привлечение карельских крестьян как рабочей силы. Благодаря этому карелы „старого“ (20—40-х гг.) и „нового“ (50—70-х гг.) выходов стали предметом внимания московского царя, который спешил льготами, деньгами и предоставлением для поселения дворцовых земель переманить рабочую силу у противника и обеспечить ею вотчины как дворцовые, так частично и помещичьи.

Этот расчет определил ту „систематичность и заботливость“ правительства Алексея Михайловича, которая так удивляла некоторых исследователей.¹ Действительно, места, предназначенные для поселения карел, заранее осматривались, указывалось, сколько семейств может быть поселено. Территория расселения карел охватила ряд местностей в нескольких уездах Новгородского и Замосковского края. В последнем карелы поселились в Ярославском, Углицком, Бежецком и Тверском уездах, занимая небольшие пространства или в виде целых дворцовых волостей (напр., Кесемская вол.) или группу сел и деревень.

Расселяясь на новых местах, карелы усваивали старое название селения или пустоши; но бывали, однако, случаи, когда они давали свои названия, переводя на карельский язык прежнее наименование. Как пример, можно привести название дер. Кагрушки (Лихославльский район), носившую ранее название „Овсянники“, д. Гуммала (Максатихинский район), имевшую, повидимому, прежде название Хмелевка. Из других деревень можно указать селения с карельскими названиями: Райда, Пекша, Озрушка и др. Таким образом в современной географической номенклатуре карельских районов Московской области отразилась карельская колонизация XVII в.

Совершенно не изучен вопрос о путях карельской колонизации. Тот факт, что карелы разместились преимущественно на севере современной Московской области не был случайностью. Эта местность была соединена с побережьем Финского залива и Приладожьем двумя путями. Первый из них шел на Москву через Новгород, Валдай и Торжок. Второй соединял Московскую Русь с притоками Северной Двины, направляясь на Череповец, Бежецк. Оба пути были дорогами крупного торгового значения. По ним направились и переселенцы-карелы.

Что это было так, видно из того же цитировавшегося выше источника. Показания карел, ушедших с шведской территории в первой половине XVII в., называют в качестве мест первого своего пребывания Валдай, Торжок и другие места, лежавшие по пути из Новгорода в Москву. В 60-х гг. XVII в. этими же путями двигались и более значительные массы карел, размещаясь преимущественно на берегах р. Медведицы и ее север-

¹ Ю. Готье. Замосковский край. М., 1906.

ных притоков и по течению р. Мологи и занимая ту территорию, которую в основном населяют и в настоящее время.

Линии двух путей на Москву из Новгорода и на Бежецк с севера — соединялись старым трактом Бежецк — Торжок, служившим дополнительным путем, по которому могли двигаться переселенцы. Благодаря этому гнезда карельских деревень, при наличии в составе земель Новоторжского и Бежецкого уездов значительного количества запустевших дворцовых земель, могли широко раскинуться по территории.

Единственным источником определения количества переселенцев являются переписные книги 60—70-х гг. XVII в., из которых можно извлечь далеко неполные цифровые данные. Переписи предпринимались уже во второй стадии процесса переселения, когда правительство ставило своей задачей закрепить карел на дворцовых землях. В 1661 г. Федору Аксакову было поручено „переписать и отписать на государя карел, вышедших из-за Свейского рубежа“. Поскольку процесс переселения продолжался, переписи повторялись и позднее. В 1663 г. перепись производилась Никифором Поленовым. В 1668 г. московское правительство дало поручение О. Лихареву произвести поселение карел в Новоторжском и Бежецком уездах. Эта перепись ставила целью поселить „в разных станах на государевых порожних пустошах и во великого государя записанных корелян старого и нового выходу, которых корелян записывали за великого государя в Бежецком уезде из-за монастырей, из-за разных помещиков и вотчинников Никифор Поленов да Федор Аксаков в 169, 170 и 171 гг.“ Однако эти переписи не могли учесть всего карельского населения. В 1669 г. была произведена дополнительная перепись Ф. Тютчевым.

На основании сводных данных всех переписей на дворцовых землях и у помещиков было учтено следующее количество карельских дворов в северных уездах Московского государства:

	Дворов
1) На дворцовых землях в Ярославском, Углицком, Бежецком и Новгородском уу. по переписи Лихарева расселено	1605
2) На дворцовых землях по переписи Тютчева	609
3) На дворцовых землях в Тверском и Новгородском уу.	51
4) На помещичьих землях Тверского и Новгородского уу.	184
Всего	2449

Считая состав семьи в 7 душ обоего пола, в $2\frac{1}{2}$ тыс. дворах было до $17\frac{1}{2}$ тыс. населения. Эти цифры не могут считаться точными. Некоторые авторы для 70-х гг. XVII в., учитывая переселенцев, исчисляют их количество в 25—30 тысяч человек.¹

Цифра эта не может считаться бесспорной, так как часть карел поселилась в центральных уездах Замосковного края (в Клинском, Старицком и др.) и не была полностью учтена переписью Луки Уранова 1669 г., с другой стороны, среднее количество людей на двор было меньше, чем считал Готье.

В грамоте тверскому воеводе В. Воейкову 1670 г. указывается, что Уранов был послан в Тверской, Старицкий, Клинский и Волоцкий уезды для переписи карел, с обозначением, когда перешли они границу Швеции, когда поселились, брали ли от правительства „жалованье деньги и хлеб, даны ли ими порядные и на каких живут землях“.²

По этой переписи оказалось в Тверском уезде 61 карельский двор с 186 чел. населения в следующих деревнях: Высокое, Сидорово, Поповка, Татаркино, Боково, Мошнино.³ На одну семью приходилось по 3 человека. Все эти деревни были раньше пустошами, принадлежавшими Троице-Сергиевскому монастырю. Карелы, поселившиеся там, пришли в Московское государство в 1625—1657 гг. и поселились в этих селениях между 1649—1659 гг.

Присоединяя число дворов карел, поселившихся в Тверском уезде, к той цифре, которая была приведена выше, получим, на основании имеющихся источников, цифру около 2600 дворов, к которой нужно добавить карел, попавших в руки помещиков и учтенных очень слабо.

Однако и ее нельзя считать полной. Нет цифровых данных по ряду уездов, где производилась перепись, а пример карел Тверского уезда, обрусевших и растворившихся в массе русского населения, показывает, что нельзя дополнить эти цифры и позднейшими сведениями, поскольку воспоминания о карельском происхождении у крестьян многих селений центральных уездов Замосковного края совершенно изгладились.

¹ Ю. Готье. Замосковский край, М., 1906 стр. 305—306.

² С. Шумаков. Тверские акты, вып. II, Тверь, 1897, стр. 53—55.

³ В настоящее время эти деревни находятся в Степурином районе, Западной области. Население их в течение XVII—XIX вв. смешалось с русскими, утратив язык и воспоминание о своем карельском происхождении.

Переход карел со старого места жительства в пределы Московского государства сопровождался обеднением и разорением их хозяйств. Длинный путь переезда, долгое скитание до устройства на поселение на новых местах, служили причиной дальнейшего обеднения. Ни имущества, ни инвентаря, ни рабочего скота при переселении они сохранить не могли. Приставая то тут, то там, они, по словам источника, „кормились работою“ или пахали пашню „из снопа“, т. е. за небольшую долю урожая.

Эпоха переселения карел совпала с временем восстановления помещичьего и монастырского хозяйства после десятилетий крестьянской войны начала XVII в. И помещик, и монастырь, и царь нуждались в рабочей силе для своих земель. Крупным землевладельцам было выгодно закабалить карел путем ссуд и порядных записей. Этот путь захвата особенно был распространен в 20—60-х гг. XVII в. до появления правительственных мероприятий по отношению к переселенцам.

После Кардисского мира со Швецией экономический и политический расчет побудил царя Алексея Михайловича не только переписать карел, но и взять их „на его государево имя“, заселив ими пустующие дворцовые земли, превращавшиеся трудом переселенцев в доходные угодья. Ссуды, получаемые карелами от казны, служили предлогом для того, чтобы отбирать карел у помещиков и вотчинников. Эти начинания правительства встречали резкий отпор со стороны помещиков. Они протестовали, жаловались царю, ссылаясь на закрепление за ними карел переписными книгами и разрешение правительства принимать выходцев из-за рубежа.

Борьба из-за карел затянулась с 60 до 90-х гг. В 1698 г. правительство Петра I должно было сделать уступку помещикам,¹ отказавшись от мысли перевести карел на дворцовые земли и закрепив за помещиками тех из карел, которые были записаны как составная часть населения их поместий и вотчин в переписных книгах 1678 г.

Не имея возможности взять карельские дворы законным путем, помещики практиковали случаи открытого захвата их силой. Эти случаи особенно учащались в конце XVII в., когда шла широкая раздача дворцовых земель помещикам.

¹ Боярский приговор 23 февраля 1698 г. Полн. сбор. зак., III, № 1619.

К 80-м гг. XVII в. распределение карел по отдельным категориям владельцев было следующим: 90.7% карел относилось к разряду дворцовых крестьян, 7% было помещичьими и, наконец, 2.3% — во владении монастырей. Приведенные цифры лишь приблизительны. Особенно трудно установить число карел, ставших помещичьими крестьянами, поэтому цифру в 7% нужно считать значительно преуменьшенной.

Последующие десятилетия дали значительную перегруппировку среди дворцовых карел. За царствование Федора Алексеевича из общего количества дворцовых крестьян было роздано разным лицам 2195 дворов. Борьба между помещичьими группами в правление Софьи и Голицына, расхищение дворцовых земель в первые годы правления Петра I, вели к тому, что каждая боярская группа, став у власти, спешила обогатиться.

Правительство широко практикует в это время раздачу дворцовых селений помещикам. По мнению С. Г. Томсинского, за этот период времени наблюдалась широкая мобилизация земель и захват помещичьим классом значительного количества дворцовых земель с их крестьянским населением.¹

В челобитной 1697 г. дворцовые карелы описывают свое положение в таких чертах: „помещики и вотчинники“, их, карелян, „... поймав у себя в поместьях и своих карельских деревнях бьют, мучат и в подполье держат недели по две, по три и морят голодную смертью“.

В ответ на возрастающую помещичью эксплуатацию, карелы боролись с помещиками и монастырями, которым они принадлежали. Одной из ранних форм борьбы были организованный протест и попытки уйти на старые места, „за рубеж“. В 1662 г., когда архимандрит Иверского монастыря пытался к прежним формам эксплуатации добавить новую, именно заставить работать на кирпичном заводе, он встретил организованный протест. Карелы заявили, что если будут „... иметь детей наших в кирпичное дело“, они разбредутся, так как „такое дело им не за обычай“.²

Тот же самый источник указывает и другую форму борьбы с феодально-крепостнической эксплуатацией. В середине 60-х гг.

¹ Историк-марксист, 1933 г., № 4 (32), статья „Петровские реформы“, стр. 66—67, 69.

² Русская историческая библиотека, т. V, № 152.

XVII в., узнав о прекращении войны с Швецией (Кардисский мир 1661 г.), карелы, жившие на землях монастыря, собирались уйти за рубеж, на берега Ладожского и Онежского озер.

В отписке архимандрита Иверского монастыря патриарху Никону о высылке кирпичников для постройки Воскресенского монастыря под Москвой находим следующие любопытные строки. Указывая, что карелы не хотят идти работать в Воскресенский монастырь, архимандрит сообщает Никону: „И ныне, государь, заслыша с немцами мирное поставление оне (карелы)...слух носится хотят бежать на старину. И от нас богомольцев послан строитель в Новгород и был в селе Яжелбицах... и от корелян тож слышал“.

Попад в новые условия, незнакомые с русским языком, испытавшие тяжелую жизнь переселенцев, обзаводившихся заново на новом месте, карелы отвечали на рост феодально-крепостнического гнета и притеснения помещиков нападениями на их поля, сенокосы, на их постройки.

Между карельскими деревнями и соседними помещичьими вотчинами в 80—90 гг. XVII в. начинались открытые столкновения, принимавшие характер ожесточенных мелких боев.

Многочисленные челобитные обеих сторон, относящиеся к 90-м гг. (челобитная карел дворянских земель 1697 г., челобитные карел на действия помещиков Евсюкова и Милюкова), проливают свет на классовую борьбу переселенцев — карел с помещиками, имевшую в основном одну главную причину — протест против закрепощения, против роста помещичьей эксплуатации, против попыток захвата заселенных карелами земель.¹

¹ Есть основания полагать, что процесс переселения карел не был закончен в XVII в. К первым двум колонизационным волнам, указанным выше, необходимо добавить третью, относящуюся уже к началу XVIII в., к эпохе Северной войны. На основании наших источников можно утверждать ее наличие.

Таким основанием служат воспоминания самих переселенцев и, кроме того, учет всех обстоятельств, связанных с решением в это время балтийской проблемы и возможности свободного передвижения с севера на юг. Эта третья колонизационная волна, судя по всем данным, не была большой по численности. (Материалы Верхне-молочской экспедиции Педагогического института в г. Калинин). Сведения получены в дд. Заручье, Благовещенье современного Максатихинского района. См. также Д. Золотарев. Этнографический состав населения Бежецкого у., в сборнике „Бежецкий край“, вып. I, Б., 1921, стр. 69.

II. КАРЕЛЫ В ЭПОХУ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Карелы, поселившись в Верхнем Поволжье, составили часть общей крепостной массы крестьянского населения России и должны были пройти те же этапы крепостничества, как и русское крестьянство.

Хозяйство крепостных карел, независимо от того, принадлежало ли оно царю или помещику, к XVIII в., после того как прошли первые 20—30 лет организации его на новом месте, по мере втягивания его в систему феодально-крепостнической экономики Верхнего Поволжья, должно было испытывать на себе влияние воздействия меновых отношений, в особенности с развитием волжско-балтийской торговли и усилением движения через Вышневолоцкий канал. Изменение торговых путей России в начале XVIII в. оказало влияние и на территорию, занятую карельскими переселенцами, тем более, что она лежала вблизи основной торговой магистрали рр. Волга—Тверца—Мста—Волхов—Балтийское море.

Одним из первых результатов роста меновых отношений и усиления помещичьей эксплуатации в карельских районах, лежавших по рр. Тверце, Мсте, Медведице, Мологе, было расширение в лесных и слабо заселенных местностях площади пашни путем расчистки лесных площадей. Эти элементы подсечно-земледелия, пока карелы осваивали пустоши, заросшие лесом, во второй половине XVII в. были необходимостью. Через сто лет расчистка „нив“ (каски—по-карельски) бежецкими, весьегонскими и новоторжскими карелами была уже явлением, свидетельствовавшим не только о росте населения, но и об одном из путей влияния рынка на крепостное хозяйство. Источник XVIII в. говорит о „нивах“ как широко практиковавшемся приеме земледелия в северных уездах Тверской губернии, рассчитанном на повышенный урожай различных сельскохозяйственных культур в течение 3—5 лет. В пределах Бежецкого уезда в первый год после расчистки сеялась репа, на следующий год — ячмень и на третий — рожь.¹

Довольно рано, во второй половине XVIII в., начинают играть заметную роль в полеводстве карел посева льна. Из культуры, рассчитанной на удовлетворение потребительских целей, льно-

¹ Генеральное соображение по Тверской губ., Тверь, 1873.

водство, под влиянием менового хозяйства, чем дальше, тем сильнее, приобретает рыночное значение. По сведениям 80-х гг. крестьянка в зиму ткала до 100 арш. холста, половина которого шла на рынок, по цене 6—7 коп. аршин (по курсу рубля XVIII в.). Товарная часть холста в Тверской губ. исчислялась современником, за вычетом потребления внутри губернии, в 10 млн. арш., сбывавшихся на внутреннем и внешнем рынке.¹

Цифровых данных о том, как втягивались в товарный оборот продукты животноводства, не имеется, но несомненно, оно давало часть продуктов на рынок, в виде кож, сала, мяса и масла. За это говорит состав предметов вывоза из Тверской губ. и развитие, промышленной переработки продуктов животноводства (кожевенные и салотопенные заводы).

Рост, хотя и медленный, производительных сил и общественного разделения труда у карел, расширение меновых отношений в деревне особенно стали заметны во второй половине XVIII в. Цитированный выше источник дает неоспоримые указания на усиление денежной части в крестьянском бюджете. По сведениям автора „Генерального соображения по Тверской губ.“ в Новоторжском уезде бюджет крестьянского двора состоял из следующих составных частей: хлеба продавалось около 4 четвертей на 7 руб., продуктов скотоводства — на 6 руб. и от продажи „рукоделий“ — 10 руб., всего 23 руб.

Разумеется, крепостное хозяйство карел не всюду находилось в одинаковых условиях, и распространение среди них меновых отношений зависело от степени феодально-крепостнической эксплуатации, близости карельских селений к экономическим центрам Поволжья и усиления процесса выделения из крепостной массы зажиточной верхушки деревни.

Характеризуя крестьянское население, автор „Генерального соображения по Тверской губернии“ говорил о карелах Бежецкого уезда, бывших дворцовыми крестьянами, что „они живут избыточно“, занимаясь сельским хозяйством и „никуда не отлучаются“. Иначе описывает он помещичьих крестьян, указывая, что они „посредственного состояния“. Доход крепостного крестьянина, принадлежавшего к дворцовым крестьянам, он исчислял в 30 руб., для помещичьего — втрое меньше (10 руб.).²

¹ Генеральное соображение по Тверской губ., Тверь, 1873.

² Ibid., стр. 68.

Это зависело, бесспорно, как от земельной обеспеченности различных категорий крестьян, так и от степени феодально-крепостнической эксплуатации.

Карельская деревня была связана с рынком не только через широко раскинутую паутину скупщиков, но и путем участия в городских и сельских ярмарках. В XVIII в. в уездах, имевших карельское население (Новоторжский, Бежецкий, Весъегонский и Вышневолоцкий), насчитывалось до 80 сельских годовых ярмарок, не считая многолюдных городских ярмарок в Торжке, Вышнем-Волочке и особенно в Весъегонске.

Через скупщиков и сеть ярмарок товары из разных мест Тверской Карелии стягивались к основным центрам, которыми были пристани на Волге (Тверь), Тверце (Торжок и Вышний-Волочек) и Мологе (Бежецк и Весъегонск).

Войдя в состав крепостной массы Верхнего Поволжья, карелы в XVIII в. испытывали значительные изменения в своем положении. Количественный рост помещичьих крестьян в Тверской губернии происходил в промежутке времени между 1700—1790 гг. в значительной мере за счет государственных дворцовых крестьян. В это время площадь дворцовых земель сократилась чуть не вдвое. Сохранившиеся от расхищения помещиками в конце XVII в. дворцовые земли были жалким остатком тех богатств, которыми когда-то ведал приказ Большого двора. С середины XVIII в. вплоть до 90-х гг. фонд земель, населенных государственными крестьянами, служил источником, из которого правительства Елизаветы, Екатерины II и Павла I щедро раздавали крепостные души помещикам.

В пределах Бежецкого уезда целые волости, населенные карелами, переходили в это время в руки крупных крепостников. Так появились владения Голенищевых-Кутузовых, получивших земли в б. Прудовской вол., сенатора Голубцова — в Трестенской вол. При Павле I вся Медвежьегорская вол. была отдана сенатору Обреневу, и несколько десятков деревень вместе с селом Новым Станом (современный Толмачевский район) были пожалованы ст. сов. Манзе. Перечисленные земли — это наиболее крупные раздачи дворцовых карел помещикам, но кроме них были десятки пожалований более мелких.

В 1797 г. появился новый разряд крепостных карел — „удельных“. Выделение этого разряда крестьян, формирование территории имений с крепостной рабочей силой при установлении

особого управления показывают феодально-крепостническую сущность „реформы“, реорганизовавшей источники доходов царя и его родни.

Состояние разработки источников не позволяет пока установить точное количество ревизских душ карел, перешедших в Удельное ведомство. Однако, применяя приближенный способ исчисления и сопоставления цифровых данных, можно использовать материалы, относящиеся к истории удельных крестьян. По данным „Камеральной ведомости“ об удельном имении 1800 г.¹ в Тверской губ. исчислялось 8690 дворов удельных крестьян, из которых около $\frac{2}{3}$ (6534 двора) были карельскими. В уездах, населенных карелами, число карельских удельных деревень или совпадает с данными „Камеральной ведомости“, или имеет небольшое отклонение, которое легко установить.

С этими оговорками можно пользоваться этим источником, выделив из него материалы, целиком относящиеся к территории, заселенной карелами.

Тверское удельное имение состояло из 8 приказов: Ивицкого, Толмачевского, Заборовского, Осеченского, Чамеровского, Дорского, Арханского и Мышкинского с общим числом селений 452, из которых 375 были карельскими.

Шесть приказов состояли почти сплошь из карельских деревень. Это были следующие приказы: Ивицкий, Толмачевский, Осеченский, Чамеровский, Дорский и Арханский. Нижеприводимая таблица показывает распределение хозяйственных угодий в каждом из приказов и количество числившихся в них ревизских душ.

Земли, принадлежавшие удельным карелам, в то время были слабо разграничены с землями государственных крестьян, поэтому, кроме указанной в таблице земельной площади, на территории каждого приказа числилось весьма значительное количество земель, находившихся в общем владении с соседними крестьянами. В Ивицком приказе таких земель было 60 216 дес., в Толмачевском — 133 247 дес., в Осеченском — 1003 дес., в Чамеровском — 14 673 дес., в Дорском — 30 638 дес. и в Арханском — 8386 дес. Кроме того, насчитывалось от 258 до $2\frac{1}{2}$ тыс. дес. земли в каждом приказе, указанных как спорная

¹ История уделов за столетие их существования 1797—1897, т. III. Приложения, СПб., 1902, стр. 72—75.

	Число насе- лений	Число ревиз. душ	Паш- ня	Сено- кос	Под селе- нием и неу- добной	Итого лесу	Обыч- ных земель	Место- положение	
1) Ивицкий . . .	40	1460	589	17	191	798	580	—	Р. Ивица
2) Толмачевский	66	2147	519	2623	41	587	680	—	Р. Медведица
3) Осеченский .	68	2179	865	61	76	1003	427	—	Оз. Горское
4) Чамеровский	56	2442	10516	2353	1743	14673	9015	1674	Р. Ветка
5) Дорский . . .	88	2584	4469	281	3458	8610	17968	—	Р. Пещанка
6) Арханский .	51	2455	7117	1673	500	9290	9755	—	Р. Белая

земля. Очевидно чересполосица в земельных владениях была широко распространенным явлением.

Феодальная эксплуатация удельных карел при возникновении Удельного ведомства выражалась в денежной ренте. Тверские имения были причислены ко второму классу местностей, где с ревизской души ежегодно бралось 4 р. 59 к. Отработочная рента не имела широкого распространения. Тверские удельные крестьяне, говорит источник, „не назначаются ни на какие хозяйственные заведения“, но существовала эксплуатация женского труда, заключающаяся в обработке льна и в выделке тонкой пряжи. Распространение „между женским полом сей губернии“ этих отраслей труда предполагалось проводить „средством обученных на заведенной в Петербурге удельной фабрике крестьянских девок“ с тою целью, чтобы использовать выделку тонкой пряжи „как для фабрики“, так и на „вольную продажу“.²

Не останавливаясь на вопросе о феодально-крепостнической эксплуатации карел, которая не имела значительных особенностей по сравнению с русским крестьянством Верхнего Поволжья, нужно указать на роль крепостного права в деле руссификации карел.

Исследователь, рассматривая современную карту карел Московской области, часто с большим недоумением останавливает свое внимание на наличии в ряде мест среди сплошного

¹ Все цифры обозначают число десятин, сажени не указываются.

² История уделов за столетие их существования 1797—1897, т. III, СПб., 1902, стр. 72—75.

карельского населения одной-двух русских деревень. Эти факты можно объяснить лишь с помощью исторических источников.

Островки русских селений среди карельской территории — это итоги руссификаторской политики русского помещика. Желая заставить говорить своих крепостных карел на русском языке, помещики нередко переселяли карел в свои русские вотчины, а оттуда переводили крестьян в имение, расположенное в Тверской Карелии.¹ Это был один прием руссификации. Другим приемом являлось обязательное обучение русскому языку и запрещение говорить по-карельски. Не малую роль в этом деле сыграли браки с русским населением, практиковавшиеся в тех помещичьих имениях, которые имели в составе крепостной массы обе народности. Небольшие, но интересные сведения об этом сообщают мало известные источники, хранящиеся на местах, — церковные летописи. Описывая прошлое с. Покров-Конопина, автор церковной летописи сообщает: „Погост в 1730 г. принадлежал вел. кн. Елизавете Петровне, потом неизвестно когда перешел помещику Евреинову, затем кн. Оболенским, Волкову и наконец помещику Шварц. Небольшая часть оставалась государственными крестьянами. Среди прихода было много карел. Обрусению их способствовали помещики“.

Результаты руссификации налицо. Крестьяне с. Покров-Конопина, судя по храмозданной грамоте 1701 г., карелы. В настоящее время они совсем забыли о своем карельском происхождении.²

В условиях крепостного гнета помещик имел в руках много средств, с помощью которых проводилась руссификация карел. К тем мерам, которые были у него в руках, необходимо присоединить и меры государственного характера: постой солдат, рекрутчину, вызовы крепостных ремесленников в города, особенно при постройке Петербурга в начале XVIII в. и, наконец, роль церкви.

В деревнях государственных и удельных руссификация карел шла теми же путями, как и в помещичьих. К основным указанным выше приемам нужно добавить влияние школ, появившихся в конце XVIII и начале XIX в. Летопись с. Толмачей, состав-

¹ Материал Верхне-моложской экспедиции 1925—1927 гг. Калининского пед. института.

² Ibid.

вленная в 1860—1870 гг., описывает факторы, способствовавшие руссификаторской политике правительства, в таких словах: „Жители с. Толмачей, а также окружающих его приходов — карелы, которые против прежнего хотя и обрусели, но есть еще много диких (sic!), не понимающих русского языка, несмотря на то, что при постое у них солдат, частом бытии начальников (село было удельным) и 30-летнем существовании школы им приходилось обращаться с русскими“.¹

Меры, применявшиеся для руссификации карел, относящиеся к XVIII в. и половине XIX в., достигали неодинакового результата. Особенно сильное воздействие они имели на окраинах территории, населенной карелами, более слабое — в центре карельских поселений Бежецкого и Весъегонского уездов.

К началу XIX в. относится интересная попытка в тех же руссификаторских целях, в целях подчинения крепостной массы и усиления роли церкви, создать письменность для карел, пользуясь русским алфавитом. Священником с. Козлова Михайловским был сделан перевод на карельский язык евангелия от Матфея. В 1820 г. книга была издана с разрешения Синода Библейским обществом. Однако игнорирование особенностей карельского языка и невозможность точно передать русскими буквами звуки карельской речи сделали это издание мало пригодным и в то время. Книга, хотя и получила распространение, была трудна для чтения и понимания и осталась одной из неудачных попыток дать письменность карелам. Проблема создания письменности для карел была осуществлена лишь недавно, после Октябрьской революции.

III. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Процесс разложения феодально-крепостнических отношений в хозяйстве карел сделал заметные успехи к 40—50 гг. XIX в., направляясь по тем же основным руслам, которые наметились в предшествующее время. К этому времени заметно выросло количество сельских ярмарок, на которых хозяйничали и мелкий торговец-скупщик и купечество соседних городов: Торжка, Бежедка, Мологи, Углича, Кашина и др.

¹ Материалы экспедиции Московского областного музея, 1931 г. Выписки из летописи церкви с. Толмачей.

В Новоторжском уезде в конце 40-х годов был лишь один ярмарочный сельский пункт, тянувший к себе карел, — это с. Выдропуск с ярмарочным торговым оборотом лишь в 1.3 тыс. руб., да и вообще здесь сельских ярмарок было лишь 5, с общей суммой торговли до 5 тыс. руб., и это была не случайность. У Новоторжских карел наиболее крупную роль играл „linna“ — город, как звали карелы Торжок.

Промежуточное место занимал Бежецкий уезд с его 8 сельскими ярмарками, с общей суммой стоимости товаров в 14.3 тыс. рубл. (данные 1842—1847 гг.). Из них 3 ярмарочных пункта играли для карел наиболее видную роль. Это были села: Молоково, Поречье, Теблеша.

Наибольшую роль сельская ярмарочная торговля играла в более отдаленных, населенных карелами уездах, как Вышневолоцкий и Весьегонский. Первый из них насчитывал 10 годовых ярмарок, с оборотом в 30 тыс. руб., в товарообороте карельской деревни играли видную роль ярмарки в Николе-Теребенской пустыни, Спас-Ясеновичах и Б. Козлове. Весьегонский уезд, наиболее удаленный от центра экономической жизни Верхнего Поволжья, имел 35 годовых ярмарок с оборотом в 52.5 тыс. руб. (в 1842—1847 гг.), из которых годовые ярмарки в с. Чамерове, Николе Высоком, Кесьме, Остолопове, Мартынове, Любегощах, Смердыни, Ламской пустыни — находились среди карельских деревень.¹

Интересно отметить, что и в отношении городских годовых ярмарок наблюдаем ту же закономерность, с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. Данные источников за тот же промежуток времени сообщают следующие цифры годовых ярмарочных оборотов на городских ярмарках: Торжок — 2 ярмарки в среднем за 5 лет имели годовой привоз товаров на 500 тыс. руб. Бежецк — 1 ярмарка (7 дней) в среднем за 5 лет имела годовой привоз товаров на 18 тыс. руб.; Вышний Волочек — 1 ярмарка (с 8 по 20 июля в среднем за 5 лет имела годовой привоз товаров на 106 тыс. руб.; Весьегонская ярмарка также имела крупный оборот.

Очевидно, у новоторжских карел, при сравнительной близости городов с постоянной торговлей, ярмарки — городские

¹ Отчеты нач. Тверской губ. за 1844, 1846 и др. годы. Рукопись Библ. Калининского пед. института.

и сельские — играли меньшую роль, чем в северных уездах, где старые формы обмена в виде годовых ярмарок, унаследованные еще от прошлого, имели доминирующее значение, являясь спутниками феодально-крепостнического хозяйства, как место для сбыта продуктов сельского хозяйства и ремесла на узком местном рынке.

Было бы ошибочно думать, что товары сельских и городских ярмарок застревали на месте. Ярмарка, давая возможность скупщику, мелкому торговцу, ремесленнику сбыть товары, была вместе с тем средством сосредоточения товаров для переброски их в самых различных направлениях через оптовых торговцев, имевших связь с речными пристанями Вышневолоцкой системы и экспортировавших товары к балтийским портам. Это подтверждается источниками, рисующими привоз и вывоз товаров по Вышневолоцкой системе в начале 50-х гг. XIX в. Из приводимых ниже цифр вывоза товаров в Петербург нельзя установить доли, которая падает на карельские селения, но во всяком случае ассортимент товаров был одинаков и для русских и для карел.

Наиболее крупную роль из твердких и мстинских пристаней играли Новоторжская, Вышневолоцкая и Солпенская пристани, отправлявшие главным образом зерновые продукты, скупавшиеся в Бежецком, Вышневолоцком и Новоторжском уездах (рожь, овес, ячмень) у крестьян и помещиков, или же перерабатывавшиеся на купеческих предприятиях (солод, свечи). Пшеница, доставлявшаяся с нижней Волги, перемалывалась на мельницах Новоторжского уезда.

Изучение ассортимента вывозимых товаров¹ указывает, с одной стороны, на преобладание продуктов сельского хозяйства в экспорте, с другой стороны, указывает, хотя может быть и неполно, на кустарно-ремесленную промышленность, гнездившуюся в районах тяготения определенных пристаней: дегтярное производство (Мстинская пристань), бондарное производство (Вышний-Волочек), существовавшее уже и тогда в Ясеновском районе. На 1550 барках по направлению к Балтийскому морю пристани Вышневолоцкой системы отправляли товаров на сумму 5.2 млн. руб.

¹ Судоходный дорожник Европейской России, изд. Гл. упр. путей сообщения, ч. II, отд. I, СПб., 1855, стр. 33, 72, 83 и др.

Вывоз с тверецких и мстинских пристаней имел существенное значение в общей массе товарного движения Волжско-балтийского пути, составляя 19% по стоимости грузов (5 из 26 млн. руб.) и 23% по количеству отправлявшихся судов.¹

Рост вывоза товаров по Вышневолоцкой системе бесспорно шел не только за счет увеличения товарной продукции крепостных имений, но и за счет усиления феодально-крепостнической эксплуатации. „Описания помещичьих имений Тверской губ. 1858 г.“, представленные как материал для работ Губернского комитета по реформе, показывают, что в помещичьих имениях карельских районов практиковались различные системы эксплуатации крепостного труда: и оброчная, и барщинная. Широко применялась и смешанная система, когда часть крестьянских тягол состояла на оброке, часть на барщине. Денежный оброк колебался между 20—30—31 руб. с каждого хозяйства. К этому добавлялись барщинные работы, подводная повинность до ближайших крупных городских торговых центров. Оброчная система в чистом виде имела место преимущественно в западных карельских районах, лежавших ближе к Торжку и Вышнему Волочку (Новоторжский, Вышневолоцкий уу.).

Что касается центральной и восточной части территории тверских карел, то там наблюдались иные явления. Приведем несколько наиболее крупных имений помещиков, насчитывавших от 100 душ и выше, расположенных в Бежецком и Весьегонском уу.

В имении помещ. Я. П. Цызырева, с. Залазино, с 217 душ крестьян мужского пола было 53 тягла оброчных и 25 смешанных.

В имении помещ. П. И. Вырубова, с. Карельский городок, 246 душ крестьян мужского пола, из них 100 тягол барщинных и 7¹/₂ смешанных.

Имение Мельницкого в с. Максатихе с 286 душ крепостных мужского пола насчитывало 24 барщинных, 5¹/₂ оброчных и 70 смешанных тягол.

В имении Н. Д. Шишковой, с. Осташково, с 563 душ крепостных мужского пола, тягла распределялись таким образом: 233¹/₂ тягла было оброчных, 41¹/₂ барщинных.

¹ Судоходный дорожник Европейской России, изд. Гл. упр. путей сообщения, ч. II, отд. I, СПб., 1855, стр. LXXII.

В имении Е. О. Евсюковой, насчитывавшем 500 душ крепостных мужского пола, насчитывалось 123 тягла барщинных, 26 тягол оброчных и 55 смешанных.

Имение С. И. Мальковской, д. Никулино с 289 душами крепостных мужского пола, где вся земля обрабатывалась силами крестьян. На чистом оброке никого не было, но все 140 тягол платили по 14 руб. 30 коп. в год.

Большой вотчиной владел помещик А. С. Максимов (сельцо Линдино с деревнями), где насчитывалось 443 души крестьян мужского пола. Система эксплуатации крепостного труда была та же, что и в имении Мальковской.

Имение помещика И. А. Сназина (д. Городок) с 529 душами крепостных мужского пола сплошь было барщинным, но крестьянам было предоставлено вместо 3 положенных дней барщины отбывать 2 или 1 день, внося помещику за каждый день 7 руб. 15 коп. сер. Тягло, платившее 30 руб. сер. оброка, считалось на чистом оброке.¹

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать выводы о крепостной эксплуатации карел в середине XIX в. В рассматриваемом крае, как показывают эти примеры, преобладала барщинная система с значительной ролью смешанной эксплуатации крепостного труда и с небольшой долей оброка. Ко всему этому следует добавить так называемые добавочные повинности в виде остатков ренты продуктами. Наиболее широкое применение имели сборы холстом (10 арш. с тягла), мясом (по 1 барану), птицей (1 курица), яйцами (50 шт.), грибами, ягодами и т. д.

Если сложить вместе все виды отработочной, денежной и продуктовой ренты, то становится ясным усиление крепостной эксплуатации к середине XIX в. За 1 десятину находившейся в пользовании крестьянина земли он платил от 6 до 10 руб. при оброчной или смешанной системе. Поражает изворотливость помещика, применявшего различные способы феодально-крепостной эксплуатации, без конца их варьировавшего в зависимости от местных условий.

Волна крестьянских движений, нараставшая к 50—60-м гг., нашла отражение и у тверских карел. Революционная борьба происходила и в карельских районах. Карелы вместе с русским

¹ Материалы редакционных комиссий, Тверская губ., стр. 8—13.

крестьянством восставали против помещичьего гнета. Нет возможности пока определить количество этих восстаний крепостных карел, но отдельные факты достаточно ясно говорят об этом.

Одним из крупных волнений было восстание крестьян помещицы Шишковой, которой принадлежало с. Осташково с рядом деревень, раскинутых на 30—40 верст. Ближайшей причиной волнений было увеличение денежного оброка новой владелицей имений, — вместо 50 руб. с дома она ввела оброк в 59 руб. Крестьяне не были в состоянии платить. За 5 лет накопилось недоимок 7534 руб.¹, которые взыскивали всяческими способами. Среди крепостных карел ходили слухи о льготах, посланы были уполномоченные от карел принести жалобы на помещицу. Шишкова вызвала в свою вотчину войска и полицию. Ночью Осташково было окружено солдатами. Сопrotивление было сломлено. Началась экзекуция. Карелы, считавшиеся зачинщиками, были подвергнуты порке: их пропустили сквозь строй солдат, хлеставших прутьями по спине. Падавших замертво — отвозили.

Для поддержания авторитета помещичьей власти были собраны для присутствования при экзекуции крестьяне со всех деревень вотчины. За попытки сопротивления был сожжен хутор Ручейки, а крестьяне сосланы в Сибирь. Осташково было разорено: за недоимки отобрали весь хлеб и скот. Население частью разбежалось по лесам. Некому было и пахать. Были сосланы в Сибирь карелы и из других селений (Бор, Скоблево, Данилково), считавшиеся зачинщиками или оказавшие сопротивление помещице и войскам.²

IV. АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1860-Х ГГ. У ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ КАРЕЛ

Неодинаковые условия жизни карел в эпоху крепостного хозяйства, принадлежность к трем группам крестьян — государственным, удельным и помещичьим, определили для них и различные условия аграрной реформы 60-х гг. и одновременность ее проведения, не говоря уже об индивидуальных моментах, разнообразившихся для отдельных селений в зависимости от местных хозяйственных условий и связанных с ними интересов помещика.

¹ Мат. ред. ком. Твер. губ., стр. 8—13.

² Воспоминания крестьянина с. Осташкова Гр. Филиппова. Из материалов экспедиции Калининского пед. института.

Процесс „освобождения“ помещичьих карел привел к тому, что в итоге реформы обеспечение земель значительно сократилось по сравнению с эпохой крепостного хозяйства. Уставные грамоты карельских деревень еще не разработаны и не изучены. Трудно поэтому говорить об общих итогах. Однако взятые на выбор по ряду деревень различных уездов — уставные грамоты дают факты, подтверждающие наличие отрезков в большинстве карельских деревень.

Так, у новоторжских карел в селе Кузовино помещик из 485 дес., бывших в пользовании крестьян до 19 февраля, отрезал 257 дес.¹

В Весьегонском уезде помещик Шварц, дав $4\frac{1}{2}$ дес. на душу, отрезал у крестьян 78 дес. (с. Покров-Конопдино).²

В дер. Тимошкино (Новоторжского у.) крестьяне в итоге „освобождения“ потеряли 20 дес. земли в виде отреза. В Козловской вол., в дер. Горохово (Вышневол. у.) при наличии у 13 ревизских душ крестьян земли до реформы в 300 дес. — количество отрезанной земли было равно примерно $\frac{5}{6}$ всей площади (242 дес.). Крестьяне дер. Меледики были на 50% „освобождены“ от того количества земли, которое было у них до реформы, получив из 90 дес. — лишь 45.³

Таких примеров можно было бы привести значительное количество.

Карельские хозяйства теряли значительную площадь лесных угодий, отходивших по положению 19 февраля к помещику.

В результате карелы, принадлежавшие помещикам, имели худшее обеспечение надельной землей по сравнению с карелами государственными и удельными. В 80-х гг. на один двор у помещичьих карел приходилось следующее количество надельной земли.⁴

В Новоторжском уезде	10.2 дес.
„ Вышневолоцком „	9.2 „
„ Бежецком „	9.1 „
„ Весьегонском „	9.2 „

В среднем 9.4 дес.

¹ Калин. базов. архив. Фонд уставн. грам. Новот. у.

² Фонд уставн. грам. Весьегонского у.

³ Фонд уставн. грам. Вышневолоцкого у.

⁴ Цифровые подсчеты И. П. Белякова в рукописи «К истории карел Тверской губ.».

Таким образом „освобождение“ принесло карелам сокращение земельной площади. В этом отношении они разделили общую участь с русским крестьянством.

В 60—80-х гг., при проведении реформы и переходе на выкупную операцию, неизбежно должна была возникнуть в разных формах борьба с помещиками — составлять и подписывать уставные грамоты, платить оброки, лесные порубки, потравы помещичьих полей, неплатеж повинностей, надежда на „вторую волю“ проходят красной нитью в жизни карельской деревни за этот период времени.

Один из современников должен был констатировать, что среди крестьян замечается „неуважение к чужой собственности и неисполнение святости договоров“.¹ Корреспондент газеты „День“, очень осведомленный в жизни Новоторжского уезда, прямо заявлял в 1863 г., что крестьяне не несут денег в счет платежей и упорно верят, что будет „настоящая воля“. В 1865 и 1866 гг. процент уставных грамот, составленных по „добровольному соглашению“, не превышал 8. Все остальные сделки совершались по объявлениям одних владельцев, вопреки желанию крестьян.²

Тверские помещики, как они сами о том заявляли устами Унковского, спешили получить скорее „капиталы“ за выгодно проданную землю.

Значительная часть тверских карел, перечисленных из государственных крестьян в удельные в конце XVIII в., в течение всего последующего времени вплоть до 60-х гг., жила сравнительно с другими категориями крестьян несколько обособленной жизнью.

Составляя доходную статью царского двора, удельные крестьяне в течение первой половины XIX в. занимали среднее положение между помещичьими и государственными крестьянами. Хотя удельные имения по закону „состояли на праве помещичьем“, но хозяйственные условия не требовали мелочной опеки администрации. Распределение земли между домохозяевами лежало на сельских обществах. Села и деревни объединялись в приказы — административные единицы наподобие волости. На мирских сходках избирались должностные лица приказного управления: голова, для общего наблюдения над

¹ О ходе крестьянского дела в Тверской губ., 3, 1865 и 1866 гг. Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г., стр. 396—440.

² Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г., стр. 408—410.

подведомственной ему территорией, казенный староста для сбора повинностей, приказный староста для разбора мелких тяжб и писарь.

Юридически удельные крестьяне были стеснены рядом ограничительных полуфеодальных мер: без разрешения начальства запрещалась отлучка с места жительства. Женщинам можно было выходить в другие сословия путем замужества с уплатою выходных денег или с обязательством соседнего помещика или управления государственных крестьян отпустить взамен ее принадлежащую им крестьянку, которую просватает удельный крестьянин. Семейные разделы дозволялись лишь в том случае, если не нарушалась платежеспособность крестьянского двора.

Правительство строго следило за возможностью получить большие доходы с крестьян. В царствование Николая I с этою целью предпринималось насаждение улучшенных способов обработки земли, распространение улучшенных пород скота, посевов картофеля, огородных и полевых культур. Этими же соображениями царь-помещик руководствовался, ограничивая возможность злоупотреблений по отношению к удельным крестьянам со стороны соседних помещиков.

Переходя в состав удельных крестьян, карелы платили оброка с ревизской души около 4 руб. В течение первой половины XIX в. интенсивно шло повышение обложения до 5 и 10 руб. В 30-х гг. взамен подушного стал вводиться в удельных имениях поземельный сбор. В связи с ним в каждой местности назначалась площадь тяглого (на 2 ревизских души) участка, соответствовавшего будто бы валовому доходу в 75 руб. асс., из которого 30 руб. поступало в пользу удельного ведомства. Излишек земли сверх тяглого участка переходил в распоряжение правительства и сдавался как оброчная статья в аренду крестьянам тех же деревень.

Введение поземельного сбора сопровождалось ростом крестьянских платежей на 50—100%. После 9 и 10 ревизии подати вновь были увеличены с расчетом на прирост ревизских душ за 40-е и 50-е годы.

Таким образом карелы, входившие в состав удельных крестьян, эксплуатировались царской семьей, выжимавшей через удельное ведомство все большие и большие суммы денег.

В конце 50-х гг., когда был поставлен вопрос об освобождении помещичьих крестьян, правительство Александра II приступает

и к обсуждению проекта „освобождения“ удельных крестьян. Пример освобождения помещичьих крестьян лег в основу освобождения и удельных. Выгодная продажа „земли и воли“ крестьянам, проведенная в 60-х гг. помещиками, послужила образцом и для первого помещика — царя и его семьи.

Отрезке земель подвергалась площадь крестьянского землепользования в большинстве губерний, и лишь местами были совершены прирезки до уровня установленного надела.

Выкупная сумма, падавшая на десятину земли, равнялась 12 руб. 28 коп. Средний выкупной платеж у удельных крестьян был равен 3 руб. 50 коп., в то время как у помещичьих — 6 руб. 50 коп.

Средний размер надела составлял на ревизскую душу 4.8 десятины. У тверских карел обеспечение землей было неодинаково в различных уездах. У новоторжских карел он составлял на 1 хозяйство (2 ревизских души) — 13.6 дес., у вышневолоцких — 10.8 дес., у бежецких — 14.6 дес., у весьегонских — 13.6 дес. Повышенные размеры надела, сравнительно с вышеуказанными средними выводами (9.4 дес.) объясняются тем, что в нечерноземной полосе как помещики, так и царь стремились получить больше денег за отходившую во владение крестьян землю. Однако вместе с этим выгоды „первого помещика“ были строго соблюдены в смысле захвата более ценных и доходных лесных площадей.

Проведение в жизнь аграрной реформы 1863 г. в карельских селениях Тверской губ. происходило в 1864—1865 гг. Уставные грамоты, пока не изученные, дают даже при частичном знакомстве с ними ценный материал для определения количества отрезанной земли по отдельным карельским деревням. Так, в с. Ворожилове при 32 ревизских душах, при наделе в $4\frac{1}{2}$ дес. было отрезано 112 дес., т. е. почти 50% площади крестьянских земель.¹ В Б. Козлове на 42 ревизских души, подлежащих наделу, было отрезано 90 дес., т. е. более 2 дес. на душу или $\frac{1}{3}$ земли, принадлежавшей крестьянам. В деревне Песогор при наличии 8 ревизских душ крестьянам было дано 45 дес., а отрезано 42.

Отнятая у крестьян земля составила доходные „оброчные статьи“ удельного ведомства, из-за которых позднее в процессе

¹ Калининск. базов. архив. Фонд уставн. грам. Беж. у. Уставн. грам. с. Ворожилова.

развития аграрного движения происходила борьба между карелами-крестьянами и собственником этих земель — Удельным ведомством.

Тремя годами позднее стало проводиться и „освобождение“ карел, относившихся к категории государственных крестьян. Положение 1866 г. закрепило за ними все состоявшие в их пользовании земли и угодья, но не в собственность, а в бессрочное пользование за определенные платежи — оброчную подать, изменяемую через 20 лет. Только с 1887 г. эта подать была заменена выкупными платежами.

Средний надел для государственных крестьян был 5.7 дес. на ревизскую душу. Следовательно, в отношении земельного надела карелы, бывшие в разряде государственных крестьян, находились в лучшем положении не только по сравнению с помещичьими, но и удельными крестьянами.

По данным местного исследования 1884—1889 гг. карельские деревни, населенные бывшими государственными крестьянами, имели следующее количество наделной земли на одно хозяйство:

Новоторжские карелы	11.8 дес.
Вышневолоцкие „	16.3 „
Бежецкие „	12.3 „
Весьегонские „	13.5 „

В среднем 13.5 дес.

Однако выкупные платежи, возраставший процесс дифференциации деревни привел к тому, что часть карел — государственных крестьян беднела. Автор статьи о ходе аграрной реформы 1861—1866 гг. в Тверской губ., отмечая лучшее материальное положение государственных крестьян, должен был признать, что „некоторые волости в Вышневолоцком и Новоторжском уу. по малопродуктивности почвы не вознаграждают трудов земледельца... и крестьянин в течение целого года вынужден бывает употреблять в пищу невеянный хлеб“.¹

И у государственных крестьян накапливались недоимки с конца 60-х гг. Автор цитированной выше статьи ставит недоимки в связь „с плохой почвой“ северных уездов губернии и с „послаблением взысканий“, — но суть задолженности пла-

¹ О ходе крестьянского дела в Тверской губ. за 1865—1868 гг. Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г., стр. 403—404.

тежей, конечно, была не в этом. Она состояла, как и у всех других разрядов крестьян, в обеднении и карельской и русской деревень в связи с проникновением капитализма в деревню, в связи с непосильным для беднейших слоев крестьянства бременем податей и выкупных платежей.

Аграрная реформа 1861—1866 гг. имела и другое следствие, которое заключалось в обострении классовых противоречий в связи с сохранением остатков феодально-крепостнических отношений и в карельской деревне.

Кроме отказа подписывать уставные грамоты, в карельских районах насчитывается в 1860—1880 гг. немало случаев активной борьбы крестьян-карел. Интересны факты борьбы карел с. Толмачей против церковного землевладения в 1863—1864 гг. При проведении аграрной реформы у удельных карел с. Толмачей была отрезана и отдана в фонд церковных земель часть земельной площади, находившаяся прежде во владении крестьян. Карелы протестовали, обращаясь в министерство уделов.¹ Когда министр отказал в просьбе, крестьяне решили не платить духовенству ни денег, ни продуктов в праздники, запретили гонять скот, принадлежавший духовенству, на общее пастбище, огородили свои поля, создавая неудобства в пользовании церковными землями. Борьба тянулась целых два года, и только после вмешательства губернатора и уездной полиции карелы вынуждены были прекратить эту своеобразную стачку.

В итоге аграрной „реформы“ 1861—1866 гг. основная масса тверских карел потеряла значительную земельную площадь, которая по отдельным селениям составляла от 5 до 50% земельных угодий. И помещик, и удельное ведомство широко использовали право сохранения за владельцем лесных площадей.

„Отрезки“ земель, произведенные вокруг деревень, сжали в крепкие тиски крестьянские земли и служили одним из способов эксплуатации крестьянских масс. Выкупные платежи, необходимость аренды помещичьей земли еще более усугубляли зависимость крестьянства от помещика.

Необходимо отметить в итоге аграрной реформы наличие остатков прежней феодально-крепостнической чересполосицы. У тверских карел при раздаче государственных деревень помещикам в течение XVII—XVIII вв., при переходе государственных

¹ Летопись церкви с. Толмачей.

ных крестьян-карел в разряд удельных наблюдались нередко случаи, когда одна и та же деревня делилась между тремя или двумя владельцами. Бывало так, что часть деревни принадлежала удельному ведомству, другая половина — государственным крестьянам. Были деревни (напр., с. Кузовкино), разделенные на три части между помещиками, казной и уделом.

При проведении реформы каждая часть получала различный земельный надел, составив при этом особые сельские общества.

Чересполосица феодально-крепостнической поры этим самым была закреплена вплоть до Октябрьской революции, чем создавался огромный тормоз в развитии производительных сил деревни.

ЕВРЕЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЕВРЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

I

В первое десятилетие XIX в. текстильная промышленность, а особенно сукноделие, играла весьма важную роль в экономическом развитии России. Одним из главных условий, содействовавших расцвету и развитию сукноделия в то время, была, без сомнения, усиленная милитаризация страны, которая проводилась при Александре I, а затем при Николае I. По мере роста армии возрастала и потребность в сукне для обмундирования войсковых частей. Молодая русская текстильная промышленность в ее тогдашнем состоянии не могла даже при самом величайшем напряжении удовлетворить полностью спрос армии на обмундирование. Это обстоятельство и объясняет тот факт, что правительство Александра I так щедро поддерживало и широко развивало сукноделие в стране. В 1808 г. для этой цели было основано специальное „Главное мануфактурное управление“ (1809 г.). Это управление выдало различным фабрикантам ссуд до 2 млн. руб.¹ Кроме того, фабриканты получили ряд различных привилегий.

В 1811 г. сенатор Аршеневский получил от Александра I специальное поручение посетить ряд губерний и обследовать в них состояние промышленности, главным образом текстильной. В высочайшем рескрипте на имя сенатора Аршеневского от 1 апреля 1811 г. о задачах, которые он должен выполнить в своей поездке „для освидетельствования фабрик и заводов“, был специальный пункт (5) о евреях. В пункте этом говорилось:

„Во время проезда вашего через Белороссию не оставите вы войти в соображение, какие, по мнению вашему, лучшие и надежнейшие средства могут быть употреблены ко введению

¹ См. статью о шерстяной промышленности в сборнике „Обзор различных отраслей промышленности“, т. I.

сукноделия между евреями, и не найдете ли вы возможности при содействии местного начальства склонить первостатейных из них к начальному заведению сукноделия ныне же между ними, хотя и в малом виде, но для подражания другим, не стесняя их впрочем обязанностью ставить в казну сукна. Довольно того, если они заниматься станут сею промышленностью для собственного своего прибытка. Можно даже поощрить их к тому обещанием некоторых от казны вспоможений¹.

Уже 6 мая сенатор Аршеневский послал рапорт на высочайшее имя и доклады министру внутренних дел и витебскому губернатору о своих первых успехах в Витебске в области привлечения еврейских промышленников к фабрикации сукна.¹

В рапорте на высочайшее имя Аршеневский рассказывает, что ему удалось повлиять на некоторых „первостатейных“ витебских евреев, чтобы они занялись фабрикацией сукна. Он убедил их, что правительство своими предложениями имеет в виду „пользу еврейских заводчиков, а также для доставления надежного пропитания бедным семействам их общества, не имеющим никакого ремесла и торгова. Евреи, чувствуя в полной мере высокомонаршее о них попечение и милость, со всей усердной готовностью согласились, некоторые компанией, а другие отдельно сами по себе завести первоначально 10 станков, употребляя для оных работников из тех неимущих, за которых от целого общества платятся государственные подати, а равно и другие, кои пожелают обучаться сему ремеслу. Нет сомнения, и другие евреи как в губернских, так и в уездных городах последуют сему хоть небольшому началу и, увидя существующую из того для себя пользу, стараться будут в распространении своих заведений. Тогда для вернейшего сбыта своих изделий пожелают они сами войти в поставку сукон для войск вашего императорского величества. . . .“

Сенатор Аршеневский рассказывает, между прочим, и о суконной фабрике² при Приказе общественного призрения, арендо-

¹ Все дальнейшие сведения мы заимствуем из архивного фонда Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 1 за 1811 г., дело № 37 „Об осмотре мануфактур сенатором Аршеневским“.

² Термин „фабрика“ и производные от него употребляются нами не в строго-научном значении слова, а в том порядке, в каком они фигурируют в документах эпохи, покрывая и мануфактуру, и кустарные предприятия, и зарождающуюся фабричную промышленность.

ванной евреем. На этой фабрике на двух станах вырабатывалось солдатское сукно.

К докладам витебскому губернатору и министру внутренних дел Аршеневский приложил копии прошений, в которых 5 витебских евреев выражают свое желание основать суконные фабрики. Они ставят лишь условием, чтобы правительство выдало им ссуду на 8 лет по 2 тыс. руб. на каждый стан.

Спустя несколько недель, 8 июля Аршеневский уже прислал доклад о Могилевской губернии. В своем докладе он сообщает, что в Могилеве он посетил суконную фабрику (с 8 станами) евреев Хонона Кроля и Исера Лурье. „По 20 мая на этой фабрике уже успели выработать 2 тыс. аршин сурового сукна по низкой доброте... Содержатели фабрики обязались расширить оную в течение 3 лет до 40 станов“.

Кроме Могилева Аршеневский посетил еще два пункта Могилевской губернии — Шклов и Дубровну. О своих успехах в этих городах он пишет: „Проезжая из Могилева через Шклов, склонил я из числа именитых евреев пятерых, которые, составя между собою 2 компании, обязались завести: одна 4, а другая 3 стана. Первая просит в ссуду от казны 6 тыс. руб. на 6 лет... В м. Дубровне живущие евреи, следуя, сему примеру, охотно приняли мои предложения и согласились завести у себя собственным своим иждивением на первый случай 6 станов. Сложив с теми, кои в Витебске, Могилеве и Шклове заведены будут, составят 63 стана, на коих со временем должно вырабатываться ежегодно по 63 тыс. аршин солдатского сукна...“¹

Из доклада Аршеневского к министру внутренних дел от 31 мая и 8 июня мы узнаем, что на Могилевской суконной фабрике Кроля и Лурье часть рабочих состояла из евреев. Мы узнаем также, что владельцы фабрики решили довести коли-

¹ В том же докладе Аршеневский сообщает: „В Дубровне осмотрел я фабрику Салмона Гинцбурга и Симхи Езельсона, где работают так называемые талесы... Заведение сие устроено на 29 станов и достойно уважения потому, что таковые талесы получались прежде сего из Турции, а ныне довольствуются оными не только живущие в России евреи, но даже и в Германию знатное число их отправляется, так что в прошлом году приготовлено на сей фабрике 24 623 аршина талейсем разного разбора...“

На Дубровенской фабрике талесов, равумеется, работали еврейские рабочие. По количеству станов (29) и размерам годичной продукции (до 25 тыс. аршин) количество еврейских рабочих на этой фабрике должно было составить несколько сот человек.

Университет
№

чество станов до 40 и „использовать на новых станах рабочих из их нации“.

Как видим из приведенных материалов, правительство усиленно старалось привлекать всеми мерами „первостатейных“ евреев, т. е. еврейских капиталистов, к фабрикации сукна, и в этих целях даже освободило их от армейских поставок и ограничилось тем, что „они (еврейские фабриканты. А. Ю.) заниматься станут сею промышленностью для собственного своего прибытка“.

Но вскоре еврейские капиталисты сами стали предлагать свои услуги по основанию специальных фабрик для выработки армейского сукна. „Именитые“ и „первостатейные“ евреи быстро уразумели общий курс русского правительства на вскармливание буржуазии, и, обеспечивая себя доходными армейскими поставками, стали испрашивать „вспоможения“. Уже 16 ноября 1811 г. литинский купец 3-й гильдии Гершензон предложил основать суконную фабрику и поставлять в Комиссариат или в Адмиралтейство в течение 10 лет (начиная с 1812 г.) по 120 тыс. арш. сукна в год. Он испрашивает у правительства ссуду в размере 360 тыс. руб., т. е. по 3 руб. на каждый аршин. Во втором прошении от 7 декабря 1811 г. он предлагает уже поставлять 50 тыс. аршин в год и просит ссуду в 150 тыс. руб.¹

В списке фабрикантов, откликнувшихся в 1812 г. на предложение правительства о поставке в течение ближайших 3—5 лет сукна и каразеи для армии, мы встречаем среди других и имя еврейского фабриканта Маргулиса (Подольской губернии),— он предлагал поставлять 800 аршин в год.²

В 1817 г. мы встречаем уже целую группу еврейских фабрикантов и капиталистов в списке ассигнований на уплату фабрикантам за сукно и каразею, которые они поставят для армии в 1818 г. По размерам ассигновок, назначенных для еврейских фабрикантов, можно судить, что речь шла о больших партиях товара. Так, например, Янкель Каган (Белая Церковь) должен был поставить в Киевскую казенную палату суконных

¹ Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 2 за 1811 г., дела №№ 95 и 98.

² Ibid., отд. 1, стол 1 за 1812 г., дело № 144 „О вызове фабрикантов на поставку в 1812 г. сукон и каразеи“.

товаров на сумму в 742 500 руб., Абрам Лейб Каган, Матис Гервиц и Янкель Кац (Дубно) должны были вместе с виленским гражданином Казимиром Маевским поставить Комитету по снабжению армии суконных товаров на сумму в 167 500 руб. Купцы Арон Скульский, Моисей Гальперин, Ямпольский (через его доверенного Гершку Бродского) и Гешель Каценеленбоген должны были поставить суконных товаров Комитету по снабжению армии на сумму в 270 750 руб.¹

Какую роль еврейские капиталисты и фабриканты играли уже к тому времени как поставщики сукна для армии можно видеть из списка 1819 г. о количестве суконных товаров, которых ряд фабрикантов не доставил в войсковые комиссии по контрактам, заключенным в 1816, 1817 и 1818 гг.² Согласно этому списку одесский купец Бланк к 1 декабря 1819 г. не доставил по контракту от 1818 г. 51 тыс. аршин отделанных сукон, Горенберг (Острог) к 1 ноября 1819 г. не поставил по контрактам от 1817 и 1818 г. 82 045 аршин. Каценеленбоген (Брест-Литовск) не поставил 23 250 арш. Кременчугский купец Ямпольский остался должен по контракту от 1818 г. 21 285 арш. (Впрочем, как можно убедиться из другого документа в том же архивном деле, Горенберг, Каценеленбоген и Ямпольский поставили все количество законтракованного сукна. Но сукно было забраковано, потому что не соответствовало образцам, которые фабриканты представили при заключении контрактов.)³

В списках фабрикантов, у которых комитеты по снабжению армии сукном прикупили в 1819 и 1820 гг. недостающие суконные товары, мы встречаем и еврейских купцов Тартаковского и Хахамовича (в 1819 г. у них купили 6958 аршин, а в 1820 г. — 5331 аршин) и Бернштейна (в 1820 г. у него купили 8007 аршин).⁴

¹ Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 2, за 1817 г., дело № 394 „Об ассигновании сумм на платеж за сукна и каразею, фабрикантами в 1818 г. поставляемые“.

² Ibid., отд. 1, стол 2 за 1819 г., дело № 479 „О побуждении поставщиков сукна к скорейшему очищению недоимок“.

³ Как видно из архивного дела № 214 за 1824 г., Каценеленбоген и Бродский поставили по контракту 27 882 арш. 11 $\frac{2}{3}$ верш.

⁴ Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 2, за 1819 г., дело № 480 „О пополнении недоимочных сукон за 1816, 1817, 1818 и 1819 гг. за счет неисправных поставщиков“.

Приведем еще некоторые данные из архива Департамента мануфактур и внутренней торговли о количестве еврейских суконных фабрик в 1824 г.¹

По этим данным, в 1824 г. в Подольской губ. было 5 еврейских суконных фабрик (из общего количества 27) с 13 станами (из общего количества 89) и 122 рабочих (из общего количества 735). На этих 5 фабриках в 1824 г. было выработано 15 040 аршин сукна. В Минской губернии из 7 суконных фабрик была одна еврейская с 2 станами и 7 рабочими. В 1824 г. на этой фабрике было выработано 1200 аршин.

Особенный интерес представляют собою попытки виленского купца Гилера Маркевича в 1818—1820 гг. основать суконную фабрику, чугунолитейный завод, медеплавильный завод, лесопильный завод, бумажную фабрику и т. д.²

Маркевич был промышленником и вместе с тем одним из представителей еврейского „просветительства“ (гаскала) 20-х гг. Нам известна докладная записка, которую он подал в 1820 г. министру финансов о мероприятиях для благоустройства евреев в России.³ В своем первом прошении от 12 декабря 1813 г. Маркевич обращается к виленскому губернатору с просьбой о выдаче ему денежной ссуды для устройства суконной фабрики, на которой он рассчитывает вырабатывать в течение 10 лет (с 1815 г.) по 100 500 аршин сукна в год для комиссии Виленского провиантского депо. Виленский губернатор отказал Маркевичу в его просьбе.

29 мая 1818 г. Маркевич подал прошение министру внутренних дел Козодавлеву. Он просил, чтобы ему отдали в аренду на 6 лет два фольварка Тупачишки и Леонтишки, расположенные за Вильной на реке Вилейке. Маркевич при этом присовокупил список целого ряда заводов и фабрик, которые он имеет в виду построить:

1) Чугунный завод „на выделку разной посуды и для фабрик рукодельных мастеров разных машин“; 2) фабрику „для делания писчей бумаги разных сортов“; 3) „олеиную для произведе-

¹ Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 2, за 1824 г., дело № 233а.

² Дальнейшие сведения о Маркевиче мы заимствовали из архивного фонда Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел 1, стол 2 за 1814 г., дело № 200, и отдел 1, стол 1 за 1818 г., дело № 207.

³ Ю. Гессен. История еврейского народа в России, том 2, стр. 8.

ния из семян постного масла“; 4) „доскопильную на английский манер“; 5) завод „для отделки медных вещей“; 6) мельницу; 7) сукновальную для суконных фабрик, предположенных к открытию.

В конце своего прошения Маркевич уверяет, что он всячески будет привлекать окружающих граждан, чтобы они с ним и с остальными мастерами, которых он выпишет, „разделяли... труды свои сколько для поддержания себя, наиболее же на тот конец, чтобы искусства по части фабричных заведений множились и возрастали в пресловутом нашем отечестве — до возможной высоты и совершенства“.

В 1820 г. Маркевич подал министру финансов новое прошение о разрешении ему построить разные фабрики и заводы. Среди прочих мотивов Маркевич выдвигает и тот, что будут „на тех заводах работать в большом числе из еврейского народа, кои выучатся и со временем могут поступить в искусственники и мастеровые, и между тем всякий из них будет иметь чем уплатить казенные подати во-время и бездоимочно“. Заканчивает он свое прошение следующими словами: „Мое желание (строить фабрики и заводы. А. Ю.) состоит лишь в том — показать хороший пример евреям, которые чуждаются фабрик и работы“.

Департамент мануфактур и внутренней торговли, от которого зависело все дело, в конце концов отказался удовлетворить просьбу Маркевича. Департамент мотивировал свой отказ тем, что „имущество Маркевича недостаточно для выполнения намеченной программы“ и „Маркевич имеет в виду не общественную пользу, а личную выгоду“.

II

Двадцатые годы XIX в. были вообще весьма благоприятны для развития русской промышленности: протекционистский тариф 1822 г. затруднял или почти совсем запрещал ввоз зарубежных промышленных изделий. Под покровительством этого тарифа развитие русской фабричной промышленности в 20-х гг. пошло быстрым темпом. Так, количество русских фабрик уже в 1825 г. достигло 5261 с 210 568 рабочими (в 1812 г. количество русских фабрик составляло только 2322 с 11 093 рабочими).¹

¹ Л. И. Ниселович. История заводско-фабричного законодательства Российской империи, часть II. Приложение 2 в конце книги.

К середине 20-х гг., помимо протекционистского тарифа, предпринимается и ряд других мер для укрепления позиций молодой русской промышленности. В 1825 г. учреждается специальное „Общество для поощрения мануфактурной промышленности“. В том же году открывается Технологический институт с целью подготовить необходимые для фабрично-заводских предприятий технические квалифицированные силы. В 1827 г. организована первая выставка русской отечественной промышленности.

Быстрый темп развития промышленности особенно сильно сказался на фабрикации сукна. До 1822 г. в стране постоянно ощущался недостаток в суконных товарах. Русские суконные фабрики не могли покрыть спрос армии на сукно. С 1822—1823 гг. производство сукна превышает уже спрос армии на суконные товары, и если раньше правительство предлагало каждому поставщику выработать больше нормы заказа, то с 20-х гг. фабриканты-поставщики сами начинают предлагать комиссариатским депо вдвое-втрое большие количества сукна, чем это нужно для удовлетворения действительных потребностей армии в обмундировании.¹

К 1825 г. общее количество выработанных суконных товаров уже доходит до 900 000 аршин тонкого сукна и 5 500 000 аршин простого солдатского сукна (в 1820 г. количество выработанных в России суконных товаров составило 260 000 аршин тонкого сукна и 3 700 000 аршин простого солдатского сукна).²

Текстильная промышленность интенсивно развилась в Гродненской и в Волынской губ. Причину того, что Волынь в то время стала крупнейшим центром фабрикации сукна в Западном крае, волынский корреспондент Мануфактурного совета объясняет следующим образом:³

„Распространяющееся просвещение, торговые сношения, а может быть, и стесненное состояние хлебного торга вразумило их (помещиков. А. Ю.) в сию истину. С того времени они обратили капиталы свои на промышленность мануфактурную... Она (промышленность. А. Ю.) обратилась преимуще-

¹ Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отдел I, стол 2 за 1825 г., дело № 254.

² См. статью о шерстяной промышленности в сборнике „Обзор различных отраслей промышленности“, т. I.

³ Журнал мануфактур и торговли, 1831, XI.

ственно к сукноделию. Собственное обширное овцеводство и близость Бердичевского и Одесского рынков указали на сию отрасль фабрикации, а выгодность поставки в казну сукон для армии подкрепила (помещиков. А. Ю.) в сем счастливым выборе“.

Подобные объяснения мы встречаем и у корреспондентов Мануфактурного совета из других губерний. Вообще успех сукноделия в той или другой местности зависел от развития в ней овцеводства. Потому-то вопрос о выращивании мериносов и о хорошей постановке овцеводческих заводов стал тогда одним из важнейших хозяйственных вопросов во многих помещичьих имениях.

Крупные землевладельцы Северо-западного и Юго-западного края имели все возможности для инициативы в деле строительства текстильных фабрик. Лесные угодья их владений доставляли им строительный материал для фабричных зданий, „собственное обширное овцеводство“ — шерсть, сырье текстильной промышленности, а подвластные крепостные — рабочую силу. Но кроме этих важнейших элементов для текстильных фабрик требовались и значительные денежные капиталы: надо было выписывать из-за границы техническое оборудование и опытных мастеров. Эти денежные капиталы помещики-землевладельцы добывали, отчасти экспортируя за границу хлеб, а отчасти — поставляя сукно для войсковых частей (щедрые авансы, выдававшиеся правительством, позволяли и оборудовать фабрику и поддерживать производство).

К середине 20-х гг. положение радикально меняется. Уже с 1822—1823 гг., как упоминалось, предложение солдатского сукна начинает превышать спрос на него со стороны армии, и правительство становится сдержаннее, перестает выдавать с готовностью авансы под невыработанное сукно. В отношении же тонких сукон для гражданского населения сказывалась конкуренция текстильных изделий из Польши: покровительственный тариф 1822 г. на них не распространялся, и они ввозились свободно. К концу 20-х гг. давал себя чувствовать и сельскохозяйственный кризис вследствие падения цен на русски хлеб на заграничных рынках. Помещики западных губерний стали ощущать недостаток в деньгах. Организация фабрики и поддержание в ней производства становится для землевладельцев все труднее и труднее.

Корреспонденты Мануфактурного совета отмечают в своих отчетах неоднократно, что недостаток денежных капиталов мешает дальнейшему развитию и усовершенствованию промышленности в их губерниях.¹

Недостаток капиталов и побуждал помещиков продавать свои фабрики или сдавать их в аренду.

В промышленности Западного края еврейская буржуазия явилась преемницей польского помещика; еврейская крупная фабрика, а особенно крупная суконная фабрика в 20-х гг. XIX в. непосредственно выростала из дворянско-помещичьей фабрики.

На чем же покоилась экономическая, хозяйственная мощь еврейской буржуазии? Разумеется, на крупных резервных капиталах, которые она к тому времени накопила. Резервы капиталов накопились у еврейской буржуазии от аренды мельниц, винокуренных заводов, заводов, вырабатывавших поташ, и других доходных статей помещичьих имений, — от долголетнего обслуживания помещичьего хозяйства.

Что к 30 гг. у еврейской буржуазии накопились порядочные резервы капитала, можно видеть по той исключительно важной роли, которую она к тому времени играет в Белоруссии и Украине в хозяйственной жизни и особенно в области финансов. Так, например, мы знаем, что крупный банкирский дом бердичевского еврейского богача Гальперина, который впоследствии в 40—50-х гг. был весьма важным фактором в хозяйственном развитии всего Юго-западного края, функционировал уже к 30 гг. и был весьма популярен в промышленных и торговых кругах края, как в этом можно убедиться из прошения, поданного Гальпериным в 1837 г. киевскому генерал-губернатору об открытии в Киеве еврейской типографии.²

¹ См. „Журнал мануфактур и торговли“, 1829 г., VII: „Отчет о состоянии фабрик в районе Белостока“ ... „Единственным препятствием к распространению и возвышению здешних фабрик есть недостаток капиталов и трудность займа оных“.

См. также упомянутый журнал за 1831 г., X, в отчете „О состоянии фабрик в Подольской губ.“, где корреспондент пишет: „Причины, останавливающие дальнейшее усовершенствование оных (фабрик. А. Ю.), должно искать ... в недостатке денежных капиталов, по величайшей дешевизне хлеба, главного произведения здешней плодородной земли“.

² Киевский центральный исторический архив, фонд киевского генерал-губернатора (полицейская часть 1837 г., дело № 35).

Гальперин пишет в своем прошении тогдашнему киевскому генерал-губернатору Бибикову: „Наш банкирский дом известен во всем крае своими денежными капиталами и оборотами... и был известен как таковой предшественникам вашего превосходительства“, т. е. генерал-губернаторам, бывшим в Киеве до Бибикова.¹ В то же время Гальперин испрашивает также разрешение на перевод своего банкирского дома из Бердичева в Киев. Просьбу свою он обосновывает тем, что „банковские операции нашего банкирского дома могут много содействовать увеличению и расширению торговли и промышленности в Киеве, тем более, что нигде поблизости к Киеву нет никаких банкирских фирм (разрядка наша. А. Ю.), а в них чувствуется сильная нужда“.

Накопленные крупные финансовые средства и дали еврейской буржуазии возможность перенять в свои руки дворянско-помещичью фабрику и занять важное место в дальнейшем развитии текстильной промышленности. В рассматриваемый период крупная еврейская фабрика большей частью выросла на развалинах помещичье-дворянской фабрики и являлась продолжением ее. Впоследствии это явление наблюдалось не только в сукноделии, но и в других отраслях промышленности.

По их характеру еврейские фабрики того периода, особенно суконные, можно разбить на две категории. Значительная часть еврейских суконных фабрик, преимущественно местечковых и не очень крупных, была построена еврейскими же владельцами. Как указано в материалах, большая часть таких фабрик была построена во второй половине 20-х гг. Относительно одной еврейской фабрики указано, что она построена в 1816 г.

Но целый ряд крупных еврейских суконных фабрик, главным образом деревенских, были построены не еврейскими фабрикантами, а помещиками-собственниками тех имений, где находились фабрики. В некоторых случаях помещики сами некоторое время вели производство на фабриках и лишь впоследствии, когда они оказались не в состоянии вести фабричные дела из-за отсутствия денежных капиталов или по каким-либо другим причинам, они свои фабрики продавали или сдавали в аренду.

¹ До Бибикова в Киеве были генерал-губернаторы: Княжнин (1830—1833), Левашев (1833—1836) и Гурьев (1836).

Случалось и так, что они с первого же дня сдавали фабрики в аренду, или приглашали купцов и фабрикантов выстроить на известных арендных условиях фабрики в их помещичьих владениях.¹

На пороге второй четверти XIX в. капиталистическая фабрика начинает вытеснять дворянско-помещичью фабрику с ее позиций. И действительно, в материалах 1828 и 1832 гг. капиталистическая фабрика, особенно в сукноделии, фигурирует уже и в Белоруссии и на Украине. При этом понятия „капиталистическая фабрика“ и „еврейская фабрика“ в этих материалах почти тождественны и совпадают. Эта тождественность особенно сказывается в текстильной промышленности. А это убеждает нас в том, что образование значительной промышленной буржуазии в бывших польско-литовских областях в немалой мере означало и образование значительной промышленной еврейской буржуазии.

Чтобы получить более точное представление о характере еврейских фабрик и об их удельном весе в общехозяйственной жизни рассматриваемого края, как и об общих тенденциях развития фабричной промышленности среди евреев на пороге 30-х гг. XIX в., мы приведем две таблицы с подразделением еврейских фабрик в 1828 и в 1832 гг. по губерниям и отраслям промышленности.

Разумеется, и в Западном крае, а следовательно и среди еврейского населения края были и кустарные промыслы и домашняя промышленность, но они не были распространенным явлением, а для текстильной промышленности Западного края они несколько не типичны.

По нашим материалам в 1828 г. в 9 губерниях² было в общей сложности 673 фабрики и завода, среди них — 124 еврейских, т. е. свыше 18% общего количества. В 1832 г. в тех же губерниях было только 582 фабрики и завода,³ причем в Киевской

¹ См. отчет волынского корреспондента Мануфактурного совета („Журнал мануфактур и торговли“, 1831, XI): „Многие из них (волынских помещиков. А. Ю.) сами прилагают попечение об успешном ее ходе (мануфактурной промышленности. А. Ю.). Другие, устроив фабрики на свой счет, сдают их в арендное содержание или приглашают купцов и фабрикантов устраивать оные в своих (помещичьих. А. Ю.) имениях“.

² „Журнал мануфактур и торговли“ за 1829 г., № VII; 1830, № IV и 1831 г., №№ II, III, IX.

³ „Список фабрикантам и заводчикам 1832 г.“, часть I и II.

губернии не показано еврейских фабрик. За вычетом Киевской губернии, в остальных восьми останется 501 фабрика, а среди них — 149 еврейских, — 30% общего количества.

Нижеприведенные таблицы показывают сравнительный рост еврейских фабрик за указанные 4 года по отдельным губерниям.

Таблица I

Распределение фабрик по губерниям в 1828 и 1832 г.

Губернии	В 1828 г.			В 1832 г.		
	Общее количество фабрик	еврейских	% еврейских фабрик	Общее количество фабрик	еврейских	% еврейских фабр.
1. Волынская	265	46	17.36	236	56	23.73
2. Гродненская	35	29	82.86	44	36	81.82
3. Могилевская	25	10	40	35	12	34.3
4. Виленская	115	12	10.43	63	14	22.2
5. Район Белостока	30	11	36.7	27	15	55.6
6. Подольская	39	4	10.26	43	6	14
7. Минская	22	5	22.7	26	7	26.9
8. Киевская	103	4	3.9	81	—	—
9. Витебская	39	3	7.7	27	3	11.1
	673	124	18.42	5821 ¹	149	29.7

Текстильная промышленность занимает здесь первое место (в 1828 г. 75 из 124, т. е. 60.48%), а в 1832 г. — 78 из 149, т. е. 52.35%), затем идут кожевенные заводы (в 1828 г. 16 из 124, т. е. 12.9%, а в 1832 г. 35 из 149, т. е. 23.49%) и свечные заводы (в 1828 г. 7 из 124, т. е. 5.55%, а в 1832 г. — 11 из 149, т. е. 7.38%). Остальные отрасли промышленности представлены совсем незначительным количеством предприятий (6, 5, 4, 2 и даже одна фабрика).

Важно, однако, не только большее число предприятий в текстильной промышленности по сравнению с другими отраслями. Пожалуй, еще более важен масштаб и размер этих предприятий как по числу выработанной продукции, так и по числу занятых

¹ Без Киевской губ. 501.

Таблица II

Распределение еврейских фабрик по отраслям промышленности в 1828 и 1832 гг.

Отрасли промышленности	1828 г.		1832 г.	
	Число фабрик	%	Число фабрик	%
1. Фабрики сукна (и „талесов“)	75	60.48	78	52.35
2. Кожевенные заводы	16	12.9	35	23.49
3. Свечные заводы	7	5.65	11	7.38
4. Фабрики писчей бумаги	6	4.85	5	3.36
5. Медные заводы	5	4.05	4	2.68
6. Шляпные фабрики	5	4.05	5	3.36
7. Стекольные заводы	2	1.61	4	2.69
8. Фабрики по выделке сигарных мундштуков	2	1.61	—	—
9. Табачные фабрики	1	0.8	2	1.34
10. Железодельательные заводы . .	1	0.8	1	0.67
11. Заводы по выработке поташа .	1	0.8	—	—
12. Фабрики персидских поясов . .	1	0.8	—	—
13. Красильни	1	0.8	1	0.67
14. Фабрики по выделке полотна .	1	0.8	—	—
15. Фабрики по выделке клеенок .	—	—	2	1.34
16. Фабрики по выделке сургуча .	—	—	1	0.67
Итого . .	124	100	149	100

в них рабочих. Во всех других отраслях (свечные заводы, шляпные фабрики, фабрики нюхательного табака и т. п.) как еврейские так и не еврейские предприятия были большей частью совсем незначительных размеров. В текстильной же промышленности мы встречаем уже изрядное количество фабрик с несколькими десятками и даже сотнями рабочих на каждой.

Еврейские суконные фабрики играли видную роль в общей суконной промышленности Белоруссии и Украины. Так, в 1828 г. из 144 суконных фабрик в 9 губерниях еврейских было 75, т. е. свыше 52%. В 1832 г. процент еврейских суконных фабрик был еще больший. Из 130 суконных фабрик в 8 губерниях (кроме Киевской) еврейских было 78, т. е. 60%.

В руках еврейских фабрикантов, как увидим ниже, находилась значительная часть крупнейших суконных фабрик с большим количеством рабочих и со значительной продукцией (на 75 еврейских фабриках в 1828 г. было выработано до 410 тыс. аршин разных сортов сукна).

Как еврейские суконные фабрики распределялись по губерниям в 1828 и в 1832 гг., показывает следующая таблица.

Таблица III

Распределение еврейских суконных фабрик по губерниям в 1828 и 1832 гг.

Губернии	1828 г.		1832 г.	
	Число фабрик	%	Число фабрик	%
1. Волынская	40	53.33	41	52.56
2. Гродненская	13	17.33	15	19.23
3. Могилевская	10	13.33	12	15.38
4. Район Белостока	3	4	3	3.85
5. Витебская	3	4	3	3.85
6. Киевская	3	4	—	—
7. Минская	2	2.67	3	3.85
8. Подольская	1	1.34	1	1.28
Итого	75	100	78	100

Как видно из табл. III, наибольшее количество еврейских суконных фабрик было сосредоточено в Волынской и Гродненской губерниях. Так, в 1828 г. из 75 еврейских суконных фабрик было в Волынской губ. 40, т. е. 52.33%, а в Гродненской губ.—13, т. е. 17.82%. В 1832 г. из 78 еврейских суконных фабрик в Волынской губ. было 41, т. е. 52.56%, а в Гродненской губ.—15, т. е. 19.23%. Какую роль еврейская суконная фабрика играла в двух упомянутых губерниях, можно видеть уже из того, что еврейские суконные фабрики составили в 1828 г. больше 63% всех суконных фабрик в Волынской губернии (40 из 63) и около 70% в Гродненской губ. (13 из 19), а в 1832 г.—около 75% всех волыньских суконных фабрик (41 из 55) и почти 70% всех гродненских (15 из 23).

И по количеству рабочей силы, занятой в производстве, суконная промышленность у евреев занимала первое место (табл. IV). Так, из 3540 рабочих на всех еврейских фабриках было занято в суконной промышленности 3272 чел., т. е. больше 92%. Из этих 3272 рабочих 75% было сосредоточено в Волынской и Гродненской губерниях (44.9% в Волынской и 30.1% в Гродненской губернии).¹ В среднем это составляет около 50 рабочих на каждую еврейскую суконную фабрику Волыни. В Гродненской губернии работало в среднем 74 рабочих на каждой еврейской суконной фабрике. На некоторых еврейских суконных фабриках как в Волынской, так и в Гродненской губернии количество рабочих доходило до нескольких сот человек.

Таблица IV

Количество рабочих на еврейских суконных фабриках по губерниям в 1828 г.

Г у б е р н и и	Число рабочих	%
1. Волынская	1469	44.90
2. Гродненская	990	30.10
3. Могилевская	295	.09
4. Район Белостока	100	3.05
5. Киевская	370	11.40
6. Минская	43	1.31
7. Подольская	5	0.15
Итого	3272	100

Как мы указали выше, на пороге второй четверти XIX в. инициатива в деле строительства фабрик стала переходить от помещиков к еврейской буржуазии.

Фабрики, оборудованные землевладельцами и перешедшие затем к еврейским капиталистам, — эти помещичье-купеческие текстильные фабрики и были самыми значительными и самыми мощными как по количеству станков и числу рабочих, так и по

¹ Впрочем, сведения о 1469 рабочих на волыньских еврейских суконных фабриках относятся только к 30 фабрикам (о количестве рабочих на остальных 10 фабриках сведений нет).

сумме годичной продукции. Так, например, в Ружанах, Гродненской губернии, на двух таких фабриках, построенных князем Сапегой, впоследствии перешедших к Лейбу Пинесу и Герману Закину, в 1828 г. было выработано: на одной 28 600 аршин, а на другой — 21 200 аршин сукна разных цветов и 25 500 аршин байки.¹ На фабрике графа Потоцкого-Калиновского в Ружине (Киевской губ.), которую долгое время арендовали бердичевские евреи Лисянские,² на 10 станах работало 276 чел.³

В 1826 г. подполковник Целишев, муж графини Калиновской, расторг бессрочный арендный договор с Лисянским. Лисянский построил тогда собственную фабрику в Сквире, Киевской губ. Как сообщается в отношении Киевского губернского управления от 17 августа 1826 г. к Комитету по снабжению армии сукном (отношение приводится в упомянутом архивном деле), сквирская фабрика состояла из трех отделений, которые первоначально находились в нанятых помещениях. На фабрике было 13 станков, на которых работали иностранные мастера и местные вольнонаемные рабочие. Как велика была ежегодная продукция сквирской фабрики, можно судить по тому, что Лисянский в том же году поставил в казну для армии до 20 000 аршин сукна за счет неисправных фабрикантов, не доставивших следуемого количества товара по заключенным контрактам. В том же году Лисянский построил за городом у реки Селезневки целый ряд построек и амбаров, куда он предполагал перенести фабрику, значительно расширив ее.

Киевское губернское управление подчеркивает в своем отношении пользу, которую город Сквир имеет от фабрики Лисянского, на которой работают мещане (из всего текста ясно, что речь идет о еврейских мещанах), „обедневшие и пришедшие в несостоятельность даже к платежу податей“. При этом подчеркивается, что по нынешнему ее состоянию фабрика не

¹ Журнал мануфактур и торговли, 1831, XI.

² Ibid. 1831, II.

³ Лисянские арендовали ружанскую фабрику с 1809 до 1816 г. Сукно, выработывавшееся на фабрике, Лисянский поставлял в армию. Как видно из дела № 458 за 1828 г. (Архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли), Лисянский в 1826 г. заключил с Комитетом по снабжению армии сукном контракт о поставке сукна в Киевскую комиссию в течение трех лет (в 1821 г. 30 000 арш., в 1822 г. 15 000 арш., а в 1823 г. — 30 000 арш.). В 1824 г. Лисянский должен был поставить 22 500, а в 1825 г. — 27 000 аршин.

может принять всех мещан, желающих поступить на работу, и вынуждена во многих случаях отказывать.¹

Ружанская фабрика, которую арендовал Лисянский, состояла из трех каменных корпусов и одного деревянного, к которым впоследствии пристроили еще одно каменное здание длиной в 19¹/₂ саж. и шириною в 5¹/₂ саж.

Верховненская (Киевская губ.) фабрика, которую арендовали евреи Волкович и Реух, состояла из пяти больших зданий и на ней было восемь прялок, каждая по 60 веретен, 3 шпульные машины, одна вязальная машина, 4 красильных котла, 6 рам для натягивания суконных материй, 1 пресс, 12 стригальных ножиц, 1 машина для раздиранья волны. На этой фабрике работало 92 рабочих, а годовичная продукция тонкого сукна доходила до 20 000 аршин.²

Вот, например, оборудование фабрики Файнзильберга в Волковыске. На этой фабрике работало 259 чел. и на ней было 45 прялок, 8 чесальных машин, 3 машинных ножниц и 24 ручных, 2 пресса, 6 красильных котлов, 1 кипа.

Фабрика братьев Пинес находилась во дворце князя Сапеги, и это одно свидетельствует о ее размерах.

О ряде еврейских фабрик в Гродненской губернии (Германа Закина, Каменомостского, Воргафтика и др.) указывается, что они находились в двух зданиях или просто в каменных постройках.

То же можно сказать о еврейских текстильных фабриках Вольнской губернии.

Впрочем, на тогдашних текстильных фабриках собственно ткачество занимало далеко не первое место. Гораздо большую роль играли разные другие операции над сырьем, которые можно было производить только с помощью машин, и притом на самой фабрике.

Относительно 500 с лишком еврейских рабочих, которые были заняты в текстильной промышленности в Гродненской губернии, официальные источники сообщают, что почти все они были мастерами стригальщиками, механиками, красильщиками и т. д. То же можно утверждать с некоторой достоверностью

¹ О Лисянском см. также архивный фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, отд. I, стол 2, дело № 254 за 1825 г. и дело № 414 за 1827 г.

² Журнал мануфактур и торговли, 1831, II.

и о Волынской губернии, где в текстильной промышленности было сконцентрировано больше 1000 еврейских рабочих. Из этого числа 740 чел. работало на 12 фабриках Иосифа Бернштейна, рассеянных по различным поселениям Ровненского уезда. Две главных фабрики того же Бернштейна находились в Ровне и в Александрии. На этих двух фабриках, повидимому, никаких станков не было. Туда доставлялись лишь сукна, выработанные на других 10 фабриках для окончательной отделки в отделочной, красильной, вальцевальной и т. д. Какого размера были эти фабрики, видно из того, что на них доставлялось не только 61 000 аршин сукна из 10 фабрик самого Бернштейна, но и много сукна из других фабрик.¹

В списке фабрикантов за 1832 г. Бернштейн уже указан как владелец 18 фабрик, на которых вырабатывалось исключительно солдатское сукно.

На 5 помещичьих суконных фабриках в Волынской губернии (в Острожском уезде), которые арендовала Двойра Бернштейн, работало 247 рабочих, а годовая продукция в 1828 г. составила 12 250 аршин немецкого сукна и 8400 аршин серого прусского сукна.²

Кроме Иосифа и Двойры Бернштейн мы встречаем на Волыни еще несколько еврейских крупных фабрикантов, владельцев 6, 5, 4 или 3 фабрик, разбросанных по различным пунктам (Арон Скульский, Герцберг Лейбиш, Гурвиц, Гурфинкель и др.).

В рассматриваемый нами период текстильная промышленность в Белоруссии и Украине была одной из наиболее развитых отраслей, а еврейская текстильная буржуазия была главным отрядом еврейской промышленной буржуазии.

III

Как же обстояло дело с еврейским пролетариатом в рассматриваемый период, т. е. к концу 20-х гг.? Был ли представлен и еврейский пролетариат в фабричной промышленности? Как велико было количество еврейских рабочих на фабриках? Работали ли они только на еврейских фабриках или же и на нееврейских?

¹ Журнал мануфактур и торговли, 1831, II.

² Ibid., 1831, II.

В „Списке фабрикантам за 1832 г.“ вообще нет никаких сведений о рабочих. В материалах 1828 г. имеются и некоторые сведения о рабочих, но и эти сведения не дают полного и достаточного ответа на поставленные выше вопросы. Во-первых, не на всех фабриках указано число рабочих. Даже относительно тех фабрик, где число рабочих указано, большей частью не указан их национальный состав. Лишь относительно определенного числа фабрик, большей частью еврейских, мы находим точные и определенные сведения, что на этих фабриках работают еврейские рабочие.

Почти все сведения о еврейском пролетариате относятся к текстильной и суконной промышленности. А потому совершенно естественно, что и здесь, в отношении распределения еврейского пролетариата, на первом месте идут Волынская и Гродненская губернии, в которых было сосредоточено наибольшее количество еврейских текстильных фабрик.

Самые полные сведения о еврейских рабочих имеются по Гродненской губернии. Относительно 19 еврейских суконных фабрик указано, что на них работало 674 рабочих, в том числе 562 еврейских рабочих, т. е. 83,4%.¹ Еврейские рабочие по этим фабрикам распределялись следующим образом: на одной фабрике — 255 рабочих,² на одной фабрике — 80, на одной фабрике — 72, на одной фабрике — 33, на двух фабриках по 31, на двух фабриках по 20, на одной фабрике — 15 и на одной — 5 рабочих.

¹ Журнал мануфактур и торговли, 1831 г., IX.

² На этой фабрике волковысского купца второй гильдии Ореля Файнзильберга, построенной в 1825 г., работало, как указывал корреспондент, 259 чел. Среди них было несколько мастеров-иностранцев, а остальные рабочие все были евреи. Мастера-иностранцы упоминаются весьма редко в материалах, и даже в тех случаях, где они встречаются, их было немного. На такой крупной фабрике, например, как текстильная фабрика действительного тайного советника Пуславского в местечке Хомск, в той же Гродненской губ., на 550 рабочих было всего 3 мастера-иностранца. То же мы встречаем и на других крупных фабриках. Мы поэтому приняли, что из 259 рабочих на фабрике Файнзильберга было 4 мастера-иностранца, а остальные 255 рабочих были, как указывает корреспондент, евреи. Правильность этого предположения подтверждается данными о количестве еврейских рабочих на еврейских фабриках Гродненской губ. в отчете чиновника министерства финансов, который мы приводим ниже. На этой фабрике в 1828 г. было выработано 36 730 аршин сукна и караеи различных сортов.

В среднем на каждой из этих 10 еврейских фабрик работало около 67 рабочих, в том числе около 56 еврейских рабочих, т. е. 83.4⁰/₁₀₀.

На остальных 5 еврейских суконных фабриках Гродненской губернии работало 315 рабочих. Из них 3 фабрики были мелкие,¹ а две фабрики — крупные. Об одной из этих двух крупных фабрик мы уже упоминали. Это фабрика в Ружанах, построенная в 1791 г. князем Сапегой и в 1828 г. принадлежавшая Герману Закину. Фабрика состояла из 15 станов, на которых работало 139 рабочих, крепостных Сапеги. Вторая фабрика около фольварка Альба, построенная в 1813 г. графом Замойским, а в 1828 г. принадлежавшая Симхе Ясновскому, состояла из 13 станов с 146 рабочими-крестьянами, вероятно, крепостными бывшего владельца — Замойского.

В общей сложности на всех 15 еврейских суконных фабриках Гродненской губернии работало 990 чел. Даже если мы исчислим процент еврейских рабочих по отношению к общему количеству рабочих на всех 15 фабриках, а не только на 10 фабриках, где работали еврейские рабочие, то окажется, что еврейские рабочие составляли 56.77⁰/₁₀₀ всей рабочей силы в еврейской текстильной промышленности Гродненской губернии (562 из 990).

В отчете о Могилевской губернии указывается относительно 10 фабрик талесов, что на них работало 295 рабочих, разумеется, еврейских.²

В отчете о Минской губернии указано о фабрике талесов Фейгельсона в Дисненском уезде, что на ней работало 19 рабочих.³

Количество рабочих на трех фабриках талесов в Витебской губернии⁴ в материалах не указано. Но по количеству станов (18) и по годичной продукции (1069 штук) можно утверждать с достоверностью, что на этих 18 станах во всяком случае работало не меньше 72—90 рабочих (по 4—5 рабочих на стан).

¹ Одна фабрика с одним станом, на котором работал сам хозяин с двумя подмастерьями, национальность которых не указана. Вторая фабрика имела два стана с 17 вольнонаемными рабочими, относительно которых также нет указания на их национальный состав. Третья фабрика имела 2 стана с 11 рабочими-крестьянами.

² Журнал мануфактур и торговли, 1831 г., III.

³ Ibid., 1821, IX.

⁴ Ibid., 1820, IV.

На 14 из перечисленных фабрик талесов работало 404 еврейских рабочих. Вместе с 562 еврейскими рабочими на еврейских суконных фабриках Гродненской губ. мы будем иметь 966 еврейских рабочих только на еврейских фабриках.

На основании материалов можно установить, что рабочая сила на еврейских суконных предприятиях была двоякого рода. На большей части их, главным образом в местечковых еврейских фабриках, построенных еврейскими же капиталистами, работали почти исключительно еврейские рабочие. Но на некоторой части еврейских фабрик, на тех, которые перешли к еврейским капиталистам от помещиков, а главным образом на тех, которые находились в помещичьих имениях и деревнях, рабочие состояли из крестьян-крепостных, или же состав их был смешанный — еврейские рабочие вместе с крепостными крестьянами. Помещичьи фабрики зачастую переходили к новым еврейским владельцам вместе с помещичьей рабочей силой, т. е. с крепостными крестьянами, которые до того работали на тех же фабриках.

До сих пор мы говорили о еврейских рабочих на еврейских фабриках. Как же обстояло дело с еврейскими рабочими на нееврейских фабриках? В материалах корреспондентов Мануфактурного совета за 1828 г. мы имеем такие сведения о двух текстильных фабриках в районе Белостока и об одной фабрике в Слониме, Гродненской губернии. Так, например, белостокский корреспондент в своем отчете о фабрике графини Грабовской в местечке Орле сообщает, что „фабрика устроена в 1827 г. в означенном местечке Орле для доставления жителям оногo е в р е я м (курсив мой. А. Ю.) постоянного занятия и лучшего содержания из заработка при фабрике, а также для выгоднейшего сбыта получаемой от собственных овец шерсти, продажей оной в сукне“. Рабочих на этой фабрике было 41. О фабрике графини Несяловской в местечке Городок тот же корреспондент сообщает, что „фабрика заведена в 1828 г. для доставления жительствоующим в сем местечке прочнаго занятия, а через то для улучшения их состояния, а также для водворения в местечке цветущей промышленности“. Евреи здесь не упоминаются, но когда говорят о „жителях местечка“ в таких типичных местечках, как Городок, где население было почти сплошь еврейское, здесь подразумеваются не кто иные, как еврейские жители местечка. На этой фабрике работало 28 рабочих.

Подобные сведения приводит и корреспондент из Гродненской губернии о Слонимской фабрике тайного советника Новосильцова, построенной в 1824 г. Как указывает корреспондент, Новосильцов выстроил фабрику „на тот предмет, что, имея собственную хорошего сорта овечью шерсть, желал доставить через сие заведение бедным жителям города Слонима способ к пропитанию“. На фабрике работало несколько немецких и французских мастеров и 150 вольнонаемных рабочих. Ясно, что и здесь, когда говорят о бедных жителях в таком старом еврейском центре, как Слоним, под этими словами подразумеваются и бедные еврейские жители.

Можно, таким образом, принять с вероятностью, что на трех упомянутых нееврейских фабриках работало 219 еврейских рабочих. Вместе с прежде упомянутыми 966 еврейскими рабочими на еврейских фабриках мы будем иметь в итоге 1185 еврейских фабричных рабочих на текстильных предприятиях Гродненской губернии.

Но и это число намного меньше фактического количества еврейских рабочих в то время как на еврейских, так и на нееврейских фабриках. Только что приведенный пример с тремя помещичьими фабриками проливает некоторый свет на вопрос об удельном весе и роли еврейских рабочих на фабриках того периода вообще. Ведь ясно, что графиня Грабовская на своей фабрике в местечке Орле должна была прибегнуть к еврейским рабочим по той простой причине, что в местечке евреи были почти единственным источником рабочей силы. Но то же ведь имело место и на фабриках во всех других местечках с компактным еврейским населением.

По материалам 1828 г. фабричных рабочих можно разделить на три категории. Первая категория, самая немногочисленная — это иностранные мастера, главным образом немцы и французы. Это были самые квалифицированные и технически развитые рабочие. Работали они только на крупнейших фабриках. Вторая категория, самая многочисленная — это крепостные крестьяне, которые работали преимущественно на фабриках их помещиков или тех капиталистов, которым они (крепостные) были проданы или сданы в аренду вместе с помещичьими фабриками. Но была еще третья категория фабричных рабочих — в корреспондентских отчетах они фигурируют под названием „вольнонаемных“. Эта последняя категория работала большей частью на капитали-

стических фабриках в городах и в местечках. Относительно одной части фабрик указывается, что на них работают исключительно крепостные. Относительно другой части фабрик говорится, что на них работают только „вольнонаемные“. Относительно некоторого количества фабрик указывается смешанный состав — крепостные и „вольнонаемные“.

Что же это были за „вольнонаемные рабочие“? Откуда они рекрутировались? Ведь мы знаем, что вопрос о свободной рабочей силе в первые десятилетия XIX в. был весьма острым и не сходил с порядка дня. Достать свободные рабочие руки тогда было делом не легким. Потому-то капиталисты и гнались за трудом крепостных для своих фабрик и покупали этих крепостных, либо нанимали их у помещиков или у казны. В городах и местечках Белоруссии и Украины с компактным еврейским населением вольнонаемные рабочие на фабриках должны были в значительной части состоять из евреев. Тем более, что к концу 20-х гг. усилились моменты, толкавшие бедные слои еврейского населения к фабричному труду.

Из одного этого уже вытекает, что рабочие многих суконных фабрик Волынской губернии в большинстве своем должны были также состоять из евреев. Из 1469 рабочих на всех 40 еврейских текстильных фабриках в Волынской губ. в 1828 г. было 339 крепостных тех помещиков, у которых еврейские владельцы переняли фабрики. Остальные 1130 рабочих, занятых на этих фабриках, были вольнонаемные. Естественно предполагать, что в городах и местечках Волыни с компактным еврейским населением рабочие тамошних фабрик, кроме помещичьих крепостных, скорее всего должны были быть евреями.

Но это не только предположение. Это подтверждает и официальный источник, относящийся к тому же периоду. Мы говорим об отчете чиновника, которому министерство финансов поручило в конце 1827 г. обследовать западные губернии.¹ Этот отчет приводит и некоторые сведения о количестве еврейских рабочих в Волынской и Гродненской губерниях.

О Волынской губернии в отчете говорится: „Недавно еще не было и следов мануфактурной промышленности в сей губернии. Но в последние годы счастливый случай открыл ей (губер-

¹ „Журнал мануфактур и торговли“, 1828, IV — „О мануфактурной промышленности в западных губерниях России“.

нии. А. Ю.). обширное поле деятельности. Правительство, желая дать занятие отечественным фабрикам, вызвало желающих к поставке сукон для обмундирования Литовского корпуса. Многие капиталисты, поощренные выгодами такой поставки, обратились к заведению фабрик, которые год от году расширили круг своего действия и в скором времени обещают стать наравне с лучшими. Большая часть фабрикантов суть евреи (разрядка моя. А. Ю.). Всех фабрик в сей губернии числится 18.¹ На них работников 3285 чел., в том числе евреев до тысячи“ (разрядка моя. А. Ю.).

О Гродненской губернии тот же чиновник пишет: „Успехи мануфактурной промышленности в сей губернии весьма приметны. Дух промышленности проник уже и до евреев. В Гродненской губернии находится 10 суконных фабрик, принадлежащих евреям, довольно обширных и благоустроенных. Особенно примечательно то, что на сих фабриках более 500 евреев занимается работой, и все почти мастера, как то: стригальщики, механики, столяры и красильщики — из евреев“.

Относительно Гродненской губернии сведения чиновника министерства финансов о более чем 500 еврейских рабочих на 10 фабриках почти совпадают с данными корреспондентов Мануфактурного совета о 562 еврейских рабочих на 10 фабриках в той же Гродненской губернии. У нас нет никакого основания сомневаться и в реальности тех сведений, которые тот же чиновник министерства финансов приводит о тысяче еврейских рабочих в Волынской губ. Число это почти совпадает с числом вольнонаемных рабочих на еврейских фабриках Волынской губернии, которое приводит корреспондент Мануфактурного совета. Некоторая разница в цифрах в обоих источниках нас несколько не должна удивлять. Это объясняется различной целеустановкой корреспондентов Мануфактурного совета, с одной стороны, и чиновника министерства финансов, с другой. Задача корреспондентов была — провести точное статистическое обследование промышленности на местах, каждой фабрики в отдельности. Они поэтому должны были стремиться к точности. Чиновник же министерства финансов преследовал другую

¹ Цифра 18, значащаяся в тексте, нелепа и абсолютно не вяжется как с числом рабочих, указанных здесь (3285 чел.), так и со сведениями, имеющимися у нас из уже приведенных нами корреспондентских отчетов за 1828 г., относящихся примерно к тому же периоду.

задачу — дать лишь общий обзор, общую характеристику состояния и перспектив промышленности в западных губерниях. А потому он и приводит лишь итоговые, круглые цифры („около тысячи“, „больше пятисот“ и т. п.). Но это нисколько не умаляет реального значения тех фактов, а также обобщающих круглых цифр, которые чиновник министерства финансов приводит о количестве еврейских фабричных рабочих в Волынской губернии. На основании обоих источников, которые дополняют один другой, можно с некоторой достоверностью утверждать, что 1130 вольнонаемных рабочих на волыньских еврейских фабриках в 1828 г. почти все были евреями.

В Волынской губернии к этому присоединяются еще те 10 еврейских текстильных фабрик, о которых корреспондент мануфактурного совета в 1828 г. не дал никаких сведений.¹ Из этих фабрик 4 были в Ровно, в крупнейшем центре текстильной промышленности Волыни. Это значит, что мы имеем здесь дело с фабриками крупного масштаба, на которых наверное работало значительное количество рабочих.² Остальные 6 фабрик были разбросаны по мелким местечкам Ровненского и Острожского уездов. Можно предполагать, что на этих 10 фабриках, разбросанных по такому издавна еврейскому центру, как Ровно, и в ряде мелких местечек рабочие, вероятно, были евреи, и число их, особенно на ровненских фабриках, должно было быть значительно.

К тому надо еще причислить работавших на нееврейских фабриках вольнонаемных рабочих, которые в местечках в значительной части, вероятно, тоже состояли из евреев. Ведь ясно, что в случае, когда помещики на своих местечковых фабриках хотели нанимать вольнонаемных рабочих, им приходилось, как мы это видели на примере графинь Грабовской и Несяловской и тайного советника Новосильцова, прибегать к еврейскому

¹ „Журнал мануфактур и торговли“, 1831, XI. Как видно, чиновник министерства финансов также не располагал никакими сведениями об этих 10 фабриках, как и о количестве рабочих на них. Это можно видеть из того, что общее количество рабочих в Волынской губ. у чиновника министерства финансов в его отчете еще меньше, чем у корреспондента Мануфактурного совета.

² Одна фабрика, например, принадлежала видной фабрикантше, Двойре Бернштейн, которая в Ровненском уезде владела еще пятью фабриками с 247 рабочими.

населению, как к почти единственному резерву свободной рабочей силы в местечках.¹

На основании всего изложенного можно смело утверждать, что количество еврейских рабочих к концу 20-х гг. XIX в. уже исчислялось многими тысячами. Но если даже оперировать бесспорными цифрами, мы тоже получим в итоге 2185² еврейских фабричных рабочих, т. е. 16.94% тогдашнего общего количества рабочих в Западном крае (12 897), весьма солидную цифру для того времени.

¹ Мы знаем и о суконной фабрике князя Радзивилла в Хабне, на которой к концу 40-х гг. работало несколько десятков еврейских рабочих. См. Фундулей, „Статистическое описание Киевской губ.“, т. III, стр. 140.

² По губерниям эти 2185 еврейских рабочих распределялись следующим образом.

Губернии	Число рабочих	Процент
1. Волынская	1000	46
2. Гродненская	712	32.9
3. Могилевская	295	12
4. Витебская	90	4.1
5. Район Белостока	69	3.1
6. Минская губерния	19	0.9
Итого	2185	100

На первом месте опять-таки Волынская и Гродненская губернии. Около 79% всего еврейского фабричного пролетариата падает на эти две губернии.

УБЫХИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ
НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В нашей исторической литературе, посвященной изучению проблем освободительной борьбы трудящихся масс Кавказа против колониальной экспансии русского царизма, почти совершенно не отражена роль убыхов, которые в процессе этой борьбы в XIX веке занимали на Западном Кавказе весьма видное место.

Подобная недооценка роли убыхов в истории народов Кавказа объясняется исключительной скудостью материалов.

На территории СССР в настоящее время убыхов нет, а памятники их материальной и духовной культуры исчезли в пламени войны. Одно это обстоятельство, наряду с отсутствием убыхской письменности, весьма ограничивает возможности исследования.

Истории убыхов до последнего времени касались, главным образом, лингвисты, которых поражало своеобразие убыхского языка в системе яфетических языков Кавказа. Так убыхскому языку уделяли внимание Услар,¹ Генко,² Дирр³ и др. Примерами из убыхской терминологии пользовался и покойный акад. Н. Я. Марр.

Однако исторический материал в сочинениях этих авторов играл, разумеется, подчиненную роль по отношению к рассуждениям лингвистического порядка.

Специальных же исторических работ, посвященных убыхам, не было. Краткие и весьма поверхностные замечания Дубровина, Берже и др. всерьез принимать не приходится.

Значительный материал об историческом прошлом убыхского народа дают документы, выявленные в ряде центральных

¹ П. К. Услар. О языке убыхов, статья в Сб. „Этнография Кавказа“, Тифлис, 1887.

² А. Н. Генко. О языке убыхов, статья в „Изв. Акад. Наук СССР“, 1928 г. № 3.

³ Ad. Dirr. Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928 г.

архивов, в результате обширной работы, предпринятой в 1934 г. Историко-археографическим институтом Академии Наук СССР по договору с Наркомпросом АССР Абхазии. Эта работа, участником которой был и автор, имела целью разработку архивных материалов по истории Абхазии и издание таковых в виде специальных сборников. В процессе этой работы был выявлен ряд ценных, нигде не опубликованных в печати документов, выясняющих со всей очевидностью роль убыхов в освободительном движении на Западном Кавказе. На основе этих документальных материалов и построена настоящая статья.¹

I

Убыхи заселяли участок черноморского побережья Кавказа от р. Шахэ до р. Хоста (Хамышь). На востоке убыхи граничили с джигетами (садзами) и ахчипсху — абхазскими племенами, населявшими современный Гагринский и часть Сочинского районов, а на западе — с шапсугами, территория которых простиралась вдоль берега моря до р. Пшада.

Соседями убыхов с севера были абдзахи (абадзехи), занимавшие северную покатость Главного Хребта в пределах бассейнов р. Белой и р. Пшишь. По устройству поверхности земля убыхов представляла собой сильно пересеченную труднодоступную горную страну, образованную Главным Кавказским Хребтом и его отрогами. Главный Хребет в этой своей части по своему характеру приближается к скалистой гряде Абхазских Альп² и имеет высоту от 1500 до 3000 м над уровнем моря, достигая, таким образом, линии вечных снегов и льдов. Боковые хребты и отроги прорезаются глубокими ущельями и узкими долинами, по которым протекают быстрые, но мелководные реки, имеющие крайне непостоянный режим и большое падение русла. Кроме наиболее крупных из них (Шахэ, Сасше, Хоста или Хамышь), насчитывается еще около 20 мелких речек, непосредственно впадающих в Черное море. Ущелья и долины рек по преимуществу и служили местообитанием убыхов.

¹ Большинство цитируемых документов будет полностью опубликовано в I томе „Материалов по истории Абхазии“, издаваемых ИАИ Академии Наук СССР.

² Абхазские Альпы — отрезок Главного Хребта, соприкасающийся непосредственно с Абхазией.

Если земледелие у-убыхов было ограничено отсутствием свободных земельных пространств, то скотоводство имело обширную естественную кормовую базу в виде альпийских пастбищ. Теплая зима облегчала и упрощала жилищное строительство. Обилие тепла и влаги благоприятствовало развитию плодоводства (яблони, груши, сливы) и виноградарства. Богатство флоры и фауны обуславливало выдающееся значение охоты, лесного пчеловодства и других промыслов, связанных с эксплуатацией лесных массивов (сбор дикорастущих плодов и т. д.).

Поселения убыхов имели такой же усадебный характер, как и в Абхазии. Дворы от дворов были расположены нередко на значительном расстоянии. Дома прятались в густой зелени леса, в котором расчищались небольшие участки для пашни и огорода. Виноградная лоза свободно вилась по дикой ольхе. Плодовые деревья, посаженные около дома, часто росли в окружении лесных деревьев.

Численность убыхов к моменту вступления их в борьбу с русским царизмом, т. е. к 1830-м гг., точно определить не представляется возможным. Данные русских официальных источников весьма противоречивы, причем общая цифра всего населения колеблется от 12 000 до 29 000 человек.¹ Можно предполагать, что в действительности убыхов в 1830-х гг. насчитывалось свыше 40 000 чел. Для социально-политической характеристики убыхов важно установить тот основной факт, что они еще и в XIX в. не освободились от скорлупы родо-племенного строя.

Являясь в этническом и лингвистическом отношении промежуточным звеном между абхазами и адыге и занимая совершенно особое место в западной группе яфетических народов Кавказа, убыхи в свою очередь не представляли этнически абсолютно однородной массы, подразделяясь на несколько племенных сообществ, отличавшихся друг от друга по территориальному, экономическому и политическому признакам и сохранявших некоторые лингвистические особенности. Известны, например, убыхские племена: вардане, сасше, хизе, субаши, алань и др.² Из этих племен (dan) первые два были наиболее

¹ См. у Торнау, Берже и др.

² Не имея возможности точно воспроизвести племенные названия по убыхски, мы сохраняем русскую транскрипцию, в той или иной степени искажающую подлинные имена.

передовыми в смысле экономического и социального развития. Они населяли долины в нижнем течении рек Вардане и Сочи и имели более развитое земледелие и плодоводство, принимая активное участие в береговой торговле с турецкими купцами. Остальные племена убыхов расселились в нагорной полосе, занимаясь по преимуществу скотоводством. К моменту столкновения с русским царизмом убыхские племена еще не имели установившихся феодальных отношений. Феодальная тенденция была скрыта под покровом патриархальных родо-племенных отношений. В то же время и рабство убыхов в своем развитии почти не вышло за пределы патриархальных „домашних“ форм. Характерно, что понятие „раб“ по-убыхски обозначается терминами „агар“ и „ојär“. Первый из них „агар“ на языках абхазо-адыгейской группе означает „негр“. Второй-же термин („ојär“) имеет тесную связь с турецким „gagır“, что значит: „чужой“ — „чужеземец“ — „одинокий“ — „бедняк“. Интересно, что этот термин имеет хождение в значении „бедняк“ и у абхазов („аојар“), и у грузин („garebi“).

Таким образом очевидно, что контингент рабов составлялся из захваченных в плен или вымененных иноплеменников. Факты закабаления в рабство членов своей общины или соплеменников у убыхов не известны. Термин же „агар“ несомненно заимствован от „турецких“ купцов — работоторговцев, в ассортименте „живого товара“ которых на рынках Средиземноморья рабы-негры играли не последнюю роль, почему в их речи „негр“ был синонимом „раба“. Следует отметить тут же, что работоторговля на отрезке побережья, занятом убыхами, имела большое распространение. Не прямая непосредственная эксплуатация раба в своем хозяйстве, но именно продажа его на экспорт интересовала рабовладельцев — убыхов, результатом чего и было сочетание развитой работоторговли с патриархальными формами рабства.

Процесс становления племен у убыхов еще не был завершен в полной мере. Но примитивная родовая организация уже уступила свое место сельской общине („qas-ä“), которая, „будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом ко вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности“ („Архив Маркса и Энгельса“, т. I, 1924 г., стр. 284).

Выделявшаяся в процессе разложения рода племенная верхушка в той или иной мере узурпировала власть над сельскими общинами и не только эксплуатировала рабов, но и стремилась подчинить себе свободное население, с целью присвоения его прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения. Отношения личной зависимости несомненно имели место у убыхов, но маскировались всевозможными идилическими обычаями и псевдо-родственными связями эксплуататора и эксплуатируемого. Зависимое трудящееся население отдавало свой прибавочный продукт господствующей племенной верхушке по преимуществу в форме натуральных приношений, носивших характер „добровольных“ взносов, „дарений“ и прочих явлений „родовой взаимопомощи“. Сила патриархально-общинных традиций была еще очень велика, выражаясь в пережитках аграрного коммунизма (родовые пастбища), в наличии в системе сельских общин обособленных родовых поселков, в существовании общинной администрации (сходы, старейшины), родового права и патриархальной морали. Причина слабого развития феодальных тенденций заключалась в обилии неосвоенных земель и низкой плотности населения, с одной стороны, и в наличии широкой возможности военного грабежа на стороне — с другой. Таким образом, нет никаких оснований безоговорочно называть представителей феодализирующейся убыхской племенной знати „дворянством“, как это имеет место в русских официальных документах и в трудах буржуазно-дворянских историков и лингвистов (Услар, Берже, Дирр и др.). Однако следует отметить, что почти у всех этих авторов, равно как иногда и в официальных документах, термин „дворянство“ употребляется по отношению к убыхам с некоторой осторожностью. Видно, что сами употребляющие этот термин не совсем доверяют ему и пользуются им лишь как привычным и наиболее приближенным определением.

Торнау, например, в своем „Обзоре горских племен“ говорит, что „дворянских фамилий у убыхов две: Доцен¹ и Берзеки“, но одновременно указывает, что „Саше“ (одно из убыхских племен. А. Ф.) — „это одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собой власть князя“.²

¹ „Доцен“ передается у Берже, как „Дишан“. В действительности, вероятно, это искаженное „Дже“.

² ЦВИА, ВУА, д. № 18511, л. 3 и л. 17.

Отсюда следует, очевидно, что кроме племени „Саше“ другие убыхские племена не признавали „власти князя“.

Берже утверждает, что „убыхи не имеют князей, но зато класс дворян у них многочислен и силен“, но тут же отмечает: „главные фамилии, Берзек и Дишан, не имеют никакой признанной власти“. Немного далее он говорит, что „убыхи не имеют никакого управления“, и одновременно подчеркивает, что „племя Саше пользуется вольностью...“¹ Характерно, что здесь Берже явно противоречит Торнау, который в только что цитированном отрывке уверяет, что именно это племя „признает над собой власть князя.“

Весьма интересен семантический анализ убыхских терминов, которые Усларом и Дирром переводятся, как „дворянин“, „князь“ и „крепостной“. Дирр переводит убыхский термин „хэ“, как „князь“, а „киоуха“ — как „дворянин“. Но „хэ“ по убыхски означает и „главный“, а „киоуха“ имеет очевидную связь с „хэуца“ — термином, выражающим понятие „богатый“.

Таким образом, получается следующее уравнение: „князь“ — „дворянин“ = „главный“ — „богатый“, что не только является блестящей иллюстрацией марксистского анализа процесса классовообразования и происхождения государственной власти, но и служит свидетельством того, что у убыхов не существовало обособленных специальных терминов для определения понятий, свойственных сословно-феодальным отношениям. Это не может не служить выражением того, что подобные отношения у убыхов были, по крайней мере, слабо развиты.

Что же касается положения зависимого от племенной верхушки прочего населения убыхских общин, то и здесь лингвистические данные говорят о примитивности форм личной зависимости и не дают оснований для установления типичных феодально-крепостнических отношений. А. Дирр переводит убыхский термин „герэ“, как „крепостной“, но „герэ“ одновременно означает и „крестьянин“. Если даже предположить существование крепостных у убыхов, то во всяком случае нет никаких данных считать всех убыхских „крестьян“ крепостными. Очевидно, что термин „герэ“ именно и соответствует понятию „крестьянин“, но так как масса „крестьян“ у убыхов не была еще дифференцирована и все крестьяне находились

¹ Кав. календарь за 1858 г., стр. 290.

в одинаковых отношениях к господствующей племенной верхушке, то „крестьянин“ одновременно был и „зависимый“. Но зависимость убыхских крестьян не была крепостнической зависимостью, и если А. Дирр переводит „gerə“ как „крепостной“, то только потому, что для него — буржуазного европейского ученого — всякая личная зависимость непременно должна была казаться крепостнической зависимостью. Таким образом, истинное значение термина „gerə“ — не „крестьянин — „крепостной“, а „крестьянин“ — „зависимый“.

Чрезвычайно интересно, что синонимом „gerə“ является термин „düsaqa“, также употребляемый убыхами, как „крестьянин“. При этом несомненной является тесная связь первого термина с „düsaqa“, что значит „бедный“, „бедняк“. Таким образом, наряду с уравнением „князь“ — „дворянин“ = „главный“ — „богатый“, налицо еще и другое: „крестьянин“ = „зависимый“ („крепостной“ по А. Дирру) = „бедный“.

Это еще раз свидетельствует о слабости общественного расчленения убыхских племен. Мы не имеем здесь не только развитых феодально-крепостнических отношений, но даже и окончательного распада родо-племенных форм. Мы застаем убыхов в XIX в. на той стадии общественного развития, когда „наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными — обусловленное новым разделением труда новое разделение общества на классы“¹. Но, очевидно, процесс классовообразования, протекавший на фоне разложения первичных племенных образований, у убыхов отличался крайне замедленным темпом развития.

Мы имеем у убыхов свободных и рабов, имеем богатых и бедных, имеем, следовательно, налицо личную зависимость и эксплуатацию, но все это покрывалось внешней оболочкой общинных порядков и сохранившими в немалой степени свою силу патриархально-родовыми традициями.

В сочетании феодальных элементов с рабством и патриархально-общинным укладом и заключается специфика социальной структуры убыхского общества.

Убыхи в большей степени, чем их ближайшие соседи, сохранили примитивное общинное устройство; хотя известно, что и у шапсугов феодальные отношения отличались низким уров-

¹ Энгельс. Происхождение семьи... Партиздат, 1934, стр. 193.

нем развития, в то время как формы патриархальной демократии сохраняли у них свою силу еще и в XIX веке. Точно так же феодальные элементы у абдзахов и садзов (джигетов) были гораздо слабее, чем в Кабарде или в Абхазии.

Относительно религии убыхов следует отметить, что миссионерская деятельность крымских и турецких мулл, развернувшаяся в конце XVIII в. по всему Западному Кавказу, первоначально не имела успеха среди убыхов. Новая религия более или менее прочно прививалась в тех местностях, где было достаточно сильно феодальное дворянство. Так, например, мусульманство распространилось довольно широко в Кабарде, у бжедухов, в Абхазии, т. е. там, где местная феодальная знать, находившаяся в вассальных отношениях к Турции или к крымским ханам, находила в себе достаточно силы для борьбы с древними родо-племенными религиозными верованиями. Но убыхская племенная верхушка при всем возможном сочувствии к мусульманской религии не оказалась способной навязать ее своим соплеменникам, почему здесь пропаганда ислама и не дала значительных результатов до 1840-х гг., когда она возобновляется с новой силой и гораздо более успешно, но когда источником ее является уже не Крым, а Дагестан.

II

До 1830 г. убыхи не имели непосредственных серьезных столкновений с русским царизмом, т. к. занимаемая ими территория до этого времени еще не была объектом активных захватнических действий со стороны русского командования на Кавказе. Царское правительство, разумеется, имело в виду захват всего восточного побережья Черного моря, в том числе и земли убыхов, но воздерживалось от осуществления этого намерения из-за боязни осложнений с Турцией.

Только Адрианопольский трактат 1829 г., согласно которому Турция уступила царской России права на Черноморское побережье Кавказа, дал возможность последней приступить к осуществлению своих захватнических планов в отношении Западного Кавказа.

Еще в начале 1830 г. Паскевичем был разработан план т. наз. „Абхазской экспедиции“, целью которой было: 1) овладение побережьем Абхазии и 2) установление прямого сухопут-

ного сообщения между Сухумом и Анапой. Проведение экспедиции было возложено на генерал-майора Гессе, который в июле 1830 г. перевез вверенный ему отряд (численностью около 2000 штыков и сабель) из Редут-кала в Сухум, откуда часть отряда была направлена морем для высадки десанта в Гаграх, а остальные войска двинуты по берегу от Сухума через Лыхны в Пицунду. Однако, по мере передвижения на север выяснилось, что русское командование в Тифлисе во главе с Паскевичем абсолютно незнакомо не только с местными географическими условиями, но главное — с политической обстановкой района экспедиции.

Заняв несколько пунктов на побережье Абхазии (Гагры, Пицунда, Бомборы), Гессе вынужден был отказаться от выполнения второй задачи, поставленной перед ним Паскевичем, т. е. от продвижения к северу от Гагр. Таким образом территория, занятая убыхами, опять-таки осталась вне сферы военных действий.

Тем не менее убыхи, видя приближение царских войск к границам своей страны, не остались безучастными к этому факту и активно помогали своим соседям в борьбе, развернувшейся на Западном Кавказе. Мы видим убыхов и в рядах садзов (джигетов), упорно штурмовавших в августе 1830 г. возведенное генералом Гессе Гагринское укрепление. Мы видим их тогда же и на Кубани, куда они явились по призыву шапсугов, наткуаджей (натухайцев) и абдазахов участвовать в набегах на построенные летом 1830 г. генералом Эммануэлем Георгиевско-Афонское и Алексеевское укрепления.¹

С 1831 по 1836 г. русское командование на Кавказе воздерживалось от широких наступательных мероприятий на Черноморском побережье, ограничиваясь обороной Гагр на юге, Анапы и Геленджика на севере. Поэтому снова имя убыхов почти исчезает со страниц официальной переписки царских генералов.

Вплотную убыхи сталкиваются с российской колониальной политикой в 1837—1839 гг., когда по приказу Николая I, лично побывавшего на Кавказе в 1837 г., начинается сооружение ряда береговых укреплений в целях создания так наз. „Черноморской береговой линии“.

¹ Кубанский Бойсковой Архив, д. 1113, св. 85.

В 1837 г. возникают укрепления: в устье р. Пшада (Новотроицкое), в устье реки Вулан (Михайловское) и на мысе Адлер (укрепление „Святого духа“). Первые два построены отрядом ген. Вельяминова, а последнее — в результате десантной операции под начальством ген. Розена.

В 1838 г. сооружаются укрепления: Новороссийское, Вельяминовское (устье р. Туапсе) и Навагинское (на р. Сочи), а в 1839 г. Лазаревское (на р. Псезуапe) и Головинское (устье р. Шахэ).

Таким образом на территории, занятой убыхами, оказались три форпоста русского царизма — укрепления Головинское, Навагинское и Святого духа, что, с одной стороны, наносило смертельный удар их береговой торговле с турецкими контрабандистами, а с другой — создавало непосредственную опасность вторжения царских войск во внутренние районы страны.

Неудивительно поэтому, что постройка этих укреплений вызывает единодушный протест со стороны убыхов, и они начинают ожесточенную борьбу против наступающего царизма. Отпор, который встретили царские войска в земле убыхов, был настолько стремителен и решителен, что русскому командованию приходилось постоянно пополнять гарнизоны вышеуказанных трех укреплений, не думая о продвижении вперед, а беспокоясь лишь о том, как бы не потерять занятые береговые пункты. С самого начала возникновения Черноморской береговой линии царские генералы убедились в том, что наиболее сильным противником на побережье были убыхи.

Несмотря на сравнительную малочисленность, убыхские отряды отличались высокими боевыми качествами. Чаще всего они выступали в пешем строю, причем завоевали себе славу самой „лучшей в горах пехоты“.¹

О военной организации убыхов рассказывает генерал Н. Дубровин — этот „почти официальный историк царского правительства“, как называет его М. Н. Покровский.

„Перед выступлением своим в поход... убыхи выбирали себе предводителя. Последним мог быть только человек, известный своей храбростью... Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением своей партии... Предводителю предоставлялось действовать по своему усмотрению

¹ Щербина. История Кубан. войска, стр. 261.

и не открывать никому заранее своих намерений. Каждый терпеливо переносил от него брань и даже побои, на которые в обыкновенное время убых, не признававший никаких властей, ответил бы кинжалом. Местом сбора партии назначалось обыкновенно необитаемое ущелье. Только дряхлые старики и малые дети не участвовали в походе. Каждый обязывался иметь с собой необходимую одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или толстого горского сукна. Продовольствие такой партии обычно составляли: гоми (пшено), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. Все продовольствие каждый, кроме предводителя, нес на себе, на целый месяц. Когда, бывало, партия соберется и составит скопище от 800 до 3000 человек, тогда предводитель отправлялся на место сбора, где осматривал платье и провизию собравшихся... После поверки назначались люди в состав авангарда и арьергарда. Собранная партия делилась на части: люди одной деревни, числом от 10 до 100 человек, составляли особую часть или, по выражению убыхов, *отдельный огонь* [курсив автора]... Каждый *отдельный огонь* имел своего старшину, обязанного делать наряды, вести очередь и в важных случаях приходиться к предводителю за получением приказаний и для совещаний... В походе убыхи следовали в две шеренги или, лучше сказать, по два человека рядом... Убыхи делали нападения только ночью, перед рассветом. Перед нападением предводитель делил всю партию на три части: первые две предназначались для нападения и составлялись из самых отборных, а третья часть из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков и т. п., образовывала резерв".¹

Таким образом очевидно, что военная организация убыхов была основана на патриархальных началах. Выборы предводителя, деление на отряды по родам или общинам, своеобразная организация снабжения — все это подтверждает примитивную структуру убыхского войска. Она весьма напоминает нам военную организацию древних германцев, ирокезов и др. племен, о которых говорит Энгельс.²

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, изд. 1871, стр. 254—257.

² Происхождение семьи... Партиздат, 1934, стр. 121, 81, 96 и 97.

Однако именно эта патриархальность и объясняет, с другой стороны, ту сплоченность, упорство, единство, беззаветную храбрость и героическое самопожертвование, которыми отличались убыхи, крепко связанные между собой родо-племенной общностью. Этими качествами уже не обладали ополчения, построенные по феодальному принципу, и вообще войска тех кавказских народов, общественное устройство которых было уже типично феодальным. Именно в социальной специфике уبخского общества, а не в „национальном характере“ убухов, лежат причины их упорства и стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом. Недаром Энгельс, характеризуя родовое общество, говорил: „А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров. Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке.¹ Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, [курсив наш. А. Ф.] — сделали то, чего не смогло бы выполнить ни одно европейское войско... Они под дождем пуль скорострельных ружей английской пехоты... довели дело до штыкового боя: не один раз приводили они ее в расстройство и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что такое военное обучение“.²

В первый период борьбы убухов с русским царизмом военно-политическое руководство находилось в руках рода Берзек, который представлял собой племенную верхушку, выделившуюся в процессе развития экономического и социального неравенства среди своих соплеменников. Из рода Берзек чаще всего выбирались предводители при военных набегах. Из рода Берзек вышел известный Хаджи-Берзек, пользовавшийся большим авторитетом не только среди убухов, но и на всем Западном Кавказе; в 1839 г. голова его была оценена царским правительством крупной суммой денег.

Хаджи-Берзек с самого начала не ограничивался обороной территории, занятой убухами, а ставил своей задачей органи-

¹ Речь идет о захватнических войнах Англии в Африке в 1879 и 1882 гг.

² Ibid., стр. 99.

зацию всеобщей совместной борьбы против русского царизма всех соседних народов и племен. Вместе с шапсугами он нападает с убыхским отрядом в 1837 г. на Михайловское укрепление (на р. Вулан), вместе с абхазским племенем ахчипсы он угрожает в 1839 г. приморским общинам садзов (джигетов), которые не оказывают сопротивления царским войскам. Он ведет переговоры о совместных действиях с псхувцами и посылает гонцов в Пабал и Дал, жители которого держат под ударом Сухум-калэ.¹

Это стремление к объединению в борьбе с царскими захватчиками находит отклик в сердцах трудящихся масс народов Западного Кавказа. Массовый характер освободительное движение принимает зимой 1840 г., когда вследствие неурожая и вызванного суровой зимой падежа скота на южном склоне Главного Хребта разразился страшный голод. Отрезанные от побережья русскими укреплениями жители приморских районов были лишены возможности поправить свое положение и путем товарообмена с турецкими купцами. Все это подняло народные массы против царских захватчиков. В феврале 1840 г. все Черноморское побережье пылает огнем всеобщего восстания.

Повстанцами были взяты штурмом в течение полутора месяцев 4 укрепления: 7 февраля — Лазаревское, 27 февраля — Головинское, 29 февраля — Вельяминовское, 22 марта — Михайловское. 14 марта под угрозой штурма находилось укрепление „Святого духа“, а 23 и 24 марта едва было не взято Навагинское укрепление.

Характерно, что повсюду в рядах повстанцев сражались бок о бок убыхи, шапсуги и наткуаджи, причем ведущая роль почти всегда принадлежала убыхам. Так, например, Лазаревское укрепление было взято отрядом убыхов, шапсугов и наткуаджей, численностью до 1200 человек, с помощью убыха Шоген-Муса, который до этого три месяца жил в укреплении, выдавая себя за бежавшего от преследования кровников, а на деле являясь лазутчиком повстанцев. Благодаря Шоген-Муса предводители повстанцев знали все слабые стороны и уязвимые пункты укрепления. В ночь на 7 февраля Шоген-Муса бежал, а на рассвете подвел авангард повстанцев, состоявший из убыхов, под самые стены укрепления, убил часового и этим

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2—7.

обеспечил полную внезапность атаки. Благодаря этому, спустя три часа, из 184 офицеров и солдат гарнизона было уничтожено 144, а 40 взято в плен, несмотря на то, что укрепление имело крепкие валы из туров и несколько орудий, которые могли поражать картечным огнем все ближайшее пространство на 180°.

Может показаться странным, почему убыхи, державшие в своих руках инициативу восстания, нанесли первый удар не по тем форпостам русского царизма, которые находились на их территории (Навагинское и Головинское), а по тем, которые замыкали участок побережья, принадлежащий шапсугам.

Однако, именно в этом и заключался стратегический план убыхского руководства. Организаторам восстания было прекрасно известно состояние укреплений Черноморской береговой линии. Наименее боеспособными были как раз гарнизоны Лазаревского, Михайловского и Вельяминовского укреплений, среди которых насчитывалось от 50 до 75% больных цынгой и малярией. Кроме того, нанося удар по этим укреплениям, повстанцы вбивали клин на стыке 1-го и 2-го отделений Черноморской береговой линии, лишая гарнизоны Головинского и Навагинского укреплений надежды на выручку с севера, что, принимая во внимание малочисленность царских войск в Абхазии, обрекало гарнизоны вышеуказанных укреплений, казалось, на верную гибель.

Кроме того, развертывая первые победоносные операции против укреплений, лежащих на шапсугском побережье, убыхское руководство этим самым сразу вовлекало в ряды восставших массы шапсугов и наткуаджей. Следовательно, направление первого удара (Лазаревское—Вельяминовское), намеченное убыхским руководством, можно было бы признать абсолютно правильным, если бы отсутствовал важный стратегический фактор, каким являлась царская военная эскадра, господствовавшая на Черном море. Значение этого фактора не было учтено руководителями восстания, а именно благодаря десантным операциям, проводимым под прикрытием судовой артиллерии, царское командование не только сумело оказать помощь Навагинскому и Адлерскому („Св. духа“) укреплениям, но и перейти впоследствии в контр-наступление по всему побережью.

Внешняя обстановка благоприятствовала восстанию. С 1837 г. особенно активной стала деятельность англотурецких контрабандистов и эмиссаров на Черноморье, которые, отвлекая внимание русского командования, одновременно оказывали помощь повстанцам оружием и боеприпасами, причем это не могло не оказывать влияния и на политико-моральное состояние последних, укрепляя популярную в то время среди кавказских трудящихся идею о скором конфликте между Россией с одной стороны — и Турцией и европейскими державами — с другой.

На Восточном Кавказе царское командование было обеспокоено восстанием в Чечне, которое дало возможность снова поднять голову Шамилю в Дагестане, потерпевшему было поражение в 1839 г. под Ахульго.

Однако, в этот период тесных срызей между повстанцами Дагестана и Чечни с движением на Западном Кавказе еще установлено не было.

Восстание на Черноморском побережье, начатое убыхами, подняло лишь шапсугов и наткуаджей. Даже абдзахи держались довольно пассивно. То, что ведущая роль в восстании 1840 г. на побережье принадлежала убыхам, подтверждается официальными документами и в первую очередь распоряжениями и мероприятиями царского правительства.

12 апреля 1840 г. военный министр граф Чернышев, получив известия о разгроме Черноморской береговой линии, в резких тонах осуждает начальника ее, генерала Раевского, и приказывает командующему Отдельным Кавказским корпусом немедленно направить карательную экспедицию в „землю убыхов“, предписывая „жечь и уничтожать их посевы, жатву и запасы“.¹

В рапорте Чернышеву Раевский, в свою очередь, обращает внимание военного министра на необходимость „более решительно действовать против убыхов“.

„Мы едва можем защищать Абхазию, — пишет Раевский, — пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов“.²

¹ Арх. Шт. Отд. Кавк. корпуса, д. № 13 за 1840 г.

² Рапорт от 16-го июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 1—5.

„Цебельдинцы подстрекаются убыхами... В Абхазии часть народа готова восстать против владетеля и присоединиться к убыхам“, — доносит Раевский в другом рапорте.¹

Тем не менее пламя восстания, начатого стремительным натиском на береговые укрепления, к апрелю 1840 г. стало затухать. Причиной этого были, во-первых, пассивность шапсугов и наткуаджей, населявших северную покатость Главного Хребта, во-вторых, низкий идейно-политический уровень массы повстанцев, обусловленный родо-племенной ограниченностью их сознания. Большинство рядовых участников движения видело свою задачу лишь в том, чтобы уничтожить те ближайшие русские форпосты, которые угрожали независимости их селений и общин, не поднимаясь до осознания необходимости борьбы за освобождение всего Кавказа или хотя бы всего Черноморского побережья. Боеспособность и смелость повстанцев падала тем сильнее, чем дальше они уходили от родных селений.

Кроме того, и среди убыхской племенной знати, державшей в своих руках руководство восстанием, начала расти тенденция к примирению с царским правительством по мере того, как снята была непосредственная угроза российской экспансии в виде разгромленных в феврале — марте береговых укреплений. Феодалы же элементы шапсугов и наткуаджей вообще не принимали участия в движении.

Все это дало возможность царскому командованию в мае 1840 г. путем десантных операций занять развалины Вельяминовского и Лазаревского укреплений. При этом из последнего была отправлена карательная экспедиция по долине р. Псезуапе, в результате которой сожжено было 13 шапсугских аулов с уничтожением всех виноградников и насаждений.

Это обстоятельство окончательно парализовало распространение восстания на северо-запад и поставило убыхов лицом к лицу с русским царизмом.

Не рассчитывая теперь уже на шапсугов, убыхское руководство во главе с Хаджи-Берзеком стремится обеспечить себе поддержку на юго-востоке, надеясь привлечь к восстанию садзов (джигетов), ахчипсы, айбга и другие абхазские племена.

¹ Рапорт от 17 окт. 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 1—2.

Эта задача является для Хаджи-Берзека тем более актуальной, что царское командование усиленно ведет переговоры с джигетским дворянством, рассчитывая в свою очередь натравить их на убыхов со стороны р. Мзымты.

„Появление русского отряда... заставит всех прибрежных джигетов решиться на явную покорность и выдать аманатов. Это поставит их в явную вражду с убыхами“.¹

Осенью 1840 г. Хаджи-Берзек с 2.500 убыхов и ахчипсы появляется на берегах р. Бзыби, одновременно посылая гонцов к дальцам (абхазы, населявшие ущелье р. Кодора).²

Однако развертыванию решительных действий Хаджи-Берзека в Абхазии помешали, очевидно, противоречия его с некоторыми другими представителями убыхской племенной знати, настроенными примиренчески. Во главе последних стоял вождь сочинских убыхов Аубла-Ахмет.

Генерал Раевский объясняет неожиданную пассивность Хаджи-Берзека следующим образом:

„Цель движения Хаджи-Берзека с убыхами к границе Абхазии — или не была вторжение в сию последнюю, или исполнению ее помешали раздоры между Хаджи-Берзеком и убыхским князем Аубла-Ахметом. Сей последний, как говорят, не хотел участвовать в нападении на Абхазию, имея там свои связи. Хаджи-Берзек остановился, не доходя Бзыби, составляющей границу Абхазии.... Он ограничился: 1) войти в сношения с Цебельдою и Далами и в них найти себе союзников в тылу Абхазии, 2) наказать Цандрипшских князей (часть джигетов), вступивших нынешний год в русское подданство. Он успел и в том, и в другом. Цандрипш им опустошен и Цебельда начала было волноваться, но сие волнение имело важность только в Далах, т. е. горной ее части... Дальцы укрепляют завалами все тропы своего ущелья и ожидают на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму“.³

К этому времени русские гарнизоны береговых укреплений от Геленджика до Адлера были удвоены и даже утроены, но это в значительной мере было проведено за счет ослабления гарнизонов в Абхазии. Хаджи-Берзек, учитывая это, тем

¹ Рапорт г. Раевского от 16 июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2.

² Ibid., л. 6.

³ Рапорт ген. Раевского от 17 октября 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 7—8.

более активно проявляет себя в отношении Абхазии, где он ищет союзников не только в жителях горных районов (ахчипсы, Псху, Дал), но и среди трудового крестьянства, поднимающегося на борьбу с местными феодалами — союзниками русского царизма. Восстание абхазских крестьян во главе с Измаилом Допуа, вспыхнувшее летом 1840 г. в Кодорском районе, несомненно имело связь с движением убыхов. Политическое положение Абхазии поэтому не могло не внушать опасений царскому командованию, через лазутчиков и джигетских дворян осведомленному о намерениях Хаджи-Берзека. Рапорт генерала Раевского графу Чернышеву от 23 ноября 1840 г. подтверждает это со всей очевидностью.

„По собранным мною сведениям, убыхи с соумышленниками своими обратятся нынешнюю зиму не на 1 отделение,¹ а на Абхазию. Береговые укрепления приведены в такое оборонительное положение, что можно надеяться на их безопасность. Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас, а во всяком случае добыча гораздо богаче, чем в укреплениях, хотя мы можем надеяться на преданность Владетеля Абхазии, но есть часть народа, которая готова восстать против него и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакани, восстания, которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии, и подвергнет разорению ту и другую. Тогда, что будет стоить вновь покорение Абхазии, Цебельды и Самурзакани?

По всем береговым укреплениям уже носят слухи, что Хаджи-Берзек сзывает береговые и закубанские племена, но между тем как все угрожает Абхазии, — средства к ее обороне уменьшаются: по новой дислокации гарнизоны в Гаграх и Бомборах, главнейших пунктах Абхазии, уменьшены против прежнего в каждой одною роту. Распоряжение это уже приводится в исполнение.

Десятилетнее спокойствие не должно вводить нас в заблуждение, тогда мы еще не занимали восточного берега, тогда еще занятием Субаши и Сочи в земле убыхов мы их не вооружили

¹ „Черноморская береговая линия“ разделялась тогда на 2 отделения: от Анапы до Навагинского укрепления и от Навагинского до Ингура.

против себя... тогда, наконец, вместо 2 линейных батальонов, разбитых в укреплениях Абхазии, Цebelды и Самурзакани, мы в одних Бомборах держали целый 22-й Егерский полк“.

Раевский просит Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии еще одним линейным батальоном, а в Новороссийске расположить Тенгинский пехотный полк „в виде резерва Береговой линии“.

„В противном случае повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю, что сделается с Абхазией, если Хаджи-Берзек обратится на нее с 15000 человек, как в прошлом году на береговые укрепления“.¹

Просьба Раевского была удовлетворена. Гарнизоны Сухума, Гагр, Бомбор и др. укреплений были усилены, а в конце декабря 1840 г. была организована карательная экспедиция для „приведения к покорности возмутившихся дальцев“. Несмотря на упорное сопротивление последних, Дал в январе 1841 г. был разгромлен, причем по приказу начальника экспедиции полковника Муравьева все жители были выселены, а жилища их и запасы „преданы огню“.²

С Далом полковнику Муравьеву удалось покончить раньше, чем убыхи сумели оказать ему помощь, но что последняя могла быть оказана, подтверждает тот факт, что немедленно по занятии Дала Муравьев отделил часть своего отряда „в составе 3-х рот Тенгинского пехотного полка с одним горным единорогом и 4 негорными мортирками“ для движения на р. Бзыбь, „где опять угрожали Абхазии убыхи“.³

Авангарды убыхов, обойдя Гагры, действительно консолидировались в Бзыбском ущелье.

15 февраля 1841 г. отряд убыхов, числом около 1000 чел., под предводительством Керентуха Берзека (племянника Хаджи-Берзека) сделал глубокий рейд по Бзыбской Абхазии, напав на селение Отхары, принадлежащее владельцу Абхазии князю Михаилу Шервашидзе. Возвращаясь оттуда, 20 февраля этот отряд атаковал Гагры, но был отбит орудийным огнем.⁴

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 10—11.

² Ibid., л. 44—50, Рапорт полк. Муравьева.

³ Рапорт полк. Муравьева от 7 января 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 45.

⁴ Журнал военным происшествиям в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

Одновременно убыхи не оставляли в покое и береговые укрепления, о чем доносит графу Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Головин:

„Между укреплениями Лазарева и Головинским имеют они (убыхи. А. Ф.) несколько орудий, к которым приучают артиллеристов с намерением бомбардировать оба эти укрепления. Между фортами Головинским и Навагинским горцы в довольно значительном сборе и беспрестанно выстрелами тревожат по ночам как то, так и другое укрепление...“¹

Однако поражение дальцев и пребывание большого количества царских войск в Абхазии содействовало активизации примиренческих руссофильских настроений не только среди абхазского дворянства, но и в кругах убыхской племенной знати.

Мероприятия царского правительства в Абхазии служили конкретным выражением военно-феодальной колониальной политики. Царское правительство в своей захватнической политике повсеместно опиралось на местные феодальные элементы, закрепляя их эксплуататорские права, покупая их щедрой раздачей чинов и наград и превращая их, таким образом, в орудие колониального порабощения трудящихся масс местного населения.

Постройка укреплений на побережье Абхазии и карательные экспедиции, предпринимаемые царскими генералами во внутренние районы страны, укрепили авторитет князя Михаила Шервашидзе, который был „высочайше утверждён“ владельцем Абхазии ещё в 1824 г., но до 1830 г. вынужден был скитаться за ее пределами, будучи изгнан восставшим крестьянством.

Сами царские сатрапы признавались впоследствии, что „Раевский сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии“.²

В свою очередь Михаил Шервашидзе и его тавады и аамыста (Хасан Чачба, Хасан Маан, Кац Маан, Званбая и др.) были верными проводниками колониальной политики российского самодержавия, получая „за усердие к службе царской“ офицерские чины, награды, денежные подарки.

Примером может служить „приведение к покорности“ джигетов (садзов), представители феодальной верхушки которых

¹ Журнал военным происшествиями в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

² Воспоминания ген. Филиппсона, „Рус. архив“, 1884, стр. 209.

(дворяне Хамыш, Гячь, Цанба, Чуу и др.) дали клятвенное обещание на верность „самодержцу и великому государю всероссийскому“. По поводу этого акта новый начальник Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп в своем рапорте писал: „Спешу доложить вашему высокопревосходительству,¹ что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор князь Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу... Он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами... При том же он мог в подтверждение своих слов указывать на пример Абхазии, которая в подданстве его императорского величества, сохранив все свои права и обычаи, достигла небывалого прежде благосостояния“.²

Если в последней фразе этой цитаты выражение „пример Абхазии“ заменить словами „пример абхазского дворянства“, то очевидно, что это соответствовало действительности. В самом деле, под защитой русских штыков абхазские феодалы „сохранив все свои права, достигли небывалого прежде благосостояния“, что не могло не импонировать не только джигетским дворянам, но и убыхской племенной знати. Представители последней, вслед за присягой джигетского дворянства, начинают склоняться к переговорам с царским правительством. Не малую роль и здесь играл Михаил Шервашидзе, находившийся в близких отношениях с самим Хаджи-Берзеком.³

9 мая 1841 г. произошла первая встреча убыхских делегатов во главе с Хаджи-Берзеком с генералом Анрепом, в присутствии Михаила Шервашидзе, Каца Маан и других „почетных дворян абхазских“.

С самого начала переговоров среди убыхской делегации выявились разногласия. Сторонником мира с русскими, немедленного „принесения покорности“ был вышеупомянутый вождь Сочинских убыхов Аубла-Ахмет, „которого владения простирались между устьями рек Мица, Соче и Псаха и состояли из 700 дворов“. Противниками соглашения были „убыхи с Вардане и из окрестностей укрепления Головинского (Шахэ. А. Ф.),

¹ Рапорт адресован ген. Головину.

² Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 11.

³ В детстве Мих. Шервашидзе воспитывался в семье Хаджи-Берзека и согласно родовым обычаям, считался таким образом его названным сыном.

которые поддерживали закоренелую вражду своих соплеменников".¹

Хаджи-Берзек, по словам ген. Анрепа, „опасаясь потерять влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но с другой стороны, выслушав все обещания владетеля (Шервашидзе. А. Ф.), тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся...“²

Следовательно, племенная знать убыхов (Берзеки) уже полностью склонилась к соглашению с царизмом, тогда как „простой народ“ по-прежнему был готов защищать свою независимость. Если Хаджи-Берзек, видимо еще колебался, то его племянник Керентух проявил откровенную решимость. „Он... дал и мне, и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, — пишет Анреп, что у убыхов не будет такого сборища, которое бы могло быть опасно покорившимся. Вообще Керентух показался мне человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным“.³

Генерал Анреп далее выражает сожаление о том, что прямолинейная захватническая политика его предшественника Раевского восстановила Берзеков против царизма и считает „ошибочной мерой“ то, что в 1839 г. Раевским была оценена голова Хаджи-Берзека.

Первый тур переговоров окончился 12 мая 1841 г., когда Аубла-Ахмет принес присягу на верность „престолу всероссийскому“, а остальные убыхские делегаты уехали обратно, возмущенные этим поступком.

„Приведение к покорности“ джигетов и небезуспешные переговоры с убыхами настолько обрадовали Николая I, что он пожаловал генералу Анрепу „всемиловитивейший рескрипт“, полковника Муравьева произвел в генерал-майоры, Михаила Шервашидзе наградил „орденом святыя Анны первой степени“ и „всем присягавшим князьям и дворянам“ распорядился выдать денежные подарки в сумме 39 червонцев и 2311 рублей серебром.⁴

Обилие „монарших щедрот“ показывало, что царское правительство считало „покорение“ убыхов делом первостепенной

¹ Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 12—13.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 23—27.

важности, что еще раз подтверждает выдающуюся политическую роль, какую играли убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе.

Измена Берзеков делу освободительного движения вызвала глубокое возмущение народа. Интересы племенной знати столкнулись с решениями народных собраний. Отбросив оболочку идиллических родовых обычаев, „главные“ и „богатые“ обнажили свою эксплуататорскую сущность, пойдя по стопам абхазского дворянства на союз с российским самодержавием.

Однако они не располагали аппаратом для подавления протестующих соплеменников. Патриархальная демократия нашла еще силу противопоставить себя узурпаторам. Взрыв народного гнева заставил Берзеков отступить от своих обещаний, данных царскому правительству. „20 мая — читаем мы в очередном рапорте ген. Анрепа, — убыхи, собравшись в значительном числе, арестовали покорившихся князей Аубла-Ахмета и Зураба Хамыша и сверх того несколько других лиц, имевших с нами переговоры, в бытность мою в укреплении Святого духа. Между сими последними были: Хаджи-Берзек, племянник его Керентух и Мурад, житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью. Князья Аубла-Ахмет и Зураб Хамыш были вынуждены отречься от принесенной ими присяги и тогда только освобождены из под ареста. Задержание Хаджи-Берзека продолжалось недолго, и он тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действия против покорившихся джигетов“.¹

Что Хаджи-Берзек вынужден был нарушить тайное свое обещание, данное им Михаилу Шервашидзе, и встал опять во главе освободительного движения только ради того, чтобы не потерять окончательно своего авторитета в глазах народа, совершенно очевидно. Тот же ген. Анреп, спустя некоторое время, характеризовал Хаджи-Берзека следующим образом: „Многие обстоятельства заставляют меня полагать, что в его враждебной предприимчивости есть более расчета, чем ожесточения“.²

Однако демобилизационные настроения Берзеков внесли, разумеется, разложение в ряды убыхов. К тому же и Хаджи-

¹ Рапорт ген. Анрепа от 30 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 42.

² То же от 6 июня 1842 г., ЦВИА, ВУА, д. 6470, л. 39.

Берзек, может быть преднамеренно, от наступательной тактики перешел к оборонительной, что дало возможность царскому командованию сосредоточить крупные силы на мысе Адлер для проведения карательной экспедиции в землю убухов.

Когда в устье р. Мзымты (вблизи укрепления Св. духа) в начале июня 1841 г. собрался готовый к выступлению отряд царских войск в составе 12 рот пехоты, полусотни казаков при 6 горных орудиях, подкрепленный абхазской „милицией“¹ князя Михаила Шервашидзе, то эта угроза была столь значительной и реальной, что теперь уже все представители убухских общин вынуждены были, ради выигрыша времени, пойти на переговоры с царизмом. Однако и царские генералы не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы немедленно покончить с убухами, и потому заключенное в результате этих переговоров соглашение носило крайне половинчатый и, разумеется, временный характер.

„Я склонил убухов согласиться на следующие условия“, писал Муравьев: „1) Что я им назначаю трехмесячный срок для размышления, чтобы последовать джигетам — покориться правительству и принести присягу в верности. 2) В течение этого срока они не должны не только действовать силою против покорных нам джигетов, но и не проходить через их землю для набегов на Абхазию. 3) Они немедленно должны возвратить джигетам аманатов, издавна у них находящихся, и 4) джигеты в замену этого не будут делать набегов на землю убухов“.²

Соглашение с убухами было заключено 4 июня 1841 г., но прочность его была, разумеется, весьма сомнительна. Оно было нарушено прежде всего самим же царским командованием. Сообщая графу Чернышеву о состоявшемся соглашении, генерал Анреп одновременно добавляет: „Впрочем, и теперь опасность не миновалась... На этих соображениях основано мое полное и совершенное убеждение, что высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убухам непременно должна быть произведена в нынешнем году; отложить же ее до будущего года — значит несравненно увеличить все затруднения, а может-быть и потерять то, что ныне приобретено“.³

¹ „Милиция“ — иррегулярные отряды, собиравшиеся владетельными князьями в порядке феодальной повинности.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 65—66.

³ Рапорт ген. Анрепа от 18 июня 1841 г., Акты К. А. К., т. IX, стр. 509.

Не теряли времени и убыхи, представители которых в июле 1841 г. вели оживленные переговоры с шапсугами, наткуаджами и абдзахами, стараясь снова организовать всеобщее восстание на Черноморском побережье. Н. Дубровин приводит цитату из „Дефтера“,¹ принятого „народным собранием черкесских племен“, состоявшимся в 1841 году на р. Пшеха с участием убыхов, шапсугов, абдзахов и наткуаджей:

„Никто из нас не должен итти к неверным, дружеские сношения с неверными строжайше запрещены, и потому всякий мир и предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы... Как только русские войска вступят в страну, то каждый должен взять оружие и итти туда, куда потребует опасность“.²

Однако, попытка убыхов привлечь шапсугов и абдзахов к действиям против отряда ген. Муравьева, угрожавшего им со стороны мыса Адлер (укрепление „Святого духа“), не имела успеха. Абдзахи были отвлечены операциями генерала Засса на р. Кубани. Шапсуги отбивались на два фронта — против того же Засса на севере и против „поисков“, совершаемых гарнизонами береговых укреплений.

Неудачной оказалась и попытка убыхов взять штурмом Навагинское укрепление, предварительно бомбардировав его из нескольких имеющихся в их распоряжении пушек. Ген. Муравьев направил в Навагинское часть своего отряда, который и заставил повстанцев отступить в горы. Появление крупного отряда царских войск на р. Сочи (у Навагинского укрепления) в „сердце земли убыхов“ имело, конечно, весьма отрицательное влияние на политико-моральное состояние последних. Прежде всего окончательно восторжествовала пораженческая тенденция в кругах племенной знати. „Вчера, после отчаянной атаки на наше правое прикрытие, Хаджи-Берзек оставил сборище, сказав: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой»“.³

Царское командование, однако, не решилось осуществить полностью свои планы в отношении проведения карательной экспедиции вглубь занятой убыхами территории, ограничившись лишь походом вдоль берега моря и разрушением нескольких приморских селений, жители которых „бежали в дальние горы“.

¹ „Дефтер“ — по-турецки „лист“, „книга“.

² Н. Дубровин. Черкесы, изд. Адыг. общ-ва краеведения, Краснодар, 1927, стр. 158.

³ Рапорт ген. Анрепа от 11 октября 1841 г., Акты К. А. К., т. IX, стр. 513.

Несмотря на поражение повстанцев, еще не могло быть и речи о полной победе русского царизма. В рапорте от 19 марта 1842 г. ген. Анреп снова вынужден напомнить Чернышеву, что „глава этого племени (Адыге. А. Ф.) — убыхи, и пока они сохранят то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным...“¹

Тем не менее, с 1842 г. освободительное движение на Западном Кавказе вступает в новую фазу. Последняя характеризуется окончательным переходом убыхской племенной знати и феодальных элементов адыгейского народа на сторону русского царизма, социальной опорой которого они становятся, благодаря чему освободительное движение становится крестьянским движением и принимает новые организационные формы и иную идейную окраску.

Союз российского правительства с предателями Берзеками закрепляется весной 1842 г. Генерал Анреп описывает эти решающие переговоры с Берзеками следующим образом: „Начальник 3 отделения генерал-майор Муравьев донес мне от 18 февраля за № 4 о известии, которое он получил от воинского начальника укрепления Головинского, капитана князя Туманова, что живущие по рекам Шахэ, Субаши и окрестным долинам дворяне главной между убыхами фамилии Берзек неоднократно приезжали в укрепление Головинское и просили представить их главному начальнику для изъявления покорности его императорскому величеству со всеми их подвластными. Время было бурно, и ген. Муравьев не съезжал с парохода, но к нему немедленно явились значительнейшие из тех дворян — Эдик и Мату Берзеки, которые уже готовы были ехать с сею целью в Абхазию на казачьем баркасе.“

Убеждаясь в искренности этих людей, просивших принять их покорность на тех же основаниях, как таковая принята была от джигетов, генерал-майор Муравьев назначил им собраться в долине реки Шахэ, близ укрепления Головинского, а сам немедленно прибыл в Керчь с этим известием.

Понимая всю важность этого события, могущего иметь решительное влияние на покорение всех убыхов, я отправился 22-го февраля в укрепление Головинское, но застигнутый в море бурями, мог прибыть туда лишь 25 числа того месяца.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 5.

Жители окрестных долин были в сборе недалеко от укрепления, а 27 февраля убыхские дворяне: Шеулах-уко-Амщук Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз Берзек, Шеулах-уко-Эдик Берзек и Шеуей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и за своих подвластных на вечное подданство великому государю. Обязательства, которые приняли на себя присягнувшие, ваше сиятельство [рапорт Андрепа адресован графу Чернышеву. А. Ф.] изволите усмотреть из представляемой при сем копии клятвенного обещания.¹

Из текста этого клятвенного обещания видно, что, признав себя подданными царской России, Берзеки были только ограничены во внешней политике, но ничем не были ущемлены в отношении своих прав над Субашинскими общинами. Напротив, поддержка царского правительства, вассалами которого они теперь являлись, обеспечивала усиление их политического авторитета и открывала возможность для дальнейшего расширения их эксплуататорских прав. Утвержденные царским правительством автономными владельцами Субашинского ущелья, Берзеки несомненно сделали этим самым крупный шаг по пути феодализации, по пути укрепления феодальной собственности.

Пункты „клятвенного обещания“ говорят только о подданстве и вообще сформулированы гораздо мягче, чем многие подобные акты, подписанные в свое время феодальными владельцами Кавказа. Это объясняется, конечно, только тем, что убыхи представляли собой в это время еще достаточно грозную силу, еще сохраняли свою боеспособность, и царское командование не могло еще разговаривать с убыхами языком победителя. Разумеется, царское правительство рассматривало данный акт как первую ступень к достижению своей цели в отношении покорения убыхов, надеясь в лице Берзеков создать для себя опору в своей колониальной политике на Черноморском побережье. Переговорам с Берзеками царское правительство придавало весьма серьезное значение. Это видно хотя бы из того, что сразу же после получения известия о присяге Берзеков, Николай I „пожаловал“ каждого из них в поручики и „повелеть соизволил производить сим офицерам жалованье по 200 руб. серебром в год и сверх того выслать им эполеты... за особые услуги нашему Правительству“.²

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 6—7.

² Отнош. директора канцелярии Воен. мин. от 14 III 1842 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 12.

Расчеты царского правительства в отношении Берзеков оправдались полностью. В очередном рапорте ген.-м. Анрепа содержится указание на то, что „поведение новых подданных государя императора превзошло все мои ожидания“ и что вслед за Субашинскими Берзеками „Хаджи-Берзек чрез нарочного дал мне знать, что он желает иметь со мной свидание“.¹

При этом Анреп подчеркивал, что он „совершенно убежден, что от прочного покорения убухов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне Линии, но всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря“.²

Хотя соглашение с Берзеками и не означало „прочного покорения“ убухов, но тем не менее оно оказало отрицательное влияние на их боеспособность. Берзеки использовали весь свой авторитет для того, чтобы ослабить мощь освободительного движения, которое теперь лишилось военно-политического руководства. Однако, их измена еще не привела к полной победе русского царизма. Патриархальная демократия еще раз сумела показать свою силу, противопоставив себя теперь уже блоку русского царизма со своей „собственной“ племенной верхушкой. С 1842 г. влияние Берзеков среди трудящихся масс убухских племен быстро падает. Даже наиболее популярный вождь, каким был Хаджи-Берзек, хотя и не присягнувший официально царской России, теряет свой авторитет. Убедившись в этом, он отрекается от политической деятельности, направляясь на богомолье, о чем, как о „замечательнейшем происшествии“, сообщает начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте графу Чернышеву от 2 июля 1846 г.³ Смерть Хаджи-Берзека совпадает с новым подъемом освободительного движения на Западном Кавказе, которое, однако, приобретает совершенно иные формы и развивается на новой основе.

III

Новый подъем освободительного движения на Западном Кавказе совпадает с победами мюридизма в Дагестане и Чечне.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 25.

² Ibid.

³ Ibid. д. № 6597, л. 59. Характерно, что Будберг называет Хаджи-Берзека не „дворянином“ а „старшиной“.

Последние оказывают настолько сильное влияние на адыгейские племена и убыхов, что новая фаза их борьбы с русским царизмом развивается в основном под теми же лозунгами, которые были начертаны на знамени Шамиля.

„Мюрид должен поставить себя ниже всякой божьей твари так, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слон и мошка производили на него равное впечатление“.¹ Эта формулировка содержит именно то рациональное зерно программы мюридизма, которое, будучи освобождено от „божественной“ шелухи, дало такие богатые всходы на почве кавказской патриархальной демократии.

Мюридизм имел наибольшие успехи именно там, где больше всего сохранились патриархально-общинные порядки, где демократические общины нашли силу противопоставить себя феодально-родовой знати, открывавшей ворота царским захватчикам.

„Чтобы понять, почему Дагестан сделался родиной мюридизма, надо иметь в виду еще его две черты. Первой из них является чрезвычайная сплоченность и дружность той первобытной общины которая представляла здесь основную социальную ячейку“.²

Как бы ни критиковать внутреннюю политику Шамиля и его наивов, как бы ни расценивать противоречия между „аульской верхушкой“ и крестьянской массой, но нельзя не признать, что „мюридизм был демократическим движением, всюду низвергавшим власть беков и ханов, основанную на наследственном праве“,³ нельзя не согласиться, что, несмотря на теократические формы, „власть Шамиля была чисто-демократической“.⁴

Не даром же Маркс, внимательно следивший за освободительной борьбой трудящихся Кавказа, назвал Шамиля „великим демократом“.⁵

Такие мероприятия, как избивание аварских ханов, ликвидация феодальных привилегий местной знати, освобождение рабов

¹ Заповеди мюридизма. Сб. свед. о кавк. горцах, IV.

² М. Н. Покровский.

³ Ibid., стр. 216.

⁴ Ibid., стр. 212.

⁵ Письмо к Энгельсу от 8 августа 1854 г., Соч., т. XXII, изд. 1931, стр. 52.

(кулов), находившихся во владении последней, не могли не воспламенять сердца угнетенных и эксплуатируемых.

Сила мюридизма была в том, что он восстанавливал примитивно-демократическую организацию кавказских общин, что он объединял трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики дворянско-крепостнической России. Шарият содействовал сплочению разноплеменной крестьянской массы под руководством имамата. Газават оформлял ее примитивное политическое сознание. Конечно, религиозная окраска движения является признаком низкого идейного уровня восставшей массы и ее руководителей, но это не может опровергнуть его революционного значения. „Из равенства сынов божьих они выводили гражданское равенство“. Это было сказано Энгельсом о плебейских ересьх средневековой Европы, и это вполне применимо к освободительному движению на Кавказе в XIX веке. Вот почему под знамена мюридизма собирались и те, кто ранее отнюдь не могли считаться „правоверными“ мусульманами. Выше указывалось, что среди адыгейских племен и убыхов ислам начал проповедываться еще в XVII—XVIII вв. Однако, и в первые десятилетия XIX в. мусульманская религия не получила широкого распространения, несмотря на активную деятельность мулл — агентов Турции. Ислам был прочно воспринят убыхами, шапсугами, абдзахами только в 1840-х гг. и только через призму мюридизма.

Трудящиеся Западного Кавказа были глухи к проповеди турецких мулл, но они горячо отзывались на призывы наибов Шамиля. Это еще раз подчеркивает то, что принципы мюридизма нашли отклик в массах только потому, что они служили наиболее удобной формой для выражения революционных требований крестьянства на том этапе освободительного движения, когда измена феодально-родовой знати стала свершившимся фактом. Обычно считают, что идеи мюридизма были занесены на Западный Кавказ официальными эмиссарами Шамиля, первым из которых был наиб Хаджи-Мохаммед, появившийся среди абдзахов в 1842 г.

Но это не верно. Еще раньше, чем Шамиль решил обратиться к народам Западного Кавказа, провозглашенные им и его предшественниками принципы, передаваемые из уст в уста, донесли до слуха трудящихся убыхов и адыге.

Выше упоминалось о собрании убыхов, шапсугов и абдзахов на р. Пшеха в 1841 г., где был принят цитированный уже нами „дефтер“. Это собрание проходило под знаком Газавата. Целью собрания было объединение всех адыге и убыхов в борьбе с русским царизмом. Средством для достижения этой цели было в первую очередь нивелирование управления и права, что выражалось в установлении шариата.

„Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата“, — гласил один из первых пунктов принятого на собрании „дефтера“.

Однако, собрание 1841 г. не довело до конца начатого дела. Не было создано единого руководящего органа исполнительной власти. Благодаря этому „дефтер“ так и остался листом бумаги, и его указания не были реализованы.

Однако почва для агитации эмиссаров Шамиля была подготовлена, несмотря на открытое сопротивление этой агитации со стороны местной феодально-родовой знати. Последняя крайне враждебно встретила наиба Хаджи-Мохаммеда, который, появившись в 1842 г. среди абдзахов, энергично взялся за насаждение принципов мюридизма. Он декларировал не только религиозное, но и социальное равенство, освобождение рабов и зависимых, замену адата шариатом, организацию постоянных вооруженных отрядов и так называемых „мутазигов“.¹

Попытка Хаджи-Мохаммеда осуществить эти положения не увенчалась успехом. Причиной этого был, очевидно, слишком прямолинейный подход его к ломке старого общественного уклада и недооценка особенностей социальной структуры племенных образований Западного Кавказа. Эти особенности заключались в неразвитости феодальных отношений. У большинства адыгейских племен эксплуататорскую верхушку составляли не столько феодальные элементы, сколько близкая к ним родовая знать сельских общин. Таким образом, освобождение рабов и крепостных наносило удар не только феодалам, но и верхушечной прослойке „крестьянских“ родов, представлявшей собой одновременно и общинную администрацию. Кроме того, на Западном Кавказе гораздо сильнее проявлялась племенная раздробленность, обусловленная слабостью меновых связей. В этих условиях ликвидация адата была более трудным делом.

¹ От турецк. „mutassavif“ — суфий.

Все эти обстоятельства учитывало и царское командование, уверенное в безуспешности миссии Хаджи-Мохаммеда. В рапорте от 14 июля 1842 г. ген. Анреп говорит, что Хаджи-Мохаммед „может произвести волнение в этом пылом и восприимчивом народе (речь идет о наткуаджах. А. Ф.), может возбудить их предприимчивость, которая увеличится в случае, чего боже сохрани, какой-либо неудачи с нашей стороны, но вообще это обстоятельство может быть только поводом к временному усилению враждебных действий, а по всем вероятностям не сделается постоянною причиной общего соединения всего племени Адыге в один народ для единодушного и продолжительного противу нас действия“.¹

Действительно, деятельность Хаджи-Мохаммеда принесла мало результатов, и сам он внезапно умер в 1843 году, возможно, отравленный своими противниками.

Однако, неудачные попытки объединить племена адыге и убыхов вовсе не означали того, что они сложили оружие. Русские гарнизоны береговых укреплений по прежнему находились под постоянной угрозой нападений. В июле 1844 г. около 6000 убыхов и шапсугов штурмовали Головинское и Лазаревское укрепления.

Весной 1845 г. убыхами едва не было взято Навагинское укрепление, причем характерно, что повстанцы возглавлялись тут абреком из крестьян Омером Чизма.

В приказе по отдельному Кавказскому корпусу от 3 февраля 1847 г. отмечается, что за 1846 год на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на Головинское и Навагинское укрепления, расположенные на территории убыхов.

Странной на первый взгляд кажется пассивность царского командования на Черноморском побережье. Оно ограничивалось в эти годы только обороной „береговой линии“, не совершая глубоких „поисков“ и карательных экспедиций во внутренние районы страны. Пассивность эта, однако, объясняется очень просто. Все внимание царского командования было в это время сосредоточено на Восточном Кавказе, где дагестанские пастухи одерживали одну за другой победы над лучшими полками Николая I.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 76.

В 1842 г. Шамиль наносит страшное поражение генералу Граббе в лесах Ичкерии. В 1843 г. ни одного царского солдата не остается на территории Чечни и северного Дагестана. Летом 1845 г. оканчивается полным крахом грандиозная Даргинская экспедиция, причем начальник ее — главнокомандующий на Кавказе граф Воронцов — едва спасается от плена, оставив в руках противника свыше трети своих солдат, всю артиллерию и обозы. Освободив Дагестан и Чечню, Шамиль в 1846 г. переходит в дальнейшее наступление на запад, совершая поход в Кабарду.

Победы Шамиля несомненно активизируют трудящихся Западного Кавказа. По прежнему на побережье ведущую роль играют убыхи.

В августе 1842 г. ген. Анреп доносит Чернышеву, что „старшины убыхов, вместе с шапсугскими и абадзехскими, отправились в Кабарду с намерением склонить жителей оной к враждебным против нас действиям вместе с ними“.¹

Летом 1844 г., как было указано выше, убыхи стремятся снова организовать всеобщее восстание на побережье, привлекая шапсугов.

В январе 1846 г. убыхи направляют удар в сторону Абхазии.

Начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте Воронцову от 25 февраля 1846 г. сообщает об этом так:

„В конце генваря в укреплении Навагинском получены были сведения от лазутчиков и от окрестного жителя капитана Аубла Ахмета, что вблизи укрепления в селе Джембулата Берзека составлен большой сбор горцев разных племен с намерением вторгнуться в Абхазию и по пути сделать покушение против укреплений Св. духа и Пицунды“.²

Однако, это предприятие убыхов не увенчалось успехом, причем на помощь царским войскам выступили „окрестные владельцы князя Инал-Иповы и Маршаниевы“. Однако активные действия убыхов вызвали брожение среди абхазского крестьянства. 15 января абхазские абреки напали на солдат Пицундского гарнизона, а 4 февраля произошла стычка 10 абреков с командой солдат, вышедшей на рубку леса в окрестностях Сухум-Калэ.³

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 98.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 13.

³ Ibid., л. 14—15.

Абреческое движение особенно сильно давало себя чувствовать в районах Дал и Цабал.

В июле 1846 г. в течение 12 дней около 4000 убыхов и шапсугов осаждали Головинское укрепление.¹

Тогда же ген. Будберг сообщает о росте „враждебных настроений“ среди садзов (джигетов).²

С 1845 г. среди наткуаджей и абдзахов находился эмиссар Шамиля Сулейман-Эффенди, который пытался организовать среди адыге отряд на помощь Шамилю. Эта попытка не имела успеха, но агитация Сулеймана-Эффенди оказывала большое влияние на активизацию трудящихся адыге в пределах их родины. Победы Шамиля воодушевляли повстанцев и в Черноморье. Ген. Будберг пишет, что „у шапсугов было собрание из нескольких преданных Шамилю старшин между укреплениями Тенгинским и Вельяминовским, в уверенности, что раннюю весною предприятие это должно увенчаться успехом, подобно как в 1840 году... По слухам, требующим подтверждения, собрание это составилось по предложению Сулеймана-Эффенди“.³

Сулейман-Эффенди не только не выполнил поручения Шамиля об организации вспомогательного отряда, но боясь, очевидно, его гнева, летом 1846 г. изменил ему и предался русским. По приказу кн. Воронцова он написал даже прокламацию против Шамиля, но как справедливо замечает даже русский великодержавный историк Щербина — „Шамиль был очень крупным вождем и новатором на Кавказе, чтобы его авторитет мог поколебать маленький Сельмен“ (Сулейман. А. Ф.).⁴

Однако, стремления Шамиля вовлечь в орбиту имамата народные массы Западного Кавказа этим не ограничились. В 1848 г. он посылает на Кубань одного из лучших своих наивов Мохаммеда-Эмина.

Мы уже не раз подчеркивали, что распространение идей мюридизма на Западном Кавказе нельзя считать только следствием агитации посланцев Шамиля, ибо оно было подготовлено всем ходом событий. Особенно ясно это видно при анализе деятельности Мохаммед-Эмина, успех которого по сравнению с Хаджи-Мохаммедом и Сулейманом-Эффенди объясняется не

¹ Рапорт ген. Будберга от 30 июля 1846 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 66.

² Ibid., л. 69—70.

³ Рапорт от 25 февраля 1846 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 16.

⁴ История Кубан. войска, стр. 541.

столько его личными качествами, сколько тем, что к моменту его появления обострились до крайности противоречия между феодально-родовой верхушкой и трудящимися массами адыгейских и убыхских племен. В середине 1840-х годов и Берзеки у убыхов и племенная знать у адыга открыто перешли на сторону русского царизма, ища у него защиты своих эксплуататорских прав. Освободительное движение под знаком мюридизма угрожало не только царским захватчикам, но и местной феодально-родовой аристократии.

В 1846 г. представители 5 аристократических родов у шапсугов и 4 у наткуаджей обратились с письмом к Воронцову. Вот что писали они в этой замечательной „петиции“: „С древнейших времен мы имели над народом распорядительную власть. Все порядки, все повеления от государя, все наряды для народа зависели от нас... Такой порядок вещей продолжался до настоящего времени. Ныне же народ вышел из повиновения и во всем равняется с нами; все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки, не слушаясь один другого. Таким образом, простой народ присваивает себе такие права и преимущества, какими пользовались только наши деды и отцы... Извещаем вас о сем и покорнейше просим как вас, так и милостивейшего государя императора возвратить нам права наши над народом. Принимая русское подданство, мы в этих видах отделяемся от народа в особое общество с тем, чтобы сохранили мы свои дворянские права, подобно прочему дворянству Российской империи“.¹

В ответ на эту петицию Воронцов написал „просителям“, что не может „не одобрить их намерения“ и обещал им всяческую поддержку. Обнадеженные Воронцовым представители знати просили у него немедленной помощи войсками, заявляя: „По оставшимся от предков черкесским обычаям мы имели право на владение крестьянами, но народ для своей пользы выдумал другой какой-то шарият под предлогом, чтобы никаких властей не признавать“.² Трудно найти более яркое свидетельство для подтверждения того, что за религиозной оболочкой мюридизма скрывалась подлинно революционная программа крестьянского движения.

¹ Цит. по книге Щербина, Ист. Кубан. войска, стр. 568.

² Ibid., стр. 569.

Отсюда понятно, почему таким успехом пользовался Мохаммед-Эмин в конце 1840-х гг. среди „простого народа“ адыгейских и убыхских племен. Восстанавливая древнюю общинную структуру на началах патриархальной демократии, он жестоко расправлялся с теми представителями родовой знати, которые оказывали ему сопротивление. Так, по приказу Мохаммед-Эмина был расстрелян махашевский князь М. Багарсоков,¹ казнен шапсугский старшина Хоротокор Хамырза Кобле.²

Племенная знать в лице феодалов и рабовладельческой родовой верхушки была лишена всех привилегий. Рабы, находившиеся во владении знатных родов, были освобождены.³ Шариат восторжествовал. Формировались боевые отряды „мутазигов“. Первоначально Мохаммед-Эмин развивал свою деятельность среди абдзахов и бждедухов, причем у последних он встречал ожесточенное сопротивление со стороны местных феодалов. Однако, накануне Крымской войны мы видим его на побережье среди убыхов, где его мероприятия пользовались наибольшим успехом, т. к. авторитет местной знати в лице Берзеков был к этому времени совершенно ничтожен.

С началом войны все гарнизоны Черноморской береговой линии царским командованием были в 1854 г. эвакуированы, ибо появление в Черном море англо-французской эскадры и турецкие десанты ставили их в безнадежное положение перед лицом восстания трудящихся адыге и убыхов.

Три года последние были свободны от насилий царских захватчиков, не воспользовавшись, однако, плодами своей победы для укрепления своей обороноспособности. Племенная раздробленность, общинная замкнутость, ограниченность патриархального сознания, — все это выразилось наиболее ярко в том, что после изгнания царских войск с берегов Черного моря союз адыгейских и убыхских племен немедленно распался.

Уверенные в окончательном поражении царской России, адыгейские и убыхские крестьяне в массе своей вернулись к мирному труду и, не видя у порога своих домов царского солдата, оставались глухи к призывам как Мохаммед-Эмина, так и

¹ Дубровин. Адыге, стр. 122.

² Щербина. История Кубан. войска, там же, стр. 545.

³ См. письмо абдзахских дворян Воронцову от 1847 г. в книге Щербины, стр. 573.

турецкого эмиссара Сефер-бея, между которыми, кстати, шла ожесточенная борьба за власть.¹

Но три года свободы прошли, и весной 1857 г. над Кавказским побережьем снова начал расправлять свои крылья двуглавый хищник. Царские войска заняли Абхазию. Одновременно они начали с севера теснить абдзахов, замыкая их территорию цепью фортов, составивших так наз. Адагумскую и Белореченскую „линии“.

Летом 1857 г. идет ожесточенная борьба за Гагры. Вместе с убыхами выступают садзы. 1 апреля они совершают набег на владение абхазских князей Инал-ипа — сел. Колдохвары.² В мае атакуют десантный отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление.

Однако внутренние противоречия между крестьянской массой и представителями племенной знати снова подрывают боеспособность повстанцев. В годы Крымской войны Берзеки, равно как абхазские и адыгейские феодалы, поспешили отречься от российского подданства и даже оказывали активную поддержку турецким оккупантам. Этим они несколько сумели восстановить свой авторитет среди народа, выступая в роли борцов за независимость (на деле — за утверждение протектората Турции).

С возвращением же царских войск Берзеки снова начали нащупывать почву для переговоров с царским правительством, деморализуя ряды повстанцев.

„В первых числах июня около Адлера собралось значительное скопище, числом до 5000, как показывали лазутчики. Главное начальствование приняли на себя Хаджи-Керентух-Берзек и Брах Ипа-Измали Дзейшев [Дзиаш или Дзейш. А. Ф.]. Последний доставил даже 3 небольших медных орудия, которые приобрел неизвестно каким способом в продолжение минувшей войны. Случай окончательно расстроил эти приготовления. В конце мая племянник Хаджи-Керентух-Берзека, так называемый меньшей Хаджи-Берзек, тайно приезжал в Сухум, где представлен был мне [ген. Гагарину. А. Ф.] полковником князем Дмитрием Шервашидзе и обещал при благоприятных обстоятельствах служить усердно нашему правительству. Как

¹ В 1856—1857 гг. дело доходило до вооруженных столкновений между абдзахами (Мохаммед-Эмин) и наткуаджами (Сефер-бей).

² ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 4.

ни скрытна была эта поездка, но о ней проведали на Адлере. Это возбудило крайнее негодование на всех Берзеков, которые собирают партии, чтобы казаться смелыми и предприимчивыми старшинами, и в то же время подводят людей под беду, находясь в тайных сношениях с русскими. Для наказания меньшого Хаджи-Берзека и вместе с тем для овладения богатыми подарками, которые будто бы он привез из Сухума, скопище отправилось грабить его имущество, что и было исполнено. Затем никакого уже согласия восстановить было невозможно, и скопище окончательно разошлось по домам, оставив предприятие на Гагры неисполненным.¹ Двурушничеству феодально-родовой знати, блоку Берзеков и Шервашидзе готов был противостоять единый фронт крестьянского движения. Под влиянием убыхов росло повстанческое движение усадзов, смелели абреки в Абхазии, пламя восстания разгоралось в Дале.

„В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей в Абхазии значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии“, — писал в 1857 г. ген. Гагарин, обосновывая свое распоряжение о сосредоточении 1300 чел. пехоты на мысе Пицунда.²

„Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею“ — признавался в мае 1859 г. ген. Филиппсон.³

Однако, и на этот раз момент был упущен. Отсутствие единого руководства и крепкого, сплоченного авангарда, неспособность уничтожить изменников и ренегатов типа Берзеков и Шервашидзе обусловили оборончески-выжидательную тактику повстанцев.

А в то же время в ущельях Дагестана, замкнутый железным кольцом двухсоттысячной царской армии, как раненый лев отбивался Шамиль с горсточкой своих мюридов. В августе 1859 г. с Дагестаном было покончено. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский издал свой „знаменитый“ приказ: „Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию“.

¹ Журнал происшествий в Кутаис. ген. губ-ве по 2 июля 1857 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 30.

² Журнал... по 15 июля 1857 г., там-же, л. 33.

³ Акты К. А. К., XII, ч. 3, стр. 618.

Теперь наступила очередь Западного Кавказа. Еще в мае 1859 г., „присягнули на верность“ старшины бжедухских общин, в июле сложили оружие темиргой, „махошевцы“, бесленей, шагерей, и др. 20 ноября 1859 г. сдался Мохаммед-Эмин, находившийся все это время среди абдзахов. 12 января 1860 г. „покорились“ и начали выселяться в Турцию 40 000 наткуаджей. Командующий войсками вновь образованной Кубанской области генерал Евдокимов приступил к планомерному наступлению на абдзахов и шапсугов, сопровождавшемуся уничтожением садов и посевов, сожжением мирных селений и поголовным выселением жителей. Представители племенной знати все еще пытались выслужиться „приведением к покорности“ своих „подвластных“. Они убеждали массу в необходимости сложить оружие и начать мирные переговоры. Осенью 1861 г. в Тифлис прибыли в качестве депутатов: от убыхов — Хаджи-Керентух Берзек, от абдзахов — Гассан Бидхев и от шапсугов — Ислам Тхауш. „Наместника“ — князя Бяратинского они не застали и были приняты его заместителем — князем Орбелиани. Последний выставил требование немедленно „покориться“ и принять „начальников, которые будут назначены“. Вернувшись на родину, эти депутаты в сентябре 1861 г. направились к верховьям р. Фарс, где в этот момент царские войска ожидали приезда Александра II, „обозревавшего“ свои новые владения, в течение полувека обильно политые кровью как местных жителей, так и русских мужиков, одетых в солдатские мундиры. При встрече с царем, Хаджи-Керентух Берзек просил от имени убыхов и абдзахов принять их в подданство России. Александр II повторил то, что сказал в Тифлисе Орбелиани, добавив: „Я даю месячный срок, — они должны решить: желают-ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или-же пусть переселяются в Турцию“.¹

Пресмыкание „депутатов“ перед царскими захватчиками и требования последних вызвали возмущение среди крестьянства. „Когда о царском ответе, — говорит в своих воспоминаниях ген. Ольшевский, — было узнано в неприятельском стане, то одновременно с тем, как абадзехи пришли в уныние, шапсуги с убыхами явились подстрекателями“.² Грозная опасность сплю-

¹ С. Эсадзе. Покорение Зап. Кавказа, Тифл., 1914, стр. 119.

² Ibid., стр. 121.

тила трудящихся убухов, шапсугов и абдзахов. Еще 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи состоялся съезд „выборных старшин“, на котором приняты были важные решения. Вот как о них рассказывает Кутаисский ген.-губернатор кн. Гагарин.

„Должно отдать справедливость противникам нашим — черкесы не потеряли ни головы, ни сердца, напротив они решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абдзехов, то убухи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости [подчеркнуто мною. А. Ф.]. И должно сказать, что они некоторым образом приспособлены к такому роду деятельности: живя на берегу моря, посещая Константинополь, знакомясь там с взявшими их, так сказать, под свое покровительство представителями различных враждебных нам интересов, агитаторами разнородных оттенков, они сознали недостатки своей организации и постигли двуличность международных отношений, темные ковы посольских канцелярий. Таким образом, прежде всего они обратили внимание на внутренний быт свой и захотели заменить расслабляющую усобицу сильною централизацией — централизацией [подчеркнуто в подлиннике. А. Ф.], которая в обыкновенное время бывает предметом стольких нареканий, но в которую, в минуты большой опасности, всегда, везде слагались все формы общественного устройства. Для этого они устроили меджлис. Чтобы объяснить значение этого нововведения, обращаюсь к попавшему в наши руки... письму самих черкес к великобританскому консулу в Сухуме. Вот что, между прочим, сказано в нем: „В 17 день зильхиджа 1277 г. [13 июня 1861 г. А. Ф.] для восстановления Аррахийской власти и для учреждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от оногo с тем, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек улема и умных людей. Этому меджлису дано название великого и свободного заседания. По повелению же меджлиса учреждены в нашем крае 12 округов. В ка-

ждом округе определены муфти и кади, а также и мухтар (старшина, прим. перевод.) под названием заптие. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с великим заседанием. Во владении же черкесском от каждых 100 дымов взять по 5 всадников и с каждых же 100 дымов по 1 заптие, чтоб они исполняли предписание окружного мохакема по сбору доходов и распределению податей, в экономии и наблюдении за выморочными имениями. Во всех случаях доходы превышали расходы и, благодаря бога, великий меджлис вольности черкесов, управляя краем, всегда соответствовал своему назначению¹.

Цитируемое кн. Гагариным письмо убыхов представляет собой документ чрезвычайной исторической ценности. Во-первых, из него мы узнаем о характере того демократического устройства, которое пытались осуществить убыхи и их союзники, а во-вторых этот документ характеризует стремление последних апеллировать к международному общественному мнению.

Попытки объединения и организации разноплеменных трудящихся масс Западного Кавказа были и раньше. Выше указывалось на съезды „народных представителей“, происходившие в 1840-х гг. Однако, все соответствующие постановления этих съездов никогда не были реализованы до конца, равно как оставались в конце концов почти бесплодными и попытки формирования отрядов „мутазигов“ Хаджи-Мохаммедом и ликвидации родовых адатов Мохаммед-Эмином. Действительно, как справедливо замечает кн. Гагарин в цитированном выше докладе, всегда попытки централизации руководства „в обыкновенное время бывали предметом стольких нареканий“.

Патриархальная ограниченность сознания, приобретшая силу вековых традиций родовая разобщенность, усугубляемая преднамеренно представителями эксплуататорской верхушки, этнические различия, — все эти последствия примитивности способа производства и неразвитости социальных отношений могли быть преодолены (да и то не всей массой, а лишь передовыми ее элементами) только тогда, когда тяжкие поражения повстанцев доказали несостоятельность родо-племенной организации в борьбе с наступающим русским царизмом. Только тогда руководители освободительного движения решаются вновь на героическую попытку организовать массы, осуществив администра-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 21—22.

тивно-политическую реформу, основанную на принципе территориального устройства.

Разделение жителей по территориальному признаку (округа, думы) наносило удар родовой разобщенности. Создание новой администрации на местах в лице окружных „мехкеме“¹ и избранных „мухтаров“² подрывало влияние представителей родовой и феодальной знати. (Любопытно, что арабский термин „мухтар“ наряду с понятием „старшины“ означает одновременно и „свободный“, „независимый“).

Исполнение воинской повинности (по 5 всадников от 100 дымов) и уплата налогов, целью которых было прежде всего создание фонда обороны, равно как и проведение прочих постановлений центрального совета — „меджлиса“ обеспечивалось наличием „заптив“, сосредоточивавших в своих руках полицейские и вообще исполнительные функции.

Таким образом эта убыкская конституция 1861 г. на первый взгляд кажется образцом демократического устройства. Однако, мы имеем дело лишь с проектом социальной реформы. И не трудно обнаружить, что осуществление этого проекта, очевидно, наталкивалось на ряд таких трудностей, которые делали его утопичным. „Народ“ у шапсугов или убыхов не составлял абсолютно однородной массы. Как бы ни были у них неразвиты общественные отношения, но эксплуататорская прослойка, владевшая рабами, узурпировавшая общинную власть и стремившаяся к порабощению свободных мелких производителей, эта прослойка была на-лицо. Несмотря на ряд предательств и измен, эта родовая знать не была уничтожена и несомненно при выборах „мухтаров“ и „мехкеме“ оказывала свое влияние на массу, опираясь на силу патриархальных традиций, которые нельзя было ликвидировать одним постановлением меджлиса. Внутри округов продолжала существовать родовая разобщенность, которую также нельзя было стереть одним взмахом пера. Никакие „заптие“ не могли примирить внутренние социальные противоречия. Только смертельная опасность, опасность физического уничтожения могла породить в умах передовых элементов крестьянской массы убыхов, шапсугов и абдзахов социальную идею, идущую вразрез с вековым укладом общественной жизни.

¹ От араб. „mahkeme“ — суд, трибунал.

² От араб. „muhtar“ — выборный старшина.

Если даже поверить авторам цитированного выше письма к английскому консулу, что эта реформа была полностью осуществлена, то все же нет сомнения в том, что стоило бы царскому правительству отказаться от своих намерений, как вся эта искусственно созданная на почве примитивных производственных отношений политическая система лопнула бы, как мыльный пузырь, ибо прочную „организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских хозяев только [подчеркнуто Лениным. А. Ф.] руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата“.¹

Проект убыхской конституции 1861 г. представляет крупный интерес в том смысле, что он выражает высшую ступень политического сознания, на которую могут подняться передовики революционного крестьянства в редких, особых, совершенно исключительных условиях.

Но по самой сущности своей этот проект является утопичным именно потому, что авторы его стремились обнять необъятное, осуществить неосуществимое — преодолеть разрозненность выступлений, отсутствие централизации и организованности крестьян силами только самих крестьян. Тот проект, который пытались осуществить вожди убыхского крестьянства, разумеется, зародился под влиянием идей мюридизма, но надо к чести убыхов признать, что они пошли при его составлении значительно дальше конституции имамата. Проектируемая ими политическая система была уже значительно очищена от реакционных теократических примесей, хотя и имела некоторую религиозную окраску.

Письмо убыхов к английскому консулу в Сухуме, из которого мы узнаем о принятой Сочинским уездом конституции, интересно и в другом отношении. Более всех на Кавказе, убыхские и шапсугские повстанцы старались завязать международные сношения в целях получения помощи от государств, враждебных царской России. Именно через убыхов и приморских адыгов осуществлялась контрабандная торговля и деятельность турецких, английских и польских эмиссаров. Крымская война и поражение в ней русского царизма были свежи в памяти убыхов

¹ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 25.

и укрепляли их надежды на иностранное вмешательство. При этом весьма характерно, что убыхи обращаются не к турецкому правительству, а к Англии, учитывая, вероятно, преимущества Британской империи перед Турцией. Замечательным является стиль письма. Здесь нет и намека на пресмыкание перед могуществом адресата, на униженные просьбы о принятии в подданство, и т. д. „Великий и свободный меджлис“ разговаривает с правительством Англии как равный с равным, ища не столько покровителя, сколько союзника.

Однако письмо это до адресата не дошло и попало в руки царского командования. В том же докладе кн. Гагарина описывается, как это произошло.

„Он [данный документ. А. Ф.] был отдан в августе месяце прошлого года [1861 г. А. Ф.] для передачи в Сухуме г. Диксону [английскому консулу. А. Ф.] джигетскому жителю Абычу Сомехо... Побужденный любопытством, Сомехо распечатал письмо и, сломав печать, боялся передать по назначению и сохранил у себя. Когда же, после некоторого времени убыхи, не получив ответа, спросили Сомехо, отдал ли он письмо, сей последний сказал, что отдал не самому консулу, которого не застал дома, а его человеку, и в подтверждение принес очистительную присягу. Наконец, в июне месяце настоящего года [1862 г. А. Ф.], желая извлечь из этого письма возможную пользу, он вручил его начальнику укрепления в Гаграх полковнику Стражецу“.¹

Тем не менее, царское правительство было весьма обеспокоено обращением убыхско-адыгейского меджлиса к европейским державам. Международное положение царской России в это время, через 5 лет после Крымской войны, было еще достаточно напряженным. Поэтому перехваченное письмо убыхов было направлено военным министром ген. Милютиным вице-консулу кн. Горчакову „для сведения и соображения“. Милютин при этом уведомлял Министерство иностранных дел, что „непокорными горскими племенами Западного Кавказа весною сего года [1862 г. А. Ф.] отправлено посольство к представителям Англии и Франции в Константинополе с просьбой о заступничестве против русского оружия“.²

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 32.

² Ibid., 286, св. 233, д. № 12а, л. 42.

Действительно, согласно постановления чрезвычайного собрания меджлиса, в июне 1862 г. было отправлено такое посольство, причем во главе его стоял убых Измаил-Баракай-Ипа Дзиаш (Дзейш), который по словам кн. Гагарина, „с некоторого времени присвоил себе исключительно роль дипломата и разыгрывает ее довольно удачно, действуя на воображение своих единоземцев грамотами с множеством печатей и громкими именами главных деятелей Запада“.¹

Одновременно с этим, в виду наступления царских войск под начальством ген. Евдокимова на абдзехов со стороны Кубани, меджлис постановил „обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абдзахов на все лето несколько тысяч человек и принудить к такому же содействию джигетов“.²

Таким образом мы видим, что меджлис делает героические попытки преодолеть племенную разобщенность и разрозненность выступлений, прибегая к единственному в его руках средству—к лозунгу газавата. Повидимому, провозглашенная меджлисом социальная реформа, основанная на принципе территориального подразделения жителей, не могла ликвидировать родо-племенные перегородки, препятствовавшие объединению и централизации. Но и лозунг газавата не дал ожидаемого эффекта. В докладе кн. Гагарина сообщается, что „на помощь к абадзехам отправлены от 4 до 5 тысяч убых[ов] под начальством испытанных предводителей. Была сделана вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз, а между тем князь Решид Гечь просил нас сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно“.³

На северном склоне Главного хребта шла ожесточенная борьба буквально за каждую пядь земли абдзахов. Вместе с последними бок о бок сражались посланные меджлисом убыхи. Их мужество, самоотверженность, героизм удивляли даже царских генералов. „Убыхи потеряли убитыми до 60 человек из лучших фамилий. Несмотря на этот относительно чувствительный урон, убыхи вновь принесли присягу действовать еще с большей настойчивостью и дабы не ослаблять себя, не подавать мало охочим повода к отлучкам, они решили вопреки на-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 25.

² Ibid., л. 24.

³ Ibid., л. 25.

родному обычаю не отправлять в землю свою ни убитых, ни раненых. Затем в самых сильных выражениях, с угрозой неприимой вражды, потребовали от джигетов немедленной высылки 2000 человек. Очевидно было, что противу войск графа Евдокимова, решающих, можно сказать, судьбы Кавказа, соединились одушевленные беспримерным единомыслием все живые силы непокорных земель“.¹

Однако, к концу 1863 г. царские войска не только принудили к сдаче абдзахов, но и перевалили на южный склон Главного хребта, заняв ущелья Пшады и Джугби в земле шапсугов.

В феврале 1864 г. убыхи были окружены плотным кольцом царских войск. Так наз. „Даховский отряд“ ген. Геймана, в составе 13^{1/2} батальонов пехоты, 6 орудий, 2 эскадронов драгун и 5 сотен казаков и „кабардинской милиции“, двинулся на убыхов вдоль по берегу моря в направлении быв. Лазаревское укрепление — Туапсе — Сочи. 6 марта убыхские повстанцы прекратили сопротивление. Убыхские „старшины“ во главе с выплывшими опять на сцену Берзеками (Эльбузом и Хаджи-Бабуком) начали переговоры с ген. Гейманом о перемирии. Последний потребовал, чтобы „те, кто желают итти в Турцию, собрались бы табором на берегу моря к устьям Шахэ, Варданэ и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы... Те же, кто хочет итти к нам, должны сейчас же выселяться на Кубань, где им будет отведена земля“.²

В течение марта все было кончено. При зловещем свете зарева от пылающих селений убыхские крестьяне направлялись к берегу, чтобы отправиться в Турцию, где муллы обещали им земной рай, и где на деле они нашли скупую землю и безрадостную, безнадежную жизнь, полную лишений, под гнетом султанской бюрократии и мусульманского духовенства. Все убыхи целиком эмигрировали в Турцию.³ В апреле 1864 г. царские войска сломали последнее сопротивление горных абхазских племен — ахчипсы и псху — и 21 мая того же года из урочища Кбаада в верховьях р. Мзымты наместник царя на Кавказе в. кн. Михаил отправил в Петербург донесение об „окончании Кавказской войны“.

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 333, д. № 12а, л. 26.

² Эсадзе. Покорение Зап. Кав., стр. 156.

³ За исключением нескольких семей, выселенных на Кубань, а затем в б. Костромскую губернию.

Но торжество царизма было преждевременным. Через два года вспыхнуло крестьянское восстание в Абхазии. В 1877 г. в связи с русско-турецкой войной царским генералам пришлось снова оставить почти все побережье Черного моря, причем в рядах турецкой армии дрались против своих палачей убыхи, адыге и абхазы. 1905-й год опять разбудил оставшихся на родине трудящихся Западного Кавказа. Теперь они выступали уже в союзе и под руководством российского пролетариата.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ
И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА¹

Вотчинная и натурально-хозяйственная концепция средневековой культуры и ее эволюции, так долго господствовавшая в исторической науке, исследовательской и критической работой последних десятилетий была лишена своего бывшего обаяния и авторитета и принуждена была уступить свое место иному пониманию ее социальной и хозяйственной структуры. О хозяйственной замкнутости и самодовлении средневековой вотчины говорить больше не приходится после того, как была выяснена ее подлинная хозяйственная природа, те широкие и разнообразные денежно-хозяйственные задачи, какие она себе ставила и какие могли разрешаться ею лишь на почве достаточно развитого денежно-хозяйственного оборота, нередко выходившего далеко за пределы данной страны.

И средневековый город, представлявшийся лишь видоизменной вотчиной, замкнутым центром натурально-хозяйственного обмена между городскими ремесленниками и крестьянами зависимой от города сельской округи, также оказался мало похожим на свое изображение. Но, совершенно отвергая хозяйственную замкнутость и самодовление средневековой вотчины, мы не можем столь же категорически отвергать хозяйственную замкнутость и самодовление средневекового города, потому что в известном смысле и в известной мере они не чужды ему.

Выяснение этого смысла и определение этой меры стоит в центре дискуссии о „городском хозяйстве“ („die Stadtwirtschaft“) средних веков, ведущейся в последние годы главным образом среди представителей немецкой науки и уже успевшей, если и не переплавить этот термин, каким представляется господствовавшее до сих пор учение о „городском хозяйстве“ без-

¹ Редакция не разделяет взгляда автора на характер средневековой экономики.

временно умершему Рудольфу Хепке (Härke), мечтавшему об этом,¹ то во всяком случае внести в понятие о средневековом „городском хозяйстве“, как оно было конструировано Карлом Бюхером в его „Entstehung der Volkswirtschaft“, весьма конкретные поправки, значительно приблизившие его к конкретной исторической действительности.

I

Уже Г. Ф. Белов в своей известной статье „О теориях хозяйственного развития народов и о городском хозяйстве немецкого средневековья в особенности“,² помещенной в 86 томе журнала „Historische Zeitschrift“ за 1901 г., а потом вошедшей в расширенном виде в сборник статей Белова, изданный в 1920 г. под названием „Probleme der Wirtschaftsgeschichte“ (и вторично в 1926 г.), подверг теорию Бюхера о „городском хозяйстве“ обстоятельной критике. Доказав отсутствие генетической связи между городским и вотчинным хозяйством, какую видел между ними Бюхер, для которого городское хозяйство было лишь дальнейшим развитием вотчинного „домашнего“ хозяйства, подчеркнув роль междугородской торговли, которую Бюхер почти сводил к нулю, а также роль городского ремесленника, как настоящего Handwerker'a, работающего не только на заказчика, но и на неизвестного покупателя, на рынок, и нередко на рынок отдаленный и даже заграничный, Белов в остальном лишь в той или иной мере смягчил резкую категоричность Бюхеровых утверждений и отрицаний, оставив непоколебленным основной остов Бюхеровой конструкции. Он не отрицает известной хозяйственной замкнутости и самодовления средневекового города (а в другой своей работе³ говорит

¹ Rudolph Härke. Die Entstehung des holländischen Wirtschaft, S. 12: „Und doch—so behaupte ich—ist die Lehre von der Stadtwirtschaft noch immer ein Torso, der nach der Vollendung hart oder, wenn es sein muss, sogar einer Umarbeitung, ja einer Umschmelzung zu unterwerfen ist.“

² G. von Below. Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters. Русский перевод помещен в качестве приложения I в книге Белова „Городской строй и городская жизнь средневековой Германии“, стр. 131—184.

³ Das ältere deutsche Stadtwesen und Bürgertum, Zweite Auflage, 1905, стр. 104; есть русский перевод этой книги в изд. М. и С. Сабашниковых под заглавием „Городской строй и городская жизнь средневековой Германии“, перевод Е. Петрушевской под ред. Д. Петрушевского. М., 1912 (см. стр. 98).

даже, что она была проведена „в самых широких размерах и с последовательностью, чуть ли не единственной в истории человечества“) и даже готов признать их в известной мере естественным продуктом тогдашних условий (недостаточности средств сообщения и недостатка капитала); но в гораздо большей мере они являются в его глазах целью, которую, и при том не в первый период своего существования, сознательно ставили себе средневековые города (чего не отрицает, правда, и Бюхер, хотя и не останавливается на этом сколько-нибудь обстоятельнее) и особенно настойчиво преследовали в тот момент, когда власть в городе перешла в руки организованных в цехи ремесленников, стремившихся с помощью гостинного и складочного права и права заповедной мили обеспечить за собой и расширить источники своих жизненных средств (Nahrung) и для этого удержать за собой местный рынок путем устранения иногородних конкурентов. В других работах Белова близость его к Бюхеру выступает еще яснее. И для него, благодаря слабому развитию способов сообщения каждый, даже самый маленький город со своей ближайшей округой в несколько миль являлся самостоятельной промышленной и коммерческой областью.¹ Но особенно близок он к Бюхеру, когда ведет речь о социальном строе средневекового города и не менее его восхищается „счастливой социальной организацией“² средневекового города с его „силу составляющим многочисленным и самостоятельным средним сословием“,³ с „широкую основу его гражданства составляющими владельцами мелких и средних имуществ, ремесленниками и, на наш взгляд, мелкими купцами“,⁴ с его „счастливым социальным расчленением“,⁵ его „более равномерным распределением богатств“,⁶ вполне, таким образом, разделяя взгляд Бюхера на „более или менее совершенную социально-экономическую организацию“ города.⁷ Как эта соци-

¹ Das ältere deutsche Stadtwesen und Bürgertum, Zweite Auflage, 1905, стр. 104 (98).

² Ibid., стр. 127 (119), а также его же Vom Mittelalter zur Neuzeit, 1924, стр. 79.

³ Vom Mittelalter zur Neuzeit, 1924, стр. 79.

⁴ Ibid., стр. 80.

⁵ Das deutsche Stadtwesen und Bürgertum, стр. 126 (118).

⁶ Ibid., стр. 127 (118).

⁷ K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vierzehnte und fünfzehnte Auflage, 1920, стр. 382 (II, стр. 152, русск. перевод под ред. И. М. Кулишера).

ально-экономическая организация, так и все остальные особенности „городского хозяйства“ в глазах Белова, как и Бюхера, присущи каждому, „даже самому маленькому“ городу, который являлся тогда со своей ближайшей округой в несколько миль „самостоятельной промышленной и коммерческой областью“ и „по необходимости изготовлял чуть ли не все промышленные продукты“.¹ Таким образом все немецкие города средневековья (Бюхер насчитывает их до 3000) по своей хозяйственной и социальной структуре ничем в их глазах не отличаются по существу друг от друга, враждебно замкнутые по отношению к внешнему миру и всеми мерами стремящиеся осуществить принципы равенства и братства внутри своих стен.

II

Лишь в самое последнее время эта конструкция „городского хозяйства“ стала вызывать более решительные возражения. В 1926 г. на страницах журнала „Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“ (XIX Band, 1—3 Heft) появилась статья Hörst'a Jecht'a „Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Stadt“, представляющая собою очень тщательное и очень углубленное социально-статистическое исследование, главным образом, списков городского населения и податных книг ряда немецких средневековых городов, дающее чрезвычайно ценные результаты. Очень долгое время история немецких, да и не одних немецких, городов была, как известно, почти исключительно историей городского права и городских учреждений, и социальной структуре средневекового города не оказывалось надлежащего внимания; ее не столько изучали на конкретном материале соответствующих источников, сколько конструировали на основе того или иного взгляда автора на основные вопросы городского строя. Решительным поворотом было применение к материалу средневековых источников статистического и политико-экономического метода исследования, и пролагающими путь в этом направлении автор называет работы Шенберга (*Finanzverhältnisse der Stadt Basel im 14 und 15 Jahrhundert. Tübingen, 1879*) и К. Бюхера (*Die Bevölkerung der Stadt Frankfurt a. M. im Mittelalter, I Band, 1886*),

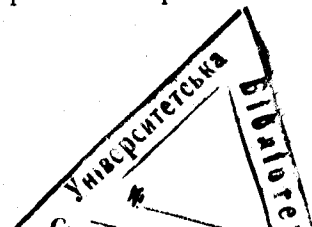
¹ G. von Below. *Das ältere deutsche Stadtwesen und Bürgertum*, стр. 11.

за которыми последовал ряд работ других авторов. И тем не менее наши знания о социальной структуре средневекового города по сравнению с тем, что мы знаем о формах его хозяйства в настоящее время, думает автор, еще крайне недостаточны и ненадежны. Причиной тому является и материал, по своей неполноте редко годный для статистической обработки, которая к тому же дается с большим трудом, а также то, что если прежде взгляды отдельных авторов на социальную структуру средневекового города в сильнейшей мере определялись их точками зрения на историю его учреждений, то взглядам более новых авторов грозит опасность с другой стороны: почти все исследования последних десятилетий, направленные на выяснение фактов социальной и хозяйственной жизни средневекового города, группируются вокруг понятия „городского хозяйства“, прежде всего в том понимании его, какое дал ему К. Бюхер в 1893 г. в своем „Entstehung der Volkswirtschaft“. Под влиянием Бюхеровой теории все исследователи, утверждает автор, пришли к очень схематичному, вовсе не оправдываемому фактами взгляду на социальную структуру средневекового города, как характеризующуюся везде по существу одними и теми же отношениями.

Автор вовсе не имеет в виду отрицать и даже умалять научное значение понятия городского хозяйства. „Что теория хозяйства, какую заключает в себе понятие „городского хозяйства“ таким же образом, как и всякое выставление определенных ступеней хозяйственного развития, чрезвычайно пригодна для выяснения фактов социальной жизни, в этом никакого не может быть сомнения“, — говорит он; ведь на этой предпосылке строится существование целой науки, — социальной экономики.¹ „Городское хозяйство“ Бюхера нельзя признать изображением хозяйственного и социального строя средневекового города в его конкретности. Это скорее школьный пример идеальнотипического понятия, как его выяснил Макс Вебер в своей статье об „Объективности социально-научного и социально-политического познания“;² цель образования таких идеальных типов, как известно, создать вспомогательное средство, орудие для выяснения индивидуальных явлений, своеобразие которых

¹ Op. cit., стр. 51—52.

² Стр. 52.

устанавливается с полной определенностью как раз путем сравнения их с их идеальным типом, в котором объединены характерные черты данного явления в его существе, далеко не во всяком конкретном явлении данного типа везде и всегда находящиеся. В этом смысле, в качестве идеального типа, понятие „городского хозяйства“ могло оказывать ценные услуги и для познания и изображения социальной структуры средневекового города, но вовсе не как его конкретный образ, за какой его нередко принимали и тем затрудняли научное познание этого последнего во всем разнообразии его жизненных проявлений.

Для выяснения хозяйственного и социального существа средневекового города много дали, по мнению автора, Зомбарт и Макс Вебер, поставившие, как он утверждает, исследование проблем средневековой общественной структуры на новую основу. Заслугу Зомбарта Jecht видит прежде всего в выяснении понятия города и в создании типологической схемы городов, в том, что он „с небывалой до тех пор ясностью проводит самое резкое различие между городом в хозяйственном смысле и городом в политико-административном смысле, как между совершенно различными объектами познания, причем в экономическом отношении различает между Konsumentenstadt (городом потребителей) и Produzentenstadt (городом производителей), который, со своей стороны, выступает как промышленный город с местной или более отдаленной ориентацией сбыта (Gewerbestadt mit lokaler oder entfernterer Absatzorientierung) и как торговый город (Handelsstadt). Это был огромный прогресс, по мнению автора, в познании хозяйственной и социальной природы средневекового города. Стало ясным, что различные взгляды на возникновение и характер средневекового города часто были лишь следствием различных исходных пунктов авторов, которые приступали к проблемам то с хозяйственной, то с более историко-правовой точки зрения, и таким образом добрая часть прежних научных контроверз оказалась беспредметной; в то же время мы получили возможность яснее видеть различия, существующие между отдельными городами, на которые под влиянием теории „городского хозяйства“ мы слишком мало обращали внимания.

Если Зомбарта интересует хозяйственный прежде всего характер города, то у Макса Вебера предметом исследования является политико-административный строй города, как та

форма выражения городской жизни, в которой яснее всего обнаруживается общественная структура города. По носителям городской власти отличаются друг от друга два главных типа западного города как корпоративной и автономной общины (какой никогда не был восточный город), *die Geschlechterstadt* (город знатных родов) и *die Plebeierstadt* (город плебеев). Разложение первой формы вторую составляет как в древности так и в средние века основное содержание городского развития.

Результаты анализа у Зомбарта и у Макса Вебера в корне различны. Если Зомбарт выводит социальные отношения из признанных им по существу верными хозяйственных предпосылок, то Макс Вебер самым резким образом подчеркивает воздействие политической и общественной структуры на хозяйственные отношения города. Зомбарту с его типологией городов удалось пробить брешь в обычном, идущем от Бюхера представлении о хозяйственной и социальной структуре средневекового города, как во всех средневековых городах одинаковой, а социологический подход Макса Вебера внес более глубокое познание связей, которые существуют между хозяйственной, общественной и политической структурой средневекового города, а в общем оба исследователя — и в этом важнейший результат их работы — сделали для всех ясным, что хозяйственная и общественная сущность средневекового города не есть нечто неподвижное и неизменное, но находится в теснейшей связи с общим экономическим и общественным развитием, и этим решительно выдвинули на первый план характер средневекового города как явления переходного.

Такая концепция средневекового города служит для автора предпосылкой, от которой он отправляется в своем исследовании материала, относящегося к истории ряда немецких городов, главным образом налоговых книг (*Steuerbücher*) и списков городского населения, главные результаты которого мы и изложим.

Как хозяйственный феномен город есть прежде всего место промышленности и торговли, жители которого могут поддерживать свое существование, лишь завися вполне или отчасти от продуктов чужой сельскохозяйственной работы. А между тем большая, возможно даже самая большая часть средневековых немецких городов в хозяйственном смысле были деревнями.

„Преобладающая сельская атмосфера“ все время оставалась характерной для таких Ackerbürgerstädte. Из остающихся за вычетом этих Ackerbürgerstädte в собственном смысле промышленных и торговых городов (Gewerbe- und Handelsstädte) огромное большинство является средоточием местной области сбыта для их изделий и получает нужное им сырье из ближайшей округи. К ним самым непосредственным образом может быть применено Бюхерово описание „городского хозяйства“. Что делало этот тип города преобладающим в ту эпоху, это прежде всего тогдашние неразвитые способы сообщения и невозможность перевозить более крупные количества товаров на далекие расстояния. Эта связь „городского хозяйства“ с техническими особенностями сообщения и с хозяйственными условиями эпохи была так очевидна и убедительна, что долго думали, что следует отрицать существование в средние века третьей формы города, города с далекими связями (mit Fernverkehr). Одним из важнейших результатов хозяйственно-исторических исследований последних десятилетий является то, что они доказали, что и тогда существовало, правда, не очень большое число городов, важнейшей хозяйственной основой которых являлась торговля с далекими местами (der Fernverkehr) и экспорт своих промышленных изделий.¹ Путем тщательного анализа данных, относящихся к различным по количеству своего населения и по своему хозяйственному характеру городам — Bregenz на Баденском озере с населением в 500—700 человек, по данным 1557, 1634 и 1660 гг., и Дрезден с населением около 4000 человек (в 1500 г.), по данным 1488 и 1502 гг., Франкфурт на Майне с населением в 10 000 человек, по данным 1405 г., Базель с таким же населением, по данным 1446, 1453—1454 и 1475 гг. и Мюльгаузен с таким же населением, по данным 1418—1419, 1504—1505 и 1552—1553 гг. (три последние города воплощают тип среднего размера всесторонне развитого города) и, наконец, еще два города, представляющие тип города с работающей на вывоз промышленностью и с широко развитой торговлей (die Exportgewerbe- und Handelsstadt), а именно Аугсбург, по количеству своего населения и по своему хозяйственному значению первый в южной Германии в ту эпоху, и Görlitz в восточной Германии, гораздо менее значительный, чем

¹ Op. cit., стр. 57—58.

Аугсбург по количеству своего населения — не больше Франкфурта или Мальгаузена — и по своему абсолютному экономическому значению, но во все продолжение средних веков важнейший торгово-промышленный пункт между средней Германией и Бреславлем, оба — центры текстильной промышленности, — автор выясняет основные хозяйственные и социальные особенности каждого из трех указанных главных хозяйственных типов средневековых городов, которые в конкретной исторической действительности являются в самых разнообразных переходных формах и на самых разнообразных ступенях.

Как уже было указано, преобладавшим в средние века типом городского поселения был *Ackerbürgerstadt*. Он мало чем отличался в хозяйственном смысле от деревни. Как и в этой последней, мы наблюдаем в нем лишь незначительную социальную дифференциацию на имущественной основе и преобладание среднего владения. Отношения здесь отличаются большой устойчивостью и неподвижностью.

Другим хозяйственным типом средневекового города был, как мы уже видели, промышленный город (*die Gewerbestadt*) среднего размера, с широко развитой промышленностью и торговлей, но с преобладавшей местной ориентацией сбыта. В нем дифференциация имущества и дохода значительно далеко ушла вперед, и среднее владение уже не преобладает, как в городе типа *Ackerbürgerstadt*, пролетаризация населения сделала уже большие успехи, и широкие круги населения находятся уже на самой низкой социальной ступени.

Третий хозяйственный тип средневекового города, *die Exportgewerbe- und Handelsstadt*, в отличие от городов первых двух типов, нередко целые столетия сохраняющих неизменной свою социальную структуру, обнаруживает частые и глубоко захватывающие колебания в социальной структуре своего населения и своей имущественной дифференциацией весьма напоминает современные нам города с характерным для них распределением доходов. В частности, сильная имущественная и социальная дифференциация быстро развивалась внутри отдельных цехов этого типа городов и выражалась в том, что отдельные мастера сильно расширяли свое производство, переставали быть ремесленниками старого типа и становились предпринимателями, бравшими на себя лишь руководство производственным процессом, богатели, делались купцами и раздавали

сырье своим товарищам-мастерам, которые в массе превращались таким образом в их рабочих и служащих. Имущественная статистика средневековых городов показала, что в них социальная дифференциация тем больше идет вперед, чем больше город утрачивает первоначальную свою функцию средоточия местного оборота и через посредство сбыта на далекие расстояния вращает в более широкую хозяйственную связь, — развитие, которое обыкновенно образует также предпосылку для скопления более значительных человеческих масс в одном месте.¹ А характерным для этого третьего типа средневековых городов ведь и является сбыт своих промышленных изделий на далекие рынки, нередко за пределы страны, и притом не в качестве случайного, не имеющего в рамках общего хозяйства города большого значения явления, но в качестве конститутивного элемента жизни города. „Ясно без дальнейшего, что так построенное городское хозяйство меньше всего может быть вдвинуто в Бюхерову схему „городского хозяйства“. И социальной структурой своего населения она (эта третья категория городов) самым резким образом отличается от других в средние века господствующих форм“.²

Резюмируя результаты своего исследования о социальном расчленении средневековых городов, автор говорит, что „цифры с неопровержимой достоверностью доказывают одно: еще и теперь широко распространенная привычка говорить о социальной структуре города (*der Stadt*) средних веков как о чем-то однозначно определенном необходимо должна привести к ошибочным взглядам. Если хотят выдвинуть что-нибудь общее в социальном составе в сех городов, то самое большее — это, что даже лишь о приблизительном экономическом равенстве всех жителей, как оно временами могло рисоваться в головах романтически смотрящих назад наблюдателей, нигде, даже в самых малых местечках, не было и речи“.³ Прежде всего следует согласиться, говорит в другом месте автор, „что равенства имущественного положения отдельных горожан не существовало нигде. Ни среди населения в целом средневекового города, ни среди ремесленников, ни даже между принадлежавшими к одному цеху, нигде не было полного равенства владе-

¹ *Op. cit.*, стр. 71.

² Стр. 63.

³ Стр. 70.

ния и дохода. Прочное установление этого факта несомненно является заслугой новейших исследований в области средневековой социальной статистики; но упущением было то, что они довольствовались лишь установлением его, оставляя без внимания различия в фактическом облике отношений и не исследуя их в их причинной обусловленности¹. Эту последнюю задачу и ставил себе автор. „В более высокой мере считаться с этим разнообразием исторической жизни, выделяя различные типические формы явлений социальной структуры средневековых, городских общин, было главной целью этого этюда“². Но автора как только что было им указано, интересует и причинная обусловленность различий среди этих типических образований, и мы вкратце изложим его соображения, которые имеют в виду выяснить ее.

III

В средневековых городах того типа, который обозначен автором как *Exportgewerbe- und Handelsstadt*, промышленность которых была рассчитана на далекий сбыт, население в целом, равно как и соответствующие цехи ремесленников, обнаруживают, как мы видели, совершенно другую социальную структуру, чем в городах типа *Ackerbürgerstadt* или в самодовлеющих (как называет их автор) промышленных городах (*Gewerbestädte*) с преимущественно местной ориентацией сбыта. Как произошло, что как раз *Exportgewerbestadt* обнаружил столь отличное от господствовавших в то время в других местах отношений социальное расчленение населения?³

В отличие от современного разделения труда, которое по существу своему есть расчленение труда, обуславливающее все больший и больший рост отдельных предприятий и поглощение ими более мелких, до тех пор самостоятельных производств, средневековое разделение труда, как это выяснил К. Бюхер, было, наоборот, разделением на отдельные новые самостоятельные профессии, число которых таким образом постоянно увеличивалось. При такой организации труда расширение отдельного предприятия за пределы известной средней величины не могло быть проведено с выгодой для ремеслен-

¹ *Op. cit.*, стр. 79.

² Стр. 79.

³ Стр. 79.

ника, и потому среди принадлежащих к одной и той же профессии, как общее правило, не могли развиваться очень большие имущественные различия. Автор определенно утверждает, что запреты цеховых и городских властей, в этом направлении издававшиеся, могли иметь успех, лишь поскольку они находились в согласии с техническими и экономическими предпосылками, делавшими невозможным это расширение, и что в весьма преобладающем большинстве средневековых городов это согласие хозяйственных мероприятий с техническими и экономическими предпосылками еще существовало, в результате чего явилась та социальная структура населения их, которая является, как мы видели, типической для промышленного города (*die Gewerbestadt*) среднего размера с местной ориентацией сбыта.

После выяснения связи, существующей между социальным расчленением населения и организацией промышленного производства в средние века, не трудно понять и причины, которые в городах с экспортной промышленностью (*Exportgewerbestädte*) привели к другой форме имущественного расчленения и социальной структуре населения. Отраслями промышленности, которые в средние века работали прежде всего для внешнего рынка, были как раз те, в которых принцип специализации труда и распада на отдельные профессии менее всего был осуществлен. В качестве единственного вида промышленности, который уже в средние века образовал современную нам форму разделения труда, расчленение труда (*die Arbeitszerlegung*), К. Бюхер называет шерстоткачество (*die Wollweberei*), и оно было также единственной формой крупной промышленности, работавшей на вывоз в средневековых городах. Если специализация по профессиям — самый обычный и самый распространенный вид средневекового разделения труда, являлась предпосылкой для довольно далеко идущего экономического равенства членов цеха, то расчленение труда представляет возможность расширения производства за пределы средней величины предприятия и тем становится отправным пунктом экономического неравенства, а затем и соединения нескольких предприятий под руководством одного предпринимателя-капиталиста. „Не случайно то, что текстильная промышленность стала настоящей родиной кустарной системы (*des Verlagssystems*)“.¹ Бельгийский

¹ Op. cit., стр. 81.

drapier и немецкий Tucher и были уже таким капиталистами-предпринимателями и в качестве владельцев средств производства и руководителей процесса производства соединяли в своих руках большую часть дохода, остальная часть которого распределялась между остальными мастерами, ставшими их рабочей силой, по их заказу и на их материале производившей все необходимые операции. Класс предпринимателей и класс рабочих, на какие распадается группа сукноделов, лишь частью внешним образом пока держится вместе в рамках традиционной цеховой организации.

Таким образом, совершенно определенные технические и организационные особенности средневековой вывозной промышленности сообщают социальному расчленению населения городов с экспортной промышленностью (Exportindustriestädte) в корне совершенно другой характер, чем какой мы наблюдаем в большинстве других средневековых городов. Рядом с ремесленниками в большинстве таких городов выступает численно не очень значительный, но тем более зажиточный слой торговцев-патрициев в качестве конститутивного элемента городской социальной структуры. Уже очень рано принадлежащие к землевладельческим знатым родам (Geschlechter) стали переходить от случайного участия в торговых предприятиях к постоянному занятию оптовой торговлей. Накопление капитала крупного масштаба или, как выражается автор, большого стиля, могло происходить лишь в этой среде и с помощью торговли. Господство знатных родов (Geschlechter) означало, при наличии прочих условий, определявших фактический облик хозяйства данного города (богатство почвы, географическое положение), поощрение внешней торговли и тем самым, если и не прямо, и экспортной промышленности в городе, в то время как переход власти к цеховой демократии вел к ограничению торговли. Хозяйственная, социальная и политическая структура средневекового города находилась таким образом в важнейшей связи и взаимодействии, но решающим моментом для возникновения своеобразной структуры общества города с экспортной промышленностью (die Exportgewerbe- und Handelsstadt) являются, однако, по мнению автора, не детали организации его промышленности и не форма городского управления, а скорее динамическая тенденция (der dynamische Zug), которую получает эта городская община благодаря совместному дей-

ствию и взаимному противодействию этих различных сил. В результате — совсем иной мир, непохожий на столетиями продолжающиеся устойчивые отношения в городах без экспортной промышленности и торговли на далекие расстояния.¹

IV

Схематический, абстрактный, везде один и тот же в хозяйственном и социальном смысле средневековый город К. Бюхера в исследовании Jecht'a уступил место разнообразию реальных городов, различных и по своей хозяйственной, и по своей социальной структуре. Дальнейший шаг к выяснению реального облика средневекового города и его места в хозяйственной действительности средних веков был сделан Рудольфом Хепке (Häpke). Мы имеем в виду его „Die Entstehung der holländischen Wirtschaft“, 1928 г. и „Die ökonomische Landschaft in der älteren Wirtschaftsgeschichte“ (в изданном в 1928 г. сборнике в память Г. Белова „Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte“). Городское хозяйство („die Stadtwirtschaft“) и Белов с некоторыми ограничениями признавал относящимся к сущности хозяйственного строя средневекового города, „но вложил в это понятие, — говорит Хепке, — особенно плодотворное содержание“,² указав на значение „городского хозяйства“, как хозяйственной политики, на что, правда, хотя и вкратце, указывал уже и Бюхер. Для Белова „die Stadtwirtschaft“ является преимущественно как хозяйственная политика города, контролирующего покупку и продажу на своем рынке. В этом смысле, как обозначение хозяйственной политики средневекового города, как направленной на замыкание тенденции его хозяйственной политики, „die Stadtwirtschaft“ представляется Хепке вполне приемлемой концепцией, освещающей средневековую хозяйственную действительность, но в качестве имеющей общее значение характеристики господствовавшего в средние века в Германии и в соседних странах хозяйственного порядка оно кажется ему слишком узким, вполне подходящим для обозначения хозяйственной воли (für den Wirtschaftswillen) средневековых городов. К тому же в обширной литературе о „Stadtwirtschaft“ в центре обсуждения всегда стоит отдельный, изолированный город, бла-

¹ Op. cit., стр. 83.

² Die ökonomische Landschaft, стр. 87.

годаря чему остаются в тени в высокой степени важные явления общей хозяйственной истории средних веков.

„Есть-ли город единственное экономическое образование, от которого можно исходить, чтобы понять расчленение средневековой хозяйственной истории?“¹ Ведь рядом с построенным на одном городе хозяйством можно бы поставить и организацию или, как выражается К. Бюхер, „принудительное отношение (ein Zwangsverhältnis)“ между несколькими городами, между группой городов, отдельному городу (die Einzelstadt) можно было бы противопоставить групповой город (die Gruppenstadt), постоянно искомому в качестве идеального типа нормальном городу — экономическое сообщество (Gemeinschaft) нескольких городов. С другой стороны, не следует ли уделить больше внимания экономически связанному с городом ландшафту (die Landschaft), извлечь его из до сих пор скрывающего его мрака, выдвинуть этот экономический ландшафт (средоточием которого признается город) как таковой, в его собственной ценности как производителя и потребителя, как территорию с собственной сельскохозяйственной промышленностью и коммерческой деятельностью и затем уже рассматривать его отношение к находящимся в его пределах городам или одному доминирующему уже здесь городу? Тогда город получил бы свой экономический коррелят, свой Hinterland, и город (или города, если их было там уже несколько) и его (или их) ландшафт явились бы в виде органического целого, а постулируемый Бюхером ландшафт (он обозначает его мало выразительным словом „Umgebung“, округа) с одним все сельскохозяйственное пожирающим и все промышленное производящим городом и с одним лишь прямым обменом между производителем и потребителем (Kundenverkehr), без посредства торгового оборота (Handelsverkehr), оказался бы тогда лишь одним среди многих типов, но отнюдь не господствующим. „Мы несколько ближе подойдем к исторической действительности, если будем постоянно стучаться в дверь не только к члену городского совета (Ratmann) и цеховому мастеру, но также и к крестьянину и к виноградарю, к горнорабочему и к деревенскому ткачу, чтобы понимать и их хозяйственные потребности и нужды“.²

¹ Op. cit., стр. 87.

² Ibid., стр. 89.

„Существовали ли в средние века группы городов (Städtegruppen), а тем самым и групповые города (Gruppenstädte), которые так тесно были связаны хозяйственными отношениями, что их коллективные интересы предъявляли свои права на ряду с интересами отдельных городов?“¹ — спрашивает автор и отвечает на этот вопрос целым рядом фактических указаний.

Прежде всего это — города, которые сближает их общая основная хозяйственная функция. Все, например, города Северного и Балтийского моря, которые выросли благодаря морской торговле, как Бремен, Амстердам, Рига и др. Все они обнаруживают сродство и в характере распределения богатства: все доходы от морской торговли делятся между какой-нибудь сотней их граждан. Города с резко выраженным индивидуальным характером в других отношениях, как Флоренция, Сиена, Лукка, Асти, Кагор, — все были местами торговли деньгами, и центр их интересов был не у себя дома, но в Риме, Брюгге, Париже, Лондоне, и притекающие извне богатства их денежных дельцов дают себя знать в родном городе в роскошных домах банкиров и в иных великолепных сооружениях. Свою особую группу образуют и города с постоянно эксплуатируемыми сокровищами почвы, например соляными источниками; в них вырастает рентами обеспеченный патрициат. Наконец, находятся между собой в близком родстве все города, которые специализировались на требующей много рук текстильной промышленности. „Все они стоят перед социальной проблемой, как им снабдить работой и хозяйственно и политически удовлетворить главную массу их населения, которое возросло до сотен, до тысяч ткачей, валяльщиков и иных текстильных рабочих“.² Существовали далее экономические группы городов, связанных соседством. Автор имеет в виду города с различными хозяйственными функциями, причем функции одного города восполняют функции другого. Если соседние города с одинаковыми хозяйственными функциями обыкновенно стремятся уничтожить друг друга (Флоренция и Пиза, Брюгге и его собственная гавань Sluis и пр.), то, например, промышленный город вполне уживается с торговым городом. Регулярно суконщики (die Tücher) фландр-

¹ Op. cit., стр. 93.

² Ibid., стр. 95.

ских береговых городов (Aardenburg'a в восточной Фландрии и Veurne и Poperingen'a в западной Фландрии) являлись в определенные дни недели в суконный рынок (Tuchhalle) в Брюгге, и здесь иноземные купцы покупали их товары.

Между городами могли устанавливаться связи, приводившие к образованию групп и на почве разделения труда. Полуфабрикаты одного города иногда получали свою окончательную отделку в другом. В одной и той же области могло образоваться без всякого принуждения и настоящее разделение труда. Гамбург стал северной гаванью Любека, взяв на себя восполняющую функцию для более сильного экономически города, каким был Любек; с другой стороны, и сам Любек стал в такое же положение, в каком был в отношении к нему Гамбург, к Люнебургу, вывозя люнебургскую соль в бедные солью остзейские страны. Такие отношения возникали не только между двумя городами. К известным трем главным городам Фландрии — Генту, Брюгге и Ипру, которые очень тесно были связаны друг с другом, принадлежала целая свита (Gefolge) средних и малых городов; в Голландии Амстердам стоял в центре двух групп городов — городов корабельщиков (der Schifferorte) к северу от Ij и городов, вывозивших сукно (der Tücherexportstädte), к югу от нее; на немецкой почве требует обстоятельного исследования своей междугородской работы (interlokaler Arbeit) Любек со своими близкими побережными соседями в Мекленбурге и Померании, с Гамбургом и Люнебургом.¹

Автор переходит после этого к более конкретному рассмотрению экономического ландшафта. Существование его смутно чувствовалось, но не сознавалось. Автор хочет поближе рассмотреть его и характеризовать его значение в отношении к городскому хозяйству (Stadtwirtschaft). Под экономическим ландшафтом Бюхер понимал, хотя и не употреблял этого слова, хозяйственно единую территорию (eine territoriale Wirtschaftsgemeinschaft), и на этой сельско-городской хозяйственно-единой территории (in dieser ländlich-städtischen Wirtschaftsgemeinschaft) мыслил себе один город. Правильнее было бы мыслить один или несколько городов; возможны даже случаи полного отсутствия здесь городов и развития торговли и промышленности и на сельской территории. Если этот последний

¹ Op. cit., стр. 97.

случай, это отсутствие собственных городов является одним предельным случаем (ein Grenzfall), то другим предельным случаем, другой крайностью (das andere Extreme) является полная урбанизация сельской территории (des Landes) одним господствующим городом (durch eine Herrenstadt). Между этими крайностями лежит третья категория, городское и сельское хозяйство, соединенные в разнообразных степенях. Она как раз и должна охватить самое большое количество действительных случаев и явиться, по мысли автора, коррелятом Бюхеровой концепции.

Наблюдения, сделанные Хепке на материале данных хозяйственного развития средневековой Голландии, дают ему возможность формулировать добытые результаты, относящиеся к экономическому ландшафту в его эволюции, в виде следующей схемы:

„1. Экономический ландшафт без городов. Образование родов еще не началось; в том или ином случае его вовсе нет или оно остается в рудиментарном состоянии.

„2. Экономический ландшафт с одним городом или с несколькими более значительными или менее значительными городами, которые между собой или а) равноправны как товарищи (genossenschaftlich gleichberechtigt) или б) обнаруживают в своей среде также экономическую зависимость от большого города (von der Großstadt). Они действуют как места производства, как поставщики (своих изделий в главный город) (als Zubringer) или как распределительные пункты (Verteilungspunkte) второй степени сравнительно с главным городом. Города стремятся к преобладанию, урбанизация началась, но сельская территория (das platte Land) в качестве производителя сырья, дающего ему нередко и первоначальную обработку, является самостоятельным фактором рядом с городским центром, который берет на себя лишь переработку ее изделий в более тонкие сорта, аппретуру (Verfeinerung, Appretur) и т. п. Принудительное отношение (das Zwangsverhältnis) имеет двусторонний характер (ist beiderseitig): город и деревня зависят друг от друга (sind aufeinander angewiesen). Экономическое разделение труда требует внимания одной стороны к интересам другой (zwingt zu Rücksichten).

„3. Экономический ландшафт с одним доминирующим городом. „Городское хозяйство“ (die Stadtwirtschaft) как политика победило всеми средствами. Сельская территория (das platte

Land) не могла противопоставить ему никаких собственных органов борьбы; она была хозяйственно слабее. Урбанизация путем выкупа владений крестьян и сеньеров (durch Aufkaufung der Bauern und Grundherren) городскими гражданами на пути к завершению. Несмотря на это, и здесь проведены границы, так что из экономического ландшафта, самое большое, лишь в особенно для этого подходящих случаях (in besonders gelagerten Fällen), образуется городское хозяйство (eine Stadtwirtschaft). Нельзя представлять себе всю Германию покрытой сетью городских хозяйств¹.

Экономический ландшафт без городов предоставляла собой в средние века территория, занятая фризами. Фризы дольше всех германцев не знали городов и торговые сношения вели с пограничными городами соседних племен, саксов и франков, каковы Бремен, Гронинген, Мюнстер, Утрехт, а также Дорштат. Можно предположить, что в составе их населения были и фризы, а в рейнских городах они имели даже собственные кварталы и улицы. Не имея собственных городов, сама Фрисландия представляла собой, тем не менее, имевший большое значение богатый хозяйственный ландшафт, отправлявший на далекие расстояния изделия своей сельской промышленности, знаменитое фризское сукно (pallia frisonica).

Но обычно экономический ландшафт имеет собственные средоточия своей промышленности и торговли, один или несколько городов. В ландшафтах со стандартной промышленностью (Standardgewerbe) средних веков, с текстильной и металлургической промышленностью, менее всего могла быть речь о над всем господствующем „городском хозяйстве“ Бюхера. Особенно красноречивы в этом отношении данные, относящиеся к текстильным ландшафтам. Примером может служить хозяйственный ландшафт Боденского озера, к северу и югу от него (к северу до Дуная, до Леха и Альпгауских Альп, к югу — почти вся область теперешних кантонов St. Gallen'a, Аппенцеля и Тургау). Вся эта обширная территория в хозяйственном отношении представляла в средние века почти единое целое. Основу ее хозяйства составляло возделывание в широчайших размерах льна и конопли, и уже рано, самое позднее с начала тринадцатого

¹ Die ökonomische Landschaft, стр. 100—101; Die Entstehung der holländischen Wirtschaft, стр. 15.

века, здесь широко развилась полотняная индустрия, и вся территория стала единой текстильной областью. С четырнадцатого века рядом с полотном стали изготавливать и бумазею (Barchent), больше всего в северо-восточной части территории, и ее центрами были города Ульм, Аугсбург, Мемминген, Биберах и др. В центре полотняного района в ранние времена стоял Констанц, но постепенно рядом с ним поднялись и другие города и дали имя известным сортам полотна; это были St. Gallen, Равенсбург, Камптен, Ванген, Isny и др. Ткали полотно, как и бумазею, также везде по деревням и в небольших городах, но изделия их шли большею частью в более крупные города, где их перерабатывали в более тонкие сорта для вывоза на близкие и далекие рынки, накладывая на них свои штемпеля или привешивая печати. Роль главного города полотняной промышленности перешла, самое позднее в конце четырнадцатого века, от Констанца к St. Gallen'у, который стал средоточием целого индустриального округа, вывозившего свое полотно самых различных сортов во все части Европы и в страны бассейна Средиземного моря. „Полотняная индустрия была уже очень сложным организмом и делала необходимым широкое разделение труда. Для различных сортов полотна существовали различные виды ткачей. Но существовал также ряд подсобных промыслов для изготовления полотна. Круг занятых индустрией лиц был, таким образом, не только очень велик, но также и пестр по своему составу“.¹ Эта вывозная индустрия европейского значения должна была создать и очень широкую самостоятельную вывозную торговлю, которую отчасти вели большие торговые компании, как, например, Большое Равенсбургское торговое общество.

Как видим, ткачеством жили не только города, но и вся сельская территория. Деятельность городов была жизненно необходима для сельской территории, а ввоз полотна, на ней изготавливающегося, был для городов хорошим источником для заработка и широкой основой для всей их полотняной и бумажной промышленности.

¹ Hektor Ammann. St. Gallens Wirtschaftsstellung im Mittelalter, стр. 144. Работа эта помещена в том же сборнике в память Г. Белова, что и работа Нärke „Die ökonomische Landschaft“, на нее ссылается Нärke и говорит, что из нее можно приводить целые абзацы для подтверждения теории ландшафта, и мы пользуемся ею вслед за ним.

Хепке приводит еще в качестве примера Фландрское графство в раннюю эпоху (до 1308 г.) фландрской индустрии. „Тогда графство это с четырьмя большими областными мессами (Landesmessen), продолжавшимися с конца февраля до начала ноября, и с девятнадцатью ярмарками, с единой местной монетой (Landesmünze) и одним весом и мерой, с бесчисленными крытыми суконными рынками (Tuchhallen) и повсюду известными специальными сортами сукна, представляло собою хорошо организованное областное хозяйство (Landeswirtschaft), существование которого уже одно собственно должно быть достаточно для того, чтобы кроме „городского хозяйства“ (Stadtwirtschaft) создать еще и другие возможности теоретического понимания.¹

„Позже, как раз во Фландрии суконщик (der Tucharbeiter) больших городов принял враждебное положение в отношении к сельскому округу (hat gegen das platte Land gekehrt). Мы стоим здесь перед той последней (третьей в приведенной выше схеме. Д. П.) категорией, где все, что не принадлежит к цеху городских граждан (zur Stadtbürgerzunft), пользуется меньшими правами (minderes Rechtes ist). Примеров этого достаточно. Еще и теперь Фландрия и Италия в городе и деревне (Land) носят следы некогда существовавшего преобладания cittadini, когда только город был экономическим „ландшафтом, а сельский округ (das Land) был территорией, на которой жили его подданные (ihr Untertanenland)“.²

V

Еще более сокрушительные удары были нанесены теории „городского хозяйства“ Генрихом Бехтелем (Bechtel), сначала в статье „Der ökonomische Raum für den Handel in Spätmittelalter“ (напечатанной в Schmoller's Jahrbuch в 1929 г., а затем в вышедшей в 1930 г. книге „Wirtschaftsstil des deutschen Spätmittelalters“ (куда вошла и названная статья).

Как известно, К. Бюхер насчитывал в средневековой Германии 3000 городов, которые находились почти на равном расстоянии друг от друга и в своей хозяйственной структуре и в своих хозяйственных условиях не отличались значительно друг от

¹ Die ökonomische Landschaft, стр. 103.

² Ibid., стр. 103.

друга, ведя одинаковую хозяйственную политику, ставившую себе одни и те же цели — аутаркию и обеспечение средств к существованию („die Nahrung“). Уже для XII и XIII вв. Бехтель считает это невероятным, так как не единообразие, а разнообразие (die Differenziertheit) является существом средневековых городов, не статика, а кинетика жизненных и хозяйственных отношений характерна для каждого отдельного города. Другой столь же грубой ошибкой Бюхеровой теории „городского хозяйства“ Бехтель признает то, что она имеет в виду как раз те из 3000 немецких городов, которые по своей незначительности, по малому числу своих жителей ничего не могут дать для картины „городского хозяйства“, системы достаточно сложной для того, чтобы она могла возникнуть и принять знакомые нам очертания в узких рамках „до смешного миниатюрных отношений этих городов-лилипутов, в которых не нашлось бы места для достаточного числа представителей разных промыслов, чтобы могли быть созданы условия для „городского хозяйства“. А ведь таких городов было не меньше двух с половиной тысяч. Бехтель думает даже, что и из остающихся, за вычетом этих последних, 500 городов для добрых 350 городов с населением в 500—1000 человек сложная система „городского хозяйства“ является трудно представляемой и приходит к заключению, что для реальной картины хозяйственного строя и хозяйственной жизни позднего средневековья (от половины XIV в. до конца XV в.), которая позволяла бы наметить подлинные основные черты „городского хозяйства“, следует отправляться прежде всего и главным образом от данных, относящихся к 150 более крупным городам (из них около 12—15 больших городов с населением более 10 000 человек в каждом, около 15—20 городов среднего размера с населением в 2—10 тысяч, остальные с населением 1—2 тысячи человек).

Эта реальная картина мало похожа на городское хозяйство, каким его рисует Бюхер. Об аутаркии и замкнутости здесь не может быть и речи. В покупке промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов нуждалась в те времена гораздо большая масса людей, чем принято думать, и торговля, далеко выходящая за пределы городского округа, являлась существенным, а во вторую половину средних веков и прямо-таки господствующим фактором хозяйственной жизни, определявшим характер хозяйственной политики средневекового города, озабо-

ченного, с одной стороны, достаточным, обильным и разнообразным снабжением городского населения, далеко не склонного к аскетизму, всем для этого необходимым, а с другой — обеспечением местному ремесленнику возможно более благоприятных условий для производства и сбыта своих изделий на близких и далеких рынках, не забывая при этом и своих фискальных интересов. На почве этого широкого обмена развилась и играла весьма крупную роль оптовая торговля, устанавливавшая очень оживленные связи и с границей. Если, например, большая часть мелких городов с населением в несколько сот человек (а ведь их было огромное большинство) могла сама снабжать себя хлебом, который их жители сами производили, не оставив еще занятия сельским хозяйством, а также могла получать его на городском рынке, от подвозивших его крестьян вокруг лежащих деревень, то более крупные города получали его через посредство оптовой хлебной торговли, распространенной во всех частях Германии и выходящей за ее пределы. Но эти же мелкие города зато нуждались в регулярном подвозе промышленных изделий, так как их собственная промышленность была в них слабо развита, чтобы удовлетворять все потребности и вкусы их населения. С помощью оптовой торговли более крупные города — да и не одни они — снабжались и мясом, которое иногда доставлялось из очень далеких мест, например, из Великой Польши, откуда направлялись в Германию и дальше огромные гурты убойного скота. С помощью оптовой торговли, сосредоточивавшейся в ряде городов, ставших крупными рынками тех или иных продуктов, как туземных, так и доставляемых из соседних и отдаленных стран Западной и восточной Европы и Азии, города удовлетворяли свои нужды как в жизненных припасах так и в необходимом для их промышленности сырье и полуфабрикатах, а также и в готовых изделиях.

Нарисованная Бехтелем весьма конкретная картина хозяйственного оборота средневековой Европы поражает широтой и сложностью торговых связей ее и так мало напоминает разобщенность и замкнутость мелких хозяйственных миров, заключенных Бюхером в тесные рамки „городского хозяйства“.

Приведем некоторые из собранных Бехтелем в большом изобилии фактических данных, относящихся к разным отраслям тогдашней оптовой торговли.

Прежде всего обращают на себя внимание широкие размеры хлебной торговли. Ведь до сих пор был широко распространен в исторической науке взгляд, что — если не иметь в виду Ганзейской торговли — организованной хлебной торговли на далекие расстояния, с урегулированным оборотом, определенными путями, с прочным кругом покупателей в средневековой Европе вообще не существовало. Кёльн, один из населеннейших городов средневековой Германии, получал необходимый для него хлеб издалека. Целые флоты с хлебом и другими жизненными продуктами приплывали к нему с нижнего Рейна и из Нидерландов. Мелкие города и даже соседние господские усадьбы получали хлеб и другие продукты на Кёльнском рынке. И Страсбург жил привозным хлебом и сделался даже хлебным рынком, на котором приезжие купцы закупали хлеб для экспорта. Хлеб шел в Страсбург главным образом из владений страсбургского епископата, где он собирался в виде десятины церквей и монастырей. Крупная оптовая хлебная торговля существовала и в Швейцарии, которая нуждалась в подвозе хлеба издалека для снабжения им прежде всего крупных городов, как Берн, Фрейбург и Базель.

На западе и юго-западе Германии оптовой хлебной торговле приходилось преодолевать в общем умеренные расстояния, не больше ста километров. Иное дело средняя, восточная и северная Германия. Здесь хлебные транспорты проходили сушей и водой более сотен километров. Особенно отчетливо вырисовываются два главных направления средне и восточно-немецкой хлебной торговли: одно на север, другое на запад. Хлебные грузы из южной Польши, Силезии и Пруссии Вислой и Одером направлялись в остзейские гавани Данциг и Штетин. Отсюда хлеб шел частью в Скандинавские страны, нуждавшиеся в нем благодаря своему неблагоприятному для хлебопашества климату, частью через Зунд и Северное море в густо населенную Фландрию, непосредственно в Zwin, гавань Брюгге, частью в Любек, обладавший складочным правом. Спрос на восточно-немецкий хлеб шел и из средиземноморских стран, куда он через Брюгге доставлялся на венецианских и генуэзских кораблях. Вывоз хлеба с востока Европы на запад был так значителен, и отправка на кораблях польского и прусского хлеба была так регулярна, что это не могло не отразиться на аграрных отношениях востока Европы. На ряду с различными другими причинами

торговля хлебом и другими сельскохозяйственными и лесными продуктами ускорила возникновение в Пруссии, Познани и Силезии крупных вотчин (Gutsherrschaft). Таким же образом, как с Данцигом, были связаны Польша и Силезия, с Гамбургом были связаны Бранденбургская Марка и Брауншвейг. Областью снабжения хлебом гамбургской хлебной торговли была, следовательно, область нижней и средней Эльбы и Гавеля. Особенно славилась берлинская рожь. На кораблях прибывали в Гамбург рожь, овес, пшеница и ячмень. Доставляли их Берлин, Брауншвейг, Хавейберг, Ленцен, Люнебург, Букстехадэ и Штадэ. Из Гамбурга хлеб морем направлялся на запад, во Фландрии часть его отделялась и по нижнему Рейну доставлялась в Кёльн.

Относительно хлебной торговли средней Германии сведения наши не отличаются такой определенностью. Во всяком случае нам известно, что и здесь сельское хозяйство имело в виду сбыт своих продуктов, что явствует, между прочим, из такого, например, факта, что эрфуртские бюргеры, даже ремесленники, стремились вкладывать свои средства в землю с определенной целью эксплуатировать свои участки для извлечения из них дохода, применяя к ним труд находившихся в Эрфурте в большом количестве поденщиков, а также толпы странствующих сезонных рабочих. Возможно, что главная масса хлеба шла из плодородной Тюрингенской равнины и направлялась из разных городов в Магдебург и Гамбург. Среди крупных поставщиков хлеба в восточной, но также в средней и западной Германии в первом ряду стоят церкви и монастыри.

Рядом с оптовой хлебной торговлей в средневековой Европе существовала и достаточно развитая оптовая торговля убойным скотом. Небольшие средневековые города в снабжении своего населения мясом, как и хлебом, были более самостоятельны и менее зависели от подвоза убойного скота издалека; не говоря о том, что каждый более или менее состоятельный горожанин откармливал собственных свиней, которые нередко причиняли немалое беспокойство городским властям, заботившимся о хотя бы минимальной чистоте и без того очень далеких от нее городских улиц, и крупный и мелкий скот в достаточном количестве доставляли на городской рынок сельские жители городской округи. Но более крупные города не могли этим удовлетвориться, и снабжение их мясом в достаточном коли-

честве и вполне удовлетворительного качества городские власти считали одной из важнейших своих задач. Большая масса немущих, число которых было пропорционально величине города, могла получить мясо только на городском рынке и не была склонна терпеть недостаток в нем. А потребление мяса было тогда во всех слоях населения выше чем теперь, в среднем его потребляли в два и три раза больше чем теперь, и поденщики и прислуга получали его от работодателя два раза в день и в изобильном количестве. Для более крупных городов необходим был подвоз издалека. Городские власти все меры принимали к тому, чтобы городской рынок был всегда снабжен мясом, поощряя всякую конкуренцию, лишь бы только увеличить его количество.

Рогатый скот поставлял восток Европы, в частности, как было уже указано, Великая Польша. Дело это находилось преимущественно в руках нюрнбергских купцов, которые затем доставляли его целыми гуртами на центральные рынки в среднюю Германию и Франконию, откуда уже он доставлялся в отдельные города в более скромных количествах. Кельн уже в раннее средневековье получал большие стада овец и свиней из Вестфалии и из дальше к востоку лежащих областей. Тысячи голов рогатого скота двигались вверх по нижнему Рейну. Рейнские города кроме того покупали убойный скот в северной Германии, южной Швабии, Баварии. Предмет оптовой торговли представляла в средневековой Европе и рыба, так же являвшаяся необходимой, как и мясо. Мы имеем в виду соленую и вяленую морскую рыбу. О сколько-нибудь значительной торговле пресноводной рыбой нам мало известно. И можно думать, что отдельные города в достаточном количестве снабжались ею из по близости находившихся рек и озер, но в общем ее было недостаточно для снабжения городского населения страны, тем более, что более бедные его слои едва ли имели возможность ее покупать. Поэтому и города, лежавшие на богатых рыбою реках, каковы Рейн и Дунай, покупали морскую рыбу в большом количестве.

Оптовая торговля морской рыбой шла по таким главным путям: на востоке Германии сельдь шла из Данцига, повидимому, в качестве обратного фрахта на место хлеба, через всю область Вислы в Познань, Варшаву, Краков; из Кракова, а то и прямо из Данцига, в Венгрию, из Данцига же в Моравию.

Силезия получала сельдей по Одру. Из вендских городов, особенно из Любека, сельди шли по целой сети дорог, уходивших далеко в среднюю Германию. Здесь покупали их торговцы из южной Германии. Вся западная Германия и отчасти южная снабжалась ими по Рейну через Кельн. Кельн получал их из Нидерландов и стремился стать центром торговли сельдью, соединяющим торговыми связями нижнюю Германию с верхней. Здесь мы видим людей из Майнца, Франкфурта, Шпейера, Страсбурга, Нюрнберга и других городов. Но жители верхней Германии предпочитали сами ездить к нидерландцам за сельдями.

В связи с торговлей сельдями в вендских городах развилось бочарное ремесло, куда уже в XIV в. проникла система снабжения бочаров деревом для бочек купцами, которые их им заказывали (Verlagssystem).

Большие дела делали и оптовые торговцы солью. Особенно обширные размеры имела торговля солью, добывавшеюся в Люнебурге; ею снабжалось население Северного и Балтийского моря, до самой Лифляндии. О размерах этой торговли дает понятие такой факт: в 1368 г. из Любека на остров Шонен, крупнейший центр добычи и торговли сельдями, прибыло с люнебургской солью около 160 кораблей, из которых 47 вернулись домой с сельдями. С люнебургской солью стала потом конкурировать соль, добывавшаяся на западном берегу Франции, на юг от устья Луары, так. наз. Basensalz, за которой приезжали туда целые ганзейские флоты. А Кельн снабжал себя солью даже из Испании и Португалии.

Целые столетия средневековая Европа употребляла вместо сахара мед. Правда, крестоносцы познакомили ее и с сахаром, но долгое время он применялся только в медицине, а потом, приблизительно до XV в., он оставался предметом роскоши. Обращает на себя внимание факт, что уже самые ранние известия о торговле Германии с восточной Европой, главным образом с Польшей, постоянно упоминают воск и мед, и торговля медом и воском, шедшими в западную и среднюю Германию, в течение всех средних веков играла важную роль. Привозили их из Польши и Литвы, где целые деревни занимались собиранием меда в лесах. Торговля ими производилась в крупном масштабе. Воск шел на свечи, в большом количестве употреблявшиеся при богослужении, а также и для праздничного

освещения думских зал, помещений для попоек, помещений для членов цеха, домов патрициев и т. п. Из меда, кроме всего прочего, изготавливали напиток мед, который и в Германии назывался медом и для северной Германии являлся восполнением, может быть даже заменой, ввозившегося из южной Германии вина и дорогих заграничных вин, шедших через Брюгге из Испании и Португалии. Медовые пряники сделались специальностью отдельных городов, откуда они распространились по всей Германии и были любимым лакомством в средние века. Нюрнбергские Pfefferkuchen и верхнегерманские Lebkuchen популярны и в настоящее время.

Потребность в сладком в средние века больше, чем теперь, старались удовлетворять южными фруктами, изюмом, винными ягодами, финиками. Это — уже колониальные товары, которые с XII в. становятся предметом оптовой торговли во все больших размерах. К ним принадлежали также пряности, красящие вещества и некоторые другие москательные товары. Не следует забывать, что и тогда они были предметами повседневного потребления. Доставлялись все эти колониальные товары из Малой Азии и Дальнего Востока водою в Геную и Венецию, откуда они шли или сухим путем через альпийские дороги (Alpenpässe) в южную Германию и дальше на север, или на кораблях отправлялись в Брюгге, а в XV в. в Антверпен и отсюда уже распространялись по северной и восточной Германии и на западе Европы. Пряности и южные плоды были самым любимым предметом торговли и обратным фрахтом на ряду с фландрским сукном для ганзейских кораблей, прибывавших с своими товарами в эти торговые центры тогдашней Европы. Вели торговлю всеми этими товарами не розничные торговцы, которые вели также и оптовую торговлю, как утверждали некоторые исследователи, например, Г. Ф. Белов, но настоящие оптовые торговцы (Großkaufleute), из которых тот или иной могли вести также и розничную торговлю (Krämerei).

Текстильная промышленность, широко развитая в средневековой Германии в области Боденского озера, в Швабии, Вестфалии, в Оберлаузице и Силезии и работавшая на широкий вывоз, создавала целый ряд отраслей оптовой торговли, не говоря уже о торговле привозными фландрскими сукнами. Тканье было распространено по всей Германии, и для скромных надобностей самих крестьян, а также ткачей небольших горо-

дов достаточно было и того льна и конопли, которые крестьяне разводили на своих участках и привозили на городской рынок. Но в названных текстильных округах не могли довольствоваться местным их производством и нуждались в ввозе их со стороны.

В качестве предмета оптовой торговли лен проходил далекие пути, из северной Германии в южную. В одном из самых крупных центров бумажейной промышленности, в Ульме, употреблялся до конца XV века рижский лен, который шел из Риги через Любек, Лейпциг и Нюрнберг. В Данциге мы нередко встречаем в качестве предметов вывоза лен и коноплю в сыром виде, а также и в виде пряжи (которая в некоторых местах создала особую отрасль торговли), куда они доставлялись из Литвы.

Из Данцига этот товар доходил до Швеции, Фландрии, Северных Нидерландов и Англии, а из Амстердама или Брюгге он шел и в Швабию.

Большие количества льна, бывшие предметом оптовой торговли, не могли состояться из того, что по мелочам можно было купить у крестьян или на городском рынке, но как и другой предмет оптовой торговли, хлеб, приобретались у крупных землевладельцев, светских и духовных, у которых скоплялись большие запасы как хлеба, так и льна, которые они получали одни в виде чинша, другие в виде десятины от зависимого крестьянского населения. То же нужно сказать и о шерсти, поскольку она не шла из-за границы, прибавив к этому то, что сами монастыри в больших размерах занимались овцеводством для этих коммерческих целей. А что касается ввозимой из-за границы шерсти, то ее ввозили из Англии, из Нидерландов, из Испании (через Бургундию), из придунайских стран (на нижнем Дунае), из Валахии и Македонии, из Венгрии. Шерсть становилась и предметом спекуляции, и хотя Германия сама нуждалась в подвозе шерсти из-за границы, это не исключало того, что немецкая шерсть в большом количестве вывозилась в Италию.

Хлопчатая бумага, переработка которой в более обширных размерах началась в Германии в XIV в. и достигла большого развития особенно в южной Швабии, ввозилась в Германию большей частью из Северной Италии через альпийские дороги или морем через Брюгге и Антверпен. Закупали ее в средиземноморских странах (Александрия, весьма вероятно также

Персия и Индия, вот те места, откуда шла в Италию хлопчатая бумага). С востока шел в Европу и шелк. Главными местами тканья шелковых материй в Германии XIV в. были Цюрих и Констанц, но потом эта промышленность перешла на нижний Рейн, в Кельн и Фландрию; Базель и Аугсбург также стали выдвигаться в этом деле. Сырье немцы получали преимущественно через Италию.

Предметом оптовой торговли были вайда и другие вещества, необходимые для окраски полотна и других тканей и для других надобностей текстильной промышленности, каковы квасцы, поташ и др. Главным немецким рынком вайды (травы, из которой приготавлилось красящее вещество, совершенно необходимое для текстильной промышленности) был город Эрфурт, в более близких и более далеких окрестностях которого ее разводили и доставляли в город зависимые от него крестьяне (Waidbauer), как и жители соседних независимых от Эрфурта местностей. В позднее средневековье появился опасный конкурент вайды в виде привозившегося из Италии индиго („Teufelsfarbe“, как его называли). Поташ шел в Германию из богатых лесами Польши, Венгрии, Литвы и России. Из Данцига шел он в Англию, Шотландию, Северные Нидерланды и Швецию. Квасцы, также очень нужные в текстильной и кожевенной промышленности, ввозились через Италию из Малой Азии и из Египта.

Торговля металлом (особенно железом) и металлическими изделиями также принимала характер оптовой торговли, которая также выходила за пределы Германии и устанавливала международные торговые связи с Швецией, Англией, Венгрией и Литвой. Уже с древних времен за границей Германии приобрели большую славу так наз. кельнские мечи. Они изготовлялись собственно в Solingen'e, но шли через Кельн, который дал им имя и распространял их по всей северной Европе. Другой рассчитанной на экспорт обрабатывающей железопромышленностью была фабрикация стальной проволоки, возникшая в Вестфалии в качестве побочного занятия крестьян, пользовавшихся для этого весьма примитивными орудиями. Из этой проволоки в Кельне и Нюрнберге делали особенной добротности и красоты панцыри (Panzerhemde). В Ахене эту проволоку подвергали дальнейшей переработке, и из этих ее тонких сортов нюрнбергский игольный цех изготовлял иголки, которые затем

расходились по всему миру. Как мало все это похоже на замкнутое „городское хозяйство“ с его производством на заказчика! Аугсбург, Нюрнберг и Ульм были знамениты своей так наз. *Plattnererei*, т. е. переработкой простой и более тонкой жести, изготавливающейся в Верхнем Пфальце и в Саксонии, в панцыри из пластинок, *Plattenpanzer*, в XV в. заменившие панцырные рубашки. С ними в этом мог соперничать лишь один Милан. Эти три города южной Германии играли руководящую роль во всех областях тонкой переработки металла и поднятия его до художественного ремесла. „*Nürnberg Hand geht in alle Land*“, говорили тогда, и мелкие изделия нюрнбергской металлической промышленности доходили и до северной Италии. Из Нюрнберга расходились по всему миру и бронзовые изделия художественной работы, как надгробные плиты, крестильные сосуды и др. Медь для этого он получал из Венгрии через посредство оживленной оптовой торговли с этой страной.

Оптовая торговля снабжала сырьем и промышленность, занимавшуюся обработкой дерева. Для военных орудий всякого рода нужен был особенно добротный древесный материал, например, тиссовое дерево из лесов Карпат и Тироля. Через Данциг большие количества этого дерева переправлялись в Англию, Шотландию, в Испанию и Фландрию. Дерево на постройку кораблей и для бочек шло с востока Европы также через Данциг. Оттуда же и тем же путем доставлялись необходимые для кораблестроения смола и деготь. До нас дошли сведения и о сплаве дерева по Рейну, Маасу и по другим рекам и о продаже его.

При таком широком развитии средневековой Германии, удовлетворявшей самые разнообразные потребности всех слоев городского населения, трудно говорить о враждебном отношении к торговле в средневековых городах, как это говорят К. Бюхер и другие представители теории „городского хозяйства“. Бехтель думает, что в значительной мере такое мнение объясняется неправильным истолкованием фактов, положенных в его основу, что во многих случаях запретительные мероприятия городских властей (напр. запрещение вывоза из города тех или иных продуктов) имели в виду обеспечение достаточного снабжения всем необходимым, что в преобладающем большинстве средневековых немецких городов расширение

торговых связей встречало, в общем, совсем не отрицательное к себе отношение. Бехтель указывает, что то, что преподносилось нам как свойственное средним векам, как самому существу их „городского хозяйства“ присущее враждебное отношение к торговле, правильнее и лучше можно объяснить из конфликтов, возникавших между представителями новых отраслей городской промышленности, стремившимися утвердиться на городском рынке, и местными купцами, уже и раньше ввозившими те же изделия со стороны. Говорить об общей тенденции средневековой городской хозяйственной политики не допускать на городском рынке конкуренции местных изделий с иногородними или заграничными не приходится: ведь за конкуренцию были прежде всего территориальные владельцы, извлекавшие из междугородской торговли большие фискальные выгоды в виде всякого рода сборов при проезде купцов через их территорию, затем городской совет, озабоченный обильным и разнообразным снабжением городского населения, вовсе не склонного в лице своих более состоятельных слоев довольствоваться тем, что могла дать местная промышленность; к тому же отдельные члены городского совета были заинтересованы в привозе иногородних и иноземных товаров еще и потому, что нередко они и сами принимали участие в торговле ими, как индивидуально, так и в качестве членов торговых компаний. Противниками рыночной конкуренции могли быть некоторые ремесленные цехи, но во всех городах и в каждом отдельном цехе в конце концов решающее слово о допущении или отклонении конкуренции в том или ином случае было за хозяйственным положением ремесленников того или иного цеха в данный момент. Раз они имели достаточный заработок, и в будущем не предвиделось тяжелого положения, то у них обнаруживалась склонность к известному либерализму в этом отношении. Такие установления, как дорожное право, складочное право, гостинное право, запрещение перекупки товаров до прибытия их на рынок и скупки их на рынке с целью перепродажи их по более дорогой цене и т. п., которые до сих пор обыкновенно рассматривались как созданные исключительно для охраны интересов городской промышленности и потребителей, по мнению Бехтеля, следует рассматривать прежде всего с точки зрения фискальных интересов города, для которого торговые пошлины и акцизные сборы составляли основу его финансового хозяйства.

О социальном строе средневековых городов ничего нового после Jecht'a Бехтель не говорит; здесь он и сам опирается на работу Jecht'a. Как и этот последний, он настаивает на большом имущественном неравенстве среди городского населения той поры и утверждает, что „романтическое представление о равенстве в области имущественных отношений или о существовании опирающегося на обеспеченное доходами имущество среднего сословия (Mittelstandes) нужно отнести к царству сказок“.

VI

Небольшая работа Фридриха Боте о хозяйственной жизни Франкфурта на Майне в средние века, вышедшая в 1932 г.,¹ с своей стороны дает не мало для восстановления реального облика городского хозяйства средневекового немецкого города, далеко не тождественного с тем, какой казался реальным К. Бюхеру, как раз средневековым Франкфуртом больше всего и занимавшемуся.

И во Франкфурте „сельская атмосфера“, которую так подчеркивал в средневековом городе Бюхер, давала себя знать в очень сильной мере. Очень многие, можно сказать, большинство его граждан имели свой полевой участок или свой огород, иногда даже виноградник, совмещая занятия сельским хозяйством с городским ремеслом. Улицы его весьма красноречиво свидетельствовали о тесной связи с землей. Основу имущества богатых бюргерских фамилий (Geschlechter), кроме многих домов, составляли обширные земельные владения за пределами города, в которые они вкладывали свои средства и которые часто заключали в себе многие сотни моргенов. В налоговых документах города речь идет прежде всего о земельном владении и произведениях почвы, о полях и лугах, о зерне, сене, о соломе, о разных сортах скота, причем мелкий скот считается сотнями голов. В 1448 г. при обследовании запасов зерна в одном лишь Oberstadt'e (часть города) было обнаружено 13319 ахтелей (Achtel) на земельных участках горожан. Некоторые из патрициев имели по много сотен ахтелей, а у одного

¹ Friedrich Bothe. Frankfurts Wirtschaftsleben im Mittelalter (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 93 Band, Zweites Heft, 1932).

оказалось их целых три тысячи. Свое зерно горожане пускали в продажу. И тем не менее, несмотря на преобладание в нем „сельской атмосферы“, Франкфурт был городом с широко развитой постоянной оптовой и розничной торговлей и с широкими торговыми связями как внутри Германии, так и за ее пределами. Представителями оптовой торговли были прежде всего франкфуртские патриции, члены богатых бюргерских фамилий (Geschlechter), имевшие своих факторов в Венеции и в Нидерландах, сбывавшие сотни и тысячи ахтелей зерна, собранного с их обширных земельных владений, участвовавшие в торговых предприятиях, связанных с горным делом, и в торговле металлом и многим другим; не говоря уже о том, что они сделали своей специальностью „денежное и вексельное дело в его различных формах“, как говорит Бюхер, только этого рода коммерцию за ними и признающий. Один из современников сообщает, что красивые каменные дома, воздвигнутые во Франкфурте в XIV в., обязаны своим возникновением, главным образом, торговле эльзасскими винами. Не отрицая широкого и разнообразного развития франкфуртской промышленности, Бюхер утверждал, что ни одна из отраслей ее не может претендовать на выходящее за пределы городского рынка значение, что ее вызвали к жизни исключительные обстоятельства — два раза в год устраивавшиеся во Франкфурте мессы и частые имперские собрания (Reichsversammlungen), здесь происходившие и привлекавшие во Франкфурт много постороннего народа, который и являлся главным покупателем изделий франкфуртской промышленности, что „это было такое многостороннее развитие, какое вообще допускало автономное городское хозяйство средних веков“, что „оно двигалось в замкнутом кругу необычайно многообразного, но в гармоническом единстве связанного образования профессий“.¹ А между тем не подлежит сомнению, что некоторые отрасли франкфуртской промышленности продавали свои изделия не только в пределах окружавшей Франкфурт сельской территории, но отправляли их на далекие рынки, и что на франкфуртских местах они сбывали их оптом, большими количествами для перепродажи розничным торговцам, что франкфуртская

¹ К. Bücher. Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert. 1886, стр. 415—416.

промышленность уже работала и на купца, снабжавшего сырьем те или иные ее отрасли, что цеховой идеал мелкого производства и мелкой торговли и здесь уже сильно отставал от хозяйственной действительности.

VII

В своей рецензии на книгу Бехтеля Фриц Рерих говорит: „Изучение работы Бехтеля вполне убеждает в том, что предпосылки для в какой-нибудь мере последовательного проведения в жизнь „городского хозяйства“ собственно вообще не существовало: мелкие города вследствие незначительности находившихся в них ремесел вовсе не были в состоянии все сами производить, следовательно, зависели от импорта, большие же, жизненным нервом которых была торговля на далекие расстояния, пока они были здоровы, были естественными противниками такого сужения радиуса хозяйственной деятельности, так как благодаря противоположному, именно благодаря интенсивному посредничеству в обмене товаров, шедших издалека, они процветали“.¹ Нельзя не согласиться с этими словами такого знатока хозяйственной жизни средневековых городов, каким является Ф. Рерих. Несомненно, те или иные черты, характерные для образа городского хозяйства, каким мы привыкли представлять его после выхода в свет „Возникновения народного хозяйства“ К. Бюхера, могли бы быть в той или иной мере, в той или иной комбинации рассеяны даже в массе небольших городов, что не вполне отрицает и сам Бехтель, так решительно, когда ведет речь в общей форме, отстраняющий огромное большинство немецких городов от всякого соприкосновения с „городским хозяйством“, но при рассмотрении отдельных сторон хозяйственной жизни средневековых городов и их хозяйственной политики иногда и в маленьких городах отмечающий факты, несомненно характерные для „городского хозяйства“, например, враждебное отношение ремесленников небольших городов (Kleinstädte) к торговцам, ввозившим иногородние изделия, видя в них опасных конкурентов.² Большое индивидуальное разнообразие городов, вызывав-

¹ Fritz Rörig. Wirtschaftsgeschichte und Wirtschaftsstil (Historische Zeitschrift. Band 144, Heft 3, 1931, стр. 459).

² Bechtel. Wirtschaftsstil des Spätmittelalters, стр. 249 и 317.

шееся различиями и в численности населения их, и в хозяйственно-географической ситуации, и в условиях штандарта, и в промышленной и торговой специализации, и в правовом строе, и в структуре духовной культуры,¹ обуславливало с своей стороны и большое разнообразие комбинаций, в которых встречались в них те или иные элементы городского хозяйства, поскольку вообще эти последние были в них в той или иной мере представлены. Цеховая организация, хотя бы в самых ограниченных размерах, с присущими ей антикапиталистическими тенденциями, регулирование местного рынка распоряжениями городских властей об обязательности справедливой цены (*Justum pretium*), о недопустимости перекупки и скупки продуктов и т. п. можно без колебаний признать общей чертой хозяйственного строя и самых мелких городских поселений, поскольку они являлись в той или иной мере городами в хозяйственном смысле этого слова. Небольшие города, нуждавшиеся в подвозе и жизненных продуктов, и промышленных изделий и охотно допускавшие их на свой городской рынок, в то же время могли враждебно относиться к ввозу тех изделий, которые производили их собственные ремесленники. И таких городов могло быть немало. Но едва ли много городов могло обладать властью над своей сельской округой, над своим ландшафтом, превратив его в свой *Hinterland*, безусловно ему подчиненный. Ведь, чтобы иметь власть над своим ландшафтом, нужно было приобрести ее, а для этого нужно было иметь большую силу и с ее помощью захватить эту власть в результате упорной и планомерной борьбы хозяйственного характера, а иногда и с помощью военной силы. Ведь это было доступно лишь более крупным и более сильным экономически и политически городам. Право заповедной мили, гостиное право, в особенности складочное право, — ведь это уже большая политика, совсем недоступная массе немецких городов, предполагающая большие хозяйственные и нехозяйственные ресурсы и сильный класс организованных в цехи и захвативших в свои руки городскую власть ремесленников и купцов. Тут мы имеем дело с воинствующей аграрной политикой „городского хозяйства“ больших и сильных городов, стремившихся к экспансии, к расширению своей государственной мощи, к захвату всей промышленной

¹ Bechtel. *Wirtschaftsstil des Spätmittelalters*, стр. 39.

и торговой деятельности на территории всего ландшафта, к подчинению себе всех других городов на этой территории с помощью всех средств, имеющихся в их распоряжении. Какая же может быть здесь речь о замкнутом хозяйстве? Ведь это были города с широко развитыми торговыми связями, с работающей часто на далекие рынки промышленностью. Могла возникнуть и оборонительная политика „городского хозяйства“, именно в тех случаях, когда сравнительной неподвижности и устойчивости хозяйственных и социальных отношений того или иного города, этой основе, на которой только и было возможно существование элементов той организации, которая имеется в виду, когда говорят о „городском хозяйстве“, грозила опасность, и сложившиеся здесь хозяйственные порядки стиля „городского хозяйства“ требовали уже защиты со стороны тех элементов городского населения, для которого сохранение их являлось жизненным вопросом. Но и здесь следует иметь в виду все индивидуальное разнообразие отдельных случаев и не покрывать его схематической картиной Бюхерова „городского хозяйства“. Картина эта, собирая в законченный образ то, что было рассеяно, часто по крупницам, в самых разнообразных комбинациях и в самых различных контекстах в целом ряде нередко очень мало похожих друг на друга и по своему хозяйственному облику, и по своей социальной структуре средневековых немецких городов, оказывается очень далекой от конкретной исторической действительности, которую она имеет в виду отразить в ее характерных явлениях, в ее типических чертах.¹

Если она в той или иной мере и отражает некоторые черты в хозяйственном строе средневековых немецких городов, то города эти далеко не представляют собой большинства в общей их массе и согласно выводам Бехтеля составляют лишь весьма незначительную часть их. Широкое развитие торговых отношений средневековой Германии, удовлетворявших потребности и в промышленных изделиях и в жизненных продуктах не только более крупных городов, но и самых незначительных городских поселений, с такой полнотой и конкретностью изображенное Бехтелем, лишает всякого основания утвержде-

¹ K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Erste Sammlung. Vierzehnte und fünfzehnte Auflage, 1920, стр. 87 и 89 (русск. пер. 79 и 82).

ние Бюхера, что замкнутость и самодовление (аутаркия) являются характерной чертой хозяйственного строя средневекового города; „групповые“ города Хепке лишь подкрепляют выводы Бехтеля. То же следует сказать и о том социальном строе, какой Бюхер, а за ним и Белов, считают характерным для средневекового города. После работ Jecht'a, Бехтеля и других едва ли можно говорить о более или менее равномерном распределении богатств среди населения средневекового города, о его „счастливым“ социальном строе. И отношение между городом и его ландшафтом оказалось после работ Хепке и Амтманн'a гораздо более сложным, чем его представлял себе Бюхер, изображавший городскую округу (Umgebung) утратившей всякую экономическую самостоятельность и находящейся в полном хозяйственном подчинении у все сосредоточившего в своих руках города, и притом одного города, между тем, как такое отношение между городом и ландшафтом могло быть лишь исключительным случаем и результатом длительного процесса успешной борьбы города за преобладание над ландшафтом и его селами и городами, которые в огромном большинстве случаев жили самостоятельной хозяйственной жизнью, сообщая ландшафту тот или иной экономический характер. Генетическая связь „городского хозяйства“ с вотчинным, на которой настаивал Бюхер, выведивший отсюда чуть ли не все особенности „городского хозяйства“, каким оно представлялось ему, его замкнутость и самодовление, будто бы присущие вотчинному, по существу на его взгляд „домашнему“ хозяйству, отсутствие в нем сколько-нибудь развитого обмена, выходящего за пределы непосредственного обмена между производителем и потребителем и работы на заказ, уже после работы Белова оказавшаяся совершенно необоснованным утверждением, в настоящее время еще менее может претендовать на серьезное научное трактование после того, как работами рассмотренных выше, а также и других исследователей, выяснен реальный облик городского строя и городской жизни средневековой Германии, очень далекий от той несложности и элементарности хозяйственных отношений, какие приписывал средневековому городу К. Бюхер и на них строил свою эволюционную форму.

Не соответствуя основным типическим чертам реального средневекового города с его чрезвычайно разнообразным

хозяйственным и социальным строем, вовсе не укладывающимся в узкие рамки, ему отводимые Бюхером, бюхерово „городское хозяйство“ не может, на наш взгляд, претендовать и на роль идеального типа, идеально типического образа средневекового города с его хозяйственным и социальным строем. Нам кажется, что представленные нами соображения, основанные на результатах рассмотренных нами работ, делают приемлемым это наше утверждение. Идеальный тип ведь собирает в законченный образ как раз основные и типические черты данного явления, разбросанные и раздельно существующие в той или иной мере в ряде явлений того же порядка. Но ведь то, что мы знаем теперь о хозяйственной жизни и социальном строе средневековых городов, не дает нам возможности признать типичными для них те черты, которыми наделял их Бюхер. Если всякий идеальный тип есть утопия, в том смысле, что он не может уже по самой своей логической природе вполне соответствовать эмпирической действительности, в которой явление данного порядка не встречается в таком чистом и законченном виде, то „городское хозяйство“ Бюхера представляет собою утопию в более, как видим, элементарном значении этого слова, так как те черты, которыми оно наделяет средневековые города, нельзя признать основными и типическими для них, хотя они и встречаются в некоторых из них, и притом раздельно и в самых разнообразных контекстах и комбинациях. Теодор Майер (Mayer) в своей *Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters*, нарисовав картину хозяйственной политики средневекового города, достаточно нам знакомую, совершенно категорически заявляет, что она „не есть действительность, а представляет собой лишь идеальную цель, к которой стремились средневековые города“,¹ и что политика эта является „смесью христианской этики, народнохозяйственной политики и социальнополитических соображений“.² Хозяйственной политикой определенно признал „городское хозяйство“ средних веков, как известно, первый Белов, и в этом по общему признанию его большая заслуга, этим он поставил на твердую почву изучение хозяйственной жизни средневекового города; но он все же, как мы видели, в то же время признавал, что,

¹ Theodor Mayer. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters*. 1928, стр. 106.

² *Ibid.*, 104.

например, замкнутость и самодовление были проведены в средневековых городах „в самых широких размерах и с последовательностью, чуть ли не единственной в истории человечества“, не говоря уже о том, что в изображении социального строя средневекового города он мало чем отличается от Бюхера, в унисон с ним восхваляя „счастливую социальную организацию“ города, будто бы присущую каждому, „даже самому маленькому городу“, который является „с своей важнейшей округой в несколько миль самостоятельной промышленной и коммерческой областью“ и „по необходимости изготовлял чуть ли не все промышленные продукты“. Следуя Макс Веберу,¹ Белов признал „городское хозяйство“ Бюхера, им, как мы видели, в известной мере исправленное и дополненное, идеальным типом² и тем укрепил его положение в исторической науке. Исследования последнего времени это его положение, несомненно, сильно поколебали, и если бы можно было еще называть его идеальным типом, то это уже не спасало бы его от краха, который мог бы быть предотвращен только в том случае, если бы понятие „городского хозяйства“ было перестроено заново, в соответствии с той реальной картиной хозяйственной жизни и социального строя средневековых городов, какую рисуют эти исследования. Об этом, как мы указывали в начале нашей работы, мечтал один из авторов этих исследований, внесший солидный вклад в дело подготовки почвы для этой перестройки учения о „городском хозяйстве“, которое он называл торсом, нуждающимся в переплавке.³

¹ Max Weber. Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis (Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, стр. 191).

² Georg von Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte, стр. 191.

³ Rudolph Häpke. Die Entstehung der holländischen Wirtschaft, стр. 12.

И. Л. МОРОЗОВ

„ГОРЕСТНАЯ ПРОФАНАЦИЯ“

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА
О РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. В ПАРИЖЕ)

I

Издатель сочинений Пушкина, критик и публицист, автор малоудачных беллетристических произведений и во многом любопытных мемуаров, — Анненков, войдя в литературу, сам, естественно, стал предметом историко-литературного изучения.

Хотя большинство специально посвященных ему работ появилось уже в советский период, почти все они заняты личной репутацией Анненкова и мало кого интересует его классовое лицо. Между тем именно классовая характеристика, не представляя особой сложности, оказывается тут вместе с тем политически чрезвычайно выразительной.

П. В. Анненков уже в 40-х годах (а как раз это хронологическое звено его биографии нас сейчас интересует) оформляется в качестве одного из типичных представителей той пошедшей по пути капиталистического перерождения группировки русских дворян-крепостников, которая накануне крестьянской реформы 1861 г. выступает застрельщиком в борьбе за „пруссский“ тип развития капитализма.

Анненков — сын симбирского помещика и сам помещик. Но было бы ошибочно трактовать его поэтому как типичного представителя „дворянской культуры, выросшей на почве крепостного труда“¹ и только; важно то, что он отразил тенденции перерастания дворянской культуры в культуру буржуазную.²

¹ Ст. Л. Гроссмана об Анненкове в Б. С. Э.

² В этом смысле характеризует Анненкова Н. Ф. Бельчиков (см. его ст. в „Очерках по истории русской критики“ под ред. А. В. Луначарского и В. Полянского, т. I, 1929).

Чем определяются особенности соотношения классовых сил в эпоху первых литературных дебютов Анненкова?

40-е годы XIX в. для России — канун революционной ситуации, приведшей к крестьянской реформе 1861 г., — реформе, которая, по характеристике Ленина, „есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)“, ¹ является „шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию“, ² „знаменует собой начало новой, буржуазной России, выросавшей из крепостной эпохи“, ³ когда „на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое“. ⁴

Буржуазное перерождение дворянства 40-х годов — факт, отмеченный в качестве типичного для хода классовой борьбы в России еще в 40-х же годах Энгельсом. В его статье о революционном движении 1847 г. читаем: „Даже в совершенно варварских странах буржуазия делает завоевания. В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа“. ⁵

Идеалы промышленного развития на капиталистической основе входят теперь в инвентарь неоспоримой школьной мудрости. „Быстрые, почти невероятные успехи мануфактурной промышленности в наше время, — так поучают рачительные наставники, — невольно обращают на себя внимание мыслящего наблюдателя. Постоянное усовершенствование фабричных производств, непрерывные открытия, обогащающие торговлю новыми изделиями, число фабрик и заводов, с каждым днем увеличивающееся, — все это кладет особый отпечаток на наш век, по справедливости названный промышленным“. ⁶

¹ Ст. 1911 г. „По поводу юбилея“, Соч., т. XV, стр. 93. (Здесь, как и всюду ниже, изд. 2-е).

² Там же, стр. 96.

³ Ст. 1911 г. „Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция.“ Соч., т. XV, стр. 143.

⁴ „О государстве“. Лекция в Свердловском университете II VII 1919 г., Соч., т. XXIV, стр. 373.

⁵ „Deutsche Brüsseler Zeitung“, 1848, т. 23, № 7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 247. (Здесь, как и всюду ниже, кроме особо оговоренных случаев, — изд. Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса, 1930.)

⁶ П. Александров — старший учитель: „О причинах быстрых успехов мануфактурных производств в настоящее время“. Сборник „Торжественное собрание Московской 3-ей реальной гимназии 31 VIII 1849“. М., 1849, стр. 4.

„Царствование Николая I навсегда останется памятным в истории русской промышленности, — так вторят им в учебных тетрадах прилежные воспитанники, — при нем она окрепла и утвердилась на отечественной почве; при нем свергнуто иго иноземных изделий и положено прочное начало своему, родному, отечественному производству. Если при Петре Великом только обнаружались производительные силы России, то при Николае I они развернулись в своем величии и блеске. Вот две главнейших эпохи в нашей промышленности“.¹

Анненков безусловно в числе „мыслящих наблюдателей“ — помещиков, высоко ценящих блага буржуазного прогресса. Стоит вспомнить хотя бы его собственные литературные воспоминания,² пересмотреть адресованную ему корреспонденцию,³ прочитать связанный с ним материал ряда мемуаров, чтобы увидеть, как прочно уже в 40-х годах прирос к насиженному месту этот абориген „западнического“ лагеря (в подавляющем умеренном большинстве своем лагерь идеологов „помещичьей «чистки земель» для капитализма“). Коренной вопрос политической программы „западников“ — признание необходимости отмены крепостного права — экономически нецелесообразного (особенно в эпоху 40-х годов, когда рост хлебных цен на мировом рынке энергично стимулировал интенсификацию помещичьего хозяйства), политически чреватого гибельными для помещиков последствиями (в виде все более и более грозного по своему размаху крестьянского движения). В истории русской общественной мысли XIX в. эпоха 40-х гг. и характерна именно тем, что здесь мы впервые имеем достаточно широкую постановку и довольно энергичное обсуждение (конечно, в рамках реакционного цензурного режима) выроставших на почве борьбы с крепостным правом социальных вопросов.

¹ Александр Степанов — „пансионер в бозе почившего императора Николая I“, см. „Краткий очерк состояния русской промышленности в царствование императора Николая Первого.“ Сборник „Речи воспитанников Московского Коммерческого Училища, произнесенные в торжественном собрании онго июня 30 дня 1856 г.“ М., 1856, стр. 4.

² Важнейшие из них недавно переизданы в сб. „П. В. Анненков. Литературные воспоминания.“ Изд. „Academia“, Л. 1928.

³ Основная опубликованная масса ее помещена в сб. „П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг.“ М., 1892, стр. 666.

„Если среди разнообразных, разнохарактерных, пестрых, мелких, пустых или важных современных событий в разных сферах человеческой деятельности, — читаем в „Современнике“ 1847 года, — мы мысленно остановимся на минуту, отрешимся от частных и отступим перед картиною современности на несколько шагов назад, чтобы лучше схватить черты общие, самые резкие, задающие тон всем остальным, то мы невольно будем поражены одним преобладающим явлением, пробужденным сознанием необходимости — устроить быт землевладельцев на прочном, правильном основании. Сознание это имели давно и весьма многие, но можно сказать, что никогда оно не достигало такой общности, не проявлялось так всеми возможными путями, как в недавнее время. Повсеместные разговоры, во всех кругах и на все тоны, множество статей в разных повременных изданиях, новые правительственные меры, — все это служит несомненным доказательством, что на пути этого сознания мы быстро идем вперед; друг человечества и России в тиши уединения радуется успеху, тогда как те, кто трудятся на поприще действительного осуществления этого успеха, заносят свое имя неизгладимыми чертами на скрижали истории и передадут его потомству на хвалу и благословение“.¹

Но „западнический“ лагерь не был единым. В нем имелись налицо серьезные идейные расхождения, отражавшие противоположность двух возможных путей развития капитализма — „прусского“ и „американского“, — путей помещицкой реформы и крестьянской ломки крепостничества.

В свете этой намечающейся классовой дифференциации приобретают отчетливый политический смысл и писательские дебюты Анненкова.

П. В. Анненков впервые вступает на литературную дорогу как автор писем из-за границы, посвященных впечатлениям от двух путешествий по наиболее крупным центрам Западной Европы.² На первом месте у него, конечно, — излияния, связанные с Парижем. Через все анненковские письма не слишком

¹ „Современник“, 1847 г., кн. VII, Отд. IV, Смесь. Современные заметки, стр. 78.

² См. „Письма из-за границы“ в „Отечественных записках“ 1841—1843 гг. и „Парижские письма“ в „Современнике“ 1846—1848 гг. Те и другие перепечатаны на страницах названного уже нами сборника „П. В. Анненков и его друзья“.

глубокой, прерывающейся, но все же рельефной бороздой проходит интерес к социальному вопросу на Западе; уже в этом одном раскрывается достаточно оформленная идейная направленность, никак не сводимая к беспредметному любопытству порхающего туриста.

Какова же классовая ориентация Анненкова? Насколько полной и последовательной представляется выдвигаемая им программа? Спешим внести ясность: речь идет не об анализе программы, законченно сформулированной на страницах специального политического трактата; нужно воспроизвести систему взглядов, взяв за основу отдельные разрозненно в письмах и статьях встречающиеся высказывания. Задача облегчается тем, что здесь мы при подборе материала имеем возможность не ограничиваться одной только печатной продукцией Анненкова: у нас в распоряжении есть также и неопубликованная часть его личного архива.¹

Среди архивных материалов наибольший интерес представляют письма Анненкова к братьям, относящиеся ко второму из упомянутых выше заграничных путешествий.² Правда они в основном — тематически и почти целиком хронологически — совпадают с соответствующими журнальными корреспонденциями: главная масса переписки поэтому серьезного самостоятельного интереса не представляет. Но ряд встречающихся здесь ярких деталей в комбинации с уже известными печатными источни-

¹ Имеем в виду бумаги П. В. Анненкова в архиве Института русской литературы Академии Наук СССР.

² Письма №№ 2—42, с 26 февр. 1846 г. по 14 июля 1848 г. (даты по нов. ст.) Из них №№ 36, 37, 39, 40, 41, 42 непосредственно связаны с революционными событиями 1848 г. в Париже. При дальнейших ссылках мы всякий раз приводим порядковый номер письма в общей серии.

В архиве ИРЛИ, помимо публикуемых нами писем, есть еще и другого рода материал на тему об оценке Анненковым революционных событий 1848 г. во Франции: это — папка № 5749 ХХХ б. 38 под названием „Записки о французской революции 1848 г.“ Здесь мы находим неизвестно кем переписанную незаконченную и недатированную записку (13 листов) о деятельности Люксембургской комиссии (в ней пропущено много очевидно неразобранных при переписке слов) и собственноручные черновые заметки Анненкова (тоже без даты) об июньских днях 1848 г. (7 листов). Заметки носят, однако, отрывочный характер, дают лишь общее представление о политической обстановке в начале июня 1848 г. и бегло характеризуют публицистику этого времени, обрываясь как раз на начале самого восстания.

ками позволяет по-новому, гораздо более выпукло и законченно, характеризовать классовое лицо их автора.

При первом беглом чтении родственная переписка Анненкова может показаться мало значительной в силу своеобразия одной типичной для нее установки. Анненков отнюдь не страдает ложной скромностью: дружеским вниманием он склонен поэтому удостаивать лишь избранных. В письме со скорбным излиянием по поводу болезни Белинского читаем: „Дурное известие о Белинском меня глубоко огорчает: это был единственный умный человек с сердцем и душой, с которым я в Петербурге мог проводить время в искреннем разговоре“.¹

Братья — два незамысловатых гвардейских офицера и прочая родня, принадлежащая к провинциальному помещичьему кругу, кажутся Анненкову не слишком серьезными корреспондентами. Тонкости литературных вопросов он недвусмысленно считает чересчур для них сложными,² политика, по его мнению, тоже вряд ли может казаться им сколько-нибудь интересной.³ И если в письмах все-таки находят свое отражение факты классовых битв и борьбы социальных теорий, если там зачастую попадают симптоматичные политические оценки и высказывания — значит такого рода темы сугубо остро задевают Анненкова, беспрестанно маячат у него перед глазами, до неотвязчивости упрямо напоминают о своей злободневности.

Анненков сам подчеркивает эту свойственную ему установку; передав, например, прения во французской Палате депутатов, связанные с Краковским разгромом 1846 г., он прибавляет: „Я бы вам об этом и писать не стал, если бы теперь предмет этот не составлял единственного разговора в Париже, за которым забыты театры, балы, выставки и лекции“.⁴ Тем более, стало быть, показательны данные нашего источника.

Как же на их основе вырисовывается классовое лицо автора писем? Из всей биографии Анненкова безусловно наиболее широко известен факт его личного знакомства и переписки с Марксом. Отсюда те из историков, которые едва ли знают еще какие-нибудь связанные с Анненковым факты, в случайных

¹ П. из Парижа 2 мая 1847 г., № 27, стр. 1.

² П. из Парижа 9 декабря 1846 г., № 16 стр. 3—4 и 20 марта 1847 г., № 23, стр. 3.

³ П. из Франкфурта 24 июля 1847 г., № 30, стр. 3.

⁴ П. из Парижа 4 февраля 1847 г., № 20, стр. 3.

упоминаниях называют его иногда „русским радикалом“. Если не целиком тождественная, то по общему смыслу аналогичная характеристика находит себе благодатную почву и в литературоведении; особенно показательна тут точка зрения П. Н. Сакулина, который, как известно, считал Анненкова чуть ли не социалистом.

Сам Маркс совсем иначе расценивал большую часть своих русских знакомых эпохи 40-х годов.

В письме к Кугельману 12 октября 1868 г. он, сообщая о переводе „Капитала“ на русский язык, писал: „Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся, не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими доброжелателями. В 1843—1844 годах в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом „Капитала“ на иностранный язык оказывается перевод на русский. Но этому не следует придавать большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее сласоедство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников» — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодьями...“¹

Один из самых показательных моментов для классовой характеристики „западников“ 40-х годов — их отношение к Николаевскому самодержавию — самодержавию, которое на протяжении всего XIX в. неизменно выступало как „европейский жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе“.²

Общеизвестны установки в этом вопросе представителей левого „западничества“ — идеологов оформляющейся револю-

¹ „Письма Маркса к Кугельману“. Перевод М. И. Ульяновой, предисловие Н. Ленина. Со вступ. ст. Э. Цобеля и прим. Ц. Фридланда. Изд. Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса, 1928, стр. 53.

² Ленин. Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? Вып. III. Соч., т. I, стр. 132.

ционной демократии: Белинского, пламеневшего негодованием к „гнусной российской действительности“;¹ Герцена, который „невыразимо грустно и тягостно“ переживал „весь ужас, всю трагическую сторону“ своего существования — „немое, тупое, глупое положение сосланного в пустой городишко“;² а позднее отточенным оружием политического памфлета пригвоздил „неаполитанскую пещеру рабства“ царизма; Сафонова, обрушившегося на николаевский режим сарказмом своих разоблачений;³ Бакунина, наконец, — сумевшего сочетать теоретическую критику русского самодержавия с практической борьбой на баррикадах европейской революции.

Не будет преувеличением сказать, что из всех звеньев царской политики на протяжении 40-х гг. едва ли не наиболее острую враждебность революционной демократии — особенно эмигрантских кругов — возбуждала великодержавная расправа с Польшей. Стоившая оратору высылки из Франции речь Бакунина на банкете в годовщину польского восстания (29 ноября 1847 г.) — типичный в данном случае пример.

Совсем иначе смотрит на дело Анненков; в нем кровавый разгром поляков (1846 г.) не вызывает никакого негодования. Наоборот, все ему за границей было бы по душе, „если бы происшествия в Позене, где открыт польский заговор, не наводили на всех грусти и уныния“.⁴ Уж не сочувствует ли он „заговорщикам“? Нисколько. Оказывается, „несмотря на превосходную погоду, на беспрестанные концертные вечера, на балы публичные, на всех лежит какое-то уныние по случаю новых глупых, мерзких, бесчестных волнений в Позене, Кракове и Галиции“.⁵ Отсюда естественный восторг перед самодержавным „усмирителем“. „Хотя я вообще мало говорю о политике, — читаем в том же письме, — и не люблю говорить об ней, однакож скажу, что вступление русского войска в блестящем виде в Краков прежде всех других,⁶ его решительность

¹ См. в особенности его известное письмо к Н. В. Гоголю 3 июля 1847 г. Письма, изд. под. ред. Е. Ляцкого, т. 3, стр. 230—239.

² См. Дневник 1842 г. Записи от 23 мая и 11 сентября. Полн. собр. соч., изд. под ред. М. Лемке, т. III, стр. 28 и 41.

³ См. напечатанную без имени автора кн. „La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne“. Par un russe. Paris, 1854.

⁴ П. из Берлина 26 февраля 1846 г., № 2, стр. 2.

⁵ П. из Кельна 16 марта 1846 г., № 3, стр. 2.

⁶ Здесь, как и ниже, в разрядку набраны подчеркнутые Анненковым слова.

и вместе с тем беспристрастие и справедливость произвели здесь весьма хорошее впечатление“.¹ Великодержавный шовинизм в тесном переплетении с верноподданнической преданностью не покидают Анненкова на всем протяжении переписки: „Скажу вам, — сообщает он братьям все в прежней связи, — весьма приятно как русскому, что об нас везде говорят. Сами демократы разделены на партию русскую и на партию противорусскую, и Россия у всех на языке, как вытверженный урок“.² „Мы“, „Россия“ — это, конечно, царская монархия, повинующаяся „законной“ власти самодержца. Критика Николаевского режима перед лицом нарастающей революционной волны, — недопустима и возмутительна. „Палаты, — пишет Анненков о французском „национальном“ представительстве, — вместо того, чтобы успокоить умы, возбуждают их непомерными ругательствами на правительства Австрии, Пруссии и на наше за Краковское дело. Как ни отвратительны все эти декламации, но несколько утешительно замечать, с каким страхом говорят они про Россию, с каким убеждением в твердость руки, которая управляет ею, и в великость судьбы, ей предоставленной“.³

Держкие выпады французской парламентской „опозиции“, бессильной и неспособной ни на что решительное, — в конце концов просто комичны. „А смешно иногда бывает в Палатах. Например, все кричат об оскорблении, будто бы нанесенном им Краковским делом, ругают посторонние государства, а как дело придет к результату, т. е. к войне, все на попятный двор, потому что не готовы, ни денег, ни средств нет, да и оппозиция, которая более всех кричит, не смеет взять на себя этой ответственности. Не далее как вчера начальник ее Одиллон Барро говорил, что трактаты 1815 г. более не связывают Францию, Гизо говорил, что они нарушены, но все-таки связывают, и наконец помирились на том, что хотя и не связывают, да сами они хотят быть связаны. Такая путаница. Разумеется уж, что оскорбительных выражений на нас, Пруссию и Австрию, особенно на эту, было вдоволь. Нынче 4 февраля н. с. в четверг говорил по этому же делу Тьер и вероятно в том же смысле. Как ни любопытно, но я уже не пошел, потому что до крайности

¹ П. из Кельна 16 марта 1846 г., № 3, стр. 4.

² П. из Парижа 23 ноября 1846 г., № 14, стр. 3—4.

³ П. из Парижа 23 января 1847, № 19, стр. 2—3.

устали уши и глаза“.¹ Понятно, что всякого рода „оскорбительные выражения“ не имеют в данном случае ровно никакой почвы: французы, ведь, вообще совершенно превратно толкуют русскую действительность. „Здесь открылась публичная выставка картин и статуй, — сообщает Анненков, — ну подумайте, и там не могли обойтись без живописного вздора о России. Какой-то господин представил гонку в Сибирь преступников, которую, живя на Кресте в приходе Ильи Пророка, я имел счастье видеть каждые вторники и пятницы. Совсем не похоже сделал художник. Мужик, который прикован к солдату, походит на Минина, солдат точь в точь из Наполеоновской гвардии, больные, наваленные в телегу, лежат слишком грациозно и живописно, а казаки около них гарцуют точно на Петергофской скачке. Разукрасил шельма самую ссылку в Сибирь. Здешний народ останавливается перед картиной и говорит: «ce sont des martyres». Да бог с ними“.² Благодушная концовка недвусмысленно мотивирована в одном из более ранних писем. „Смешит здесь всех пиеска в Палерояле, — делится парижскими новостями Анненков, — „Une fièvre brûlante“, в которой действующее лицо русский дипломат M-r Remordoff. Его играет уморительно актер Грассо. Это старик в екатерининском мундире, со звездами, множеством крестов на шее и на груди и который женился на актрисе французской, волочитя за гризетками, уморительно танцует на публичном бале. Он рассказывает, что у него в России есть четыре тысячи мужиков в Архангельске, которыми он живет, т. е., если, говорит, нужно мне купить лошадь, я плачу три мужика, если батистовой платок — плачу две девки с половиной, и даже за ложу в театре вношу маленькими мужичками. Его дурачат, смеются над ним, хотят увести жену и проч. Партер заливается от хохота, я тоже хохотал. Стоит ли сердиться? Особливо теперь, когда под всеми насмешками и нападками видно невольное уважение к народу, который видимо, кроме политического влияния, старается еще сам себя улучшить, образовать, определить себя“.³

Мы уже видели, что у Анненкова задачи этого помещичье-буржуазного самоопределения целиком укладываются в рамках Николаевского режима. Он принципиальный противник какой-

¹ П. из Парижа 4 февраля 1847 г., № 20, стр. 2—3.

² П. из Парижа, полученное 6 апреля ст. ст. 1847 г., № 25, стр. 3—4.

³ П. из Парижа 20 марта 1847 г., № 23, стр. 3.

либо иной организации политической власти, кроме самодержавия. Парламентаризм, по крайней мере, третируется в письмах с великолепным презрением.

„Летом я очень близко буду к вам — сообщает Анненков братьям, — может быть именно в Пруссии — там заведена теперь также система парламентской болтовни, то мне любопытно будет послушать как немцы разглагольствуют“.¹

При всем том высокоинтеллигентный друг Белинского — передовой ценитель глубин науки и красот искусства — „бесстрашно“ увлекающийся вдобавок „крайними“ революционными учениями — на протяжении всей переписки не перестает видеть в себе коренного русского помещика. Самому заниматься хозяйством ему, правда, отнюдь нет охоты. Главная в жизни отрада для него — путешествия. „Перенеситесь-ка разок мыслю в мое положение, — зывает Анненков к братьям: — ты, Ванюша, может быть это поймешь, ибо вероятно не думаешь, что я могу найти удовольствие в ходах по судам, распоряжении мужиками и во всех этих дрязгах, которые теперь, клянусь честью, наполняют меня отвращением и грустью при одной мысли“.²

Отвращение и грусть не мешают однако постоянно держаться в курсе хозяйственных интересов. Сетования по поводу неурожая,³ заботы о повышении доходности имений,⁴ учет колебания хлебных цен,⁵ рационализаторские предложения, касающиеся приемов ведения хозяйства,⁶ — разбросаны на всем протяжении переписки.

И наконец — что в классовом смысле всего выразительнее — Анненков отчетливо сознает прямую обусловленность своего жизненного благополучия фактом эксплуатации крестьянского труда. Виденный в Париже балет „где действие происходит в Польше, но все действующие костюмированы по-русски: женщины в кокошники, мужчины в белые кафтаны с шитьем из снурков по швам, в сапожках и шароварах“ — наводит его на скорбные мысли. „У меня сердце вздрогнуло, — пишет Анненков, — что если бы наши парни и молодичи были такие хоро-

¹ П. из Парижа 22 апреля 1847 г., № 26, стр. 2.

² П. из Парижа [конец апреля 1848 г.], № 39, стр. 2.

³ П. из Парижа 9 декабря 1846 г., № 16, стр. 1.

⁴ П. из Парижа 23 января 1847 г., № 19, стр. 1.

⁵ П. из Парижа 20 марта 1847 г., № 23, стр. 1.

⁶ П. из Парижа 2 мая 1847 г., № 27, стр. 3—4.

шенькие, но тогда бы они хлебушку делать не стали, и я бы балет не видел".¹ Неудивительно, если передовой интеллигент столь недвусмысленного классового обличья сугубо насторожен по отношению ко всему тому, что ощутительно грозит помещичье-буржуазному „равновесию“. Социалистические доктрины способны еще внушить ему платонический интерес, зато практика классовых столкновений находит в нем явного недоброжелателя. С бдительностью врага регистрирует он факты массовых революционных выступлений, с враждебной брезгливостью сообщает о них братьям.

„Здесь, в дальней части города, в предместье св. Антония, — читаем в одном из первых же парижских писем, — происходило некое волнение, которого мы, живущие в блестящих частях города и не видали — так скоро его придавили, да и все-то оно походило на школьничество. Собрались около булочной требовать хлеба, а как хлеб привезли — так уж никто не хотел хлеба. Тут-то и забрали зачинщиков и буянов, рассадили по тюрьмам, где по годику или другому их продержат для охлаждения крови. Сия последняя жидкость бесчеловечно была пролита на днях в Женеве. Я начинаю думать, что провидение, видя, что я бездомный холостяк и присмотреть за мной некому, взялось само за эту работу. Подумайте: через неделю по выезде моем из Женевы там бунт, резня и с одной стороны города дают 200 выстрелов из пушек на другую, и прямо на тот трактир, где я останавливался. Я как-то все около несчастий верчусь и их объезжаю — то землетрясения, то происшествия железных дорог, то бунты“.²

Циничный показ рабочего восстания дополняется помещичьим негодованием по адресу „взбунтовавшихся“ крестьян.

„В одном северном департаменте — пишет Анненков — народ взбунтовался, стал ходить по всем деревням, грабить замки, принудил продавать хлеб торговцев по 3 франка вместо 7-ми, как он стоит, и убил двух из них, которые не соглашались. Послали войско из Парижа и вероятно там восстановят порядок, но дурной пример сообщился другим департаментам, и есть слухи, что в окрестностях Парижа начинают появляться разбойничьи шайки“.³

¹ П. из Парижа 5 ноября 1846 г., № 13, стр. 4.

² П. из Парижа 15 октября 1846 г., № 12, стр. 2.

³ П. из Парижа 23 января 1847 г., № 19, стр. 2.

Страшны, впрочем, не только массовые движения — хотя бы в виде рабочих и крестьянских „бунтов“ на почве кризиса и неурожая. Столь же губительными результатами грозит и деятельность разного рода „тайных обществ“. При всем своем (как мы видим сугубо платоническом) интересе к теоретическому обоснованию новейших социальных доктрин, Анненков оказывается беспомощным и вместе с тем оголтело неразборчивым в оценке практической работы революционных организаций. И действительно, стоит ли тут входить в детали политической характеристики: все, что так или иначе направлено к подрыву основ „порядка“, — одинаково возмущает благонамеренного помещичье-буржуазного интеллигента.

Вот, например, один из „разбойничьих процессов“, которые наряду с гастрольями корифеев итальянской оперы „тоже занимают публику“ — „история с бомбами в 1847 г., в которой, — по замечанию Маркса, — прямое участие полиции обнаружилось откровеннее, чем во всех прежних историях“.¹ Анненков несколько не задумывается над провокационным характером дела.

„Нынче судят, например, — развивает он свою мысль о „разбойничьих процессах“, — общество, которое приготавливало бомбы и зажигательные снаряды, чтоб при случае зажечь город и произвести возмущение. Эти переходы от изящества к мерзостям здесь на каждом шагу“.² Совершенно такой же озлобленно враждебной квалификацией сопровождается и сообщение о деятельности подлинно рабочей подпольной организации. „Правительство держит ухо востро, — пишет Анненков, — и на днях похватило членов тайного общества, имевшего название „Société des matérialistes“, которые состоят большею частью из мастеровых, отвергают религию, жизнь принимают как наслаждение и, не имея его по своим средствам, дозволяют добывать его всякими средствами“.³

Клеветнический характер этих строк становится особенно явственным при сопоставлении их с отзывом Энгельса. В письме его к Марксу из Парижа 9 марта 1847 г. читаем: „Здесьняя полиция теперь очень зла. Производит впечатление, что она всеми силами старается создать мятеж или массовый заговор по поводу голода. Сперва она распространяла разного рода

¹ Рецензия на кн. А. Шеню и Л. Де-ла-Одда. Соч., т. VIII, стр. 303.

² П. из Парижа, октябрь 1847 г., № 33, стр. 3.

³ П. из Парижа 4 февраля 1847 г., № 20, стр. 4.

печатные произведения и расклеивала placats incendiaires, а теперь она даже распространяет машины для поджигания, которые, однако, не были зажжены, для того, чтобы лавочники могли почувствовать всю дьявольскую злобредность мятежников. При этом она затеяла еще прекрасную историю с communistes-matérialistes, арестовала массу народа, из которых А знает Б, Б—В, В—Г и т. д. и на основании этого знакомства и некоторых свидетельских показаний превратила всю эту массу по большей части незнакомых друг с другом людей в одну „шайку“. Процесс этой „шайки“ должен скоро слушаться, и если к этой новой системе прибавить еще старое Complicité morale, то можно очень легко осудить любого человека“.¹

Таким на основании родственной переписки (данные нашего источника надежно подкреплены братской откровенностью автора) рисуется классовое лицо уже в эпоху 40-х гг. вполне оформившегося идейного предшественника тех „либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью“,² о которых полустолетием позднее писал Ленин. „Почвенность и трезвенность“ в данном случае положительно непоколебимы: они приводят к прочной убежденности в том, что, несмотря на ряд отдельных „бунтарских“ вспышек, никакие серьезные социальные потрясения во Франции невозможны. „Между прочим, — не без самоуверенности пытается философствовать Анненков, — по моему, лучший признак, что уже никогда более Французская революция, которой по справедливости все ужасаются, повториться не может, есть тот, что об ней стали писать бесчисленное множество увражей“.³

„Философия“ оказалась насквозь гнилой: „оружие критики“ очень скоро уступило место „критике оружием“. Тем нежданнее оказался поворот событий для Анненкова.

II

Революционная борьба 1848 г. в Париже проходила на глазах у ряда русских современников, так или иначе отражаясь затем в их переписке и воспоминаниях; неудивительно, если посвя-

¹ Соч., т. XXI, стр. 66—67.

² Ст. 1902 г. „Революционный авантюризм“. Соч., т. V, стр. 145.

³ П. из Парижа 4 февраля 1847 г., № 20, стр. 3.

щенная этой теме эпистолярная и мемуарная литература дает нам многоцветный спектр несхожих друг с другом политических характеристик.¹

Чтобы не перегружать изложения, берем только два взаимно противоположных звена общей цепи, в классовом смысле едва ли не самые выразительные: донесения Я. Н. Толстого² и письма Герцена.³

С одной стороны — агентурная сводка царского охранника с верноподданнической старательностью составленная, насыщенная помещичье-реакционным озлоблением, изо дня в день фиксирующая ход событий — на потребу самодержавному душителю революции. С другой — отклик-протест революционного демократа, не до конца разобравшегося в диалектике классовой борьбы капиталистического общества, обремененного еще грузом мелкобуржуазных иллюзий и предрассудков, но безоговорочно, непримиримо, огненно разящего победителей-„мещан“, пораженного самоотверженным героизмом раздавленных „инсургентов“.

¹ Подчеркиваем, что речь у нас идет о материале, исходящем от непосредственных свидетелей революционной борьбы — от тех русских современников, которые сами находились в 1848 г. в Париже. Литературные отклики на революцию 1848 г. внутри России — исторический источник совсем иного качества — нами умышленно оставляются в стороне; сводку их, различную по степени полноты, читатель может отыскать в след. работах:

А. А. Шилов. Революция в 1848 г. и ожидание ее в России. „Голос Минувшего“, 1918, № 4—6, стр. 231—247.

М. Балабанов. Россия и европейские революции в прошлом. Вып. II, Революция 1848 г. ГИЗ Украины, 1924, стр. 175.

И. Браславский. Революция 1848 г. и Россия. „Кр. Новь“, 1928, № 3, стр. 155—180.

А. С. Нифонтов. 1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов. Соц.-эк. изд., 1931, стр. 207.

Отметим кстати еще один любопытный источник — подробное описание революционных событий 1848 г. во Франции русским очевидцем, которого все перечисленные выше авторы предали незаслуженному забвению: это — „Отрывки из заграничных писем (1844—1848) Матвея Волкова“. СПб., 1857, стр. XVIII + 552.

² „Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого“. Центрархив, 1925, стр. 182.

³ См. в особенности письмо к друзьям 2—8 августа 1848 г., написанное под впечатлением совсем недавно пережитого. Сб. „А. И. Герцен. Новые материалы“. К печати подготовил Н. М. Мендельсон (Историко-революционная библиотека журн. „Каторга и ссылка“, № 5 (17), М., 1927).

Если Я. Толстой с бесрассудством бешеного врага видит в баррикадных бойцах только „субъектов, принадлежащих к подонкам населения“, „орды вандалов“, „банды бродяг“¹ — „чернь“, охваченную „жаждой жгучей мести“, обдумывающую „самые жестокие преступления“, мечтающую „только об убийствах и поджогах“², то для Герцена революция означает „борьбу между гнилой, отжившей, бесчеловечной цивилизацией и новым социализмом“. „Террор гадкий, мелкий, — поймите, террор ретроградный, со всей тупостью французской буржуазии, самой глупой части европейского населения, для которой какой-нибудь Кавеньяк гений, оттого, что не остановился перед бойней, и Тьер гений, оттого, что в его душе отроду не было чувства чести“³ — вот что преисполняет негодованием русского революционного демократа.

Таков диапазон классово-разнородных оценок. Какое место среди них занимают впечатления Анненкова?

Как известно, в 60-х годах Анненков выступил с воспоминаниями, специально посвященными революционным событиям 1848 г. в Париже.⁴ Трезво учитывая политический смысл предприняемого мемуарного экскурса, он с первых же строк писал: „В жизни целых обществ, как и в жизни частных лиц, воспоминание о тех событиях, которые изменили коренные основы их существования, играет, разумеется, весьма значительную роль. С воспоминанием о таких событиях рука об руку идет, для лиц и обществ, целый ряд моральных соображений, нравственных и политических выводов, которые клонятся к тому, чтобы ограничить печальное действие исторического факта, если он был неблагоприятен; распространить или усилить его влияние, если он был полезен и благотворен“.⁵

Понятно, что перед лицом назревшей революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х гг. классовая позиция помещичье-буржуазного мемуариста продиктовала ему в качестве руководящей установки первую из этих двух вообще возможных задач.

¹ Сб. „А. И. Герцен. Новые материалы“, стр. 16—17.

² Стр. 90.

³ Стр. 46.

⁴ Ст. „Февраль и март в Париже 1848.“ Перепеч. в кн. „Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. Отд. I, 1849—1868“. СПб., 1877. По этому изданию приводятся цитаты в нашем тексте.

⁵ Ibid., стр. 241.

Анненковские воспоминания — не до чрезмерности заостренный, но вполне явственный либеральный пасквиль на революцию: события, развернувшиеся в 1848 г. в Париже, для автора — „бунт“, который „родился преимущественно на улице, там вырос, там и кончился“.¹ Хвастливо подчеркивающий свою способность улавливать всегда основной смысл наблюдаемого,² Анненков на этот раз не видит перед собой ничего, кроме разгула буйной уличной „толпы“ („она именно составила... „парижский народ“ официальных демократических источников“ — с ехидством бросает он в одном месте)³, сокрушающей общественные устои, расхищающей культурные ценности, руководимой низменными честолюбцами или безнадежными фанатиками. И уж конечно парижские события 1848 г., по его мнению, должны быть отнесены к числу „явлений случайных, не продуманных и не подготовленных предшествующим развитием“.⁴

Может быть, однако, столь рьяно антиреволюционная установка оказывается типичной для Анненкова лишь в позднейший период, когда, по его собственному признанию, „время надежд, гаданий и всяческих аспираций... уже прошло“?⁵ Развернутая нами выше характеристика его классового лица заранее наводит на противоположный вывод.

Действительно, руководящий тон переписки таков же, как и воспоминаний: только в письмах авторские впечатления отражены несравненно острее, а братская откровенность позволяет пренебречь условностями литературной формы.

Мы уже видели, как Анненков ухитрился по своей политической близорукости совсем не заметить нарастания революционной волны. Февральские события явились для него в полном смысле трагической неожиданностью. Еще за какой-нибудь месяц перед тем все как будто бы обстояло нормально и благополучно — последнее письмо 1847 г. заполнено соображениями и новостями, никак не выходящими за

¹ Ст. „Февраль и март в Париже 1848“, стр. 242.

² Ibid., стр. 256: „Мы отбираем только самые крупные черты революции и только те, которых были сами свидетелями“.

³ Ibid., стр. 266.

⁴ Ibid., стр. 277.

⁵ Ст. „Замечательное десятилетие 1833—1843“ в кн. „Лит. восп.“, 1928, стр. 487.

пределы семейных интересов. И вдруг — внезапный удар. Прочтите страницы, написанные под свежим впечатлением февральских дней (п. 28 февраля): в них на первом плане злобный ужас автора при виде „разнузданной“ революционной стихии — в классовом смысле настроение весьма естественное. Только им дело, однако, не исчерпывается. Анненков далек от беспросветного пессимизма: он по своему достаточно трезвый политик для того, чтобы с самого же начала революции сквозь всеобщий хаос разглядеть и оценить самоотверженные старания новых друзей „порядка“. Временное правительство, по характеристике Маркса, не могшее быть „ничем иным как компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны“,¹ призванное в первую очередь „завершить господство буржуазии“, ибо „рядом с финансовой аристократией получили доступ к политической власти все имущие классы“,² „главную свою заслугу“ полагавшее „в том, чтобы никого не пугать, а напротив самому всего страшиться“³ — правительство это, как видим, представляется Анненкову вполне заслуживающим доверия. Особенно благонадежным выглядит в его глазах Ламартин — „поэтический социалист“, как известно еще до революции рьяно доказывавший „вечность буржуазной собственности“,⁴ теперь — „революционный“ министр, умеющий быстро столкнуться с дипломатическим агентом реакционного самодержца.⁵

К сожалению только похвальные усилия правительства парализуются его неспособностью возглавить и повести за собой в желательном для нашего автора направлении массы. „Мягкой податливостью да беззащитностью“ — говорит Маркс о февральской республике 1848 г. — старалась она „отстоять свое существование и обезоружить врагов“. ⁶ Это обстоятельство особенно беспокоит Анненкова, способного теперь отда-

¹ „Классовая борьба во Франции“. Соч., т. VIII, стр. 8.

² Ibid., Соч., т. VIII, стр. 10.

³ Ibid., стр. 14.

⁴ Маркс. Ламартин и коммунизм, Deutsche Brüsseler Zeitung, 1847, XII, 26, № 103. Соч., т. V, стр. 237—238.

⁵ См. ст. М. Н. Покровского „Ламартин, Кавеньяк и Николай I (страничка из истории февральской республики 1848 г.)“ в сб. „К 75-летию революции 1848 г.“ М., 1923.

⁶ „Классовая борьба во Франции“. Соч. т. VIII, стр. 14.

вать себе отчет в классовом существе уже разразившихся и еще надвигающихся революционных потрясений.

Характерно при этом подчеркнуть, где видит Анненков главную опасность. Она для него — в самостоятельных политических выступлениях революционного пролетариата. „Этого даже и в старую революцию не было, — напоминает он, — вот почему настоящая гораздо ужаснее прежней. Теперь идет дело, как бы сделать работника владельцем части того, что он работает по заказу, как бы сделать земледельца владельцем части чужой земли, которую он обрабатывает по найму; разумеется фабриканты и владельцы земли будут сопротивляться... Но зло раскинуто, и если вы удивляетесь, что здесь еще кой-как спокойно, так знайте, это от того, что битва отложена до Национального собрания“.¹

Классовые противоречия становятся таким образом все напряженнее. „А афиш, а программ, как не работая получать деньги, а новых религий, а новых систем, а воззваний, а спекуляций — тучи, тучи!“²

Тучи чреватые потоками революционной грозы, но „здравый смысл лучшей части народа“ кажется Анненкову надежным громоотводом. Это именно она, по мысли нашего автора, — „лучшая часть народа“ активным вмешательством своим подавляет революционно-демократическое выступление 16 апреля — выступление, спровоцированное „Временным правительством вместе с буржуазией“ — первую стычку „в великой классовой борьбе, таившейся в недрах буржуазной республики“.³ Это именно ее „здравый смысл“ призван определить настроение предстоящего Национального собрания, которое, „являлось живым протестом против ожиданий февральских дней и должно было пригнать результаты революции к буржуазной мерке“.⁴ Тут временами возвращается к Анненкову веселость (П. № 39, не датированное, но, как видно из текста, относящееся к последним числам апреля, стр. 3—4).

Тем возмутительнее попытки вновь потрясти восстанавливающийся „порядок“, тем более похвальны дружные действия тех, кто способен быстро и решительно „бунт“ ликвидировать.

¹ П. 9 марта 1848 г., № 37, стр. 2—3.

² Ibid., стр. 4.

³ Маркс. Классовая борьба во Франции. Соч., т. VIII, стр. 20.

⁴ Маркс. Восемнадцатое Брюмера. Соч., т. III, 1921, стр. 141.

В этом смысле оценка событий 15 мая, когда пролетариат сделал „безуспешную попытку вернуть себе свое революционное влияние“, ¹ легко выдерживает сравнение с соответствующей реляцией Я. Толстого. Нисколько не интересуясь содержанием политической программы переворота (в разгаре классовых битв ему уже не до абстрактно-теоретических увлечений), Анненков просто квалифицирует его как „возмущение“ алчной до грабежей толпы, едва не приводящее страну на край гибели (П. № 40, полученное 7 июня ст. ст.). Столь же безапелляционная оценка выступает как сама собою разумеющаяся и на дальнейших страницах переписки. Недаром в гуще далеко не прекратившегося после майских дней общественного брожения наиболее грозным фактором представляется Анненкову та, как он думает, несомненная подготовка к новым революционным схваткам, которую можно усмотреть среди рабочих. И если кое-что из наблюдаемого оценивается еще в письмах тоном мало озабоченной иронии, то рабочие „разговоры“ для нашего автора дело во всяком случае никак не шуточное. Характерный в этом смысле переход от комического к сугубо серьезному дает нам только что указанное письмо. Приведа здесь серию конгр-революционных анекдотов на „революционные“ темы, Анненков затем, точно спохватившись, сразу меняет тон и меланхолически заключает: „Но вы понимаете, что при этой свободе осмеивать и ругаться над властью, управление делается почти невозможным, да к этому еще следует прибавить, что работники, которых даром уже не хотят кормить, как в начале революции, составляют заговоры и приготавливаются к новой битве. Что из этого выйдет, бог знает.“ ²

Нараставшие противоречия, как известно, разрядились героическим восстанием пролетариата и последовавшей за ним кровавой бойней. Момент высшего обострения открытой гражданской войной во Франции естественно занимает место центрального звена и в откликах современников на революцию 1848 года. Именно здесь с особенным ожесточением сталкиваются противоречивые мнения и оценки.

Маркс и Энгельс сразу же сумели разглядеть, что июньское выступление рабочих „разрастается в грандиозную

¹ Маркс. Классовая борьба во Франции. Соч., т. VIII, стр. 2—3.

² П. № 40, стр. 14 (получено 7 июня ст. ст.).

революцию пролетариата против буржуазии“¹, что в Париже начата „гражданская война в своем самом страшном обликии, война труда и капитала“;² вскрыв, таким образом, классовое существо борьбы, они дали и ее „чисто военное описание“, „чтобы показать... с каким геройским мужеством, с каким единодушием, с какой дисциплиной и с каким военным искусством дрались парижские рабочие“.³

Мы уже представили диапазон расхождений во взгляде на предмет у русских современников событий — цитированные выше строки Я. Толстого и Герцена имеют, конечно, в виду прежде всего и больше всего именно июньские дни. А два очередных письма Анненкова — последние из имеющейся у нас в руках серии — только красочно завершают ту основную политическую линию, которая недвусмысленно наметилась с самого начала переписки. Анненков по своему оценивает классовый смысл борьбы достаточно трезво для того, чтобы, несмотря на всю отгалкивающую видимость, приветствовать контр-революционный террор — „страшный... и благодетельный“.⁴ На общем фоне разрисованной в переписке „отвратительной“ картины выступает только одна энергичная фигура, умеющая действовать „неимоверно-полезно“ для классовых друзей Анненкова. Генерал Кавеньяк — „усы и солдатский мундир“ прославивший „как высшее воплощение общественной мудрости, как руководителя и спасителя общества“⁵ — он то уж лучше всякого другого сумеет водворить необходимый „порядок“. И Анненков с видимым сочувствием пересказывает братьям методы „работы“ контр-революционного „усмирителя“ (П. 14 июля 1848 г.).

На этом обрывается находящаяся в нашем распоряжении серия писем. Вряд ли она вообще могла иметь сколько-нибудь существенное продолжение — в октябре 1848 г. наш „случайный и почти невольный очевидец“⁶ революционных событий оказался

¹ „Июньская бойня в Париже и ее влияние на Германию“. Статьи из „Neue Rheinische Zeitung.“, Соч., т. VI, стр. 197. Подробнее об этом см. в книге А. И. Молока „Карл Маркс и июньское восстание 1848 г. в Париже“, 1934, стр. 191.

² Ibid., стр. 198—199.

³ Ibid., стр. 210.

⁴ П. 4 июля 1848 г., № 41, стр. 3.

⁵ Маркс. Восемнадцатое брюмера. Соч., т. III, 1921, стр. 151.

⁶ „Февраль и март в Париже 1848 г.“, стр. 242.

уже в пределах „тихой, спокойной, счастливой России“.¹ Правда, „тишина“ была гробовой, а „счастье“ более чем сомнительным, но объяснялось и оправдывалось это „ужасом февральской революции, с которой начинается царство мрака в России, все увеличивавшееся до 1855 года“.²

Письма, посвященные непосредственно событиям 1848 г., как видим, с особенной выразительностью характеризуют классовое лицо их автора. Политическая заостренность их совершенно понятна: страх перед революцией — самый властный стимул, заставляющий помещичье-буржуазного интеллигента сразу же смыть грим „либерализма“. Кой-какие следы румян еще остаются: Анненков морщится при виде разгула контрреволюции — орудийная пальба, ведь, все-таки режет ухо, а на улицах — кровавая грязь, скверно действующая на нервы, — но всем существом своих классовых симпатий он, конечно, — в лагере носителей реакционного террора. С его точки зрения учиненная народом „горестная профанация“ заслуженно карается „страшной, но благодетельной“ расправой Кавеньяка. Недаром Герцен сразу же почувствовал, что расходится с Анненковым в оценке только что пережитой обоими вместе революции. „Наш друг Поль, который написал вам хронику целую о всех происшествиях с 24 февраля,³ — сообщал он в уже цитированном письме к друзьям из Парижа 2 августа 1848 г., — не может никак стать обеими ногами на революционной terrain“.⁴ Едва ли нужно пояснять, что „друг Поль“ отнюдь к этому и не стремился.

Боязливая ненависть к революционной борьбе, так отчетливо отраженная братски интимной корреспонденцией, — не только личное настроение Анненкова. „Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе, — говорит В. И. Ленин, — крайняя революционность мужика, до-

¹ О времени своего возвращения из-за границы он сам сообщает дважды: в „Замечательном десятилетии“ („Лит. восп.“, изд. „Academia“, стр. 487) и в недавно только опубликованном очерке: „Две зимы в провинции и деревне“ („Былое“, № 18, 1922, Сообщ. Н. Лернер, стр. 4).

² Указ. очерк в журн. „Былое“, стр. 6.

³ Одним из вариантов этой „хроники“ — единственным пока известным — и являются публикуемые ниже письма.

⁴ Сб. „А. И. Герцен. Новые материалы“, стр. 47.

веденного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискаций помещичьих земель — вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контр-революции“.¹

Письма Анненкова лишний раз подчеркивают закоренелость этой контр-революционной „традиции“ российского помещичье-буржуазного либерализма даже на самых первых этапах его идейного оформления. Тем актуальнее значение переписки как исторического источника.

П. В. АННЕНКОВ — БРАТЬЯМ

1

27 февраля.² Париж.

Любезные братья! Здесь случилось событие, никем не ожидаемое, страшное в своих последствиях и от которого никто еще в себя притти не может.

В четверг 24 февраля (12 с. с.) народ взял приступом Палероаль и, предав дворец его разграблению (лавки и частные жилища тронуты не были), направился в Тюльери, из коего за час перед тем король, уже отрекшийся от престола, убежал тайком с королевой, двумя внуками и одной принцессой в извозищем кабриолете, причем последняя сидела вместе с кучером. Они достигли С. Клу, оттуда Версали и теперь вероятно находятся в Англии. Народ рассыпался по Тюльерийскому дворцу, стреляя из всех окон его на воздух, трубил в трубы, бил в барабан и словом совершил в этом жилище старых французских королей и Наполеона самую полную и горестную профанацию. В это время герцогиня Орлеанская с графом Парижским, младшим своим сыном, герцогами Немурским и Монпансье находилась в Палате депутатов, где они старались удержать корону Франции на голове молодого графа Парижского, встречая однакож сильное сопротивление в оппозиции. Все дело покончил народ, ворвавшийся в Палату с ружьями, пиками и саблями. Герцогиня упала в обморок, за ней вынесли кое-как детей на руках. Герцог Немурский, переодевшись, выпрыгнул в окно, и теперь еще никто не знает где они все. Между тем наскоро составили при адском шуме и смятении правительство из радикалов, к которому присоединился Ламартин, вероятно из желания спасти отечество свое от конечного разрушения. Их всех повлекли в ратушу (Hotel-de-ville) и там престол объявлен

¹ Ст. 1908 г. „К оценке русской революции“, Соч., т. XII, стр. 206.

² Даты здесь и всюду ниже, кроме особо оговоренных случаев, — по новому стилю.

упраздненным и основана Французкая республика. После этого наступила ночь — страшная. Париж был без властей, без магистрата, без полиции и с вооруженным народом, пьяным от триумфа и вина. Никто не спал, я думаю, в эту ночь в Париже, но она прошла благополучно. Слышны были только революционные песни, выстрелы на воздух со всех сторон, но ни пожара, ни грабежа не было. Вы не верите глазам своим, да и я еще теперь на третий день, когда все поуспокоилось, едва могу притти в себя от недоумения и ужаса.

Этому невообразимому дню предшествовали два других дня (22 и 24 числа) сшибок между войском и народом на разных пунктах города. Дело началось у дома Гизо — народ в это время требовал только электоральной реформы. Потом битва перенеслась подальше в улицу С. Мартен и С. Дени. Старик Бюжо с артиллерией, пехотой и конницей уже побеждал возмущение, когда вступила в дело национальная гвардия, объявив себя на стороне народа, и криками своими „à bas Guizot, vive la Réforme!“ дав перевес бунту. Она и не воображала, чем это все кончится. Король сменил тотчас же Гизо: это было в среду. Тогда начались по городу страшные, чудовищные прогулки при свете факелов, при песнях и криках. Толпы оставались и приказывали освещать весь город в знак радости от падения Гизо. Чем далее шло, тем яснее видно было, что национальная гвардия не может сдержать в границах всю эту массу, которую она приняла под свое покровительство. Один случай порешил все. Поздно в среду одна такая толпа с факелами наткнулась на войско, охранявшее дом Гизо; какой то молодой офицер скомандовал огонь, войско дало залп — толпа хлынула назад, крича в неистовстве: „aux armes, trahison, vengeance!“ В ночь с среды на четверг весь город покрыли баррикадами, а в четверг революция уже шла как злая чахотка. В 6 часов утра король назначил министрами Одильона Барро и Тьера, в 10^{1/2} — отрекся от престола в пользу графа Парижского, в 12 — спасался из Тюльери, в 3 часа уничтожалась Палата депутатов, а в 5 объявилась республика. Уму непостижимо, особенно если вспомнить 18-летние приготовления короля Луи Филиппа ко всякой атаке и 30 тысяч человек войска, которые, говорят, были у него перед дворцом на Карусельской площади, но войско было уже деморализовано и везде браталось с народом.

Разумеется, я здесь не могу вам описывать всех сцен битвы, смятения, торжества, все подробности этой грозы, которая прошла у меня перед глазами. Скажу только, что она нагнала на меня лихорадку и до сих пор слышатся у меня в ушах песни, вопли, выстрелы.

Новое правительство делало в пятницу невероятные усилия, чтоб подчинить народ порядку и организовать возмущение. Ламартин не сходил почти с крыльца ратуши и встречал одну

толпу за другой. Другие члены тоже — наконец им удалось овладеть движением. Они декретировали 24 батальона новой национальной гвардии из работников, поместили в нее почти всех вооруженных, раскассировали по батальонам старым, и теперь эти люди, вчера дравшиеся как звери, держат позицию и беспощадно расстреливают всех воришек. Около этого правительства людей всех мнений поспешно собираются: Дюпень с магистратом его признал, архиепископ его признал, войско тоже, все журнальные партии, не исключая *Journal des Débats* — тоже: оно выражает государство и спасает на первый случай Францию от анархии. Теперь все спокойно: лавки, магазины, театры открыты и точно никогда ничего не бывало; волнение перешло в провинции. Все это однакож ужасно и позорно.

Вы понимаете, что я оставаться здесь однакож долго не могу, да если бы и хотел — то вероятно был бы выслан.

Вы, вероятно, догадываетесь — зачем я это говорю: деньжонок, батюшки, деньжонок. Теперь это уж почти беда настоящая — быть захваченным врасплох.

Поклонитесь от меня Белинскому и покажите ему это письмо которое пишу наскоро, усталый, измученный и с сильной головной болью. Прощайте.

П. Анненков.

2

9 марта. Париж.

Спасибо и еще раз спасибо, Ванюха, во первых, за деньги, во-вторых, за аккуратное письмо. В нем всего более, поистине скажу, утешило меня, что вы, друг мой Сашенька, расположены видеть в предположениях братьев средство к выходу из дурного нашего положения, которое нисколько и никогда не изменит нашей дружбы.

После этого я совершенно спокоен и представляю вам любовно согласиться и решительно заранее одобряю все меры, какие предпримите. Я только одного и боялся — раздора и сомнения между нами. Теперь гора свалилась у меня с плеч — все остальное предоставляю вам. Душевно благодарю вас, Катерина Ивановна, за доброе ваше письмо. Я его сберегу как свидетельство истинной вашей привязанности к нам, как доказательство благодарнейшего и чистейшего чувства: таких писем мне не часто случалось получить. Еще раз спасибо вам, Катерина Ивановна. А вы, Федя, в Киеве. А помните наши путешествия в Нижний, Казань (да будет она проклята!), Симбирск и проч.? Стрекалов, который занял мое место, вероятно помягче характером и понежнее меня; он не может быть так зол, как я, когда разосплюсь, и при том же по фамильной привычке на церковных папертях и в богадельнях как у себя дома. Он для вас — клад. Он кажется трезвонить умеет, только вы уже его на

колокольни не пускайте. Мне весело думать, что вы в нашем истинно счастливом отечестве живете тихо и мирно, исполняя каждый свои обязанности, а мы здесь — вот уже вторая неделя — очнуться не можем от ужаса и изумления. Но как ни страшно настоящее положение этой несчастной Франции — будущее ее еще страшнее.

Я не знаю, дошло ли до вас мое письмо, в котором я извещал вас, почти на другой день здешней революции, о изгнании Лудвига Филиппа и всего его семейства. По пожарам на железных дорогах, истреблениям мостов и смятениям во всех городах оно весьма могло и затеряться. Теперь уведомляю вас, что Временному правительству удалось восстановить тишину на улицах в Париже; но это продолжаться, разумеется, не может долго, ибо это правительство представляет невиданное зрелище правительства без защиты, без войска, без всяких средств сопротивления перед вооруженным народом. На солдат французских теперь смотреть жалко. Я видел их в церемонии погребения убитых: они шли обезоруженные, печальные, с опущенными головами, просто со стыдом.

Правительство только тем и держится, что само предупреждает самые крайние требования толпы; оно обнародовало совершенную свободу печати, совершенное право составлять клубы, право быть всем вооруженными, записавшись в национальную гвардию, и, наконец, для будущего Национального собрания все люди 21 года могут быть избирателями и все люди 25 лет без исключения могут быть избранными. Даже хотят, чтоб в нем было побольше мужиков, мастеровых и вообще рабочего класса: этого даже и в старую революцию не было — вот почему настоящая гораздо ужаснее прежней. Теперь идет дело как бы сделать работника владельцем части того, что он работает по заказу; как бы сделать земледельца владельцем части чужой земли, которую он обрабатывает по найму; разумеется фабриканты и владельцы земли будут сопротивляться... Но зло раскинуто, и если вы удивляетесь, что здесь еще кой-как спокойно, так знайте — это от того, что битва отложена до Национального собрания. Вместе с ним она подымется — страшная, решительная, но я уже надеюсь сильно и утешаю себя, что не увижу ее. И того, что я, так сказать, принужден был видеть, слишком достаточно для меня. Часто приходит мне на ум стих библии — вскую шаташася языцы? — и воспоминание о нашей тихой, спокойной, счастливой России.

Между тем я что-то все хвораю: беспрестанные головные боли, и давно бы уже уехал куда-нибудь в угол Италии или Германии, да вот какая разразилась беда над головой. Смятение сперва перешло в провинции, отсюда теперь оно уже перешло за границу и развивается по Германии, Италии, даже Англии, так что мы живем в Париже, как в огненном круге, оцепленные со всех сторон бунтами. Это первая причина, отчего я еще не

убежал отсюда. Вторая причина — неимение денег. Мне ей богу совестно, братие, беспрестанно говорить о деньгах, и я знаю, какие вы усилия делаете для добывания их, но теперь сами обстоятельства принуждают меня просить вас приложить об этом старание. Нельзя ли где-нибудь занять для меня хоть 1000 руб. серебром — с этой суммой я бы месяцев семь молчал как улитка. Вами присланных денег теперь 1194 франков мне достаточно более чем на 1½ месяца, в продолжении коих вы может быть и успеете составить как-нибудь некоторую сумму и переслать мне, я ее буду здесь ждать с терпением и доверенностью. Разумеется, если назначенная слишком тяжела, то и меньше можно. Впрочем все представляю на ваше благоусмотрение. Обещаю вам только, что до тех пор я буду продолжать вести ту осторожную, замкнутую и скромную жизнь, которая, надеюсь, избавит меня от всех неприятностей.

Я послал тебе, Ванюша, серебряный несессер с оказией. Не знаю, когда он к тебе придет. Это мой старый несессер, только переделанный и улучшенный. Мне он совсем не нужен: на кой чорт мне серебро. Прими же его, братец, когда он прибудет к тебе, с удовольствием и воспоминанием. Это тебе вознаграждение за хлопоты по библиотеке, которая еще должна вскоре пополниться.

Не все однакож здесь страх и ужас — есть место и для смеха. Вот например, после уничтожения всех титулов, сын маршала Нея, имевший титул: *prince de la Moscova*, подписывается теперь как бы вы думали?.. *La Moscovale* Один фабрикант, который назывался *Jean Leroy*, просит правительство, чтоб переменяли фамилию и называли его *Jean Lereuple*. Так как теперь работники требуют беспрестанно, при одинаковой плате, уменьшения работы на половину, то сапожники, говорят, будут делать теперь о д и н сапог вместо пары. Старые названия — *citoyen, citoyenne* — преданы совершенному позору и употребляются только правительством, да в публичных домах. Один журналист даже, смотря на эти глупости, осмелился сказать: *c'est la révolution du ridicule*. А проаши, а программ — как не работая получать деньги, а новых религий, а новых систем, а воззваний, а спекуляций — тучи, тучи!

Убеждаю тебя, Ванюша, писать ко мне как можно чаще теперь. Вы тоже, Саша, не ленитесь: не забудьте положить от меня венки из картонных бандеролей на гроб Аржевитинову. И вы, Катерина Ивановна, не оставляйте меня, а если Феденька осмелится упорствовать, то буду ругаться непременно.

П. Анненков.

[Конец апреля. Париж.]

Я получил, братья, два письма от вас и вексель в 150 рублей серебром, который уже обратил в деньги. Спасибо. Из писем ваших я вижу, что приходит мой последний час, а так как с жизнью всегда расставаться тяжело, то и мне крепко грустно сделалось, по чести сказать. Через год, например, я готов бы не только в деревню запереться, да пожалуй в монастырь, а теперь неприятно — ох, неприятно. Я говорю вам по сущей откровенности. Вижу я весьма хорошо, что вы обо мне очень беспокоитесь и хотели бы иметь меня подле себя, под рукой — спасибо вам за это.

Для этого вы вдруг и причину выдумали: семейные дела, раздел, управление. Оно и справедливо, я весьма хорошо это чувствую сам, а все тяжело, грустно, неприятно, как бог свят. Не удастся мне пожить как хочется. Между тем я придумал множество уверток, чтоб как-нибудь проволочить дело и отдалить минуту роковую. Если уж мой приезд совершенно необходим, то оный решительно не может быть ранее осени. Во-первых, я здесь должен 1500 франков, которых никак не мог уплатить из доходов при всем моем старании, во-вторых, весной и летом в деревнях идет работа и никаких дел не делается, а делаются они по зиме. Таким образом я обстоятельствами принужден здесь лето пробыть, да и не вижу большой пользы изменять их.

Вследствие сего до осени пишите ко мне сюда, сюда же и деньги присылайте (как можно более, господа!), не опасаясь пропажи их, но посоветовавшись сперва со Штиглицом. А может быть еще к осени все уладится, успокоится, отстоится, может быть, питаю сладкую надежду, к осени вы еще и сжалитесь надо мной. Если же попрежнему к осени будете бесчеловечны и беспощадны, то приеду.

А Италия, а Греция, Константинополь, Одесса, Крым, южная Россия — все это оказалось мечтой теперь. Всю нынешнюю зиму каждый месяц ждал я, что будут средства привести ее в исполнение, да не дождался. Вы пишете, Фединька, чтоб бросить это до другого времени. Легко сказать: если теперь не сделал, никогда не сделаю, а между тем какую другую цель в жизни я могу иметь, какое другое желание? Перенеситесь-ка разок мыслью в мое положение... Ты, Ванюша, может быть это поймешь, ибо вероятно не думаешь, что я могу найти удовольствие в ходах по судам, распоряжении мужиками и во всех этих дрязгах, которые теперь, клянусь честью, наполняют меня отвращением и грустью при одной мысли. Но баста! — до осени.

Послушайте, братья. Я знаю, что у вас денег нет, да неужто нельзя занять под вексель, на один год с процентами, на мое

имя 1000 руб. серебром. Я бы их выплатил через год непременно. Если у вас никого нет, отнесите вы к Панаеву от меня. Он мне раз устроил это. Маленькие куши меня держат на ногах, да рук не развязывают. Впрочем, если ничего не удастся, не ломайте излишне головы, а пришлите по мере сил и возможности. Справлюсь какнибудь.

Посылаю вам, Сашенька, доверенность на продажу дома и вместе с тем присоединяю мой голос к братьям. Зачем вы хотите это делать? Зачем в ваших летах лишаться гнезда, устроенного с пожертвованиями? Крайности везде дурны, как в издержках, так и в способе поправления дел. Право, мне оскорбительно на душе думать, что вы добровольно хотите лишиться покоя и удовольствия в годах, где они, кажется, очень кстати. Напишите мне, Сашенька, подробное письмо о состоянии ваших дел и наших деревенских, нечто вроде обзора, что каждая деревня, примерно, производит хлеба и сколько дает дохода, основываясь на отчетах последних 8 лет, впрочем если это не слишком затруднительно.

Часы в четвертак, любезный друг Катерина Ивановна, стоят здесь от 300 до 350 рублей. Есть и в 500 руб., но эти с бриллиантами. В 350 рублей — с эмалевой доской, в 300 — без эмали, но оба рода с 8 камнями и отличной работы. Таких плоских, какие я послал Фединьке, здесь не видал, да это более игрушка, чем часы. Вы пишете, что вероятно я до сих пор нахожусь в лихорадке; это правда, да только совсем от другой причины, чем вы полагаете.

Итак, я здесь покамест до осени. Нет сомнения, что все здесь происходящее мало утешительно и тревожно, но я не знаю, откуда вы взяли, что здесь беспрестанно режутся люди и что дороги наполнены грабителями. По крайней мере я этого до сих пор не видал. Нет, братцы, дело совсем не в ножах, а в изменении (что еще хуже, разумеется) всех оснований, на которых держатся благоустроенные государства, как то: собственности, подчиненности и проч. Да и тут еще здравый смысл лучшей части народа крутых поворотов не допускает; вот 16-го апреля по первому подозрению о коммунистическом заговоре забил барабан и 100 тысяч национальной гвардии с ружьями запрудили все улицы и совершенно уничтожили всякую возможность беспорядка. 20-го числа был смотр этой национальной гвардии, продолжавшийся 14 часов сряду. Под ружьем было до 350 тысяч человек и, признаюсь, вся эта масса была воодушевлена только одной мыслью: не допускать междоусобицы и драки. Конечно, смуты еще будут, столкновения партий непременно будут, да то верно, что и эту минуту никто не сможет и подумать о бунте или о возмущении в Париже: гвардия не хочет. Эта национальная гвардия представляет в одно время и великую силу и великую нелепость, как почти теперь все во Франции. Все офицеры, капитаны и полковники ее выбранные, и потому случаются

презабавные анекдоты. Один офицер, по ремеслу сапожник, говорит, например, простому солдату, но по рождению герцогу Ноалу: „citoyen! marchez-donc“, а тот отвечает: „citoyen, je ne le puis, tu m'as fait des bottes trop étroites“ и проч. Вчера и третьего дня были всеобщие выборы, которые прошли весьма тихо. Лакеи, дворники, ремесленники, маркизы и графы, около 500 тысяч человек, приходили в 350 устроенных бюро и опускали в урну свои листы с именами кандидатов. Через неделю узнаем всех депутатов Франции, а 4 мая откроется и само Национальное собрание, от решений которого зависит участь не только этой земли, да и смежных государств. А между тем уже теперь известно, что большинство в нем будет состоять из умеренных и благоразумных людей. Итак, вы видите — чорт, по пословице, не так страшен, как его пишут, а если вы вспомните еще мою уединенную жизнь, хладнокровное наблюдение всего происходящего, патриотизм мой, который, конечно, не уступит никакому русскому, то и совсем перестанете бояться за меня, до тех пор, пока обстоятельства и карман позволят мне вехать из Парижа — или к вам, или куда в другое место. Прощайте. Отвечайте мне тотчас как получите это письмо, а то вы слишком долго собираетесь, отчего происходит медленность в переписке.

П. Анненков.

4

7 июня. Париж.

Да здравствует юный полковник! Да будет он в утешение своему старшему брату и в радость своему дивизиону! В эти два года, Ванюша, фортуна над тобой много любезного произвела, и когда я приеду, то мне все ново будет: эполеты, аксельбанты, квартира и рожа твоя, в них облеченная. Один Феденька остался по старому, но вероятно и ему скоро придется менять что-нибудь в мундире. Меня утешило согласие ваше на счет моей особы — все в один голос требуете возвращения. Быть по вашему! Приеду в начале осени — это дело решенное. На вас возлагаю ответственность этого, но приеду. Все дело теперь в деньгах. Как только получу их, то и собираться стану, а — нужны, бог ведает, нужны. Второй месяц живу 150 руб. серебром, вами присланными, да и еще, кажется, жить придется, но лишь бы прислали — тогда со всеми здесь разделяюсь и в путь. Как вам, так и мне, зима в этом отношении была не хороша, но в сторону это.

Проект твой, Ваня, насчет казны слишком блестящ, чтоб был возможен. Я крепко в нем сомневаюсь, хоть желал бы исполнения его душой, телом и всеми костями моими. Гораздо вернее, по моему, искать теперь место, место, место, что можете иметь по нынешнему вашему хорошему положению.

Мне кажется, что это единственный выход для вас из нестерпимого состояния, в которое поставлены. Конечно, первое лучше, но оно несбыточнее. Об этом при свидании подробнее.

А позвольте сказать, братцы, вы поступаете жестоко со мной, во-первых отвечаете не тотчас же, а во-вторых после долгого молчания отвечаете поверхностно. Подумайте сами: 1) Вы не уведомили меня, получили ли часы от Долгорукого и приложения, и отдали ли их по назначению? 2) Переехали ли с адъютантской квартиры и куда? 3) Ни слова о петербургской жизни и происшествиях ее — словом я еще ни разу не получал от вас доброго, подробного, дружественного письма, в котором была бы видна охота писать, а не желание только отделаться от почты. Сделай мне это хотя раз, Ванюша, — теперь, когда ты посвободнее. Писать продолжайте сюда, а о выезде моем получите в свое время уведомление.

Вам уже известно теперь происшествие 15 мая, когда народ захватил Национальное собрание. Действительно надо сказать, что Париж в эту минуту был на краю гибели. Я смотрел на всю эту передрагу с террасы Тюльери и когда раздалось, что Палата распущена — все около меня сказали: „il y aura pillagé ce soir“. Но тут представилось зрелище, какого забыть нельзя. Вся площадь de la Concorde, набережные, улицы, все вдруг наполнилось вооруженным народом, национальной гвардией, так что от штыков казалось, будто река разлилась по городу. Они сжали бунтовщиков около Национального собрания, вошли в само Собрание, выкинули из окошка всех, кто туда ворвался, и снова открыли заседание. Другая часть их отправилась в ратушу и руками побрала всех зачинщиков, которые уже провозгласили себя правительством. И то и другое сделалось на моих глазах — и притом в один миг. Через четверть часа бунт был подавлен. Вечером весь город добровольно осветился сверху донизу, все поздравляли друг друга с прошедшей бурей, да этого мало. В ночь, из всех окрестностей, целые деревни и города пришли, вооруженные, на защиту Национального собрания, а на другой и на третий день прибыла мешанская гвардия по железным дорогам, за 300 и 400 верст, для той же цели. Зачинщиков засадили по крепостям и тюрьмам и над ними производится суд. Приверженцы их теперь в бешенстве, ругаются и скрежещат зубами в журналах, которых одни названия показывают характер бунта: *Journal des Sans-culottes, de la Canaille* и проч. Но это втуне: теперь едва где толпа вздумает пошालить, как изо всех домов выходят вооруженные люди, разгоняют ее и захватывают ораторов. Ясно видно, что Франция поумнела и нисколько не намерена возобновлять террор, эшафоты и наставления гг. Робеспьера и С. Жюста.

И давно бы вам пора, Сашенька, сбросить обузу, Елизавету Андреевну. С ней вы имели все неприятности женатой жизни, да только безо всякого авантажа, какой еще она дает.

Вот здесь завелся было женский клуб, в котором рассуждали о способах сделать, чтобы и мужчины рожали детей как женщины. Когда выдумают этот способ, тогда может быть и я женюсь. Впрочем, здешняя публика опять приняла этот клуб весьма не рыцарски; на второе заседание собралась огромная толпа мужчин у дверей клуба и, как только выходил из них клубист в юбке, сопровождали его свистом, криком и насмешками. Один из шутников ворвался в клуб и принес штаны, прося президента пришить ему пуговку, ибо, говорил, его жена, увлеченная теориями клуба, записалась в артиллерию и у него никого в доме нет. Подобных глупостей здесь бездна. Я слышал сам на улице, как один крикун продавал журнал: *La Vraie République*. Какой-то молодой господин сказал сзади меня: *Voltaire a bien dit que l'adjectif sera toujours l'ennemi du substantif*. Вы знаете, что Национальное собрание сделало правительство из 5 человек, которые назначают министров и управляют как прежде король. Острот и насмешек над ними невыразимое число, — в стихах, прозе, в разговоре. Один из последних очень любопытен. К одному из 5 правителей приходит проситель из провинции и говорит: „Вы послали к нам нового губернатора?“ — „Послал!“ — „Он мерзавец.“ — „У меня другого не было!“ — „Мы его выгоним.“ — „Вы мне сделаете великое одолжение.“ И ей богу, нечто подобное действительно происходило в начале с комиссарами Ледрю Роллена, которого в провинции мужики называют *M. le duc Rollin*. Вот недавно пятерное это правительство издало декрет, запрещающий собираться на улицах. Сейчас же появилась на всех стенах следующая пародия декрета: Декрет пятерного правительства. § 1. Запрещается кому бы то ни было собираться вместе на улицах. § 2. Национальная гвардия должна разгонять скопища, стараясь однакож не собираться вместе, как значится в § 1, и проч. и проч. Но вы понимаете, что при этой свободе осмеивать и ругаться над властью управление делается почти невозможным, да к этому еще следует прибавить, что работники, которых даром уже не хотят кормить, как в начале революции, составляют заговоры и приготавливаются к новой битве. Что из этого выйдет, бог знает!

Повторяю вам, что как только получу от вас деньги, сейчас же стану собираться в путь, и о дне выезда в свое время уведомлю. Затем прощайте. Я писал к Павлову в Берлин и жду от него ответа. Я догадываюсь, Сашенька, что вы дом свой продали, но хорошо ли и кому — не знаю. Скоро увидимся, господа, а до тех пор здравствуйте.

П. Анненков.

Подарки я теперь всем сделал (и кажется хорошие), кроме вас, Сашенька. Напишите, что вам нужно из материи или из вещей: пожалуйста.

4 июля. Париж.

Сейчас получил твое письмо, Ванюша, и спешу на него ответить. Начинаю прямо: здесь четыре дня к ряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было, и никакой порядочный человек выдержать этого зрелища не может. Великое несчастье для меня, что третий месяц нет у меня денег, и я принужден вследствие этого быть невольным зрителем здешних неистовств. Это, Ванюша, заставляет меня еще повторить: возьми у кого хочешь 1000 руб. серебром, хоть на 6 месяцев, и пришли мне тотчас же. Я найду заплатить по приезде и буду считать каждый день теперь, ибо каждый день прибавляет у меня долг, а жизнь здесь делается нестерпима. Напиши мне ответ на это письмо не медленно и употреби все старания исполнить мою просьбу. Это уже более чем нужда — это крайняя необходимость.

Вот что здесь было. Работники Национальных мастерских, увидав, что Палата их хочет решительно распустить и подчинясь огромному заговору демагогов, проповедующих раздел собственности, в пятницу 23 июня подняли бунт, захватили полгорода, укрепились баррикадами и стали подвигаться к богатым частям города, к правительственным тюрьмам и к самой Палате. Париж был на один палец от конечной гибели, от грабежа и разрушения всякого общества. Спас его генерал Каваньяк, бывший начальником в Алжирии, и которому войско доверяет и которого любит. Меры, им принятые, были до такой степени решительны и энергичны, что бунтовщики, привыкшие к слабым распоряжениям прежних правительств, были изумлены. Генерал Каваньяк придвинул к Парижу 80 тысяч войска, объявил город на осадном положении, что означало суждение всякого преступника военным судом в 24 часа, уничтожение журналов, афишек, крикунов, и потом разрезал бунтовщиков по середине и разгромил их бомбами, подземными проводами на всех пунктах. Тогда началась насильственная резня: бунтовщики стреляли из окон домов, с крыш, с баррикад. Четыре дня выдерживали бунтовщики неслыханным упорством напор войска и национальной гвардии за своими крепостцами из уличных камней и в домах, но в понедельник генерал Каваньяк их сжал в предместьи св. Антония, объявил, что уничтожит до последнего, если не положат оружия. Они сдались на жизнь и смерть. Таким образом четыре дня слушал я неумолкающую бомбардировку и стрельбу. По приказанию никто не смел выходить из домов своих, все улицы были перехвачены пикетами, всех появляющихся обыскивали и многих подозрительных людей расстреливали тотчас же. Страшный террор и — благодетельный, правду сказать, — распространился по всему городу.

Февральская резня перед той, которая теперь была, — детская шутка. Кровь лилась рекою, при чем множество примеров самого неслыханного варварства и ожесточения были совершены как бунтовщиками, так и национальной гвардией над пленниками. Когда во вторник позволено было выходить, то я вместе со многими направился смотреть кварталы, где происходила битва. Зрелище, точно, ужасное! Целые дома опрокинуты бомбами, у других вырваны из стен огромные куски, третьи истреляны пулями как решето. Мостовая посыпана песком, который превратился в грязь от смешения с кровью. Прежнего блестящего Парижа в помине нет: на улицах биваки кавалерии, сено, солома, грязь. Около Тюльери распространился смрад от убитых тел, туда сваленных, и от 1500 пленников, запертых в его погребах. Уже считают более 10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископа парижский, приходивший увещевать бунтовщиков и ими расстрелянный. Суд над взятыми и новыми пленниками, беспрестранно захватываемыми в домах, подвалах, на улице, происходит военный. Одну часть их сошлют в колонии, другую вероятно расстреляют. В окрестностях бродят те из них, которые успели спастись, но за ними гоняются как за зверьми. И каждую ночь, для большей осторожности, велено освещать дома сверху донизу и, вместо поздних летних прогулок, на них стоят только часовые и всю ночь перекрикиваются: *Sentinelle! Prenez garde à vous!* Вот какой неизмеримо-полезный урок задал генерал Каваньяк парижским бунтовщикам, которые думали, что никто с ними уже и совладать не может. Вся Франция считает его теперь спасителем отечества.

Но все это страшно гадко, страшно отвратительно. Во всех домах глубокая скорбь — тяжелое чувство придавливает всех и, окруженный всеобщим ужасом и недоумением, встретил я день моего рождения. Хорошо — нечего сказать! Ты видишь, Ванюша, — я не могу, не хочу оставаться здесь долее, и только злая судьба привязывает меня к этой несчастной земле, омоченной кровью и яростью.

Присылай же мне денег, присылай. Жду ответа немедленного.

Федя, вероятно, уже воротился из Орла, так это письмо пойдет к вам, друг Саша. Из него вы вероятно еще более полюбите свое Чирьковское уединение. Прощайте

П. Анненков.

Я тебе благодарен, Ванюша, за 540 франков, высланных мне: это все-таки поддержка. Если невозможно достать 3500, достань хоть 2500, для доставления мне средств выезда, но впрочем

теперь дело главное не в том, а в этой проклятой холере, которая меня страшно заставляет беспокоиться об вас. Пиши мне, пожалуйста, чаще и, если это дорого, я буду свои письма отсюда афронтировать, только берегитесь, ради бога, от дьявольской болезни. Крепко надеюсь, что к осени, к моему приезду, она ослабеет, и я всех вас найду здоровыми и благоденствующими. Здесь у нас покамест тихо, благодаря строжайшим мерам Каваньяка, но, бог знает, надолго ли? Он арестовал более 16 тысяч человек, отобрал 100 тысяч ружей, запретил все зажигательные журналы, закрыл клубы и отыскал тех, которые производили неистовства. Известно, что бунтовщики варварски зарезали генерала Бреа и адъютанта его, Мангена, попавшегося к ним в плен. Последнему они отрезали руки, содрали кожу с лица и потом застрелили. Я видел тело архиепископа парижского, тоже убитого на баррикадах. Он лежал на парадной кровати, в епископском костюме, и к рукам его прикладывали медали и четки для освящения их и сохранения потом себе на память.

Театры еще до сих пор не открылись, и город подвержен всем строгостям военного порядка: оно иначе и быть не может. Еще во многих домах скрываются инсургенты и завели какую-то разбойническую войну из-за углов: они застреливают часовых и особенно перехватывают и убивают солдат подвижной гвардии, которые наиболее способствовали уничтожению бунта. Теперь составляется лагерь около Парижа постоянно в 50 тысяч человек, чтобы держать в узде заговорщиков. Никогда еще мне не случалось проводить за границей лето в городе, но никуда выехать нельзя. Везде по несколько раз спрашивают пашпорты, возвращаться надо домой до зари, так что и прогулок в окрестности делать нельзя, да они же и опасны по большому количеству голодных и отчаянных беглецов, в них скрывающихся. Со всем тем мысль о вашей петербургской холере отбила даже и охоту предаваться удовольствиям и закрыла от глаз здешние неприятности: только и думаешь о вашей холере. Пишите же ко мне — для моего успокоения. Оно тем нужнее, что здесь беспрестанно хоронят убитых: на днях хоронили еще генерала Дювивье, и вообще в эту драку убито здесь более генералов и высших офицеров, чем в самых жарких сражениях Наполеона. К этому еще прибавьте множество самых нелепых слухов, которые беспрестанно носят в городе и возмущают душу: то рассказывают, что хотят перерезать всех депутатов Национального собрания, то уверяют, будто заговорщики подрыли целый квартал и хотят взорвать его на воздух, — и подобные нелепости.

Все это, как видите, делает жизнь здесь совершенно невыносимой. И не только уезжают отсюда иностранцы, но и все зажиточные французы убегают в свои поместья, ибо крестьянский класс, надо сказать, имеющий свою собственность, сде-

лался теперь самым тихим классом народа, терпеть не может работников, производящих все эти смуты, и по первому известию о бунте в Париже пришли со всех сторон Франции на помощь правительству. Любопытно было видеть этих мужичков в уморительных мундирах, сшитых, вероятно, дома своей бабой, в киверах разных калибров и с ружьями на плечах. Правительство принуждено было останавливать их на дороге, ибо от стечения их всех в одном городе могла произойти дороговизна хлеба и даже болезни. Когда ты будешь пересылать мне деньги, Ванюша, объясни Штиглицу, что банкиры здесь невероятно грабят нас, ибо все векселя дают на Лондон, фунтами стерлингами, а когда эти фунты стерлинги переводятся на французские банковые билеты, то вычитают невероятно; потом эти билеты надо на золото переводить и снова идет вычет, так что из 3000 рублей теряется до 500 франков Это нестерпимо. Нельзя ли ему дать вексель на какого-нибудь здешнего банкира и притом франками, разумеется, — резонабельного расчета, а главное. чтоб был payable à vue т. е. чтоб можно было тотчас получить по нем деньги. Объясни ему, что нужда того требует и затем прощай. Пиши ко мне во всяком случае немедленно.

П. Анненков.

В. А. КАЗАКЕВИЧ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ КРАЕ

За время своей командировки летом и осенью 1934 г. от Ленинградского отделения Комиссии содействия ученым при Совете Народных Комиссаров и от Института востоковедения Академии Наук СССР мне пришлось посетить ряд районов Восточно-Сибирского края и ознакомиться с музеями Иркутска, Улан-удэ (быв. Верхнеудинск), Кяхты (быв. Троицкосавск) и Читы. Целью моей поездки являлось обследование как рукописных материалов, так и вещественных памятников различных эпох истории края, а главным образом — Монгольской империи. Изучение истории народов Советского Союза за последние годы вызвало большой интерес к источникам разного рода, что с своей стороны заставляет обратить особое внимание на обеспечение их сохранности, необходимой для дальнейшего плодотворного исследования. Характеристике положения этих памятников Восточно-Сибирского края я и посвящаю свое сообщение.

Все источники прежде всего нужно разделить в основном на письменные и вещественные памятники, причем первые, с одной стороны, обнимают собой нарративные источники, как-то летописи, мемуары, а с другой — всевозможные документы, посвященные отдельным моментам исторической жизни края. Большинство памятников этой категории написано на русском языке. Следующее место по количественному признаку занимают монгольский (бурят-монгольский), затем тибетский, китайский, манчжурский, латинский и др. языки. Происхождение источников этого типа не восходит обычно далее середины XVII века, хотя не исключено обнаружение и более древних, по причине недостаточной еще обработки существующих фондов. Все эти материалы в большинстве случаев находятся в специальных государственных хранилищах, как-то библиотеках и архивах.

Главнейшими центрами Восточно-Сибирского края, содержащими письменные исторические источники, нужно считать библиотеки и архивы гг. Иркутска, Улан-удэ и Читы. На первом месте в смысле хранения стоит фундаментальная Краевая научная библиотека г. Иркутска (быв. Государственного университета).

Методы, применяемые здесь, не отличаются от методов центральных библиотек Союза, и все материалы доступны исследователю. Востоковедная часть библиотеки состоит из большого, имеющего специальный каталог, собрания рукописей и ксилографов на китайском, манчжурском, тибетском и монгольском языках. Правда, последний еще весьма примитивен и требует дальнейшего усовершенствования, но в основном удовлетворяет пользующегося данным фондом. Нужные рукописи выдаются также в порядке межбиблиотечного обмена. Это собрание содержит несколько интересных образчиков бурят-монгольской историографии, отсутствующих в других хранилищах. Особого внимания заслуживает хроника *Vičiqan zapjiske „Малые записки“* (инв. № 13880), охватывающая историю селенгинских, тункинских, хоринских и других родов, относящаяся к началу XIX в., а также толковый словарь к сочинению известного историографа *Sapang Sečen*, составленный тоже в начале XIX в. (инв. № 13874).

Краевой архив в г. Иркутске в настоящее время еще не прошел через предварительную стадию первичного выявления всех архивных материалов. Однако им уже проделана громадная работа по сосредоточиванию разбросанных архивов Восточно-Сибирского края. Как известно, сибирские архивы почти целиком погибли при грандиозных пожарах XVIII и XIX вв. Но все же некоторые из них уцелели, например, архивы воеводских канцелярий в Киренске, Илимске, Братске и других местах. Часть последних перевезена в Иркутск. Специалист архивного дела и знаток истории Сибири М. Ф. Кудрявцев занят обработкой этих материалов и выявлением таковых в самом Иркутске. Не говоря об открытых им новейших данных по каторге и ссылке, как, например, дела тов. Постышева, нужно особо отметить переписку арх. Палладия Кафарова о тайпинском восстании в Китае, дело Селенгинской воеводской канцелярии о переходах монгольских лам через границу в конце XVIII в., копию протокольных записей переговоров в 1689 г. при заключении Нерчинского договора и мн. др. Означенные документы еще никем не обработаны. Часть исторических материалов в виде рукописей на монгольском языке находится в архивах Иркутского краевого музея и Общества краеведения. За отсутствием соответствующих специалистов она никакой обработке не подвергается и возникает сомнение в целесообразности хранения этих ценных рукописей в вышеуказанных учреждениях. А между тем рукописный фонд музея содержит такие сочинения, как *Ebüged-ün bajiyulaγsan namtar* — „Повествование о происхождении предков“, записанное в 1848 г. (колл. 8508—1); *Mongγol-un orun-eče oros-un Qaγan-u qarijatu bolžu egüüride ögkügdügsen-ü (sic!) domuγ bičig bui* — „Сказание о том, как из монгольской земли навсегда передались, став подданными русского царя“ (колл. 8507—1); *Burqan-u nom delgaregsen ulusnuγud-tur žiyulčilayγsan-u bičig* — „Описание путешествия по стра-

нам (где) распространилось ученье Будды“ (колл. 8506—1); *Boγda sutu Ciŋgis qaγan-u saγ orusiba* — „Жертвоприношение премудрому, величественному Чингис-хану“ (колл. 8517—1) и другие.

Особую важность для истории Восточно-Сибирского края и Монголии представляют хранилища в г. Улан-удэ. Центральный архив Бурят-Монгольской АССР, который мне не удалось посетить, включает в себе много редких документов по завоеванию русскими Забайкалья, по истории его колонизации, гражданской войны и пр. Библиотека Государственного института культуры Б.-М. АССР обладает третьим по величине в СССР собранием монгольских рукописей и ксилографов, в состав которого входит большое количество хроник, посвященных истории бурят-монголов и собственно монголов, различных биографий и прочих документов. Перечислю важнейшие из них: *Qaγan-u teūke* — „История ханов“ (№ 733), являющаяся родословной монгольских великих ханов; *Daγan qad-un toγuži kemēgdekū orusiba* — „Повествование о семидесяти ханах“ (№ 715); *Altan tobči* — „Золотая пуговица“ (№ 197), вариант одной из важнейших монгольских летописей; *Todorqai toli kemēkū orusiba* — „Ясное зеркало“ (№ 782, 745), интересная хроника, связанная с китайскими и тибетскими источниками; *Dai Juan ulus-un bičig* — „Сочинение (история) о династии Дай-Юань“ (№№ 403—416), перевод манчжурской версии знаменитой истории монгольской династии; *Dai Juan-u boγor erike kemēkū bičig* — „Сочинение [история], именуемое хрустальные четки [династии] Дай-Юань“ (№№ 417—422), громадный труд бааринского тайджи *Barasiruŋcuγ* (Рашипунцук); несколько версий бурятских хроник таких известных авторов, как *Sirab Niγbova Qobitujin*, *Budažab Budajin*, *Zerenžab Saqarob*, *Vanđan Jumcujin* и др.; ряд неизвестных исторических записок о бурятах разных авторов; *Jeke Juan ulus-un niγuča teūke* — „Сокровенная история великой династии Юань“ (№ 629), являющаяся списком с единственного экземпляра, принадлежащего Научно-исследовательскому комитету Монгольской народной республики; воззвания против китайцев и мн. др. К сожалению, эти интереснейшие коллекции не обеспечены соответствующими мерами хранения и обработки. Рукописи лежат грудями в тесных шкафах, каталог пока еще в примитивном состоянии, специальных работников нет, хотя при наличии такого крупного специалиста-монголоведа, как проф. Б. Б. Барадийн, вопрос этот мог бы найти быстрое и правильное разрешение.

Следующим значительным центром нужно считать город Читу. Областной архив в Чите я не имел возможности посетить, но, по собранным сведениям, он находится еще на самой начальной стадии обработки материалов; недостаточен штат специалистов. Архив в Областном музее им. А. К. Кузнецова обла-

дает известным количеством исключительно ценных документов, относящихся к каторге и ссылке, гражданской войне, революционному движению среди бурят и пр. Здесь хранится часть архива Бурят-Монгольской Народной думы, воззвания революционных войск, подлинные документы белых генералов, как, например, атамана Калмыкова и другие источники. Специальной обработке он не подвергался и требует немедленных мер для приведения в порядок. Что же касается районных архивов Забайкалья, то сведения, поступавшие ко мне с разных сторон, говорят о еще более печальном их состоянии. Так, например, архив в посещенном мною районном центре Агинского аймака Б.-М. АССР является небольшим каменным зданием, никем не обслуживаемым и пребывающем на замке без призора, а между тем этот архив нужно считать одним из главнейших для Б.-М. АССР по своему историческому значению.

Известная часть письменных исторических памятников до сих пор не принадлежит государственным организациям, особенно на территории Б.-М. АССР. Библиотеки буддийских монастырей, на ряду с богатейшей религиозно-философской литературой, содержат много памятников по истории Бурятии и Тибета, как рукописных, так и печатных по способу ксилографии на тибетском и монгольском языках. Среди собрания рукописей и ксилографов имеются все существующие издания обоих обширных сборников переводной с санскрита литературы (Ганджур и Данджур), полное собрание сочинений крупнейших тибетских ученых, философов и писателей, редчайшие экземпляры важнейших памятников тибетской науки, философии, литературы и искусства. Вывезенные из Тибета, Китая и Монголии, эти рукописи и ксилографы в большинстве своем отсутствуют не только в европейских научных коллекциях, но даже и в самой богатой в мире коллекции, принадлежащей нашей Академии Наук. Ксилографических досок, гравированных с обеих сторон, насчитывается в одном только Агинском дацане, который располагает самой большой печатней в Б.-М. АССР, до ста тысяч штук. Десятки тысяч досок имелись также в Цугольском, Гусиноозерском и других дацанах. Многие памятники безусловно заслуживают самого внимательного изучения, перевода и издания в подлиннике, а для этой цели использование имеющихся в Союзе готовых клише может и должно сослужить большую службу.

Кроме того, определенное количество письменных источников пребывает во владении частных лиц среди бурятского населения, несмотря на меры, принимаемые научными учреждениями, чтобы сосредоточить их в руках государства. С падением роли дацанов и постепенной ликвидацией их, положение громадных монастырских библиотек стало угрожающим, а в некоторых случаях катастрофическим. По полученным мною многочисленным сведениям имущество это расхищается раз-

ными лицами, иногда при благосклонном потворстве лам, заинтересованных в дискредитации действий правительственных органов. Например, крупнейшая в Советском Союзе книгопечатня по способу ксилографии при Цугольском дацане (Агинский аймак) сейчас уже может считаться уничтоженной, так как печатные доски пошли на топливо; летом 1934 г. экспедиция Востокфильма (режиссер Залбштейн) скупала у лам с целью пополнения своего реквизита десятки томов различных сочинений из имущества Агинского дацана, руководствуясь при отборе только внешним видом книг; тогда же в Агинском дацане, при разборе перевозимого в другое место дома, было выброшено на двор около 1000 томов различных тибетских и монгольских сочинений, погибших через некоторое время под влиянием атмосферных явлений, и т. д.

Еще в 1932 г. мне и другим работникам Академии приходилось наблюдать быстрое уничтожение частных выморочных библиотек на тибетском и монгольском языках. Они оставались под открытым небом, шли на оклейку оконных рам и другие хозяйственные потребности. Сейчас этот процесс приостановлен. Сотрудникам Института востоковедения Академии Наук СССР удавалось в некоторых случаях спасать подобные библиотеки и этим пополнять фонды ИВ АН. В настоящее время ГИК Б.-М. АССР получил монопольное право на дацанское имущество и принимает кое-какие меры, опечатавая их библиотеки и типографии. Однако за неимением постоянного наблюдения эти фонды продолжают расхищаться, хотя и в меньшей степени. У частных лиц еще сохраняются различные исторические материалы, причем у русских — это исключительно документы, относящиеся к эпохе революции, у бурят-монголов, однако, иногда попадаются интересные нарративные источники, передающиеся из поколения в поколение и только случайно попадающие в орбиту исследователя. Судьба этих источников часто очень печальна, так как незнакомство владельцев с их истинной стоимостью влечет постепенное исчезновение документов. Мною лично зарегистрировано несколько случаев подобного уничтожения.

Что же касается вещественных памятников, то их положение несколько иное. Эта категория значительно разнообразнее первой, ибо в нее входят все материальные остатки прошлого, начиная от древних городищ и построек, валов, ирригационных сооружений, могильных и культовых памятников, вплоть до орудий производства, бытового и культового инвентаря, предметов искусства и т. д. Памятники последнего рода относятся к различным этническим образованиям и историческим формациям, начиная от палеолита и кончая современностью. Нам уже известны материалы эпохи дородового и родового общества, по истории восточных гуннов и следующих за ними этапов сложения феодальных государств турок и монголов, остатки

монгольской империи XIII века, периода ее разложения, эпохи русского завоевания и др. Много вещей относится непосредственно к Китаю и его колониям в Забайкалье. Конечно, не все объекты данной категории поддаются хранению в специальных помещениях; многие из них, например различные строительные сооружения, доступны изучению только на месте. Те же находки, которые возможно было перемещать, входят в состав коллекций музеев Восточно-Сибирского края и некоторых центральных, как, например, Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного этнографического музея в Ленинграде, Центрального музея народоведения и Государственного исторического музея в Москве. Не говоря уже о еще неизвестных, не найденных материалах, следует указать на то, что определенная доля их до сих пор пребывает в руках населения Забайкалья и нигде не зарегистрирована.

К памятникам этой же категории я отношу и этнографические, являющиеся ценнейшим подспорьем для работы над археологическими и письменными источниками, современной иллюстрацией, зачастую очень близкой к производству, быту и идеологии древних обществ. Этнографические материалы собирались вышеперечисленными музеями и бытуют по сей час среди местного населения бурят-монгольской, русской и эвэнкийской (тунгусской) национальностей, причем важнейшими пунктами, где они сосредоточиваются, нужно считать буддийские монастыри. В особом положении находится эпиграфика, точнее — знаки или рисунки, а также надписи разного рода, писанные или высеченные на скалах или отдельно стоящих камнях. За весьма редкими исключениями этот материал не мог и не может быть перевезен в специальные хранилища.

Если памятники первой категории, рукописные и печатные материалы, хорошо или худо, но все же собираются и сохраняются, а среди широких слоев населения существуют хотя бы самые примитивные представления об их ценности, то совершенно обратное явление мы наблюдаем в отношении вещественных остатков. За недолгое, сравнительно, существование музеев и специальных археологических организаций в крае, ими собрано лишь небольшое количество предметов материальной культуры былых этапов исторической жизни края. Особенно это бросается в глаза при учете всего количества древних сооружений разного типа, в изобилии разбросанных по Восточной Сибири. Археологическая карта Забайкалья, до сих пор еще никем не составленная, явится чрезвычайно насыщенной многочисленными объектами и может сравниться с соответствующими картами таких областей, как Минусинский край, Средняя Азия, Кавказ и др. Правда, ряд ценнейших коллекций по археологии Восточной Сибири и Монголии уже покоится на выставках сибирских музеев, но методы собирания и хранения

их достойны самой низкой оценки. Интересующиеся постановкой музейного дела могут обратиться к моей статье „Музеи Восточно-Сибирского края“ („Советская этнография“, 1935, № 2), и поэтому на этой теме я здесь не буду долго останавливаться. Укажу лишь, что в настоящее время охрана коллекций не обеспечена в достаточной степени, а во многих случаях даже не регистрируются или же не имеют самой поверхностной паспортизации. Нет специальных оборудованных помещений для хранения, отсутствует нумерация (этикетаж) на огромном количестве вещей. Реставрация почти не производится, хотя в этом имеется неотложная необходимость.

Разграбление археологических памятников в Сибири всегда было рядовым явлением. Особенно оно развилось с момента русской колонизации. Начиная с XVII в., главным образом в XVIII и XIX вв., разграбление велось в грандиозных масштабах, иногда специально организовывавшимися для этой цели артелями „буровщиков“. Главными объектами хищнических раскопок были могильные сооружения, причем найденные предметы из ценных металлов обычно сразу переливались в слитки, а изредка шли на рынок в целом виде. Попытки государства бороться строгими мерами с этим промыслом ни к чему не вели. Кадры „буровщиков“ составлялись в большинстве случаев из уголовных ссыльно-поселенцев и предприимчивых колонистов, гнавшихся за легкой наживой, поэтому огромное количество интереснейших памятников погибло навсегда. Промысел этот, становясь нерентабельным, постепенно сходил на нет и в XX веке за редкими исключениями прекратился. Однако разрушения продолжались и продолжают уже по другим причинам. Много принесли вреда суеверные представления отсталого населения, уничтожавшего найденные вещи, якобы приносившие несчастье; много уничтожалось по недомыслию, вследствие непонимания ценности находки и, наконец, ряд древних остатков, в частности — сооружений, использовался для практических нужд. Причина такого явления безусловно кроется в отсутствии краеведческих организаций Наркомпроса в Забайкалье, которые несомненно могли бы служить могучим рычагом культурно-просветительной работы среди населения. Никаких разъяснений о важности сохранения памятников не дается. Советское законодательство, относящееся к этой области, проводится в жизнь недостаточно.

Я наблюдал, как в окрестностях города Кяхты (бывш. Троицкосавск), в Монастырской пади, долине р. Суджи, Ильмовой пади, уничтожаются круглые плиточные могилы, относящиеся к концу первого тысячелетия н. эры и характеризующие собой поздних кочевников развитой феодальной формации; в долине Суджи и Ильмовой пади подвергаются угрозе уничтожения и более ранние памятники. Последние свидетельствуют

об одном из наиболее северных центров кочевий восточных гуннов и синхроничны всемирно известным могильникам Ноинула в Монголии, обнаруженным и исследованным советскими учеными. Поэтому значение их представляется особо важным для каждого историка Центральной Азии. Развалины старинных построек разбираются с целью использования материала. Достаточно указать хотя бы на развалины Хуандэ-балгас („Кондуевские городки“) в Борзинском районе, расхищаемые в течение 150 лет окрестными поселками. В близлежащем селе, ныне колхозе Кондуй, из камней и кирпича Хуандэ-балгас выстроена в начале прошлого столетия большая церковь, на отделку стен которой пошло несколько десятков статуй драконов эпохи Монгольской империи XIII века. Фундаменты многих домов, кирпичи для печей того же поселка — происходят оттуда же. Не приходится говорить о различных изделиях, находимых на развалинах, громадное количество которых погибло, будучи отдано детям в качестве игрушек. Процесс разрушения Хуандэ-балгас продолжается до последнего времени. А нужно заметить, что эти развалины относятся к замечательнейшему периоду монгольской истории, являясь, повидимому, остатками резиденции одной из младших линий монгольского императорского дома, уделы которых расположены были на восточной окраине государства. Брату ли Чингиса Тэмуге-отчигину или же его племяннику Исункэ принадлежала эта резиденция — сейчас трудно судить до производства соответствующих раскопок. Однако на территории СССР это — единственный памятник такого значения. Данное положение относится и к другим развалинам, в изобилии встречающимся в восточной части Забайкалья.

Следует заметить, что население обыкновенно очень охотно помогает деятельности исследователей-археологов, но большей частью совсем не умеет ориентироваться в вопросах собирания и хранения найденных вещей и не знает, куда сообщать о находках и кому их передавать. Забайкалье известно своими многочисленными песчаными выдувами по рр. Селенге, Чикою, Джиде, Хилку, Онону, Ингоде и др., где встречается ценнейший подъемный материал различных исторических периодов, попадающийся также при распашке полей. Все эти находки обычно пропадают бесследно, не доходя до музеев, несмотря на их большое значение. В руках играющих детей можно видеть китайские монеты первого тысячелетия н. эры, бронзовые ножи, наконечники стрел, старинную керамику. Кое-какие железные предметы и даже человеческие черепа из могил встречаются в колхозных кузницах.

Следует, наконец, остановиться на вопросах собирания этнографических коллекций. Восточно-Сибирский край в процессе индустриализации и массовой коллективизации естественно идет быстрыми шагами по пути ликвидации классов-эксплуататоров. В связи с этим происходит потеря характер-

ных для былого времени местных бытовых и национальных черт. Исчезло сословие купцов, бурятская знать, православное духовенство со свойственными им укладами, буддийский монастырь доживает последние годы. Под влиянием промышленного отоваривания бурятский национальный костюм, изготовлявшийся раньше кустарным путем, заменяется одеждой фабричного производства. Переход бурятского населения к колхозному строительству вызвал изменение типа жилищ, хозяйственного и бытового инвентаря. Войлочная юрта стала весьма редким явлением. Она заменена деревянными рублеными домами, обстановка которых модернизируется на русский лад. Развивающиеся культурные потребности вызывают широчайшее проникновение предметов массового производства. Уже сейчас можно с полной ответственностью утверждать, что ряд предметов материальной культуры, бытовавших несколько лет тому назад, исчез безвозвратно. А между тем музеи, как местные, так и центральные, не учли этого обстоятельства. Этнографические коллекции по Бурят-Монголии ни в одном музее Советского Союза не стоят на должной высоте и полны ужасающих лакун. ГИК Б.-М. АССР сейчас делает попытку сосредоточить в своих руках все культовое имущество дацанов, но многочисленные примеры его уничтожения (Цугольский, Гуновский, Агинский и др. дацаны) заставляют сомневаться, что ГИК самостоятельно справится со взятой им на себя задачей без помощи крупных научных учреждений, в частности Академии Наук СССР.

Приводимые мною данные являются результатом лишь очень беглых наблюдений, но все же вынуждают обратить самое серьезное внимание на вопросы охраны памятников истории. Несомненно, что в первую очередь требуется усилить массовую работу среди населения по внедрению самых простейших знаний и навыков в области собирания письменных, археологических и этнографических материалов. Этим делом с успехом могли бы заниматься районные Отделы народного образования. Архивные управления и библиотеки должны в ближайшее время освоить все письменные фонды края, не жалея никаких средств на собирание и охрану документов. Необходимо увеличить материальные возможности местных музеев, главных научных центров края, поднять их культурно-просветительную деятельность, сильно снизившуюся за последние годы. Нужно самым срочным образом приняться за собирание малочисленных уже этнографических остатков, помня, что лет через пять этнографические предметы предыдущей исторической эпохи достать будет уже невозможно. Следует расширить экспедиционные планы центральных научно-исследовательских организаций, обладающих высшей компетенцией в этих вопросах. Наконец, пора приступить к созданию археологических заповедников, к постройке специальных предохранительных

сооружений, защищающих памятники от внешних факторов разрушения (ограды, навесы и т. п.). Своевременно принятые меры безусловно остановят быстрый процесс разрушения памятников и помогут осветить различные стороны истории Восточно-Сибирского края, одного из наиболее интересных в этом отношении на территории нашей страны.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАБОТЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК

Летом 1934 года Академией Наук СССР была командирована в Татарскую АССР археографическая экспедиция для выявления и собирания рукописных книг и документов. За два месяца работы, охватившей притом весьма незначительное число районов, экспедиция собрала большую коллекцию в 1200 рукописных книг и более 1000 документов.

Прежде чем приступить к общему обзору привезенных экспедицией материалов, считаем небесполезным остановиться на предпосылках, обусловивших выбор района (Татарии) для экспедиции.

Что в Татарии возможны находки уникальных рукописей и даже целых рукописных собраний, издавна было известно. Недаром значительная часть материалов, имеющихся в некоторых наших хранилищах (Ленингр. госуд. университета, Академии Наук и др.) на языках Передней Азии, привезена из Казани, а большая коллекция восточных рукописей Научной библиотеки Казанского государственного университета, насчитывающая тысячи томов, почти целиком составлена из местных поступлений.

В своем докладе, читанном в Академии Наук 10 сентября 1924 г., акад. И. Ю. Крачковский дает весьма выразительную характеристику одного из казанских собраний (числом около 900 единиц), поступивших в Восточную библиотеку Казани после смерти Алимджан'а Баруди (умер в 1921 г.). Говоря лишь об арабских рукописях этой коллекции, акад. И. Ю. Крачковский отмечает в их числе ряд открытий для арабистики в обще-европейском масштабе.

„К таким открытиям, — говорит акад. И. Ю. Крачковский, — надо отнести грамматический трактат Ибн-Бабашаза (умер в 469—1076 г.) *المختضب*, даже не упоминаемый в известном своде Brockelman'a“. Далее: „Настоящую сокровищницу интересных произведений дает одна сборная рукопись (*فنون شتى*). Здесь мы находим полемическое сочинение аш-Шахрастани *كتاب المصارعة* и совершенно неизвестный ответ защитника Ибн-Сины (т. е. Авузепп'ы) Омара-Ибн-Сахлан'а-ас-Саву...“¹

¹ Доклады Академии Наук, 1924 г. Октябрь—декабрь, стр. 169—171.

Интересна в этом отношении и статья А. Хури, характеризующая специально одну арабскую рукопись из той же коллекции — Историю Ибн-Мискавейх'а. Этот труд, имеющий большое значение для исторических наук, как установлено акад. И. Ю. Крачковским, состоял из шести томов. До того было известно о существовании в Академии Наук СССР лишь пятого тома, привезенного из той же Казани; в коллекции же Баруди обнаружен первый том, причем имеющиеся в нем поправки, внесенные, по мнению А. Хури, личным секретарем Баруди, позволяют предполагать наличие в Казани по крайней мере еще одного экземпляра этой рукописи.¹

Эти указания, как видим, характеризуют лишь арабские рукописи коллекции Баруди, т. е. едва ли одну десятую ее часть. Характеристики рукописей на иранском, турецком, татарском и других языках пока не дано, но, судя по арабской части, можно быть уверенным, что эта характеристика еще более повысит в наших глазах ценность собрания Баруди. Между тем, собрание А. Баруди не составляет исключения, или, вернее, если и составляет исключение, то лишь в том смысле, что оно не погибло для науки. В пределах нашего Союза вообще, и в Татарской АССР в частности, было немало подобных частных библиотек: Ю. Дебердиева, Акчурина, Бубинских, Тюнтяри, Кшкары и т. д., насчитывавших тысячи рукописных книг. Судьба их чаще всего нам неизвестна, а в тех случаях, когда она известна, это — печальная судьба гибели в разрозненном виде когда-то цельных и крупных коллекций. Такова, например, была участь библиотеки татарского историка XIX столетия — Шигабуди'на Марджани, которая, согласно его завещанию, расплылась между его наследниками, не имевшими ни малейшего понятия о ее научном значении. По имеющимся у нас данным, библиотека Ш. Марджани содержала такое рукописное собрание, которое по своему характеру представляло значительно больший интерес в сравнении даже с упомянутой выше библиотекой А. Баруди.

В сборнике *مرجانی*, посвященном столетию со дня рождения Ш. Марджани, приводится далеко не полный список рукописей арабских историков, географов и энциклопедистов, которыми он пользовался в своих работах по истории Булгарского государства и Казанского ханства, но и в этом неполном перечне есть вещи, не зарегистрированные ни в одном своде европейских древлехранилищ.² Приведем несколько примеров.

Ш. Марджани при составлении своей работы *علاء الزمان في تاريخ بلغار و قزان* пользовался трудом известного арабского географа *ابن رسته*, первое литературное известие о котором появилось в 1869 г. в статье Хвольсона „Известия Ибну-Даства

¹ Доклады Академии Наук, 1924 г. Октябрь—декабрь, стр. 184—185.

² См. *مرجانی*. Казань, 1915, стр. 337—338.

о казарах, булгарах, бургасах и др.¹, а работы де-Гуе об ابن حوقل و الاسطحري, которые также были использованы Ш. Марджани, появились лишь в 70-х годах XIX в. Так как данная работа Ш. Марджани была написана в 1278 (1861) г., т. е. на восемь лет раньше работы Хвольсона и почти на десять лет раньше работы де-Гуе, то совершенно исключается возможность использования Ш. Марджани трудов последних, а это положение дает основание предположить, что Ш. Марджани пользовался другим экземпляром, известным и доступным ему.

Особенно любопытно указание Ш. Марджани на использование им сочинения известного арабского путешественника Ибн-Фодлан'а, посетившего в X веке государство Булгар. Об этом сочинении до сих пор было известно лишь по отдельным цитатам в معجم البلدان Якута-ал-Хамави, но полный текст сочинения Ибн-Фодлан'а не был обнаружен ни в подлиннике, ни в копии.² Между тем, Ш. Марджани в своем сочинении пишет: مستفاد الاخبار في احوال قزان و بلغار

..احمد بن فضلان... علماء اسلام نندك بلاد بلغار و احوال ممالك و اهالى سندن تفصيلا بيان قيلول خبر بيروب تصنيف ايدن ذات لار نندك اول و اقدامى در آنى حلقاً عباسيه دن امير المؤمنين المقتدر بالله ابوالفضل جعفر بن المعتضد خليفه حضرت لرى بلغارغه يباركان ايلچى سى سمسن الراسبى و بدر الحرامى برله رسولنه كاتب قلب يباردى اول كتابندن ايام شهابمده بر خيل اجزاسنى كورب يازب آلغان ايدم آنده ياقوت الحموى وغيره نقل قلغان سورلار دن زياده سوزى كوب ايدى حيف حاضرده آنى قايده قوبغانمى نى دلمای من

(„...Ахмед Ибн-Фодлан... является одним из первых среди ученых ислама, давшим в своем сочинении подробное описание городов и состояния государства Булгар и его населения. Он был назначен секретарем при посланниках Аббасидского халифата — Сахсан-ар-Расиб и Бадар-уль-Харам, отправленных в Булгар халифом Абуль-Фадил-Джагфар Ибн Аль-Мо'тазат. В своей молодости я встречал это его сочинение и мною были списаны из него значительные отрывки. Там было много другого, не цитированного Якутом-аль-Хамави и другими. Увы, теперь не помню куда я их подевал....“)³

Таким образом, очевидно, что упомянутое сочинение Ибн-Фодлан'а было доступно Ш. Марджани (а может быть, и другим), притом, можно думать, скорее всего в пределах б. Казанской губернии, где он безвыездно провел свою юность (до 22 лет). Меньше оснований предполагать, что Марджани видел

¹ Журнал Министерства нар. просвещения за 1869 г., декабрьская книжка.

² Только недавно было сообщено об обнаружении одной рукописи Ибн-Фодлан'а в Мешхеде.

³ ... مستفاد الاخبار, ч. I, стр. 59.

сочинение Ибн-Фодлан'а в Бухаре или в Самарканде, так как все, что было им списано во время его пребывания в Средней Азии, целиком использовано в его сочинениях по истории Бугарского государства, Казанского ханства и Средней Азии. Очевидно, Марджани видел сочинение Ибн-Фодлан'а, еще находясь в татарских медресах, по окончании „полного курса“ которых он выехал в Бухару.

Библиотеки с древними рукописными книгами, подобные библиотеке А. Баруди или Ш. Марджани, как сказано, не составляли среди татар исключения. Многие из них переходили от одного поколения к другому по наследству, накапливаясь в течение целого столетия, а кое-какие рукописи в подлинниках или в списках могли там сохраниться и с древнейших времен.

А. Д. Седельников, например, в своей статье „Две заметки по эпохе Ивана Грозного“, говоря о сочинении арабского естествоиспытателя Казвини, содержащем космографию и естественную историю *Ağ-ı'ibu-l-mahluqat* („Чудеса природы“), доказывает на основе документальных данных, что названное сочинение было отобрано (вместе с тремя ярлыками) людьми Ивана Грозного у послов Казанского хана, следовавших в 1549 г. к крымскому хану.¹

Трудно, конечно, утверждать, что значительная часть древних рукописей, имевших распространение среди татар Поволжья, сохранилась до наших дней. Наоборот, по имеющимся в литературе данным, многие из них погибли, хотя бы при завоевании Золотой Орды и Казанского ханства.

В цитированном мною сочинении Ш. Марджани, например, имеется следующее указание: „... В последние годы Казанского царства был ученый человек по имени Казы Шериф-Кул. Когда русские осаждали Казань, он много сражался и, наконец, пал мертвый у своей медресе, пораженный копьем...“² Далее, в подлиннике второй части того же сочинения Ш. Марджани *مستفاد الاخبار في احوال قزان و بلغار*, поступившем в распоряжение АН весной текущего года, имеется любопытное место, вычеркнутое царским цензором (известным востоковедом В. Смирновым) и поэтому не попавшее в печатное издание книги. В этом месте, к сожалению, лист наискось изорван, но все же можно прочесть ... *عوام ظننده داخل قلعهده بر كتاب حانه* ... *فر كتاب لاری روسیه لر تعصباً احاق و علمانی اهلاک* ... т. е. „По утверждению простонародия одна библиотека внутри крепости... книги сожжены русскими из фанатизма и ученые истреблены...“³

¹ Сборник статей, посвященных сорокалетию научной деятельности акад. А. С. Орлова, АНИ, 1934 г., стр. 165—167.

² Труды IV Археологического съезда в Казани, т. I, стр. 50. Перевод Радова.

³ Рукоп. отдел Ин-та востоковедения АН СССР, коллекция С. Г. Валидова, № 47—1174.

Однако, несмотря на вандализм завоевателей, все же кое-что из письменных памятников, напоминающих о древней культуре покоренных, очевидно сохранилось, а затем постепенно и воссоздавалось.

К приведенным примерам добавим еще несколько фактов, свидетельствующих о наличии в Татарии древних письменных памятников, имеющих отношение к истории Поволжья. В сочинении Хади Атласова *قزاق خانلغی* приводилась копия одного ярлыка Сахиб-Герая хана, датированного 929 годом Хиджры, 13 днем месяца Сафар (т. е. 2 января 1523 г.).¹ Подлинник этого ярлыка был передан С. Г. Вахидовым в краеведческий музей г. Казани в 1924 г.

Тем же С. Г. Вахидовым в 1927—1930 гг. было принесено в дар научным организациям Татарской АССР около 1300 всевозможных рукописей, а весной 1934 г. Академии Наук СССР — около 500 рукописей, среди которых, например, имеются списки литературных произведений периода Золотой Орды: Нахдж-уль-Фарадис, Шавахидин-Набуве, Достан-Джум-Джума-Султан и др.²

Значительный интерес представляют, с точки зрения изучения истории народов Поволжья, также и сочинения известных татарских историков: Хисам-уддина, Ибн-Шараф-уддин'а, Абдурахим'а Ибн Усмана Отуз-Имяни и многих других неизвестных, почти совершенно не изученных и не использованных как в дореволюционной, так и пореволюционной историографии.

Из специальной литературы по части этих местных хроник-летописей укажу лишь на доклад Д. Соколова, читанный им в 1898 г. на заседании Оренбургской ученой архивной комиссии, и на статью Г. С. Губайдуллина в сборнике *مرجانی*. Д. Соколов приводил в русском переводе две хроники в отрывках;³ Г. С. Губайдуллин приводит целиком одну хронику-летопись на татарском языке, обнаруженную им в 1914—1915 гг. в личном архиве Ш. Марджани.⁴ Начинаются эти хроники с описания событий VI—VIII вв. и кончаются событиями XV—XIX вв.

Вот те далеко не полные литературные данные о численности и характере древних рукописей, находимых в Поволжье, на основании которых была предпринята Археографическая экспедиция Академии Наук СССР в Татарскую АССР.

Переходя к обзору привезенного экспедицией рукописного материала, считаем необходимым отметить, что данный обзор является сугубо предварительным и ни в коем случае не может

¹ *قزاق خانلغی*, Казань, 1914 г., т. I, стр. 133—134.

² Рукоп. отдел Ин-та востоковедения АН СССР, коллекция С. Г. Вахидова, №№ 1—1128, 4—1131, 67—1194.

³ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898, выпуск IV, стр. 45—65.

⁴ *مرجانی*. Казань, 1915, стр. 339—341.

определить характер и ценность всей коллекции. Дело в том, что над ней еще не проделана даже предварительная работа: она находится лишь в стадии распаковки и газации. Главное наше внимание было обращено пока на рукописи, относящиеся к историческим наукам.

Из рукописей, привезенных экспедицией и представляющих интерес с точки зрения востоковедения, в широком смысле этого слова, укажу лишь на две:

1. *کاتب چلبی تقویم التواریخ* — список всеобщей истории в хронологических таблицах за семь с лишним тысяч лет, написанный в конце XVII или в начале XVIII в. По каталогу Ин-та востоковедения АН эта рукопись зарегистрирована была лишь в 9 экземплярах: один в Британском музее (в каталоге под № 33), один в Вене (II, № 97), четыре в Берлине (№№ 195—198), один в Лейпциге (№ 518), один в Готе (№ 147) и один в Ин-те востоковедения Академии Наук СССР (В 724). Сличение привезенного экспедицией десятого экземпляра с экземпляром АН дало следующие результаты: экземпляр из коллекции экспедиции больше по формату (36.5×23 , а экземпляр ИВ — 21.5×13); имеется некоторое различие и по содержанию: не всегда совпадают даты, не совпадает в некоторых случаях и хронология отдельных событий; почерк, кожаный переплет и изящная отделка обоих экземпляров очень схожи между собой; это обстоятельство дает основание предполагать, что они оба вышли из рук одного и того же лица.

2. *مباحثه مصری و شامی و حکومت بابلی*. На первой странице, рядом с названием рукописи, имеются две надписи на турецком языке: а) $\frac{1117}{1140}$ و قوعاتلری (события 1126—1145 1714—1732 гг.) и б) *ازاق قلعهسی مصالحهسی و بنک یوز یکرمی التی ده اولان و قوعاتلری و ازدرهان قلعهسی*. (Перемирие, заключенное в крепости Азов, и события, происходившие в тысяча сто двадцать шестом, и Астраханская крепость.) Рукопись на турецком языке имеет характер диалога на политические темы, происходившего якобы между мусульманином-египтянином и христианином-сирийцем (дамаскинцем), с участием, в качестве арбитра, „ученого судьи“ — вавилонца. Диалог этот касается главным образом вопросов, связанных с взаимоотношениями Оттоманской империи с Австрией (نمجه) и Московией, но включает и события, относящиеся к завоеванию татар и ногайцев Московией.

Данная рукопись, повидимому, представляет большую редкость: по наведенным нами в Ин-те востоковедения АН справкам, она ни в одном из советских и западно-европейских древлехранилищ не зарегистрирована.

Переходя к обзору рукописей, относящихся непосредственно к истории народов Поволжья, следует отметить в нашей коллекции список *تواریخ بلغاریه* известного Хисам-уддин'а Ибн-Ша-

раф-уддин'а. Привезенный список был нами сличен с двумя списками коллекции Восточной библиотеки Ленинградского госуд. университета (№№ 282 и 842), в результате чего удалось установить: а) что экземпляр экспедиции, как и один из экземпляров ЛГУ (№ 842), составляет лишь вторую часть сочинения, т. е. ту часть, которая собственно и содержит историю Булгар; б) что в экземпляре экспедиции несколько листов отсутствует, и в) что обозначения даты в конце всех трех экземпляров сочинения (992—1584) совпадают.

Несмотря на некоторые дефекты, список сочинения Хисам-Уддин'а Ибн Шараф-уддин'а, привезенный экспедицией АН, безусловно представляет большой научный интерес: он, будучи лишь третьим экземпляром, известным в СССР, является существенным дополнительным материалом при научном изучении сочинений Хисам-уддин'а Ибн Шараф-уддин'а, так как в дореволюционной историографии существовало предположение, что все татарские, башкирские и другие местные хроники-летописи последующего периода базировались на этом сочинении Х. Ибн-Шараф-уддин'а.

Такие хроники-летописи очевидно имели значительное распространение, но, к сожалению, сохранились из них лишь те, которые появились в некоторых печатных произведениях. В обозреваемой нами коллекции они, однако, встречаются в нескольких вариантах. Так, например, имеются две хроники, списанные и комментированные неким Гаяс-уддин'ом на двух чистых от текста листах сборника произведений религиозного характера. Обе хроники, после сравнительно более подробного описания событий, связанных с „занятием и разорением Булгар Мир-Тимуром“, переходят к основанию Казани и Казанского ханства и доходят одна до 1812 г., т. е. до войны Франции с Россией, и вторая — до переписи 1782 г.¹

Происхождение таких хроник-летописей двойственно, и разыскивать их источники можно в двух направлениях. Более древняя часть их, очевидно, базируется преимущественно на преданиях и легендах типа *تواريخ بلغاریه* Хисам-уддин'а Ибн Шараф-уддин'а. Но в то же время большинство фактов, обобщенно излагаемых в этих хрониках, безусловно было извлечено из мелких записей отдельных исторических событий, занесенных в свое время, например, на белые листы рукописных книг. Об этом имеется косвенное указание и у Ш. Марджани, а автор напечатанной в 1883 г. истории Булгар, писал об этом совершенно определенно:

ایمدی من بندۀ ضعیف نچہ یلداں برلی بو خصوصاً بیک اجتهاده
اولب هر کورکن تواریخلردن و رسالهلردن و قدیمالایامده اولان قارط
علمالرنند کتاب یانلاریده اولب عقلغه موافق اولغان سوزلارنی کوب

¹ Рукоп. отд. Ин-та востоковедения Академии Наук СССР, коллекция С. Г. Вахидова, № 313—1440.

... زماندن بېرى جمع قلغان ايدوم... („Я, бессильный раб, в течение многих лет, прилагая в этом направлении [т. е. в сочинении этой книги] свои усилия, занимался собиранием всего того, что встречал и что признавал согласным с рассудком в исторических книгах и брошюрах, а также и на полях книг, принадлежавших в древности старым ученым [богословам]“).¹

Почти нет ни одной рукописи, где не было бы разнообразных посторонних записей. Мы находим здесь даты рождения и смерти родственников и других известных в своем кругу лиц; заметки об отдельных явлениях природы и событиях, связанных с ними (появление комет, падающих звезд, первый снег, начало рамазана и других лунных месяцев, время начала полевых работ, время, когда был проведен Сабан-туй, и т. д.); приходо-расходные записи отдельных хозяйств за определенный год; купля и продажа, с указанием цен товаров; наем работника, иногда с подробным перечислением условий найма, и т. д. Наряду с такого рода записями встречаются также и небольшие заметки об отдельных исторических событиях: в таком-то году была такая-то война; тогда-то был голод, или свирепствовала холера; произошел там-то большой пожар, сгорело столько-то домов; умер такой-то крупный в то время человек, или другие события, связанные с именами последних и т. д.

Собиратели хроник обращали свое внимание преимущественно на события, носившие общий характер. Они почти совершенно игнорировали „мелкие“ факты, встречающиеся в большом количестве на полях и чистых от текста листах рукописных книг, как, например, акты купли-продажи, найма рабочей силы, раздела имущества умершего и т. д. Между тем, для нас, представителей марксистской историографии, эти „мелкие“ факты имеют не меньшее значение, поскольку только такие совершенно конкретные материалы могут способствовать раскрытию отношений, существовавших внутри каждого отдельно изучаемого общества: вскрывают имущественные отношения между отдельными социальными группами данного общества, внутренние противоречия, широту и глубину классового расщепления, внедрения денежного обращения и т. д.

С этой точки зрения особенно интересны целые документы, по той или иной причине попавшие в рукописные книги различного содержания. Подобные случаи довольно часто встречаются в коллекции экспедиции. Приведем несколько примеров.

1. На двух последних белых листах рукописной книги, по своему содержанию носящей религиозный характер, наряду с чисто бытовыми записями о дне рождения детей обладателя рукописи *عبدالحق دنياعه كلدی تووشقان يلى ايردى يينه صالحه* (دنياعه كلدی يلقى يلى ايردى رجب آى ننگ اول كونى جمعه كون ايردى)

¹ توارىخ بلغارىه. Казань, 1883, стр. 3.

имеется следующий документ: تاریخ منکده یتى یوزده آلتمشینچی یلنده رمضان آی ننگ یکرمی آلتونچی کونده قزان اویازی ننگ آرچه یولی ننگ مالای کیمیک قوچه ننگ من صوتنیک منصور اوری اوعلی بیروم اوشبو ویدومسنی اوز صوته مننگ یوری یولی ننگ اوسکی باشی ننگ یوموشلی طاطار طاهر عبدالسلام اوعلیمنه قرانسکوی آیتمیرатسکوی کانطوردین پچатновی پашпорտ ألمق اوچون اوشبو ویدومسنی آتای منصور اوری اوعلی ننگ امری برلان اسماعیل منصور (1760 год, месяца рамазана 26 дня я, сотник [деревни] Малай-Кибак-Коча, Казанского уезда, Арской дороги, Мансур сын Уры, выдал настоящую ведомость служилому татарину моей сотни [дер.] Уски-Башей, Юринской дороги — Тагир'у сыну Абдуссалям'а для получения из Казанской адмиралтейской конторы печатного паспорта. Настоящую ведомость составил по приказанию своего отца — Мансур'а сына Уры-Исма'ил сын Мансур'а и руку приложил“).

2. В другом рукописном сборнике произведений религиозного же характера (حدیث، تفسیر، محمدیه) наряду с записью о разводе неких супругов (в 1768 г.), содержатся: форма рапорта, посылаемого башкирскими старшинами кантонным начальникам и описание путешествия „в страны ислама“ اسلام دیارلرینه Беккия сына Наукай из дер. Куян.

3. Или список „оставшихся дворов“ قالغان ایولر с указанием (снизу) порядкового номера. Всего 65 дворов. Этот список был, вероятно, составлен после какого-то переселения, связанного с очередным голодом или с массовой эмиграцией за пределы России.

В указанных случаях мы обязаны сохранением документов намерению автора записи — владельца рукописи. Нередки, однако, и случаи противоположного свойства, когда явное пренебрежение к документу привело к сохранению его — в виде подклейки переплета.

В коллекции экспедиции АН мы сплошь и рядом обнаруживаем переплеты рукописных книг, сделанные из исписанных листов, склеенных между собой толстым слоем взамен картона. При этом довольно часто эти исписанные листы являются старинными документами разнообразного характера.

Академической лабораторией реставрации и консервации документов была произведена расклейка двух таких переплетов: 1) двух половинок кожаного переплета рукописного сборника произведений Са'ади на иранском языке и 2) половинки переплета неизвестной книги. Лаборатории удалось извлечь из этих переплетов 20 исписанных с двух сторон листов и два листа „Московских ведомостей“ за 1800 г. № 40. Большинство исписанных листов вполне читаемо и представляет собою документы, имеющие значение в деле изучения истории отдельных народов дан-

ного края. Девять листов из двадцати являются частью купеческой приходо-расходной книги, где наряду со многими деталями торговых операций неизвестного купца (перечень купленных товаров, с указанием цен, записи о долгах и т. д.), содержатся и своеобразные векселя: *آلتمشچی یل اچنده ایبان آعایعه بیردیم ... قریق بر پوط اوتوز کرونگا بال*... (В 60-м году отпустил дяде Ивану 41 пуд 30 фун. меду); *بردییم اوشایه کی چرمی اوعلینه ایکی اشلایه* *آلتمش ایکنچی یل کوز کونی بر دیسته آق تین تیروسی [بیرمه]ک بولب* *دی صالدی* („Аушейке сыну Чермей'а отпустил две шляпы [а он], обязавшись сдать мне осенью 62 года одну десятку беличьих шкур собственноручно свою тамгу приложил“). Документы, очевидно, относятся к XVIII в.

Из второго переплета были извлечены не менее интересные документы (числом 6), содержащие заявления истцов (*دعواچی*) и ответчиков (*قروچی*) по тяжбе, а также и мировые решения по ним, выносимые муллами, в присутствии местных административных лиц. По времени они относятся к 70-м и 80-м гг. XVIII столетия.

Коллекция экспедиции, как было уже указано, кроме книг, содержит большое количество документов. По своему характеру эти документы весьма разнообразны. Среди них значительное место (по количеству) занимают частные письма, принадлежавшие татарскому духовенству и купечеству. Немало актов раздела имущества умершего между наследниками, с подробными перечнями; встречаются завещания отдельных представителей имущих слоев. Имеются юридические акты и иного содержания: указы и распоряжения высших властей; заявления об иске; всякого рода свидетельства, выданные местными властями и т. д.

Все они, за небольшим исключением, составлены на чистотатарском языке, с незначительными арабизмами. По времени относятся к XVIII и XIX вв. В качестве иллюстрации приведем следующие.

1. Свидетельство, выданное 17 марта 1840 г. вдове ахунд'а Абдул-Кадыра, сына муллы Сулейман'а — Мухиб-Джамал, дочери Мухамед-Дамин'а, „юртовым старшиной 10-й юрты“, интересно тем, что оно вскрывает характерный штрих из быта местной администрации. Дело в том, что это свидетельство скреплено не только подписью „юртового старшины“ Дусаева, но и приложением печати, содержащей две русские буквы „Ф. М.“, по своему размеру и форме очень похожей на обыкновенную частную, не гербовую, печать-брелок.

2. Документ, относящийся к большой и сложной тяжбе, тянувшейся десятки лет между наследниками как прямыми, так и весьма косвенными, „потомственного почетного гражданина и первой гильдии купца“ Абдуллы сына Абду-салам'а Утемишева,

сохранился не полностью — лишь в виде разрозненных 7 листов. Поэтому точно датировать его пока трудно, но все же видно, что дело начато в 30-х гг. XIX в. Документ интересен тем, что в нем перечисляется все имущество умершего (земельные участки, бумажные и прядильные предприятия, поташные заводы, мельницы, постройки и т. д.), а в одном месте имеется указание и на денежное выражение всего наследства: *باره قلعان ميلکدتلاری ننگ و صومالاری ننگ هم ایبورلار ننگ ایتو کوسی ا بوز* (цифрой и прописью определено „в 100 000 сто тысяч рублей“). Акт составлен на татарском языке и содержит в себе ссылки как на царские законы, так и на шариат. Видимо, в ажиотации спора вокруг такого крупного наследства стороны обращались как к светским, так и к духовным органам, в зависимости от благорасположения последних к той или другой спорящей стороне.

3. Черновой набросок заявления жителя г. Казани, некоего Вали, на имя наследников умершего хаджи-Мухамед-Садык'а, сына Губейдуллы Ходжа-Саидова из дер. Уры, с требованием о выплате ему из подлежащих разделу средств денег за проработанные им на хаджи Садык'а годы. Хотя в документе не указаны ни эти годы, ни общая сумма претензии, но все же отчетливо вскрываются типичные черты эксплуатации бедняка: хаджи Садык нанял работника Вали, определив ему на год известную сумму, которую, однако, в конце годового срока не выплачивал, говоря: „Ты останешься на следующий год“, и так тянулся год за годом. Документ относится к XIX в.

4. Следующий документ так же ярко вскрывает классовые противоречия, существовавшие среди татар той же дер. Уры. В 1785 г., декабря 17 дня, от имени „всех служилых людей дер. Уры от мала до велика и в согласии со всем мирским обществом“ (*میر جماعتلاری اتفاق قیابوب*) подается жалоба на „служилых людей“ той же деревни — на сыновей Мухаммедамин'а (Кабкари и Мухтар'а), с обвинением последних в уклонении от очередной воинской повинности, в том, что они без „мирской ведомости“ и без „печатного пашпорта“ скрываются в неизвестных местах, чем задерживают выполнение приказов о предоставлении людей в лашман. Любопытно то место доноса, где говорится, что братья Мухаммедаминовы „собирают вокруг себя и прочих злонамеренных людей“ и что они терроризируют население. Под населением, очевидно, нужно понимать автора этого заявления (муллу) и лиц, группировавшихся вокруг него.

Пятый и последний документ, которым мы закончим обзор, представляет большую редкость и имеет серьезный интерес. Это — обращение „к братьям по вере“, датированное 1187 годом хиджры, 28 днем джумади'ель — ахр'а (т. е. 16 сентября 1773 г.) и подписанное неким *عبدہ زین العابدین قتالی*. Обраще-

ние составлено на турецком языке и состоит из трех частей: в первой части автор рассказывает о том, что он, сражаясь за свою веру и отечество против неверных москвитян в течение 93 дней в осажденной крепости Бендеры, попал в плен и находится в неволе в Ростове; во второй части говорится, что „московский король“, не успев отправить своих посланцев к султану с объявлением войны, напал и разорил много деревень и городов, что до сих пор русские войска еще не встречались с основными силами мусульманской армии, которая стягивается в числе 70 тысяч мусульман-хиджасцов, расположенных в Мекке, а также мусульман Медины, Сирии и т. д. и что в результате этого и „благодаря молитвам, произнесенным во всех известных мечетях“ (перечисляются جامع سلطان ايوب و جامع سلطان محمد و جامع سلطان احمد و جامع اياص صوفيه...) „неверные“ погибнут, а мусульмане восторжествуют; в третьей части описывается структура турецкой армии, размеры денежного и вещевого довольствия, получаемого воином отдельной военной единицы, а также способы, которыми турецкий султан собирает средства для войны и для содержания государства.

Этот документ представляет особый интерес в связи с тем, что его дата совпадает с датой большого крестьянского восстания XVIII в., основательно потрясшего устои крепостничества в России, — с датой пугачевского движения, в котором весьма активное участие принимали националы Поволжья и Урала. Крепость Бендеры, о которой говорится в документе, была в первый раз взята русскими (графом Паниным) в 1770 г., а разбираемый нами документ датирован 1773 г., т. е. тремя годами позднее занятия крепости. Это обстоятельство заставляет поставить вопрос: не имеет ли данное обращение связи с распространявшимися со стороны пугачевцев, башкир и татар легендами о продвижении турецкой армии к Москве „на помощь Петру Федоровичу“?

Нужно ли говорить о значении таких рукописных материалов, как привезенные экспедицией целые архивы ахундов и мулл (старшего ахунда Фатхуллы, муллы Сибгатуллы и др. за конец XVIII и начало XIX в.), являвшихся не только „духовными пастырями“, но влиявшими на все стороны жизни известного района? Эти материалы вскрывают не только интимную жизнь этих слоев татарского общества, их связи с купечеством и царизмом, но выясняют многое из жизни всего района.

В кратком обзоре нет никакой возможности охватить все разнообразие большой коллекции рукописей, привезенной из Татарии. Мы совершенно не коснулись арабских, иранских и турецких рукописей, относящихся к литературе, математике, медицине, философии и богословию, но можно заранее утверждать, что научная обработка их может вскрыть немало ценного.

Мы не можем подробно останавливаться на всех татарских рукописях и ограничимся лишь нижеследующей характеристикой: в их числе имеются тетрадки, напоминающие дневники отдельных представителей татарского духовенства, где иногда содержатся записи всех поступлений от прихожан („ушер“, „закет“, „фитр“ и т. д.); описания путешествий; литературные произведения: Юсуф и Зулейха, всякого рода مرثيه — стихи об умершем; хроники в стихах; ненапечатанные рассказы; سادات بيتي — песни о солдатах, в которых оплакивается участь призванного на царскую военную службу; записи фольклорного материала и т. д.

Заканчивая данное сообщение, позволю себе остановиться на двух практических предложениях, вытекающих из сказанного выше.

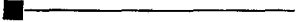
Во-первых, представляется необходимым, опираясь на решение Бюро ассоциации учреждений ООН, продолжить и расширить работу по выявлению и собиранию рукописей, включив в нее уже не только Татарскую АССР, но и все Поволжье, вплоть до Астрахани, охватив Башкирию и полосу по р. Уралу. Необходимость такой экспедиции диктуется прежде всего тем, что даже в районах деятельности нашей экспедиции (летом 1934 г.) не все было нами выявлено и не все из выявленного было приобретено; для примера укажем рукопись (на турецком языке) 454-летней давности, или рукопись (на татарском языке) по истории городов Казакстана и родословное дерево селения Большие Менгеры, где указано, по каждому поколению, отходничество, имевшее место у татар с XVIII в. Обладатели рукописей часто смотрят на них как на обузу и макулатуру, а если иногда и хранят их в сараях и других плохо защищенных от дождя и снега местах, то не в качестве материала для чтения, а лишь как память о предках. Эти условия угрожают этим рукописям уничтожением, а многое погибает уже и сейчас.

Во-вторых, обращаю внимание на необходимость надлежащей научной обработки всех собранных в Ленинграде рукописей, имеющих отношение к прошлому народов Поволжья и Урала. Древлехранилища Ленинграда содержат не мало таких рукописей, но до сих пор, к сожалению, не говоря уже о прошлом, относятся к ним как к предметам хранения или, в лучшем случае, как к музейным экспонатам, забывая величайшую важность их в качестве источников истории народов СССР. Если иногда до них и доходила рука того или иного научного работника, то лишь случайно и в зависимости от индивидуальных его интересов.

До Октябрьской революции народы, о которых трактуется в этих рукописях (об истории, литературе, языке и обо всей прошлой культуре этих народов) рассматривались лишь в качестве объекта, в качестве „навоза истории“.

Наша советская наука предъявляет нам большие требования по изучению исторического прошлого всех народов Союза советских социалистических республик, и мы не в силах выполнить эти требования без предварительной обработки наших хранилищ.

РЕЦЕНЗИИ

M. L. W. LAISTNER. *Greek History* D. C. Heath and Company. New York, Chicago etc. 1932, XIII + 485 стр., 40 вкладн. лист. с рис., 10 карт.

За последние годы в западно-европейской и американской литературе появился целый ряд общих трудов по истории Греции, ставящих себе задачей нарисовать картину экономического, политического и культурного развития Греции с учетом новейших открытий и достижений в этой области. Таковы, напр., H. Bervé. *Griechische Geschichte* I—II, Freiburg i. Br., 1931—1933; M. Rostovtzeff. *History of Ancient World* I, 1930², II, 1927, Oxford; W. Ridgeway. *The early age of Greece* II, Cambridge, 1931; J. Hasebrock. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte*, Tübingen, 1931; J. Laurent, *Essai d'histoire sociale I. La Grèce antique*, Paris, 1933; Кембриджская *Ancient History* 1923—1934 и мн. друг. В ряду этих общих сочинений выдается по широте охвата и ясности изложения рецензируемый труд американского ученого, профессора древней истории в университете имени П. Корнелла в г. Итаке (штат Нью-Йорк).

Первые главы рассматриваемого труда посвящены истории древнего Востока: Месопотамии, Египта, Сирии, Палестины и прилежащих стран, а также культуре Средиземноморского бассейна, и представляют собою как бы введение в историю Греции. Переходя к собственному предмету своего изложения, автор располагает свой материал следующим образом. Дав краткий очерк греческой колонизации, он рисует нам картину развития греческих государств до конца VI в. (Спарта и Крит, век тиранов, Афины, экономическое развитие Греции), затем характеризует религию, искусство, литературу, науку и философию „архаической“ эпохи, далее излагает события Греко-персидских войн, пентеконтаэтии и Пелопоннесской войны и политической истории Греции от 404 г. до смерти Филиппа II. В последующих главах мы находим изображение экономического развития Греции V и IV вв. и афинской демократии и далее характеристику философии, науки, воспитания, литературы и искусства V и IV вв. Книга заканчивается очерком создания и распада монархии Александра Македонского с картиной экономики и культуры эллинистической эпохи. Эту периодизацию нельзя признать удачной: она построена исключительно на внешних, искусственных гранях и совершенно не учитывает социальных моментов в истории Греции. Далее, между отдельными частями книги наблюдается непропорциональность: так, говоря о религиозных институтах архаического периода, автор в дальнейшем своем изложении уже не возвращается к истории религии, благодаря чему целый ряд важнейших явлений в этой области, напр., развитие мистерий в V и IV вв., религиозный синкретизм в эллинистическую эпоху и т. п., бесследно выпадает из плана книги.

Обратимся к отдельным местам рассматриваемого труда и построениям Ляйтнера. Отдел, посвященный Спарте и Криту в начале греческой истории (стр. 141 и сл.), страдает тем недостатком, что не учитывает многочисленных пережитков первобытного коммунизма и, в частности, родового строя в государственных институтах и общественной жизни этих общин (возрастные классы, организация общественного питания, лесхи, архаические брачные обычаи и т. д.).¹ Поэтому происхождение ряда спартанских институтов, напр., эфората, двоецарствия (стр. 147), автором не вскрывается, хотя на этот счет существуют в науке различные предположения. Так, одни видели в эфорах первоначально надзирателей за рыночной торговлей (К. О. Müller), другие — контролеров государственного порядка (Holm, Busolt, Kuchner), третьи — представителей гражданского судопроизводства (Beloch, Ed. Meyer, R. Pöhlmann, Hermann-Thumser, Bury), четвертые — магистратуру революционного происхождения (B. Niese, E. von Stern). Наиболее правдоподобным следует признать мнение А. И. Тюменева, согласно которому эфорат был выражением политического господства землевладельческого класса. Равным образом, вопрос о генезисе двоецарствия в Спарте вызвал многочисленные предположения: его объясняют то синойкизмом двух общин (M. Dunker, K. Wachsmuth, П. И. Аландский), то наличием двух дорийских завоевателей страны (Neumann), то договором или компромиссом между царской династией и соперничавшей с ней аристократией (Ed. Meyer, Beloch, Pöhlmann). Правильнее всего, вслед за Энгельсом (Происхождение семьи, 119) сопоставлять двух царей в Спарте с двумя высшими военачальниками союза ирокезских племен с равной властью.

Гектеморов Ляйтнер толкует как платящих $\frac{1}{6}$ часть годового урожая собственникам земли (стр. 152), в то время как по Энгельсу крестьяне уплачивали $\frac{5}{6}$ продукта своего труда хозяину (стр. 136). На последней точке зрения стоят также Schömann, Aug. Böckh, Hermann-Thumser, Gilbert, Wilamowitz, Paul Guiraud, Ed. Meyer, G. Busolte, Haussoullier, H. Francotte, R. Dareste, W. Soltau, В. Бузескул, А. Тюменев, С. Ковалев и др., и она, несомненно, вернее, так как только отдавая пять шестых урожая, аттические крестьяне могли впасть в то бедственное состояние, которое рисует нам Аристотель.

Не зная марксистской литературы, не владея сравнительно-историческим материалом, автор бессилен разрешить вопрос о происхождении деления афинских граждан на группы (фратрии, филы и роды — стр. 158), между тем как у Энгельса (стр. 126) имеется вполне убедительное объяснение генезиса этих групп как старинных органов родового строя. Очерк идеологии „архаической“ Греции (800—500 гг. до н. э.) составлен с достаточной полнотой; к недостаткам нужно отнести одностороннюю оценку Гераклита (стр. 192—200).

В истории Греко-персидских войн автор опирается, как и в других частях своей книги, на результаты новейших исследований. Но его анализ битвы при Марафоне (стр. 221 и сл.) оставляет все же неудовлетворительное впечатление. Три основные проблемы, связанные с Марафонской битвой, остаются автором неразрешенными: 1) Почему афиняне произвели нападение на персов, в то время как непродолжительная оттяжка обеспечила бы им помощь спартанцев? 2) Где находилась во время сражения персидская конница? 3) Отчего персы, несмотря на трудность посадки на корабли во время преследования непри-

¹ См. Энгельс. Происхождение семьи, 1933, стр. 85 и след.

телем, понесли столь ничтожные потери в судах? Лично я склоняюсь к мнению Kromayer'a (Sitz. Ber. Sächs. Ges. d. Wissenschaften, philol.-histor. Klasse XXXIV, № 5, 1921, стр. 3—28), согласно которому 1) Мильтиад вынужден был атаковать неприятеля во избежание разложения в собственном лагере; 2) персидская конница располагалась обычно не по обоим флангам пехоты, но чересполосно, между отрядами пехоты, не составляя тактической единицы; 3) персы укрепились у места стоянки кораблей и задерживали натиск греческих отрядов, пока персидской армии не удалось сесть на корабли. В описании битвы при Платеях (стр. 230) не использована ценная с точки зрения тактического анализа статья полковника Boucher, La bataille de Platées (Rev. arch. 1915, стр. 257—320).

В дальнейшем изложении (пентеконтаэтия, Пелопоннесская война, возвышение Македонии) основным недостатком является почти полное игнорирование автором социально-экономической базы, борьбы классов. Очерк идеологии Греции 500—323 г. до н. э. составлен с большим знанием дела и выгодно отличается богатством содержания. Но в главе об эллинистической науке встречается ряд пробелов. У Аристарха Самосского, выставившего гелиоцентрическую теорию в астрономии (стр. 460), были предшественники (Гераклид Понтийский). Говоря об Архимеде (стр. 460), автор не упоминает о найденном в 1907 г. датским ученым Heiberg'ом новом сочинении великого математика, заключающем в себе идею дифференциального исчисления. В оценке двух знаменитых медиков эллинистического периода, Герофила и Эрасистрата (стр. 461) односторонне подчеркиваются их анатомические и физиологические наблюдения, но ничего не говорится о заслугах Эрасистрата в области патологии и терапии (открытие цирроза печени и т. д.). Неправильно утверждение, будто ботанико-агрикультурные трактаты Феофраста стоят на уровне земледельческой техники Гесиода (стр. 319).

Таким образом, достоинствами разбираемого труда приходится признать широкое понимание исторического процесса, привлечение археологических данных, ясное, общедоступное изложение богатого фактического материала. К темновым сторонам книги нужно отнести идеалистическую концепцию автора, следование теории миграций (стр. 142, 187 и др.) и некоторый агностицизм: Ляйтнер очень часто подчеркивает неясность генезиса или природы того или иного явления, трудность его истолкования и т. д. (ср. obscure 147, incertain 154, 158, difficulty 149, 169 и т. д.). К книге приложена подробная библиография и указатель предметов.

С внешней стороны книга издана прекрасно.

Е. Кагаров.

**

„Autour de Križanica“. Étude historique et linguistique par H. U. A. Van Son, docteur en droit, diplômé de l'École des langues orientales de Paris, 1934, стр. 135.

Под таким заглавием вышла в 1934 г. в количестве 150 номерованных экземпляров книга, посвященная деятельности известного публициста XVII в. Крижанича.

Автор книги van Son, как узнаем из особого приложения к книге, в 1913 г. получил степень доктора прав в Утрехтском университете. Перед революцией van Son провел несколько лет в России. С 1918 г. он назначается голландским правительством на разные дипломатические посты — в Китай, Чехо-Словакию, Польшу, Германию. В 1927 г. van Son оставил дипломатическую деятельность по состоянию здоровья и занялся научной работой в области славянских литератур и языков. Плодом научных трудов van Son'a и является изданная им в 1934 г. книга о Крижаниче.

В научном смысле рецензируемый труд имеет минимальное значение. Никаких новых фактов van Son не приводит, нет в нем и сколько-нибудь глубокого анализа политических и лингвистических трудов Крижанича. Это — простая компиляция русской и западно-европейской литературы о Крижаниче, в особенности исследования акад. Ягича, вышедшего в 1917 г.

Мы не будем останавливать внимание читателя на научных качествах книги.

Весь интерес книги „Autour de Križanic“ для советского читателя заключается в том, для какой цели выпущена в свет на французском языке книга о Крижаниче.

Популяризация Крижанича, первого „панслависта“, увлеченного идеей создания единого славянского языка и отправившегося в Россию с намерением склонить московского царя к объединению всего славянства, имеет целью пропагандировать идею, ради которой Крижанич приехал в Москву — идею соединения церквей. Эта идея, по словам van Son'a, владела Крижаничем, ради нее он отправился в Москву, в служении этой идее заключается все историческое значение Крижанича — миссионера вселенской католической церкви. Van Son обходит молчанием поставленный некоторыми исследователями вопрос о том, в каком смысле Крижанич может быть назван миссионером. Известно ведь, что вторая поездка Крижанича в Москву, окончившаяся ссылкой в Сибирь, не получила благословения папы. „Если бы Крижанич жил в наше время, он, конечно, был бы лучше понят в Риме и стал бы, вероятно, активным членом Восточного института, миссионером, готовящимся отправиться в Советскую Россию“ (стр. 127). И поэтому знакомство с его идеями полезно „для тех, кто в настоящее время занят пропагандой идеи соединения церквей“ (стр. 68).

Реализация соединения церквей — самое горячее желание папы Пия XI, который одушевлен этой идеей и изучил „au fond toute la question orientale“, еще будучи в Польше в качестве нунция. 6 января 1928 г. папа издал первую энциклику, касающуюся соединения церквей („Mortalium animos“), а 8 сентября того же года появилась вторая энциклика „Rerum orientalium“, в которой папа старается пробудить в католическом мире интерес к изучению востока — „России“, где „160 млн. населения могут быть приведены к истинной церкви христовой“.

„Католическая церковь, — пишет van Son, — всегда имела в своем распоряжении выдающихся миссионеров, которые проповедывали христианство и среди язычников и среди тех народов, которые, обладая истинной верой, не находятся в общении с вселенской церковью“. „Задача проповеди единения церквей в России особенно трудна, потому что миссионеры, при всем своем горячем рвении, не знают ни русской психики ни самого культа русского православия“.

Отсюда вывод — необходимо изучать Россию, изучать ее историю, язык, литературу.

В заключительной главе книги „L'union des églises“ автор проводит информацию о мероприятиях папы по „изучению восточного вопроса“. Так, оказывается, 15 августа 1929 г. в Риме была создана специальная русская коллегия Russicum. При католических университетах папа рекомендовал создавать кафедры и целые факультеты для изучения восточного вопроса. Такие кафедры уже существуют в ряде католических центров.

„Черный интернационал“ развивает и усиленную „исследовательскую“ деятельность: в его распоряжении ряд периодических изданий — „L'unité des églises“, „Les Echos d'Orient“, „Revue de l'Orient chrétien“, „Stoudion“, „Byzantion“, „Orientalia christiana“, „Irenikon“.

Автор книги о Крижаниче советует особенно заняться изучением Советской России, „где 160 млн. душ пребывают во грехе лишь по своему неведению; это говорил еще и Крижанич о Московской Руси“. Русский народ „tant éprouvé par le plus terrible des orages“ должен быть приведен скорее „au doux bercail du bon Pasteur“.

Правда, у автора есть некоторые сомнения относительно современного состояния „русской души“. Автор затрудняется ответить на вопрос: „не изменили ли русскую душу, особенность которой заключается в том, что она ищет страдания для своего очищения, 16 лет господства воинствующего коммунизма и антирелигиозной пропаганды?“ Автор утешает своих читателей тем, что с божьей помощью „русская душа“ выйдет из той геенны, в которой она сейчас пребывает.

Таково политическое значение книги van Son'a, представителя католического мракобесия, ищущего в прошлом обоснования религиозной, а по сути дела военной интервенции в Советский Союз. Пролетариату Советской страны надо знать своих врагов и их оружие, как допотопно бы оно ни было. С этой точки зрения нам казалось целесообразным познакомить читателя с идеологическими построениями van Son'a и его вдохновителей.

К. Пушкаревич.

**

RYSZARD SIERPIŃSKI. Tło gospodarcze i istota klasowa powstania listopadowego 1830 roku. (Białoruska Akademia Nauk. Polski instytut kultury proletarjackiej). Minsk. Wydawnictwo Białoruskiej Akademii Nauk, 1934, str. 111.

Книга минского историка Ричарда Серпинского, изданная Польским институтом пролетарской культуры Белорусской Академии Наук, является первым опытом марксистско-ленинской разработки внутренней истории Польского восстания 1830—1831 гг. Этим определяется мера того интереса, который мы должны проявить к этой книге, и отсюда же вытекает тот повышенный уровень требований, который должен встретить эту работу, впервые освещающую с марксистско-ленинской точки зрения один из важнейших моментов истории Польши в XIX в.

Интерес, представляемый книгой Серпинского, возрастает еще в силу того обстоятельства, что Серпинский сделал попытку раздвинуть хронологические

рамки работы, предпослав своему изложению, в качестве первой главы, вводную часть, лаконически озаглавленную: „Период разделов“. Эта глава в объемном выражении занимает около четверти всего текста книги (около полутора печатных листов) и должна быть привлечена к критическому обсуждению наравне со всем остальным содержанием книги.

Тов. Серпинский проводит в своей работе последовательный взгляд на период 1760—1820-х гг., как на эпоху, характеризующуюся в истории Польши процессом первоначального накопления. Первые шаги этого процесса приходятся на 1760—1790-е гг. „Экономику Польши конца XVIII в., — пишет Серпинский, — можно характеризовать как происходящий на основе барщинного хозяйства процесс развития товарного производства и торгового капитала с зачатками капиталистического способа производства... Капиталистическое развитие сталкивается в это время с препятствиями в виде очень неразвитой техники и феодально-сословного строя... Накопление капитала... массовый отрыв производителя от средств производства только еще начинается“ (стр. 16, 17). Падение старой Речи Посполитой сняло ряд препятствий социально-политического порядка на пути экономического развития Польши. В экономической действительности Варшавского герцогства и Конгрессового королевства автор справедливо усматривает дальнейшее нарастание процесса первоначального накопления: „помимо стона крестьян с земли (rządów), подати, кабаки (karczma), широкие кредиты помещикам и т. д. составляют развитую систему первоначального накопления в сельском хозяйстве... Переход к капиталистическим отношениям производства происходит в формах, наиболее отвечающих интересам помещиков“ (стр. 45, 46).

Переходя ко второй части темы — анализу классовой сущности Ноябрьского восстания и классовой борьбы в предшествовавший ему 60-летний период истории Польши, тов. Серпинский обнаруживает такую же четкость, как и в анализе экономических предпосылок польского исторического процесса. Характеризуя „главные причины падения Польши“, Серпинский указывает: „Господствующий класс, шляхта, заинтересован был во все большей эксплуатации хлопов в форме отработочной ренты и частично в стоне их с земли. Программа его не могла мобилизовать крестьянство на защиту независимости. Тогдашняя Польша не имела еще развитых предпосылок для буржуазной революции по типу французской, этим самым и для революционной войны. Наконец, связанная с Россией наиболее реакционная часть господствующего класса не была, в данных исторических условиях, заинтересована в борьбе за независимость. Города же... были слишком слабы для того, чтобы создать достаточную для защиты независимости силу“ (стр. 26).

Анализируя в дальнейшем изложении расстановку общественных классов в Польше накануне восстания, тов. Серпинский приходит к выводу, что угнетенные классы в Польше неспособны были сыграть революционную роль, потому что польское крестьянство не имело гегемона в своем революционном движении, а революционные элементы мелкой буржуазии были слишком слабы, чтобы взять на себя руководство буржуазно-демократической революцией.

Причины краха восстания для тов. Серпинского ясны; они заключаются в неприемлемости для широких масс шляхетской программы капиталистического преобразования Польши и несформулированности другой программы —

плебейско-крестьянской. Эта программа, смутно осознаваемая крестьянством, сводилась к конфискации всех помещичьих земель. Реализация этой программы открыла бы перед Польшей перспективы быстрого капиталистического развития.

Таковы общие контуры исторической концепции нашего автора. Естественным образом, мы хотели бы найти в работе Серпинского не только одну обнаженную схему определенной концепции, но и развернутую критику традиционного люксембургского толкования истории Польши и, главное, построение, облекающее схематический костяк в живую ткань конкретного материала.

К сожалению, однако, основным недостатком работы Серпинского является ее сухой схематизм, правильно и трезво подчеркнутый в редакционном предисловии к книге. Этот схематизм зависит прежде всего от ограниченности привлеченного автором конкретного материала. Из всей обширнейшей и достаточно богатой конкретными фактами литературы вопроса Р. Серпинский привлек к своему изложению лишь небольшое число классических, широко известных работ, безосновательно избегая более тщательных изысканий в области монографической литературы и в особенности журнальных статей. Еще хуже обстоит дело с привлечением первоисточников. И в этом случае автор пользуется лишь классическими литературными памятниками, избегая обращения к актовому и документальному материалу и оставляя в стороне, за немногими исключениями, даже такой общедоступный источник, как польская мемуаристика 1770—1830-х гг.

Тов. Серпинский уклоняется от привлечения более широкого круга источников даже там, где это действительно необходимо в интересах точного установления фактов: так, касаясь в первой главе так наз. Торчинской „суплики“, важнейшего документального памятника крестьянского революционного движения в Польше 1760-х гг., автор дает основание думать, что ему осталась вовсе незнакомой большая часть довольно обширной литературы, посвященной этому документу, в частности, вышедшая в 1931 г. работа Гилевича, сказавшая новое слово в его изучении.

Значительно обогатило бы работу Серпинского и, пожалуй, несколько изменило бы выводы автора более близкое знакомство его с литературой по истории польских ремесленных цехов в XVIII в.

Литература к основным главам работы привлечена более широко, но и здесь автору можно поставить в упрек отказ от использования целого ряда работ и документов. Так, тов. Серпинский отказался от привлечения к своей работе вышедшей недавно публикации донесений французских резидентов в Варшаве времен Варшавского герцогства, не использовал работ ряда современных историков самого Ноябрьского восстания, (особенно работ Токажа). В некоторых случаях т. Серпинский из нескольких работ того или иного автора привлекает не ту, которая является лучшей или наиболее полной. Так вышло у тов. Серпинского с работами Шимона Аскенази, где тов. Серпинский цитирует наиболее слабую и наименее богатую фактами работу этого автора; так же вышло у него и с работами Войцицкого, из которых тов. Серпинский остановился на ранней статье, оставив без внимания более позднюю книгу.

Можно проследить, как ограниченность репертуара исторических фактов суживает выводы автора и лишает его возможности представить марксистско-

ленинскую концепцию исследуемой эпохи и Ноябрьского восстания в частности в надежде развитом виде. Вследствие этого тов. Серпинский неоднократно формулирует свои выводы в афористической форме, далеко не исчерпывая в них конкретного многообразия рассматриваемых вопросов. Таким образом, несмотря на четкую постановку автором некоторых основных проблем, книга не дает необходимого монографического изучения поставленной автором темы. В результате ее выхода в свет мы располагаем лишь общей наметкой концепции процесса исторического развития Польши 1760—1820-х гг. и Польского восстания 1830—1831 гг.; конкретная история этой эпохи, равно как и самого восстания, ждет еще своего изучения в свете марксистско-ленинской теории.

М. В. Джервис.

**

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания. Вступительные статьи, комментарии и редакция В. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена. „Academia“, 1933 г., стр. 582.

Мысль объединить в одном томе воспоминания двух известных в свое время, а теперь полузабытых публицистов—М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева должна быть признана весьма удачной. Оба они состояли ближайшими сотрудниками „Современника“ в эпоху 60-х гг. Связь их с этим журналом началась почти одновременно: Елисеева — в 1858, а Антоновича в 1859 г. Оба они начинали свою литературную деятельность под руководством Н. Г. Чернышевского, который ценил их литературный талант и надеялся найти в них продолжателей своего дела. Оба они после ареста Чернышевского вошли в редакцию „Современника“ и руководили им вплоть до его закрытия правительством после покушения Каракозова. В годы совместной работы в „Современнике“ они были очень близки друг с другом.

В основном, воспоминания их посвящены одной и той же эпохе, одним и тем же событиям, одним и тем же людям. Сказанное одним из них служит прекрасным дополнением к рассказу другого, что, однако, не исключает наличия известных расхождений и даже противоречий между их воспоминаниями.

Вскоре после закрытия „Современника“ пути, которыми шли Антонович и Елисеев, разошлись в разные стороны. Елисеев становится одним из редакторов нового журнала Некрасова — „Отечественных Записок“, в котором он продолжает работать до закрытия его правительством в эпоху дворянской реакции 80-х гг. Другой дорогой шел Антонович. Вместе с своим другом Ю. Г. Жуковским, также одним из ближайших сотрудников „Современника“ в последний период его существования, он выступает с злобным памфлетом против Некрасова и „Отечественных Записок“. После нескольких неудачных попыток пристроиться к журнальному делу, он надолго остается вне литературы. Позднейшие его литературные выступления свидетельствуют о превращении его в либерала, или, в лучшем случае, в буржуазного радикала в западноевропейском смысле этого слова.

Естественно, что когда на склоне своей жизни люди, далеко разошедшиеся друг с другом, вспоминают об одних и тех же событиях, то в их рассказах мы находим ряд противоречий, особенно когда их рассказы касаются обстоятельств, вызвавших раскол между ними. Однако это не понижает исторической ценности их воспоминаний. Сопоставление их открывает перед нами возможность их взаимной проверки.

Воспоминания Антоновича, как и воспоминания Елисеева, не представляют собою единого, целого и законченного произведения, а состоят из отрывочных очерков, одновременно написанных авторами. Некоторые из них были уже опубликованы в периодической печати, другие были известны нам только по цитатам и передаче их исследователями, пользовавшимися ими в рукописи; некоторые, наконец, оставались совершенно неизвестными и впервые появляются в печати в рецензируемом издании. Это, конечно, сильно увеличивает интерес и ценность издания. Что касается воспоминаний Антоновича, то они подготовлены к печати известным знатоком истории русской журналистики В. Евгеньевым-Максимовым.

Четыре раза Антонович принимался за воспоминания о Чернышевском. Один раз он пытался в речи, произнесенной в 1909 г. в Вольно-экономическом обществе, дать на основании своих впечатлений от встреч с Чернышевским общую характеристику великого публициста. Другой раз он рассказал то, что ему, со слов самого Чернышевского, было известно о поездке последнего в Лондон для свидания с Герценом. Третья статья имеет полемический характер; в ней Антонович подробно разбирает опубликованные в „Историческом вестнике“ воспоминания Эвальда в той части, где Эвальд рассказывает о своем столкновении с Чернышевским в 1862 г. по поводу студенческого движения. Наконец, четвертая статья посвящена аресту Чернышевского в 1862 г. Одна из этих статей, — та, в которой Антонович рассказывает о поездке Чернышевского в Лондон в связи с известным выступлением Герцена против „Современника“, — появляется впервые в рецензируемом издании. Приходится признать, что она сильно разочаровывает читателя, ожидающего найти в ней что-нибудь новое относительно этого любопытнейшего эпизода из истории классовой борьбы 60-х гг. Как ни близок был Антонович к Чернышевскому, этот великий конспиратор, очевидно, не находил возможным даже ему рассказывать в подробностях о своем свидании с Герценом. Мало этого, по своему обыкновению, Чернышевский подсмеивался над собою, когда ему приходилось в разговорах с Антоновичем касаться этой темы. Свою поездку он называл „колоссальной глупостью“. Вот, что передал Антонович относительно свидания Чернышевского с Герценом: „Явившись к нему, — рассказывал Чернышевский, — я разоткровенничался, раскрыл перед ним свою душу и сердце, свои интимные мысли и чувства, и до того расчувствовался, что у меня в глазах появились слезы, — не верите, ей-богу, уверяю вас. Герцен несколько раз пытался остановить меня и возражать, но я не останавливался и говорил, что я не все еще сказал и скоро кончу. Когда я кончил, Герцен окинул меня олимпийским взглядом и холодным поучительным тоном произнес такое решение: „Да, с вашей узкой партийной точки это понятно и может быть оправдано; но с общей логической точки зрения это заслуживает строгого осуждения и ничем не может быть оправдано“. Его важный вид и его решение просто ошеломили меня, и все мое существо с его настроением

и чувствами перевернулось вверх ногами“. Чернышевский сейчас же встал и немедленно стал прощаться с Герценом, который пытался остановить его, но он сказал, что ему некогда, что он спешит и ему надобно скоро уезжать, и он ушел немедленно“ (стр. 91—92).

Этот рассказ Антоновича вызывает большие сомнения. Совершенно ясно, что в нем никак нельзя видеть точной передачи того, что происходило в Лондоне. Если верить Антоновичу, то Чернышевский представлял себя человеком оправдывающимся, а Герцена — судьей, выносящим решение. Однако мы хорошо знаем, что Чернышевский ездил в Лондон не для того, чтобы оправдываться, а для того, чтобы обвинять Герцена, и он действительно выполнил это намерение. В 1888 г., вспоминая о своей поездке в Лондон, он писал: „Я ломал людей, ломавших все и всех, до чего и до кого дотронутся; я ломал Герцена (я ездил к нему дать ему выговор за нападение на Добролюбова) и — он вертелся передо мной как школьник“. (Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, М. — Л., 1930 г., т. III, стр. 349). Достаточно сопоставить эти слова Чернышевского с рассказом Антоновича, чтобы стало ясно, как мало можно доверять этому рассказу. Остается предположить, что Чернышевский не находил возможным быть вполне откровенным с Антоновичем и сознательно искажал в разговоре с ним обстоятельства своего свидания с Герценом. Характерно, что, несмотря на близость к Чернышевскому и хорошее знакомство с фактической стороной событий того времени, Антонович не смог осмыслить действительное значение разрыва Герцена с кружком „Современника“. Это отчетливо сказалось на его воспоминаниях, особенно там, где он оспаривает Богучарского, рассматривавшего разрыв Герцена с Чернышевским как результат столкновения двух течений общественной мысли того времени. С точки зрения Антоновича, Герцен и „Современник“ были не враждебными лагерями, а „только двумя частями одного лагеря“, и вовсе не враждебными, а „согласными между собою в большинстве принципов и пунктов и разногласных только в некоторых частностях и подробностях“ (стр. 88). Нет, конечно, никаких сомнений в том, что сам Чернышевский, как и Добролюбов, ни в коем случае не согласился бы с такой точкой зрения. Как он сам, так и люди, близкие ему по политическим взглядам (вспомним хотя бы А. А. Серно-Соловьевича и его брошюру „Наши домашние дела“), очень хорошо понимали, что в лице Герцена они имеют дело с политическим противником. Если к сказанному прибавить, что и Кавелин, по мнению Антоновича, не был противником и врагом Чернышевского (стр. 35) и что, по его же мнению, диссертация Чернышевского может дать повод думать, что у ее автора не было „эстетической жилки“ (стр. 41), то нам будет ясно, как далеко отошли от Чернышевского его эпигоны типа Антоновича.

Специальные статьи посвящены Антоновичем воспоминаниям о Добролюбове и Некрасове. Обе они уже были опубликованы (первая из них со значительными выкидками цензурного характера, восстановленными в рецензируемом издании) и хорошо известны всем интересующимся данной эпохой. Остальные две статьи Антоновича, вошедшие в рецензируемое издание, имеют полемический характер (обе они также были уже напечатаны). В одной из них, — „Редакция «Современника» в 1866 г.“, — Антонович спорит против работ В. Е. Евгеньева и приводимых им выдержек из воспоминаний Елисева

и его жены, относящихся к обстоятельствам расхождения Антоновича с Некрасовым. Другая написана по поводу статьи Русанова о П. Л. Лаврове и дает много ценного материала, характеризующего политическую позицию Лаврова в 60-е гг. и его отношения к кружку „Современника“. Можно только удивиться, почему редакция рецензируемого издания не включила в него еще одни воспоминания Антоновича о Лаврове и даже не упомянула об их существовании. Эти воспоминания были записаны со слов Антоновича П. Витязевым и опубликованы им в № 9 „Голоса минувшего“ за 1915 г. Между тем они касаются тех же вопросов, что и статья Антоновича против Русанова, и во многих отношениях являются ценным дополнением к ней.

Что касается воспоминаний Елисеева, то редакция их принадлежит Г. Ф. Тизенгаузену. Писались они Елисеевым в последние годы его жизни, когда он после закрытия „Отечественных Записок“ остался без постоянной литературной работы. Сохранившиеся рукописи его воспоминаний в основном представляют собой незавершенные и недоработанные черновики. До сих пор они были нам знакомы только по выдержкам, приводимым из них Н. К. Михайловским и В. Е. Евгеньевым-Максимовым.

Наиболее крупная по размерам и наиболее содержательная часть воспоминаний Елисеева посвящена истории „Современника“ после ареста Чернышевского и истории перехода „Отечественных Записок“ в руки Некрасова. Особенно интересно то, что Елисеев рассказывает о последних годах „Современника“. Как раз эта часть его воспоминаний была использована сравнительно слабо теми исследователями, которые работали над его воспоминаниями по рукописи, а между тем она имеет большое значение не только с точки зрения истории журналистики, но и для тех, кто изучает эволюцию русской общественной мысли.

Историю „Современника“ после ареста Чернышевского Елисеев изображает как медленную агонию. По его мнению, „Современник“ погиб бы даже и в том случае, если бы правительство не прервало насильственно его существования. Елисеев считает громадной ошибкой руководителей „Современника“ этих лет сохранение прежней программы этого журнала. По его мнению, в условиях реакции, начавшейся в 1863 г., руководителям „Современника“ необходимо было „для пользы дела смягчить крик“. Так, напр., во время польского восстания им следовало бы отмежеваться от тех „подпольных листков“, которые призывали к поддержке восставших (стр. 290 и 295.) Ошибкой считает Елисеев и то, что редакция „Современника“ напечатала „Что делать?“ Чернышевского без предисловия, которое выясняло бы ее отношение к этому роману. По его мнению, в предисловии следовало бы подчеркнуть, что картина будущего общества, обрисованная в снах героини романа — это „мечта или утопия“, осуществляемая в лучшем случае „во времена отдаленнейшие, положим, через тысячу лет и более“, т. е. дать приблизительно такую же оценку „Что делать?“, какую в 90-х гг. дал известному роману Беллами буржуазный „Вестник Европы“, посвятивший ему статью И. И. Янжула „Новая фантазия на старую тему“. Надо, однако, сказать, что „ошибка“ редакции в данном случае не была так велика, как кажется Елисееву. Если роман Чернышевского и был напечатан без предисловия, то, как рассказывает сам Елисеев, вслед за его напечатанием редакция все же отмежевывалась от „утопий“ Чернышевского. Это было сделано в статьях как

самого Елисеева, так и Ю. Жуковского (а также и Щедрина, о чем Елисеев умалчивает).

Уже один этот факт внушает сомнение в правильности указания Елисеева на то, что новая редакция „Современника“ осталась вполне верна его старой программе. И это сомнение совершенно правильно. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться хотя бы с тем, что писал в „Современнике“ после ареста Чернышевского сам Елисеев, не говоря уже о Жуковском, Ватсоне и других его сотрудниках этой поры. Если Чернышевский и Добролюбов твердо стояли на той точке зрения, что история России подчинена тем же законам, как и история Запада, то Елисеев в своих статьях обосновывал иную — противоположную точку зрения, утверждая, что русская жизнь, в отличие от западной, всегда строилась на началах „народности“, „земственности“, не зная борьбы партий, классов и сословий. „Русская история, — писал он, — есть дело любовного земского строения“ („Современник“, 1864 г., № 3, стр. 118). Став на такую точку зрения, Елисеев естественно приходил к оппортунистическим выводам. Тот призыв к борьбе против абсолютизма и феодализма, который выдвигали и обосновывали Чернышевский и Добролюбов, он заменил проповедью общей работы всех классов общества на благо страны. Он мечтал не о революции, как бывшие руководители „Современника“, а о мирном строительстве, надеясь убедить господствующие классы в необходимости поступиться своими интересами в пользу угнетенных. И если в начале своих воспоминаний Елисеев говорит, что „между „Современником“, возобновившимся с 1863 г., и прежним „Современником“ было мало общего“, то это признание является совершенно правильным и имеет большее значение, чем то, которое придавал ему сам Елисеев.

К сожалению, во вступительной статье Г. Тизенгаузена это обстоятельство осталось неотмеченным. Мало того, автор вступительной статьи дает совершенно неправильную характеристику политической позиции Елисеева как верного последователя идей Чернышевского. С его точки зрения, Елисеев — „разночинец демократ, ставший на сторону крестьянской революции“ и оставшийся ей „верен во всех своих писаниях“. Вряд ли нужно говорить после сказанного выше о полной несостоятельности такой точки зрения на Елисеева. Если бы автор вступительной статьи дал себе труд ознакомиться с сочинениями Елисеева, он убедился бы в том, что оппортунизм был всегда отличительной чертой писаний этого публициста.

Другие части воспоминаний Елисеева представляют не столь выдающийся интерес как та, о которой мы только-что говорили, но и они имеют несомненное историческое значение. В них Елисеев рассказывает об „Отцах и детях“ Тургенева и о впечатлении, произведенном этим романом на общество, о слепцовской коммуне, о литературной богеме 60-х гг. и др.

В приложении редакция книги дала воспоминания жены Елисеева. Она рассказывает о реакции после покушения Караковского, об аресте мужа, о закрытии „Современника“ и о переходе „Отечественных Записок“ к Некрасову. Ее воспоминания дают ряд ценных дополнений к воспоминаниям самого Елисеева, но в то же время к ним нужно относиться строго критически, вследствие их крайней субъективности. Это — воспоминания, написанные женой, влюбленной в своего мужа и вследствие этого склонной преувеличивать его значение. В ее главах Елисеев „был в то время самым популярным лицом

в русской литературе, да, пожалуй, и вообще" (?!) — „по натуре организатор и демагог" (!). Если „Отечественные Записки" в 70-е гг. были лучшим журналом и пользовались громадной популярностью, то этим они обязаны исключительно Елисееву; „основание «Отечественных Записок», — утверждает Елисеева, — всецело принадлежало не кому другому, и даже не Некрасову с его деньгами, а моему мужу". Последний всегда был „центром для сотрудников и, так сказать, связующей нитью «Отечественных Записок» с внешним миром". Салтыков никогда не мог занять такого „исключительного положения" и потому всегда „завидовал" Елисееву (стр. 438, 441, 443, 454).

Эти наивные суждения показывают, с какой осторожностью надо относиться к сообщениям и оценкам Елисеевой.

Признавая большой интерес мемуаров Антоновича и Елисеева, нельзя не отметить, что редакция рецензируемого издания произвела в них ряд сокращений. Статья Антоновича о поездке Чернышевского в Лондон сокращена на одну треть на том основании, что в ней Антонович, по словам редактора, „явно злоупотребляет цитатами из работ, пользующихся широкой известностью". Из речи Антоновича в Вольно-экономическом обществе о Чернышевском выброшено начало. Аналогичной операции подверглись и воспоминания Елисеева. Редакция сокращала их, разбивала на главы, выкидывала из них повторения и недоведенные до конца экскурсы. Охотно верим, что от этих сокращений книга много выиграла с точки зрения доступности ее для читателей. Однако научное значение ее несомненно пострадало. Нам кажется, что мемуары Антоновича и Елисеева являются историческими документами немалого значения, и их, по нашему мнению, следовало бы напечатать так, как печатаются исторические документы.

Что касается комментариев, то в общем они стоят на должной высоте; однако в части, касающейся мемуаров Елисеева, они не лишены некоторых ошибок. Напр., совершенно ошибочно указание на то, что в 1869—1870 гг. в России „Капитал" Маркса был „почти неизвестен" (стр. 563). Неверно, что в полемике „Современника" с „Русским словом" „основные разногласия между этими журналами не нашли себе по цензурным условиям сколько-нибудь яркого отражения" (стр. 548).

К этому надо прибавить, что некоторые места воспоминаний Антоновича и Елисеева, нуждающиеся в объяснении, остались не комментированными. Напр., не указано, что тот „московский нигилист", начавший после каракозовского дела „на чем свет стоит" бранить „Современник", о котором рассказывает Елисеев (стр. 357), — известный впоследствии профессор философии Киевского университета А. А. Козлов. Не всегда отмечены и фактические неточности, попадающиеся в воспоминаниях. Напр., по Антоновичу выходит, что знаменитый пожар Апраксина рынка произошел при жизни Добролюбова (стр. 175), а не после его смерти, как это было в действительности. Не отмечены и другие ошибки того же автора. „Век" редактировался Елисеевым не после „Очерков", а раньше (стр. 197); утверждать, как это делает Антонович, что эпиграмма „Близ селения речка" направлена против И. И. Панаева, нет никаких оснований.

Б. Козьмин.

ДАВИД ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ. Военные мемуары. Том I—II. Перевод с английского И. Звавича. С предисловием Ф. А. Ротштейна. Государственное социально-экономическое издательство. Москва, 1934, стр. 678.

Наконец-то заговорил и сам Ллойд-Джордж. Его имени существенно недоставало в длинном ряду авторов воспоминаний о мировой войне. Он долго „колебался“, по его собственному признанию, последовать ли примеру Клемансо, Асквита, Грэй, Черчилля, Хауза, кайзера, кронпринца, Пуанкаре, Вильсона, Фоша, Гинденбурга, Людендорфа, Френча и многих других деятелей войны, и даже „почти решил“ предоставить это тем, кому полагал оставить свои документы и записки. Но в условиях невольного „единения от политической борьбы“ у него взяло верх соображение, что он „был единственным государственным деятелем, стоявшим у власти с момента объявления войны до подписания мира“, что „нет никого, кто был бы так интимно знаком с вопросами руководства войной“, как он. И он решил „рассказать о себе своими словами“.

В этом рассказе фигура Ллойд-Джорджа вырастает в таком виде, что ее действительно можно назвать „одной из самых зловещих“ в галлее деятелей империалистической войны.¹ Рассказ свой Ллойд-Джордж ведет с таким литературным блеском и почти юношеским увлечением, что никому и в голову не придет поверить, будто ему „крайне неприятно вспоминать, как люди (т. е. в первую очередь сам Ллойд-Джордж) посвящали энергию, ум и рвение в течение четырех с половиною лет делу разрушения и жестокости“. Автохарактеристика идеального приказчика английской буржуазии, находчивого и ловкого мастера политической легкой атлетики, смелого организатора и гибкого администратора, демагога и выскочки, свободного от закоренелых предрассудков английской парламентарной бюрократии и потому способного охватывать любой предмет в широком, не профессиональном плане, — очень удалась Ллойд-Джорджу.

Но ценность мемуаров не только в том, что Ллойд-Джордж рассказывает „своими словами“, а и в тех документах, которые он цитирует и зачастую приводит целиком. Нетрудно догадаться, что поднятый недавно правительством Макдональда вопрос о возвращении правительству документов и даже копий, которые бывшие министры, по доброй английской традиции, сохраняли у себя как личную собственность, возник именно в связи с опубликованием военных мемуаров Ллойд-Джорджа.

Первые два тома содержат не менее полутора ста документов (писем, официальных отношений, меморандумов) совсем первого сорта, какой бы ничтожный процент всего скопленного Ллойд-Джорджем материала они ни представляли.

Приступая к выпуску своих мемуаров на грани новой мировой войны, Ллойд-Джордж делает вид, что „это необходимо, если желаешь предотвратить повторение подобного несчастья“. На деле же у него получилось животрепещущее практическое руководство по ведению мировой войны и рациональному построению внешней и внутренней политики империалистической буржуазии. В этой книге безнадежно искать указаний на то, как предотвра-

¹ См. предисловие Ф. А. Ротштейна, стр. 23.

тить империалистическую войну. Зато она полна бесчисленными указаниями, как не следовало и не следует вести войну и как можно было бы, чуть не в том же 1914 г. быстро ее закончить с тем же победным результатом, если бы... если бы с самого начала ее вел Ллойд-Джордж, а не все эти Грэй, Асквиты и Китченеры. Война застала Ллойд-Джорджа на посту канцлера казначейства, якобы в состоянии совсем среднеобывательской осведомленности в вопросах внешней политики и военных и почти лишенным самостоятельных представлений о флоте. И она же раскрыла широко перед ним двери к стремительной карьере, которую он непосредственно связал с трудностями, одна за другой возникавшими перед либеральным кабинетом Асквита в результате военных и дипломатических неудач.

Первые два тома мемуаров и рассказывают о том, как пролагал Ллойд-Джордж этот путь от „толкача“ в первые месяцы до организатора победы, когда в декабре 1916 г. он, свалив Асквита, занял пост премьера с почти диктаторскими полномочиями.

Такая эгоцентрическая установка, в связи с бесспорной литературной талантливостью автора, делает мемуары Ллойд-Джорджа весьма доходчивой до широкого английского читателя книгой. Автор подает себя в ней на меняющемся живом фоне острых и кратких характеристик руководящих деятелей войны (Грэй, Китченер, Асквит, Бальфур, Бонар Лоу, Робертсон) — прием, который, фиксируя общие критические линии книги, собирает перед читателем как раз недостающие этим людям черты в характеристику самого Ллойд-Джорджа и конкретно уясняет неизбежность его поведения и роли в развитии рисуемых событий. Но, отдавая дань среднему уровню буржуазного читателя и увлекаясь эффектною изложением, Ллойд-Джордж впадает, с одной стороны, в пошлость и упрощение, рассчитанные на совсем наивное сознание, с другой стороны — в преувеличения и бахвальство, которые придают всей книге несколько надоедливо-хващливый привкус.

Критическая формула Ллойд-Джорджа очень проста. Союзники, обладая огромным превосходством в области людских, промышленных и финансовых ресурсов, с самого начала „преступно“ расточали первые, пренебрегали вторыми и скупались в обращении с третьими. В основе этого «преступления» лежали: 1) непонимание того, что слабейшим местом центральных держав были восточный и юго-восточный фронты, 2) непонимание значения техники в этой войне, 3) „трусость и нервность“ союзнической дипломатии, в частности английской. Смелая дипломатия в первые же месяцы войны могла бы, не стесняясь средствами, создать „мощную балканскую федерацию“ с полуторамиллионной сербо-болгаро-греко-румынской армией, которая отрезала бы Турцию от центральных держав и заставила бы ее заключить мир еще в 1915 г. Своевременная мобилизация технических средств позволила бы вооружить русские армии еще в 1915 г., и Австрия была бы тогда же „раздавлена“ соединенными силами России и балканских стран. Это значило бы ограничиться на западном фронте сдерживанием немцев, а все потраченные впустую на попытки прорвать западный фронт технические и частью людские средства перебросить на русский и балканский фронты. Вместо этого союзники упорно „ударяли по щиту Ахиллеса и забыли о его пята.“ „Война на истощение“ заняла место „войны на сообразительность“.

Что касается вопроса о происхождении войны, то Ллойд-Джордж решительно предпочитает теорию ее стихийного происхождения. Грэй, оказывается, „честно пытался“, но, придя „в состояние почти полного смятения“, „не сумел предотвратить войны“. Вообще „среди правителей и государственных деятелей“ не было „ни одного — это совершенно ясно (!) — кто хотел бы войны“, во всяком случае — „в европейском масштабе“. Единственное исключение Ллойд-Джордж делает для „глупца“ Берхтольда, „на которого следует возложить (и то „быть может“, прибавляет Ллойд-Джордж) главную ответственность за большую часть того, что случилось“. Но в этом „глупце“, припиленном к имени австрийского министра, больше презрения к аляповатости дипломата, проговорившегося в своей телеграмме к австрийскому послу в Петербурге, что Австрия не остановится „даже перед возможностью европейских осложнений“, — чем обвинения. Потому что в итоге своих легких и беглых адвокатских рассуждений, Ллойд-Джордж, уже как присяжный, выносит всем обвинительный приговор „в непредумышленном убийстве“ и никому — „в убийстве из расчета“. О свойстве всех этих рассуждений советскому читателю даст ясное представление такая, например, тирада:

„Слабый и простоватый, но искренний русский царь также не хотел войны. В течение его царствования случайные проявления беспощадной свирепости против стачечников, евреев или революционеров, за которые его считали ответственным, не выражали с его стороны природной жестокости. Эти проявления всегда были вызваны внушением или подстрекательством, будь то со стороны правительства или со стороны членов царской семьи. Но на этот раз главный советник царя в правительстве, Сазонов, высказывал подлинный ужас перед перспективой большой войны, а в интимном кругу царской семьи даже Распутин предупреждал двор об угрозе династии, создающейся в том случае, если Россия будет втянута в конфликт с ее могущественными соседями“.

Если царя Ллойд-Джордж пробует спасти апелляцией к распутинской тени, то на помощь кайзеру он призывает цитаты из его же, кайзера, мемуаров, будто бы устанавливающие невольное опоздание его возвращения в Берлин из „увеселительной поездки“ и невозможность повернуть события назад на полном ходу. Этот же лубочный прием идет в ход у Ллойд-Джорджа и тогда, когда он выступает против „тех, кто якобы (великолепно это: „якобы“!) верил, что эта война явилась следствием интриг со стороны финансистов, которые организовали все дело и продиктовали свою волю к войне в своих собственных целях“. С поразительной элегантностью Ллойд-Джордж в этом деликатном случае апеллирует... к самому себе. Он парирует ленинскую теорию происхождения империалистической войны одной лишь ссылкой на то, что в решительные дни „люди денег тряслись от страха перед перспективой войны“, и он „делал все, что было в моих силах, чтобы укрепить их расшатанные нервы“ (стр. 77), нервы „растерянных и крикливых финансистов“ (стр. 98). Это уж явно рассчитано на того обывателя, который представляет себе „финансистов“ людьми с какими-то особенно крепкими нервами и притом привыкшими вести дела в обстановке мировых войн, или на чудака, принимающего крики родильницы за нежелание иметь ребенка. Но как ни скуп и изворотлив здесь наш автор, внимательный читатель на соседних же страницах най-

дет небезытересные указания на то, что и сам Ллойд-Джордж занимался укреплением „расшатанных нервов“ отнюдь не с медицинскими целями а хлопача о „восстановлении доверия на денежном рынке“, и в несколько дней добился блестящего успеха в непрерывном сотрудничестве с целым рядом отнюдь не растерявшихся представителей финансового капитала, в том числе с Остином Чемберленом (предвосхищая будущую политическую коалицию в первую очередь в финансовой сфере), — что, далее, „трудности“ тут лежали не только в том, чтобы „распутать сложную паутину финансового аппарата и спасти тех, кто в ней запутался“ (и кто действительно мог дрожать от страха), а и в том, чтобы „примирить интересы различных секций банковского мира“ (стр. 98). При этом нетрудно заметить, что политическую линию Сити проводил в кабинете министров не кто иной, как сам Ллойд-Джордж.

Как известно, в случае нарушения Германией нейтралитета Бельгии, автоматически вступало в действие соглашение с Францией о посылке английского экспедиционного корпуса на франко-бельгийскую границу. Но до этого момента английский кабинет формально был свободен принять любое решение, и во время его „непрерывных“ заседаний 31 июля и 1 и 2 августа 1914 г. „обнаружились значительные разногласия по вопросу об английском вмешательстве в русско-германскую войну, даже если Франция была бы вынуждена к участию в войне своим союзом с Россией“, причем „было совершенно ясно, что разногласия (между членами кабинета) были непримиримы“. Насколько Сити, как организация, не впало ни в какую растерянность и готово было диктовать свою волю кабинету, видно из того, что в субботу 1 августа, в самый разгар кабинетских дискуссий, к Ллойд-Джорджу, „как к канцлеру казначейства“, явился главный директор Английского банка (лорд Кэнлифф), чтобы „заявить от имени Сити, что финансовые и торговые круги лондонского Сити были категорически против нашего вмешательства в войну“. Что это был не акт трусости или припадок пацифизма, а программа использования уже начавшейся континентальной войны, включавшая подготовку эвентуального вооруженного вмешательства с целью продиктовать в подходящий момент истощенным комбатантам мирные условия, какие захочет Сити, обнаруживают речи, которые держал тогда Ллойд-Джордж перед своими коллегами по кабинету. Именно он настаивал перед ними на том (приведем пересказ самого автора) —

„чтобы мы придерживались политики, которая не ограничивалась бы простым пассивным невмешательством в борьбу между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией и Францией, с другой. Мы не были в положении Франции. Франция была обязана по договору поддерживать Россию в ее ссоре в Германией. Мы не имели подобного обязательства. Я поэтому предложил, чтобы мы приняли немедленные меры для увеличения и усиления нашей армии как в отношении численности, так и в отношении военного снаряжения с тем, чтобы ни одна из воюющих сторон не могла позволить себе отнестись без должного внимания к нашим пожеланиям, если бы мы сочли момент удобным для вмешательства. Если бы Германия продолжала соблюдать свои обязательства в отношении нейтралитета Бельгии, эта политика была бы самой правильной, у нас оставалось бы достаточно времени,

чтобы умерить пыл страстей и дать угаснуть первому взрыву энтузиазма. Для Франции проблема была бы иной; события развивались бы медленнее. Вместо того, чтобы защищать границу, простиравшуюся на 500 миль и лишенную каких-либо крепостей или искусственных преград, Франция могла бы сосредоточить все свои силы на защите границы в 250 миль, где она обладала грозными крепостями. Армия в три миллиона человек, включая резервы, окопавшись на этом узком участке фронта, была бы непобедимой, и Германии пришлось бы довольствоваться защитой своих границ на западе и переброской германской армии в Польшу. Там транспортные затруднения, плохие дороги, недостаточные железнодорожные пути, огромные расстояния отстрочили бы исход войны на многие недели, если не месяцы. Двенадцать месяцев ожесточенной борьбы понадобилось Германии, чтобы завоевать Польшу, и даже тогда русская армия все еще существовала и была готова возобновить борьбу в 1916 г. Вмешательство Англии в интересах мира могло бы тогда привести к более благоразумному решению. Англия была единственной державой в Европе, которая еще никогда не была разбита в европейской войне. С ее неуязвимостью для нападения, с ее могучим флотом, руководимым самыми опытными моряками мира, с ее огромными ресурсами Англия могла взять измором любую державу, если бы Англия в состоянии была бросить на чашу весов хорошо снаряженную армию в один миллион человек в качестве поддержки своего флота. Германия вынуждена была бы задуматься раньше, чем отвергнуть условия мира и тем поставить Британскую империю в ряды своих врагов" (стр. 75—76).

Таков был истинный план Сити на тот идеальный случай, если бы в Германии 1) были абсолютно уверены, что Англия вмешается из-за Бельгии и 2) предпочли бы избежать этого вмешательства. Грэй не был столь оптимистичен и, повидимому (как весьма правдоподобно толкует и Ф. А. Ротштейн, предисл., стр. 18), предпочел упорно промолчать о бельгийском *casus foederis*, „чтобы не спугнуть Германии и не сделать войну невозможной“. Теперь Ллойд-Джордж, вслед за многими другими, проливает крокодиловы слезы по поводу этой „оплошности“ Грея.

Нечего и говорить, что Ллойд-Джордж в этой связи совсем традиционно трактует „угрозу неизбежной гражданской войны в северной Ирландии“, будто бы „всецело“ поглощавшую внимание кабинета в последние дни, — как шанс, которому в Германии при учете возможностей английского выступления придавали сдерживающее значение, — а также вовсе не упоминает об огромном подъеме и рабочего движения. Этим Ллойд-Джордж смазывает бьющее в глаза повелительное значение указанных внутренних затруднений именно для решимости английского правительства не откладывать шедшую в руки войну и не упустить случая потопить эти трудности в котле войны.

Но не только „никто“ не хотел войны — никто практически и не предвидел ее еще в начале лета 1914 г. Даже для дней Сараевского инцидента Ллойд-Джордж рисует картину идилического спокойствия в европейских и особенно английских правящих кругах. Тем более в 1905 г., когда он впервые стал министром, если бы ему сказали, что он примет участие в ведении войны между Германией и Англией, он отнесся бы к этому, как „к одному из многих нелепых предсказаний, которыми награждают каждого общественного деятеля различные неуравновешенные люди“. Во

всяком случае слова консервативного лорда Роабери, что соглашение с Францией 1904 г. „в конце концов означает войну с Германией“ тогда показались ему парадоксом. В конце концов Ллойд-Джордж все же признает, что „в значительной степени вызвало мировую войну“ — строительство германского флота (стр. 35). И далее поддается искушению от мотива своего пацифистского непредвидения войны перейти на мотив своей патриотической прозорливости, обусловившей тягу его к консерваторам и реконструкции правительства — с целью преодоления партийной и парламентской системы, становившейся непреодолимым препятствием к разрешению надживнувшихся на Британскую империю внутренних и внешних проблем. К сожалению, Ллойд-Джордж не приводит текстуально того меморандума, который он представил Асквиту в 1910 г., в самый разгар своей бешеной борьбы за бюджет с палатой лордов и серьезнейшего кризиса, грозившего революцией в Англии и гражданской войной в Ирландии, — меморандума, предлагавшего „вождям обеих политических партий в Англии установить национальное сотрудничество“. Но и по краткому пересказу его видно, что страх перед революцией толкал Ллойд-Джорджа на установление единого буржуазного фронта, а чувство нараставшей неизбежности большой империалистической войны за передел мира и, может быть, внутренних классовых битв заставило его включить в проект соглашения пункт о введении если не всеобщей воинской повинности, то милиционной системы швейцарского типа (стр. 52). „Если бы этот проект был осуществлен, то к 1914 г. мы располагали бы одним или полутора миллионами обученных военному делу солдат“, а не „презренной маленькой армией из шести дивизий“, — мечтает теперь Ллойд-Джордж, — и „сражение на Ипре... привело бы к нашей победе, которая могла бы освободить Фландрию и закончить войну“. И он скорбит, что несмотря на как-будто бы сочувственное отношение руководящих членов консервативной верхушки, проект этот разбился о косность и враждебное отношение к демагогической фигуре самого Ллойд-Джорджа серой консервативной партийной массы. Здесь в ретроспективном плане Ллойд-Джордж дает понять, что „бывает время, когда партийная система является серьезным препятствием для осуществления высших интересов народа“ (читай, разумеется: „буржуазии“), и этим закрепляет за собой приоритет в изобретении фашистского рецепта спасения буржуазии. В истории прафашизма эти страницы мемуаров (51—56) не могут быть переоценены.

Что означало это предложение о реконструкции системы сухопутных сил Англии, Ллойд-Джордж мог отдавать себе к этому времени ясный отчет. Заняв пост канцлера казначейства в 1908 г., Ллойд-Джордж вступил в борьбу с адмиралтейством „против раздутых вооружений“, имевших целью „сохранение чрезмерной, провокационной разницы“ между английским и германским флотами и настаивал на соглашении с Германией о снижении темпов судостроительных программ. И Грэй предоставил ему возможность самому испробовать склонить к этому германского посла. Из любопытных документов, приведенных в мемуарах *in extenso* относительно двух частных бесед Ллойд-Джорджа с Меттернихом видно, что этот свой первый дипломатический дебют Ллойд-Джордж кончил угрозой „создать армию, способную защищать страну от любого неприятеля“, на что последовал „довольно резкий“ ответ: „думаете ли вы, что нам следует терпеливо ждать окончания этого процесса?“

С этого момента Ллойд-Джордж, в качестве члена знаменитого Комитета имперской обороны, вплотную вошел в атмосферу подготовки англо-германской войны, которую вели „многочисленные подкомиссии“ Комитета, и блестяще выдержал экзамен на арене воинствующего империализма, предъявив свой *Meisterstück* в виде известной боевой речи на банковском празднике 1911 г. Продолжая и впредь, до самой войны, критиковать „бесцельную“ расточительность адмиралтейства, выдвигавшего все новые требования, Ллойд-Джордж вращался в кругу далекого от пацифизма технического спора, относительно которого и теперь он не забывает хвастнуть, что его возражения против постройки судовой лавианов сопровождалась его же настояниями „сосредоточить силы на постройке небольших судов для защиты наших торговых путей“ — настояниями, полностью оправданными опытом войны, когда лорду Фишеру на ходу пришлось „с лихорадочной энергией“ ликвидировать грозные последствия этой адмиралтейской непредусмотрительности. Этот самый Фишер (тот самый, который как-то заявил кабинету о своей готовности среди глубокого мира пустить весь германский флот ко дну) говорил, что в Англии могут „спокойно спать в постели, пока ее флот непобедим“. Теперь из мемуаров Ллойд-Джорджа можно извлечь косвенное подтверждение тому, что спокойствие, с каким встретил английский кабинет войну 1914 г., принявшее почти ритуальный характер в картинно описанные Ллойд-Джорджем часы ожидания ответа Германии на ультиматум 4 августа, истекало не только из общего сознания непобедимости флота, но и из того, что „так случилось (так просто и сказано: „так случилось“!), что когда война стала фактом, планы, которые имели величайшее значение для нашего успеха, лежали в совершенно готовом виде в папках Комитета имперской обороны, были продуманы в мельчайших подробностях и вполне готовы к осуществлению“. „Еще ничего не было написано, — восторгается Ллойд-Джордж, — о том, чего удалось достигнуть этой замечательной организации в годы перед войной, и о том, до какой степени ее члены оказались в состоянии предусмотреть будущее“; не пишет об этом, понятно, и Ллойд-Джордж. Но главное — это „организация территориальной армии, генерального штаба, как мозгового центра армии, и создание корпуса подготовки офицеров“, зародыш, из которого только и могла вырасти огромная добровольческая армия, а затем в 1916 г., при ведущем содействии Ллойд-Джорджа, и всеобщий принудительный набор. Только два вопроса оказались нерассмотренными в Комитете полностью: вопрос о неизбежном с войной финансовом хаосе и вопрос о размерах затраты военного снаряжения. Разрешение обоих как раз и досталось в руки Ллойд-Джорджа.

К описанию „финансового кризиса, пережитого Лондоном, как финансовым центром мира“, в течение первых десяти дней войны, и того, как преодолело его английское правительство, нельзя применять требований аналитической и синтетической четкости, как от марксистского исследования. Достаточно того, что Ллойд-Джордж посвящает этому предмету целую главу (стр. 94—109), по содержательности несравнимую ни с чем во всей мемуарной литературе мировой войны. Система широко примененных мораториев и правительственных гарантий (на сумму более 500 млн. фунтов), сравнительно низкого учетного процента и сохранения размена, продиктованная правительству на совещаниях, к которым был привлечен весь „цвет“ лондонского Сити, проводилась Ллойд-Джорджем с молниеносной быстротой и решительностью, окончательно

„завоевавшими“ ему „доверие той части финансового и делового мира, которая до тех пор не очень доброжелательно относилась“ к смелым соглашательским вылазкам радикального канцлера. Ллойд-Джордж и не пытается приписать себе одному славу „спасения Сити от банкротства“, и можно даже догадываться, что промолчавший все эти совещания директор Английского банка лорд Кэнлифф и был, сидя рядом с ним, подлинным суфлером Ллойд-Джорджа. Три дня (всего три дня), 4-е, 5-е и 6-е августа, объявленные „дополнительными банковскими праздниками“, оказались для Ллойд-Джорджа, правда, „одними из наиболее занятых и тревожных в жизни“, но уже 7-го числа вновь открылись банки, и он мог сообщить в палате, „что паника предотвращена, что наличные деньги свободно вносились на текущие счета и что со всех сторон поступали благоприятные сведения о финансовом положении“. И по деловой Англии пошел ходить „популярный“ лозунг: „дела идут, как всегда“. Когда 17 ноября 1914 г. Ллойд-Джордж вносил свой первый военный бюджет, он уже учитывал, как текущий английский приз войны, „прекращение международной торговли в пределах центральной Европы и сжатие промышленной деятельности Франции и Бельгии“ и тот „дополнительный спрос“, который достанется на долю английской промышленности. И наряду с займом в 350 млн. фунтов он предложил повышение налогового обложения, рассчитанное в 60 млн. фунтов годовых, чтобы хоть отчасти использовать инфляционную конъюнктуру для покрытия расходов войны.

А затем на очередь становилась организация широчайшего участия промышленного капитала в прибылях войны, предъявлявшей день ото дня неслыханно возраставшие требования, которые чудовищно превышали наличную производственную мощимость британской военной промышленности мирного времени. Борьбе за военное снаряжение до кризиса мая 1915 г., организации и работе созданного Ллойд-Джорджем министерства снаряжения и практическим достижениям этого министерства посвящены наиболее насыщенные фактическим и любопытным цифровым материалом главы мемуаров (стр. 110—250, 369—439), составляющие треть книги. В этой сфере, где интересы буржуазии непосредственно — и чем дальше, тем острее — сталкивались с интересами рабочего класса, Ллойд-Джордж был назаменным кандидатом империалистов всех мастей. Он, как никто, умел „по своему вести переговоры с рабочими“ и извлекать максимум выгод из соглашательской позиции трэд-юнионистского руководства. Теперь он сам документально показывает, как он, в союзе с консерваторами, в сущности изнутри взрывал либеральный кабинет, постепенно развертывая свою атаку против китченеровского руководства с самых первых дней войны, ведя далеко идущие сношения для получения самостоятельной информации, используя нортклиффовскую печать и недвусмысленно продвигая как самую идею специального ведомства снаряжения, так и свою кандидатуру — „решительного“, „делового“, „энергичного“, „бесстрашного“ и т. п. человека. Ллойд-Джордж мастерски и с истинным увлечением, захлебываясь от восторга, описывает организацию и рост своего „концерна“, „министерства, если не всех талантов, то всех искусств“, министерства „импровизаторов“, „мобилизовавшего вулканическую энергию“, ведомства без бюрократов, вобравшего в себя „командиров промышленности“, „деловых“ людей — директоров предприятий и специалистов всех специальностей, широкой волной хлынувших в новый аппарат и образовавших

живую связь между крупными, новообращенными на путь военного производства, промышленными предприятиями и источником колоссальных заказов и субсидий, каким явилось министерство снаряжения для той „штатской“ промышленности, к которой Китченеровское ведомство питало неискоренимое недоверие и применяло плохо скрытый бойкот, — в угоду узкому кругу старых военно-промышленных фирм. С другой стороны, с неменьшим увлечением и хвастливостью Ллойд-Джордж дает здесь богатый фактический материал для характеристики своей соглашательской работы, как главноуправляющего по снятию препятствий к выколачиванию прибылей и безграничной эксплуатации рабочих под предлогом патриотических „жертв“ для спасения „отечества“ или, как он выражается, по „переброске моста симпатии и взаимного понимания между предпринимателями и рабочими“, — работы, которую ему удалось проводить исключительно благодаря дружной поддержке гендерсоновской профсоюзной бюрократии, безжалостно выставляемой теперь Ллойд-Джорджем на показ в этой предательской роли. Но уже совершенно бесподобен параграф о „королевском поощрении рабочих, производящих снаряжение“ (стр. 229—232), преисполненный такого елейно-верноподданнического духа, которого, если мерить на российские масштабы, не выдержали бы, пожалуй, страницы мемуаров даже типа Родзянки. За всем тем, эта центральная часть мемуаров для истории собственно войны сохраняет существенный фактический интерес — безотносительно к субъективным намерениям автора.

Для характеристики безудержных и безответственных вождельний английской буржуазии, из числа непосвященных во всю сложность международных отношений военной эпохи, будут бесполезны главы, в которых Ллойд-Джордж широкими мазками критикует стратегию союзников, противопоставляя ей свою собственную. Совершенно невероятно, чтобы сам Ллойд-Джордж действительно был так невежествен в истории междусоюзнических отношений, чтобы всерьез приписывать халатности Грзя или упрямству Китченера все неудачи на балканском и русском фронтах. Не говоря уже о личном опыте, нашел же он возможным цитировать наш „Красный архив“, когда ему понадобилось характеризовать катастрофу на русском фронте в 1914—1915 гг., и трудно допустить, чтобы ему остались неизвестными советские дипломатические публикации („Европейские державы и Греция“, „Раздел Азиатской Турции“, „Константинополь и проливы“, „Царская Россия в эпоху мировой войны“), раскрывшие непримиримые противоречия в союзническом лагере вокруг дележа Турции, которые намертво связали антантовскую дипломатию в вопросах балканской политики. Можно было бы думать, что, наваливаясь всей тяжестью своей критики на якобы личные недостатки английского руководства, Ллойд-Джордж тут-то и руководствуется „интересами своей страны“ — в сокрытии дипломатической тайны. Но тому препятствием — массивная документация, свидетельствующая, что, по крайней мере, в свое время он или не отдавал себе отчета или не усматривал серьезной помехи в указанных противоречиях. Главы, о которых идет речь (X—XVIII), в конечном счете вскрывают связь идеи восточного фронта с той первоначальной и неудавшейся программой Сити, которая, следуя традиции, сулила бескровные победы британскому империализму. В данном случае речь шла о полном замораживании западного фронта в положении неподвижной осадной, крепостной войны, а всю кровопролитно-маневренную войну предполагалось вести на востоке с участием незначитель-

ных (до 500 тыс.) англо-французских сил, которые играли бы на Балканах роль показательного (и, разумеется, оберегаемого) кулака, направляющего и связывающего воедино полуторамиллионную армию „малых народностей“ — „грабителей“, для которых Ллойд-Джордж не видел никакого труда подыскать каждому долю в „честной добыче“. При этом, поскольку неизбежно становился вопрос о снабжении балканских и русских армий снаряжением, расчет был на то, чтобы использовать на востоке ту массу мелкой артиллерии и шрапнели, которая оказалась непригодной против германской армии на западном фронте и была бы здесь все-таки лучше, чем ничего. В частности, советскому читателю небезинтересны будут высказывания Ллойд-Джорджа по русскому вопросу, усердно эксплуатировавшемуся им в агитации против китченеровской недооценки потребности в расширении производства военного снаряжения: русские — это дети „примитивной крестьянской страны“, „простые и хорошие парни“, обладающие необычайным личным героизмом, но не способные к организации и руководству, и „всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними“. Щедро документируя свое изложение и в этих главах, Ллойд-Джордж, при всей тщательности отделки своей книги, не избежал одной небольшой неосторожности, которую стоит отметить в данной связи. В другом месте (стр. 375 сл.), рассказывая о своей „сумасшедшей“ артиллерийской программе сентября 1915 г., он приводит переписку с военным ведомством, которая явственно устанавливает, что не кто иной, как Китченер, находя эту программу чрезмерной с точки зрения потребностей английской армии, предлагал излишки заказов предоставить в распоряжение России и принять для них русские калибры во избежание „смещения различного снаряжения на фронте, о чем специально упоминали русские военные власти“. И не кто другой, как Ллойд-Джордж, отказался от производства орудий по русскому образцу, под предлогом „плохого качества русской артиллерии“ (!) и затруднений, сопряженных с этим производством... „для промышленников“, с целью сохранить эти заказы для английской армии и выиграть спор. Реализация программы была рассчитана на весну 1916 г., и, выиграв спор тогда, Ллойд-Джордж теперь оказывается причастным к срыву Брусиловского наступления. Между тем к моменту, когда военным министром, на место Китченера, стал сам Ллойд-Джордж (6 июля 1916 г.), — как отмечает он в третьем месте (стр. 521), — английские „заводы снарядов задыхались от множества готовой продукции“, а за несколько дней до того министерство снаряжения, где был еще Ллойд-Джордж, дало справку о доведении недельной цифры изготовления снарядов к 1 июля 1916 г. до 1 миллиона (т. е. 4 млн. в месяц). А на русском фронте, как раз в эти дни (по докладу Алексея Николаю от 15/28 июня) на северном участке имелись лишь „незначительные, самые необходимые запасы“, на западном „лишь на несколько дней“, и на юго-западном — „израсходовано за текущие бои все, что там было“, средняя фактическая подача снарядов на всю русскую армию исчислялась не в 4 миллиона, а в 130 тыс., а мечтал Алексей о 525 тыс. ежемесячно.¹ При этом даже по английским исчислениям русская армия превышала тогда английскую на 1 200 000 чел. (русская — 4 700 000, английская — 3 500 000).

¹ См. В. Семенников. *Монархия перед крушением*, Л. 1927, стр. 259, сл.

Напомним, что, в сущности, уже разгром России в кампании 1915 г. сделал в глазах союзников проблематичным и во всяком случае надолго безнадежным ее активное полноценное участие в войне. В частности, в Англии открыто провозглашал это Ллойд-Джордж уже в сентябре 1915 г. и ставил вопрос, „готова ли Англия заполнить тот огромный пробел, который создастся, пока Россия будет перевооружаться“ (стр. 330), а в октябре Китченер внес в кабинет меморандум о наборе в армию. Перипетии, через которые прошел вопрос о введении всеобщей воинской повинности, довольно обстоятельно описаны Ллойд-Джорджем, благополучно проведшим многострадальный билль только в мае 1916 г. А дальше ему предстояла поездка вместе с Китченером в Россию для изучения положения на месте и верная гибель в Северном море, если бы не категорическое предложение Асквита „заняться Ирландией“, где только что было покончено кровавое подавление восстания и на очередь стало то или иное „разрешение ирландской проблемы“ на время войны — эпизод, которому Ллойд-Джордж посвящает несколько страниц для документального разъяснения того, как совсем уже принятый сторонами его соглашательский проект был сорван консерваторами (стр. 464—472). К этому же времени всплыл в парламенте чудовищный скандал с месопотамской операцией англо-индийских войск, с беспощадным реализмом описанной у Ллойд-Джорджа с документальными подробностями, еще не цитированными в советской литературе (стр. 530—548). Таким образом, Барк и ген. Беляев, приехавшие на конференцию союзных министров финансов в июле 1916 г., попали в Лондон в весьма неблагоприятный момент, когда кабинет варился в котле ирландско-месопотамских запросов и прений, с одной стороны, и когда, с другой стороны, вопрос о замене России и максимальном развитии численности английской армии был успешно решен. К тому же им пришлось иметь дело с канцлером казначейства Мак-Кенна, находившимся под властью крайне пессимистического взгляда на финансовые перспективы войны, и в томительно затягивавшихся переговорах им так и не удалось добиться его согласия на открытие просимых кредитов по заказам на военное снаряжение без соответственной высылки золота из России.¹

Последние главы мемуаров (XXX—XXXV, стр. 549—655), посвященные политике сокрушительного удара, сокровенным дискуссиям о мире и желательных его условиях, военному и правительственному положению Англии в последние три месяца перед декабрьским правительственным кризисом, покончившим с кабинетом Асквита, представляют совершенно исключительный интерес уже по одному тому, что здесь мы имеем дело почти что с хрестоматией документов, сохраняющих, — независимо от их расположения и даже употребления, которое делает из них Ллойд-Джордж, — каждый сам по себе в отдельности первоклассную ценность.

Теперь из мемуаров (стр. 511 сл.) видно, что Ллойд-Джордж повернулся лицом к России лишь в сентябре 1916 г. (в связи с заменой Сазонова Штюрмером) перед перспективой „компромиссного мира“. Но его агитация в пользу помощи России успеха не возымела.

Совершенно необходимо в дальнейшем дать указатель имен и документов, без которого пользование книгой крайне затруднено.

Б. Р.

¹ См. „Красный Архив“, т. 5, стр. 69 сл., доклад Барка о переговорах в Париже и Лондоне в июле 1916 г. и т. 64, стр. 6, доклад Шингарева о том же.

ИНФОРМАЦИЯ

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ

Kwartalnik historyczny, Rocznik XLVII. Lwów. 1933, T. I, z. 4.

BRÜCKNER, A. Cyrillo-Methodiana (Кирилло-Мефодиевский вопрос), стр. 529—552.

В основной части статья представляет собой критический разбор недавно появившейся книги проф. Фр. Дворника (пражский византолог) „Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance“. Praga 1933. Подробным анализом работы автор статьи вскрывает некритическое отношение Дворника к текстам житий солунских братьев, отмечает ряд крупных ошибок и промахов, невнятное существование литературы по Кирилло-Мефодиевскому вопросу.

Во второй части проф. Брюкнер, исходя, главным образом, из текстов житий, излагает свою точку зрения на историю деятельности солунских братьев.

**

BODNIAK, ST. Plan utworzenia portu w Pucku w r. 1561 (План создания порта в Пуцке в 1561 г.), стр. 553—556.

Добившись в 1454 г. выхода к морю, Польша оказалась в большой зависимости от Данцига, в руках которого остались и администрация порта, и регулирование навигации, и в значительной мере портовые доходы. В 1577 г. Стефан Баторий пыгается путем направления польского экспорта через Эльблонг ослабить эту зависимость. Автор описывает подобный же инцидент, имевший место в 1561 г. Ян Костка, данцигский каштелян и прусский подскарбий, игравший при Сигизмунде-Августе выдающуюся роль в „балтийских делах“, выдвинул проект создания самостоятельного польского порта в Пуцке, где издавна существовала рыбацкая пристань. Проект остался неосуществленным. Причина — протест и угрозы со стороны Данцига и холодное отношение короля к проекту, проведение которого требовало больших денежных затрат.

**

KONCZYNSKA, W. Tadeusz Rejtan i jego „Manifest“ z grudnia 1773 (Тадеуш Рейтан и его „Манифест“ от декабря 1773 г.), стр. 580—601.

Статья является выдержкой из обширной монографии автора о Рейтане. „Манифест“ Рейтана издавна известен в трех вариантах; автор публикует текст четвертого варианта, который ему удалось обнаружить в университетской библиотеке в Варшаве. Во вступлении подробно освещена деятельность Рейтана, новогрудского посла на сейме 1773 г., санкционировавшем первый раздел Польши. Публикуемый документ носит название «Манифест против незаконной деятельности сейма 1773 г.» и адресован всем европейским державам. В статье широко использована существующая литература по Рейтану и тексты всех вариантов „Манифеста“.

Из рецензий интересны следующие:

ДОРОШЕНКО. Нарис історії України. Т. I. Варшава, 1932, 229 стр. Рец. Е. Maleczynska, стр. 612—617.

Книга состоит из 15 глав. В двух первых — общие вопросы, главы 3—15 охватывают историю украинских земель от доисторических времен до XVIII в. По мнению рецензента ничего нового книга не дает. Автор более публицист-политик, нежели историк. Рецензент огорчен „антипольским настроением“, резко выраженным в труде Дорошенко.

COROVIĆ, W. Istorija Jugoslavije (История Югославии). Белград, 1933, 613 стр. Рец. Н. Batowski, стр. 617—621.

Первый опыт истории всех народов, входящих в состав Югославии. Основная идея, которую автор отстаивает на протяжении всего своего труда: отдельные этнические группы всегда ясно ощущали свое племенное единство и считались с ним во всех своих политических действиях.

Охвачен период от III в. до октября 1931 г. Рецензент отмечает, что в работе изложена, главным образом, политическая история, слабо затронута история культуры, и почти совсем не освещена история экономическая и социальная.

**

MOSCICKI, H. Białystok. Narzys historyczny (Белосток. Исторический очерк). Белосток, 1933, 270 стр. Рец. L. Charewiczowa, стр. 641—645.

Книга представляет собой историю Белостока с конца XVIII в. до нашего времени. Использованы все вышедшие в 1921—1931 гг. монографии по истории Белостока, а также мемуарная литература; слабо использован небольшой местный архив.

**

ВОЗНЯК, М. Хто ж автор т. зв. Літопису Самовидця? Львів, 1933. Записки Наук. товариства им. Шевченка, т. С III. Рец. М. Andrusiak, стр. 662—664.

По этому вопросу имеется большая литература. Одни (Романовский, Петровский, Оглоблин) считают автором летописи Романа Ракушку, другие (Окиншевич, Возняк, Герасимчук) — Ивана Быковца. Автор, на основе анализа языка летописи и сопоставления его с текстами бумаг казацких старейшин от 2-й половины XVII в., приходит к заключению, что наиболее вероятным автором летописи был Федор Кандыба, корсунский полковник при гетмане Дорошенко.

**

T. II. Wiadomosci historyczne, z. 4.

BUCZEK, K. Międzynarodowa wystawa geografji historycznej w Warszawie 21—28 VIII 1933 (Международная выставка по исторической географии) стр. 223—257.

Выставка была устроена в связи с VII конгрессом историков в Варшаве.

**

GRUSZECKA S. *Nowy polski Słownik geograficzny* (Новый польский географический словарь), стр. 258—267.

В виду того, что Географический словарь изд. 1880—1904 устарел, первый польский краеведческий конгресс в Познани 12—13 июля 1929 г. признал необходимым предпринять издание нового словаря. Во главе издания стоит Польское краеведческое общество, для работы на местах созданы 9 комиссий в крупнейших городах. Издание рассчитано на 10—15 лет, по одному тому (двенадцать выпусков по 4 печатных листа) в год. Цель его — создать необходимый справочник, показать, „чем была Польша в прошлом, и какими богатствами, ценностями и силами располагает в настоящее время“. Каждый том будет охватывать одно или несколько воеводств. Предполагается издать один том общего характера, посвященный Польше в целом.

Автор заканчивает свою статью обзором того, что уже сделано по собиранию материалов. Первый выпуск I тома, посвященного Поморскому воеводству, западному Поморью и Вост. Пруссии, должен был выйти в начале этого года.

Из рецензий интересны:

WIĘKOWSKA, H. *Katalog rękopisów Biblioteki Narodowej. T. III — Zbiory Watykańskiej i Towarzystwa Prsyfacjal Polski w Londynie* (Каталог рукописей национальной библиотеки. Т. III. Собрание Батиньольское и Общества друзей Польши в Лондоне), Варшава, 1930, 232 стр. Рец. К. Т., стр. 268.

Каталог представляет большое значение для исследователей истории Польши середины XIX в., заключая в себе перворазрядный, почти никем еще не тронутый материал.

**

KESSERLING, K. *Stosunki kulturalne polskie wieku XVI* (Культурные условия в Польше XVI века), Варшава, 1931, 24 стр., рец. W. A. W., стр. 274.

Автор отыскал в библиотеке Британского музея рукопись, принадлежащую перу английского посла в Польше. Рукопись рисует картину Польши конца XVI в., ее хозяйственные и социальные условия, быт духовенства, школьное дело, промышленность, торговлю, внешние отношения с Швецией, Данией, „морской“ вопрос, быт евреев, армян и татар.

**

LASKOWSKI, J. *Jan III Sobieski* (Ян III Собеский) 1933, XVIII + 341 стр. Рец. X, стр. 274.

В оценке рецензента — лучшая в длинной цепи монографий, посвященных 250-й годовщине битвы под Веной.

**

FELDMANN, J. *Sprawa polska w r. 1848* (Польский вопрос в 1848 г.), Краков 1933, 350 стр. Рец. W. A. W., стр. 277.

Польский вопрос излагается в его международном значении, польские события связываются с общеевропейской ситуацией того времени. Поэтому большая часть работы посвящена изложению событий, предшествовавших 1848 году. Широко использован архивный материал.

**

KWIATKOWSKI, W. Walka o wolność i potęgę Polski. Z dziejów lat 1863—1930 (Борьба за свободу и могущество Польши. Из истории 1863—1930 гг.), т. I, Львов, 1932. VII, 196 стр. Рец. М., стр. 279.

Книга представляет собой ряд не связанных воедино статей на отдельные темы из истории указанного периода. Сильно подчеркнуты националистическая тенденция и культ личности Пилсудского „главнейшего творца восстановления Польши“.

*—

The American Historical Review 1933. Vol. 38, no. 1—4.

H. NELSON GAY. Garibaldi's American contacts and his claims to American citizenship (Американские связи Гарибальди и его притязания на американское подданство), № 1, стр. 1—19.

Впервые опубликованные автором статьи американские дипломатические документы из архива посольства США в Риме и частная переписка представителей американской миссии в Италии позволяют отчетливо проследить развитие американских симпатий и связей вождя революционной Италии и освещают доселе неясный вопрос об „американском подданстве“ Гарибальди.

**

LOTA M. SPELL. Anglo-Saxon Press in Mexico 1846—1848 (Английская пресса в Мексике 1846—1848 г.), стр. 20—31.

Автор статьи с большой живостью набрасывает историю мексиканской печати во время войны 1846—1848 гг.

**

FREDERIC CHOPIN LANE. Venetian Shipping during the Commercial Revolution (Венецианское судоходство во время торговой революции), № 2, стр. 219—239.

Статья посвящена вопросу о судьбах венецианской морской торговли в XVI в. после открытия новых морских путей. В статье использованы материалы венецианского государственного архива. Автор приходит к следующим выводам: 1) в течение XVI в. коммерческий флот Венеции, принимающий участие в международной торговле, не только не сократился, но увеличился в смысле грузоподъемности; 2) венецианская торговля восточными пряностями не претерпела в XVI в. сколько-нибудь значительного сокращения. Упадок торговли пряностями и перцем наблюдается лишь в первой трети века в зависимости от военных обстоятельств этого периода; 3) около середины XVI в. венецианский торговый флот по количеству кораблей большого тоннажа достиг своего высшего развития; 4) упадок венецианской торговли в XVII в. объясняется не только открытием новых торговых путей и усиливающимся могуществом Турции, но в значительной мере также истощением лесного фонда Венеции и вообще берегов Средиземного моря, истощением, которое лишило Венецию возможности нормально развивать свое судостроение и принуждало ее пользоваться иностранными судами.

**

CHESTER KIRBY. The English Game Law System. (Система английского охотничьего законодательства), стр. 240—262.

Автор анализирует развитие английского охотничьего законодательства, начиная со статута 1390 г. и кончая последним десятилетием XVIII в. Охотничьи законы превращали охоту в аристократическую монополию господствующего землевладельческого класса. Наряду с законами, ограничивающими круг лиц, имеющих право на охоту, издаются законы по борьбе с браконьерами и нарушителями этого права. „Черный акт“ 1723 г. ввел смертную казнь за незаконное убийство красного зверя (ланей, оленей и т. п.). Тем не менее браконьерство не прекращалось. В виду явной неудовлетворительности охраны права охоты законами и государством, земельные собственники начинают прибегать к организации частной охраны. Так в 1752 г. возникает „Общество дворян и джентльменов для охраны дичи“. Деятельность этого общества вызвала острое недовольство и протесты со стороны фермеров и их рабочих.

**

CARL F. BRAND. The Reaction of British Labor to the policies President Wilson during the World War (Отношение английской рабочей партии к политике президента Вильсона во время мировой войны), стр. 263—285.

В работе рассматриваются выступления лейбористской партии по поводу отдельных мероприятий Вильсона в течение мировой войны вплоть до приезда Вильсона в Европу; подчеркивается полная поддержка лейбористской партией программы президента, прокламированной им 27 сентября 1916 г.

**

HERBERT E. BOLTON. The Epic of Greater America (Эпопея Великой Америки), № 3, стр. 448—474.

Автор статьи, президент Американской исторической ассоциации, дает общий обзор главных линий исторического развития Америки. Новых фактов он не приводит. Интересна и для Америки нова сама постановка вопроса: автор подчеркивает необходимость отказаться от общепринятой манеры рассмотрения истории Америки с точки зрения того или иного отдельного государства, в частности Соединенных штатов. С общеамериканской точки зрения основные линии истории Соединенных штатов образуют лишь часть общей картины, охватывающей и Центральную и Южную Америку. Особенно интересны соображения автора относительно растущей политической и экономической роли Латинской Америки. Англо-саксонская Америка с ее 140-миллионным населением собственно уже закрыта для европейских поселенцев, тогда как Южная Америка с ее 100-миллионным населением еще широко раскрыта для европейцев, и весьма возможно, что в будущем она будет все более и более европеизироваться. Уже сейчас европейское влияние в Южной Америке далеко перевешивает влияние саксонской Америки, и Европа стремится все более и более увлечь Южную Америку в круг европейской политики и в сторону от ее северных соседей.

**

FREDERIC L. NVSSBAUM. The Formation of the New East-India company of Calonne (Возникновение новой Ост-индской компании Калонна), стр. 475—497.

В статье дан интересный анализ фактов, связанных с основанием новой Ост-индской компании Калонном в 1784 г. Автор подчеркивает, что образование этой компании в конечном счете было результатом координированных усилий парижских банкиров Жирардо, Галлера и комп. и английских банкиров Бордые и Шоллет.

**

FAITH THOMPSON. Parliamentary Confirmations of Great Charter (Парламентские подтверждения Великой хартии вольностей), № 4, стр. 657—672.

Автор дает на основании сличения парламентских списков (Parliament's Rolls и печатных статутов (Antiqua Statuta, Sekunda Pars Veterum Statutorum) точное исчисление случаев подтверждения Великой хартии в парламенте от Эдуарда III до Генриха V включительно.

Автор указывает, что в течение всего XIV в. парламент многократно и настойчиво добивался подтверждения хартии, чтобы укрепить ее авторитет и неприкосновенность; в 1368 г. парламент установил, что „Великая хартия будет соблюдаться и поддерживаться во всех пунктах и что всякий статут, изданный в противоречие ей, должен считаться неимеющим силы“.

В XVI в. случаи подтверждения Хартии становятся все реже и реже, и упоминание о Хартии уступает место подтверждению вольностей церкви, лордов, городов и общин.

**

REGINALD C. Mc. GRANE. Same Aspects of American State Debts in the Forties (Несколько замечаний относительно долгов американских штатов в 40-х годах), стр. 673—686.

Автором взята злободневная тема о восходящих к 40-м гг. XIX в., но до сих пор непоплаченных долговых обязательствах отдельных американских штатов. В это время британские подданные инвентировали 110—165 млн. долларов в американских займах, гарантированных лишь правительством отдельных штатов (Миссисипи, Арканзас, Флорида, Пенсильвания, Мэриленд, Индиана, Иллинойс, Луизиана). Английские займодержатели полагали, что гарантия штатов в свою очередь основана на гарантии федерального правительства; однако эти надежды оказались тщетными. Когда выяснилась несостоятельность штатов, федеральное правительство отказалось взять на себя гарантию уплаты по займам. Попытка обращения к американскому общественному мнению не имела успеха, и вопрос о непоплаченных долговых обязательствах был почти в течение века предметом препирательств и споров.

**

BERT JAMES LOEWENBERG. The Reaction of American Scientists to Darwinism (Отношение американских ученых к теории Дарвина), стр. 688—701.

Любопытный анализ выступления выдающихся натуралистов Америки по поводу только что появившейся в то время книги Дарвина „Происхождение

видов" и затем по поводу теории Дарвина вообще. Борьба с учением Дарвина его непримиримого противника, проф. Ж. Л. Р. Агассиза, прекратившаяся лишь с его смертью (1873), встречала поддержку со стороны церковных кругов.

* ————— *

Archivio storico italiano. Год 1933, серия VIII, том XIX.

SCHIAPARELLI, LUIGI. Note diplomatiche sulle carte longobarde (Дипломатические заметки о лонгобардских грамотах), № 345, стр. 3—66.

Настоящая статья представляет собою продолжение исследования, напечатанного в № 341 „Архива“. Автор доказывает, что в лонгобардских частях Италии вследствие отсутствия нотариата и правильной организации писцов не было единого формуляра для составления грамот. Некоторые образцы грамот получили в определенной области значение формуляров, но единого лонгобардского формуляра не было. В связи с этим вопросом автор исследует следы древних формуляров в лонгобардских грамотах, в частности следы древнего римского формуляра и римско-равеннатского формуляра. Две последние части исследования (III и IV) посвящены анализу употребления формулы „post trag tam (chartam)“ и формулы „traditio chartae ad propriam“ в лонгобардских грамотах.

**

GUALLAZZINI, UGO. Per la storia dei rapporti tra Enrico III e Bonifacio di Canossa (Из истории отношений между Генрихом III и Бонифацием ди Каносса), стр. 67—82.

Автор подвергает подробному анализу грамоту императора Генриха III, которой он по просьбе кремонского епископа Убальда даровал кремонской церкви „остров Фулькерия“, принадлежавший маркграфу Бонифацию, отцу знаменитой маркграфини Матильды. Автор приходит к заключению, что эта грамота подлинная, относится ко времени между 1039 и 1045 гг., но не была фактически исполнена. Генриху III пришлось отказаться от намерения лишить Бонифация территории острова в виду огромного влияния его среди итальянских городов и части знати. Это отступление Генриха III автор толкует как результат необходимости считаться с новыми поднимающимися социальными слоями. К статье приложен текст грамоты.

**

ENRIQUEZ, ANNA MARIA. Lavendetta nella vita e nella legislazione fiorentina. (Обычай кровавой мести в жизни и законодательстве Флоренции), № 345 стр. 85—146; № 346 стр. 181—223.

Исследование распадается на две части: в первой автор уделяет особое внимание вопросу „семейной солидарности“, требующей мести со стороны всех родственников потерпевшего по отношению ко всем родственникам обидчика. Эта семейная солидарность признавалась в известной мере и публичным правом. Затем автор старается выяснить, каким образом к этому обычаю „вендетты“ относилось христиански-ориентированное общественное

мнение средневековья. Попутно он отвергает попытку некоторых историков приписать Данте оправдание вендетты на основании эпизода с Джери дель Белло (Ад, XXIX, 13—36). Во второй части автор подробно останавливается на попытках государства ограничить применение вендетты.

**

OTTOKAR NICOLA. A proposito della prisunta riforma costituzionale, adottata il 6 Luglio dell'anno 1295. (По поводу предполагаемой реформы конституции, произведенной 6 июля 1295 г.), № 346, стр. 173—179.

Автор анализирует изменения, внесенные в 1295 г. в текст флорентийских „Ordinamenti della giustizia“ 1293 г. В 1293 г. политические права были предоставлены лишь тем членам цехов, которые „постоянно занимались своим ремеслом (continue artem exercentes)“.

В 1295 г. к этим словам была сделана прибавка: „или тем, кто записан в книге или матрикуле какого-нибудь цеха Флорентинской республики“. До сих пор все историки усматривали в этой прибавке замаскированную уступку флорентинской аристократии, устраненной по закону 1293 г. от участия в политической жизни: приславшись к тому или иному цеху, знатные семьи могли, не занимаясь фактически ремеслом, вернуть себе политические права. Оттокар оспаривает подобную интерпретацию значения „новеллы“ 1295 г., указывая на следующее:

1) списки лишенных политических прав знатных фамилий 1293 г. очень мало отличаются от списков 1295 г. Таким образом, лица, внесенные в эти списки, никоим образом не могли воспользоваться этой предполагаемой льготой; 2) столь же несостоятельно мнение, будто Данте, исключенный в 1293 г., вернул себе политические права, записавшись в цех медиков. Данте не мог быть лишен в 1293 г. прав, так как его семья не значится в списке знатных родов. Мотивы же, по которым он записался в цех медиков, нам неизвестны; 3) изменения, внесенные „новеллой“ 1295 г. в закон 1293 г. имеют отношение не к знати (магнатам), а к капиталистическим элементам в цехах, которые фактически ремеслом больше не занимались, перейдя на функции организаторов производства и обмена.

**

ESPOSITO, MARIO. Contributi alla storia dell' alpinismo. I. Il Rocciamelone attraverso i secoli (Заметки по истории альпинизма. Гора Рочьямелоне на протяжении веков.), № 347, стр. 1—48.

Подробный перечень восхождений на гору Рочьямелоне (3538 м), начиная со средних веков и кончая XIX в. Автор собрал все сведения из латинских, итальянских, французских и английских источников, касающихся этой горы.

**

FASOLI, GINA. La pace del 1279 tra i partiti Bolognesi (Мир 1279 г. между партиями Болоньи), стр. 49—75.

Автор рассматривает попытку папы Николая III установить мир между гвельфами и гибеллинами в Болонье (1279). Автор ставит эту попытку в связь с общей политикой папы, направленной к успокоению Романьи, уступленной

римскому престолу императором в 1278 г., и к устранению влияния Карла Анжуйского, который, поддерживая партию гвельфов, вмешивался в жизнь городов Папской области. Попутно автор дает интересные сведения об организации гвельфской партии в Болонье. Мир, заключенный по настоянию папы, оказался крайне непрочным: уже в декабре 1279 г. гибеллины изгоняются вновь при помощи „общества Креста“. Этот факт автор рассматривает как восстание против вмешательства пап в городскую политику.

* —————

Annales historiques de la Révolution Française, вв. 1—6 (55—60).

MATHIEZ, ALBERT. La Révolution Française (Французская революция), в. I, стр. 1—24.

Работа Альбера Матьеза содержит общий очерк развития революции. Был три революции, говорит он, первая — дворянская, вызванная желанием восстановить феодальные права и озлоблением против королевской власти за ее фискальные посягательства, это движение 1787—1789 г., приведшее к созыву Генеральных штатов; вторая — буржуазная, глубочайшим возбудителем которой был страх перед банкротством; она уничтожила учреждения старого режима и конфисковала церковные земли, чтобы спасти рантье от банкротства. Импульсом к третьей был страх перед вторжением неприятеля и последствиями, к которым бы это привело. В этой последней революции движущими силами были деревенские и городские массы. Она привела к уничтожению монархии, к конфискации дворянских (эмигрантских) земель, к частичному и временному освобождению крестьян и рабочих.

**

SOREAU, EDMOND. La Révolution Française et le prolétariat rural (Французская революция и сельский пролетариат), стр. 25—48.

Для ознакомления с первыми главами см. обзор статей „Annales historiques“ за 1932 г., помещенный в „Проблемах марксизма“, 1933 г., № 5.

Эдмонд Соро заканчивает свою работу, начатую в 1932 г., двумя главами: „Жатва во Пг.“ и „Оппозиция максимуму до и после термидора“.

Обе главы содержат материал, характеризующий меры правительства против рабочих и волнения поденщиков.

11 приезда Барер от Комитета общественного спасения выступает в Конвенте с предложением „реквизировать граждан и гражданок, которые обычно занимались уборкой жатвы“... „Богатейший, обильный, разнообразный урожай покрывает страну. Национальный Конвент пожелал утвердить в лагерях, в армиях честность, бережливость, уважение и щедрость к нищете и несчастью; он желает насадить их в деревнях и в мастерских“.

Таково моральное оправдание суровых мер против рабочих; если происходят волнения и рабочие добиваются повышения оплаты, причина, по утверждению якобинцев, кроется в происках контрреволюционеров.

„К 9 термидору, — утверждает Соро, — недовольство становится всеобщим, и сельский пролетариат раздражен против „максимума“... Это сопротивление

максимуму отягощает политическое положение, ибо правители не единодушны. Соро указывает на противодействие Комитета общественной безопасности Комитету общественного спасения и на разногласия внутри этого последнего, но лишь в общих чертах.

В заключение Соро подчеркивает, вопреки утверждениям некоторых историков, будто сельское население было сильнее проникнуто классовым сознанием, чем городской пролетариат, что сельскохозяйственные рабочие объединяются лишь эпизодически — на время жатвы. У них нет постоянных союзов, подобных компаньонажам городских рабочих.

* *

JACQUEL, ROGER. *Euloge Schneider en Alsace* (Элож Шнейдер в Эльзасе),¹ стр. 61—72.

Жакель рисует обстановку, в которой Шнейдеру пришлось действовать в качестве члена революционного трибунала осенью 1793 г. Прорыв на фронте около Виссембурга вызвал общее возбуждение во всей стране, но, конечно, сильнее всего он отозвался в восточной части Франции. Причину поражения видели в измене. И Шнейдер отдал дань „болезни подозрительности“, обвиняя в своей газете генералов и представителей при армии.

На ряду с этим приходилось вести энергичную борьбу против дороговизны и голода. Характерно, что в то время, как значительная часть прессы постаралась сделать козлом отпущения евреев, обвиняя их в ажиотаже и спекуляциях с бумажными деньгами, когда даже часть просвещенных якобинцев повторяла, что Талмуд поощряет евреев грабить „иноверцев“, Шнейдер направлял свои удары против кулачества.

Работа Жакеля, растянувшаяся уже на два года, не закончена и в 1933 г.

* *

DAUTRY, JEAN. Sébastien Lacrois (Себастьян Лакруа), в. I, стр. 49—60; в. 6, стр. 516—533.

Дотри называет Лакруа „одним из самых интересных и двусмысленных персонажей среди парижских революционеров“.

Его карьера, действительно, полна самых как-будто несовместимых моментов. В 1790 г. он издает серию памфлетов „Actes des carapines. La réponse aux actes des arôtres“, направленных против правой группы Учредительного собрания, и в то же время пишет „Разоблаченную измену графа Мирабо“. В конце августа 1792 г. вместе с Ронсеном он был послан в качестве эmissара временного исполнительного совета в департамент Сены и Марны и постыдно бежал при приближении пруссаков, вызвав возмущенные разоблачения Бильо-Варенна и Прюдома в „Révolutions de Paris“. В том же году он был изобличен в корыстном укрывательстве герцога дю Шателе и на время скрылся с политической сцены.

Весной 1793 г. он выступает от имени секции Четырех наций в Конвенте с петицией, требуя, между прочим, обеспечить солдатам собственность стой-

¹ Начало работы Жакеля о Шнейдере см. „Annales historiques“ 1931, № 47, 1932, №№ 49, 50, 52. Изложение этих глав в „Проблемах марксизма“ — указанный обзор.

мостью 600 ливров с переводом на жену и детей. Во время ожесточенной борьбы в секциях той же весной он выступает ярким противником жирондистов и под шум политической борьбы пытается свести личные счеты с Прюдомом, которого он засадил бы в тюрьму, если бы не заступничество Шометта. Далее следует длительное пребывание в командировке в южных департаментах. Жизнь Лакруа заканчивается на эшафоте, куда он всходит одновременно с Шометтом и Гобелем.

**

LEFÈVRE, GEORGES. *La Révolution Française et les paysans* (Французская революция и крестьяне), в. 2, стр. 97—128.

Лефевр оспаривает установившийся в исторической литературе взгляд на крестьянское движение 1789 г. как на отзвук революционного движения в городах. Из общей истории революции необходимо выделить специфически крестьянскую революцию, „автономную в своих истоках, проявлениях и упадках и подъемах, особенно же автономную в своих тенденциях“.

Тенденции эти, думает Лефевр, были антикапиталистическими. Крестьянин произвел революцию не только из оппозиции феодализму, но и из ненависти к проникавшему в деревню капитализму, причем проникновение это частично проходило под оболочкой феодальных прав.

Рассматривая положение крестьян накануне Революции, Лефевр отмежевывается от Лучицкого, упиравшего на то, что перед Революцией значительная часть земли находилась в руках крестьян. „Оказывается, при наличии 40% всей земли в крестьянском пользовании, количество земледельцев и тем более крестьян-собственников, которые могли бы жить независимо, не работая на других, было во всей стране очень невелико“. Гораздо значительнее было количество таких крестьян, которые должны были прибегать к подсобному заработку — заниматься ремеслом, работать поденно, и, „наконец более или менее значительное число деревенских жителей существовало только заработком (journaliers)“.

В связи с этим Лефевр стремится подчеркнуть практическую целесообразность и необходимость некоторых из революционных мероприятий, которые историки правого лагеря пытались изображать, как действия или требования абстрактных теоретиков, лишенных понимания действительности.

Эта статья Лефевра во многом повторяет положения, высказанные им в книге „Questions agraires au temps de la Terreur“, вышедшей в 1932 г.

**

GODECHOT, JACQUES. *Les insurrections militaires sous le Directoire* (Восстания в армии во времена Директории), в. 2 стр. 129—152, в. 3 стр. 93—221.

Автор рассматривает мало исследованный вопрос. До сих пор восстания в Гренетском лагере и в римском гарнизоне представлялись изолированными фактами. Автор статьи нашел в архиве военного министерства ряд сведений о многочисленных военных бунтах в конце и начале VI г. т. е. в непосредственной хронологической близости к перевороту 18 фруктидора. Статья заключает в себе очерк восстаний в IV г. и восстания в течение V г. в Рейнско-

Мозельской армии, во главе которой стояли сначала Пишегрю, потом Моро. Затем подробно описан мятеж в Риме, причем Годешо, использует неопубликованное прежде донесение Массена.

**

LOKKE, CARL LUDWIG. Pourquoi Talleyrand ne fut pas envoyé à Constantinople (Почему Талейран не был послан в Константинополь), стр. 153—159.

Профессор университета в Колумбии Локк рассматривает обстоятельства, помешавшие Талейрану летом 1798 г. отправиться послом в Константинополь, чтобы убедить Порту согласиться на уступку Франции Египта, как об этой миссии Талейрана было условлено с Бонапартом. Локк видит причину отмены поездки в конфликте, который около этого времени разыгрался между Францией и США. Необходимость уладить конфликт и заставила Директорию удержать Талейрана в Париже.

**

VERMALE, FRANÇOIS. Les dettes privées sous la Révolution (Частные долги в эпоху Революции), в. 2, стр. 160—166.

Автор имеет в виду показать на двух-трех примерах, в какое положение поставлены заимодавцы, ссужавшие деньги до революции в полноценной золотой монете и получавшие в уплату ассигнации по номинальному курсу. Материал дает переписка некоего Жермэна, поверенного в делах эмигранта де-ля Коста, с его патроном.¹

**

BRUIM, GEOFFREY. Deux lettres de Chabot à Saint-Juste concernant la conspiration de l'étranger (Два письма Шабо Сен-Жюсту по поводу заговора иностранцев), в 3, стр. 245—249.

Эти письма адресованы Шабо Сен-Жюсту из тюрьмы. Он пытается в них оправдаться от взводимых на него обвинений в участии в заговоре.

**

MANSUY, ABEL. Robespierre vu de Pologne (Взгляд на Робеспьера в Польше), в. 3, стр. 222—244.

В статье дан обзор откликов варшавской прессы на деятельность вождя якобинцев: тут в своеобразном преломлении сообщения о выступлениях Робеспьера в Конвенте и в клубе якобинцев, характеристика его, сведения о его частной жизни и т. п.

Мансюи на протяжении всей статьи комментирует корреспонденции, стараясь показать, что наряду с некоторой анекдотичностью сообщений, приходящих в Варшаву, в общем личность Робеспьера подавалась прессой, как личность крупного политического вождя, выполнявшего большую задачу.

**

¹ Письма эти напечатаны были в 1891 г. (Les lettres adressées par Achard de Germaine à M. de la Coste. Valence, 1891).

VAILLANDET. *Lettres inédites de Barbaroux* (Неизданные письма Барбару), в. 4, стр. 338—353.

Вайанде публикует 11 неизданных писем Барбару; большинство из них относится к осени 1792 г., два предпоследних написаны в 1793 г. в мае, а последнее в июне того же года, из-под ареста. Оно содержит приглашение сторонников Жиронды к созыву нового конвента, вне стен Парижа.

**

TASSIER, ZUZANNE. *Les Sociétés des Amis de la Liberté et de l'Égalité en Belgique en 1792—1793* (Общества друзей свободы и равенства в Бельгии в 1792—1793 гг.), в. 4, стр. 307—310.

Эти клубы возникли в Бельгии сразу же после Жемаппа. Дюмурье видел в них средство поднять уровень политического просвещения в крае. Но благонамеренные либеральные буржуа в них быстро сменились „крайними“ элементами — рабочими. Клубы организовали отряды санкюлотов, чтобы обезвредить аристократов и клерикалов. Развернулась классовая борьба, „Друзья свободы и равенства“ в новом своем составе готовы не только легальным, но и революционным путем реализовать социальные преобразования, которые для них заслоняют все остальные задачи. Вывод автора: это революционное демократическое движение нанесло серьезный ущерб Бельгии; терроризовав умеренных буржуа, оно помешало образованию большой национальной партии, необходимой для создания бельгийской независимости.

**

MATHIEZ, ALBERT. *Le personnel gouvernemental du Directoire*. (Личный состав правительственных органов Директории), в. 5, стр. 385—411.

Эта статья — посмертная статья Матьеза — представляет собой главу из книги о Директории, которую он подготовлял. Ученики Матьеза восстановили текст по его черновикам, заметкам и лекциям. Матьез отмечает, с какими трудностями и как медленно водворялось новое правительство, особенно на местах. Вплоть до весны 1796 г. во многих областях попрежнему отправляли власть проконсулы Конвента под именем правительственных комиссаров. В других, взволнованных действиями шуанов и белым террором, и вовсе не смогла установиться „правильная власть в соответствии с конституционными законами“.

Матьез дает сжатые характеристики директоров первого состава и министров, отмечает роялистские интриги, притягивавшие некоторых из них (Карно, Бенезет), и борьбу против них якобинской прессы. Далее анализируется роль и значение различных бюро Директории. Матьез их сравнивает с современными кабинетами министров; несмотря на то, что все решения Директории принимались на общем заседании, между директорами сразу же установилось разделение ведомств и сфер влияния.

**

SOREAU, EDMOND. Note sur le prolétariat dans la région de Versailles pendant la Révolution (Заметки о пролетариате в Версальском округе во время Революции), в. 5, стр. 426—440.

Статья составлена отчасти на основе печатных трудов, отчасти на материале архива департамента Сены и Уазы. Соро отмечает волнения безработных зимой 1790—1791 г., меры к подавлению возможных беспорядков, принимаемые муниципалитетом, приводит петицию безработных Национальному собранию. Она составлена в покорных и приниженных выражениях, далеко не говорящих еще о революционных настроениях. Затем кратко отмечается последовательный ряд волнений, происходивших в округе. Констатируется „стойкое, упорное, подчас буйное сопротивление“ максимуму. Статья отмечает как распространенный факт работу на мануфактурах детей, иногда с 4 лет, дает представление о сроках ученичества, отмечает тяжелое продовольственное положение рабочих: „они едят испорченные продукты“, „питаются отбросами“. Статья содержит, кроме того, данные об отдельных мануфактурах, которые здесь пыталось устроить правительство: оружейной (основана 7 октября 1793 г.), часовой, основанной с целью конкуренции с иностранным производством. Приведено постановление на этот счет комитетов агрикультуры и ремесл. Мануфактура эта была упразднена первым консулом. Обзор доведен до VIII г. Вплоть до этого времени, несмотря на законодательные запрещения, продолжают существовать тайные союзы рабочих.

**

EUDE, MICHEL. La Commune Robespierriste (Робеспьеристская коммуна), в. 5, стр. 412—425.

Эд рассматривает структуру Робеспьеристской коммуны, начало которой он считает возможным, несмотря на дальнейшие изменения в ее составе, отнести к 19 августа 1793 г. Статья содержит описание довольно сложной организации коммуны, функции и структуры каждого из ее органов, — генерального совета, муниципального корпуса, муниципального бюро, муниципального совета, затем функций и структуры органов муниципалитета — мэра, прокурора с его двумя заместителями (parguet), секретариата с двумя бюро, пяти отделений муниципального бюро, управления национальных имуществ.

Статья не закончена в 1933 г. Эд обещает в следующей главе дать характеристику личного состава коммуны в вавтозе II г., что должно представлять значительный интерес в виду сложной политической обстановки, до сих пор недостаточно выявленной игры политических сил в этот период.

**

LEFÈVRE, GEORGES. Discours sur Robespierre (Речь о Робеспьере), в. 6, стр. 492—510.

По собственному признанию Лefевра, он произнес эту речь не как историк, а как „гражданин“.

В этой речи Робеспьер выступает прежде всего как непоколебимый защитник национальной независимости Франции и как организатор социальной демократии. Его память — знамя, под которым могут сойтись все левые республиканцы, а „гибельные распри в среде революционеров 94 г., приведшие к 9 термидору“, должны послужить для нынешней республиканской Франции „патетическим и отрезвляющим примером“.

Разъяснение, стр. 511—515.

Под таким заголовком приведены письма Обера и Лефевра по поводу речи последнего от 15 октября. Обер, один из членов „Общества робеспьеристских исследований“, ставит Лефевру в упрек, что он в своей речи подал публике „Робеспьера левого блока“, „завербовал великого гражданина на защиту траншей Даладье и Поля Бонкура“, между тем он ждал от Лефевра, чтобы тот произвел пересмотр воззрений Матъеза на Робеспьера, как раньше он это сделал в отношении Дантона. Лефевр возражает в ответном письме, что в данных обстоятельствах важнее всего было подчеркнуть „то, что остается живым для нас из идей и практической политики Робеспьера“.

La Révolution de 1848 et les révolutions du XIX siècle (1830—1848—1870). Bulletin de la Société d'Histoire de la Révolution de 1848, т. 29, вв. 140—143 (март 1932 — февраль 1933) и т. 30, вв. 144—147 (март 1933 — февраль 1934).

PONTEIL, FÉLIX. La législation de 1831 sur la garde nationale et son application à Strasbourg (Законодательство 1831 г. о национальной гвардии и его применение в Страсбурге), в. 140, стр. 9—13.

Приведа краткую историческую справку об организации национальной гвардии с момента ее возникновения (1789 г.) и до Июльской революции, автор излагает закон 22 марта 1831 г., определивший ее организацию при Людовике Филиппе, затем рассказывает о том стойком сопротивлении буржуазным антиэгалитарным тенденциям этого закона, которое последний встретил в Страсбурге. В первые годы Июльской монархии правительство принуждено было идти на уступки, не выделяя привилегированных буржуазных частей, но в 1834 г. решилось вовсе распустить страсбургскую национальную гвардию.

PERREUT, GABRIEL. Trois dates de l'histoire d'Arbois. 1830—1848—1851 (Три даты в истории Арбуа. 1830—1848—1851), в. 140, стр. 34—50.

Окончание статьи, начатой печатанием еще в предыдущем (28) томе журнала.

Статья основана главным образом на местных источниках: допросах, судебных протоколах, наконец, на данных одной рукописи, отражающей в хронологическом порядке события городской жизни между 1830 и 1860 гг. Задача автора „послужить к объяснению революций XIX в., носивших в себе в зародыше III республику“. В соответствии с этим, в изображении Перрэ и история Арбуа за этот период — это история возникновения и развития буржуазной республиканской партии. Вместе с тем в 1848—1849 гг. в Арбуа была налицо довольно влиятельная группа демократов и даже социалистов. Группа эта откликнулась на парижские события и заявляла себя сторонницей Барбеса и Бланки.

**

GOSSEZ, A. M. Les chansons politiques de Gustave Nadaeu (Политические песни Гюстава Надео), в. 40, стр. 14—34.

Автор пытается дать снисходительную характеристику этому поэту, пришедшему в поэзию из-за купеческого прилавка.

**

DAGNAN, G. L'agitation de 1868 et 1869 dans la Gers (Волнения 1868 и 1869 гг. в департаменте Жер), в. 141 стр. 104—112; в. 142, стр. 161—178; в. 143, стр. 228—245; в. 144, стр. 43—54; в. 146, стр. 192—129.

Статья Даньяна дает картину политической борьбы в департаменте Жер перед выборами в Законодательный корпус в период 1868—1869 г. Автором использованы местные архивы, приведено значительное количество цитат из буржуазно-республиканской газеты „Авенир“, на страницах которой Лиссагарэ печатал свой „Катехизис гражданина“ с политическими уроками жерскому крестьянству и вел ожесточенную борьбу против депутата от Жер, Гранье де-Кассаньяка, сторонника правительства, перейдя потом в открытые выступления против личного состава правительства и против империи.

В 1869 г. Лиссагарэ, учитывая популярность газеты и желая положить конец разговорам о том, что ее субсудирует частное лицо, создал акционерное общество с мелкими сравнительно паями (по 50 франков). С этого момента „Авенир“ становится коллективной собственностью жерских демократов, а Лиссагарэ — признанным выразителем их взглядов. Перед выборами жерские демократы, в обход закона от 6 июня 1868 г. о собраниях, пытались устраивать собрания в частном помещении и по именованным приглашительным билетам. У Даньяна описано одно из таких собраний с участием Жюль Фавра и Эрнста Пикара, приехавшего защищать Лиссагарэ, которого не раз привлекали к ответственности в качестве редактора „Авенир“.

**

DUTACQ, FRANÇOIS. Les journées lyonnaises de novembre 1831 (Ноябрьские дни в Лионе в 1831 г.), т. 29, в. 141.

Статья Дютака, посвященная знаменитому восстанию лионских ткачей, поражает развязной и легковесной иронией и неприкрытым раздражением против „экстремистских“ элементов движения. „Политиками из подворотен“ являются для него те, кто пытался организовать движение, придать ему политический характер. Комиссия рабочих союзов, образованная 23 ноября, — в его определении это — „Двор короля Пето“. Дютак не может не признать с некоторым огорчением, что вследствие слишком пристрастной позиции властей и представителя династии, принца Орлеанского, прибывшего в Лион, рабочие получили наглядный политический урок, который и „толкнул их к политике насилия и к революции“. Статья Дютака дает очень детальное изложение хода лионских событий и построена в значительной мере на новом, неиспользованном еще материале лионских архивов.

**

GOSSEZ, A. M. À propos de l'excommunication de Garibaldi en 1865 (По поводу отлучения Гарибальди от церкви в 1865 г.), т. 29, в. 142, стр. 155—160.

Госсез приводит обращение совета ложи Великого Востока, пребывающей в Палермо, по поводу отлучения масонства от католической церкви. Из обращения явствует, что Гарибальди был гроссмейстером итальянского ордена.

**

ZEVAËS, AL. Les candidatures ouvrières sous le Second Empire, (Рабочие кандидатуры во времена Второй империи), т. 29, в. 142, стр. 132—154.

Начав с первой попытки выставить на выборах в Законодательный корпус 1863 г. кандидатуру типографского рабочего Жозефа Блана, дав затем краткую и достаточно известную историю кандидатуры Толена в 1864 г., автор подробно останавливается на перипетиях длительной и упорной борьбы вокруг революционных кандидатур в 1869 г. Эта борьба привлекала общественное мнение настолько, что обозреватель буржуазной газеты Франциск Сарсе отказывается писать о театре: „Подлинные спектакли на этой неделе происходили на улицах и в залах собраний“.

Буржуазные либералы не стеснялись опорочивать революционные кандидатуры привычными инсинуациями, что за ними стоит рука правительства. Такую выходку позволил себе, например, председатель Тьеровского комитета Дюфор. „Правительство, — сказал он своим избирателям, поздравляя их с победой Тьера, — являлось перед нами в двух лицах: одно было официальное, административное, другое — социалистическое“. Клевета направлена была в данном случае против Альтон-Сэ и вызвала отповедь из либеральных же кругов (прогестовал Сенг-Бев). Социалистам удалось провести только одного кандидата — Распайя — „человека 15 мая“. Эта скромная победа означала, однако, решительный перелом в общественном движении. „Избрание Распайя в палату — это приход социализма 1830 и 1848 гг., предрекающий наступление нового социализма, который развивается и организуется под знаменем Интернационала“, — так формулировали значение этой победы представители Интернационала.

**

USUREAU, Ch. Les employés de préfecture en 1848 (Служащие префектур в 1848 г.), т. 29, в. 142, стр. 125—127.

Автор приводит петицию служащих профектуры Мэны и Луары Учредительному собранию, содержащую просьбу избавить их от произвола префекта, подчинить центральной власти и, в виду злоупотреблений со стороны префектов, оплачивать из центра.

**

GODART, JUSTIN. Les événements de Novembre 1831 à Lyon (Ноябрьские события 1831 г. в Лионе), т. 29, в. 143 стр. 204—227.

В статье дана сжатая картина быта ткачей, с использованием известных работ Виллерма, Ад. Бланки, Ламартина, и краткая историческая справка

о борьбе ткачей за нормирование заработной платы на протяжении полутора столетий, начиная с конца 17-го века.

Развитие движения и ход столкновений рассказаны по запискам местного буржуа, национального гвардейца Бержье, участвовавшего в подавлении восстания. Приведен взятый из лионских архивов список жертв столкновения, свидетельствующий о том, что далеко не одни ткачи принимали участие в движении. Автор приводит также свидетельство сен-симонистов; в письме к Мишлю Шевалье один из них рассказывает, что рабочие говорили: „Купцы сделали революцию (1830 г.) в своих интересах... Мы хотим сделать революцию для себя“.

Радикал стремится всячески подчеркнуть „лояльность“ восставших рабочих: „Ткачи, — с похвалой говорит он, — устранили политиканов, дисциплинировали свои войска, установили в городе полный порядок и ни один момент не помышляли о том, чтобы стать хозяевами города“.

Это воздержание от захвата власти Годар подчеркивает и в конце статьи, повторяя старые лозунги социалистов в 1848 г. — освобождение труда должно совершиться лишь на почве коопераций и мютюализма.

**

BAZAIN, PAUL. Bazaine à Metz (Базен в Меце), т. 29, в. 143, стр. 196—202.

Небольшая статья является ответом на новую книгу известного защитника Базена Эли Пейрона („Bazaine à Metz“, 1932), и разбирает роль Базена в сражениях на лотарингском участке и его попытки самореабилитации. Автор приходит к заключению, что „как бы ни были интересны аргументы Эли Пейрона, они бессильны против фактов“. „Базен, обманувший ожидания императора, добровольно заперся в Меце. Своим равнодушием к исполнению служебного долга он оказал величайшую помощь генералу Мольтке“.

**

USUREAU, Ch. Le département de la Maine et Loire en 1833 (Департамент Мэны и Луары в 1833 г.), т. 29, в. 143, стр. 193—194.

Под таким названием Юзеро публикует донесение префекта департамента Мэны и Луары министру внутренних дел от 29 июля 1833 г. относительно состояния умов: „процветание страны обезвреживает любителей республики“, — пишет префект.

**

Mc KAY, DONALD. Le vicomte de Falloux et les ateliers nationaux (Виконт Фаллу и Национальные мастерские), т. 30, в. 144, стр. 30—42.

В этой статье на основе хранящихся в Национальном архиве „Стенографических записей Комитета труда Учредительного собрания“ заново пересматривается роль Фаллу в июньских событиях. Некоторые историки выдвигали

против Фаллу обвинение, что события 23 июня были им спровоцированы. Мак-Кей не решается прямо подтвердить это обвинение. Тем не менее все поведение Фаллу перед изданием декрета о закрытии мастерских говорит о том, что он оказывал в этом смысле самое настойчивое давление на Комитет труда и специальную подкомиссию, членом которых он был; не встречая нужного ему рвения у членов комитета, он сумел ловким ходом фактически вырвать вопрос из его рук, и в конце концов именно его настойчивость решила дело.

Дональд Мак-Кей выпустил в конце 1933 г. книгу о национальных мастерских; частями этого исследования и являются статьи: „Виконт Фаллу и национальные мастерские“ и „Затерянный печатный документ“ (в. 146, см. ниже).

**

FRIEDMANN, JOLANDE. Louis Reybaud, Satirique de la Monarchie de Juillet (Луи Рейбо, сатирик Июльской монархии), т. 30, в. 144, стр. 9—20.

Автор воспроизводит литературную и политическую карьеру автора одного из самых популярных в 30—40-х гг. романов „Жером-Патуро в поисках общественного положения“. Как известно, Рейбо вместе с тем был и основателем существующего и до сих пор „Journal des économistes“, а в 1848 г. членом Национального собрания.

**

Mc KAY, DONALD C. „Un imprimé perdu“ sur la dissolution des ateliers nationaux en 1848. (Утерянный печатный документ, относящийся к роспуску национальных мастерских в 1848 г.), т. 30, в. 146, стр. 153—181.

Во второй своей статье Кей приводит полностью, предпослав ему небольшое введение, доклад специальной комиссии, созданной сразу же после 15 мая для рассмотрения вопроса о национальных мастерских. Доклад был отпечатан для раздачи депутатам, но тут же „тайнственно исчез“.

Кей отыскал его в Национальной библиотеке среди материалов, относящихся к гораздо более позднему периоду. Доклад был составлен в крайней спешке, без всестороннего исследования вопроса, без опроса рабочих. Несмотря на то, что он содержал требование немедленного упразднения мастерских, он мог вызвать неудовольствие реакционного Собрания тем, что заключал в себе одиозное для Собрания признание „права на труд“, а также требование новых гарантий рабочим.

**

PERREUX, GABRIEL. L'esprit public dans les départements au lendemain de la Révolution de 1830. (Общественное настроение в департаментах после Революции 1830 г.), т. 30, в. 147, стр. 229—248.

Статья Перре является продолжением очерков, печатавшихся им в этом же журнале еще в 1923 и 1924 гг. В настоящем выпуске приводится материал, характеризующий общественные настроения в Франшконте, в департаментах

Юры, Верхней Саоны и Дубса за годы 1830—1834. Автором использованы в национальном архиве донесения жандармов и генеральных прокуроров. В них зафиксирована сильная в первое время после июльских дней агитация легитимистски настроенного духовенства. Они отмечают также дороговизну жизни, нужду низших слоев населения, наконец усиленную деятельность республиканцев.

**

PEYRON, ÉLIE. Bazaine à Metz. À propos d'un article de M. Paul Pilant (Базен в Меце. По поводу статьи Поля Пилана), т. 30, в. 147, стр. 212—218.

Отвечая на статью Пилана в № 143 „Révolution de 1848“, Пейрон пытается защитить Базена от обвинений в неспособности. Используя данные „дела Базена“, и материал, заимствованный из ряда официальных изданий, посвященных войне 1870 г., Пейрон доказывает, что Базен ничего не мог сделать при общей неподготовленности армии, недостатке снаряжения и своеволии генералов, сплошь и рядом нарушавших распоряжения главнокомандующего. Статья Пейрона не закончена в 30-м томе и ждет своего продолжения.

**

ROUGEON, GEORGES. Un prêtre Bourbonnais victime de Deux-Décembre (Священник из Бурбонне, — жертва переворота 2 декабря), т. 30, в. 147, стр. 209—211.

Заметка посвящена аббату Монлуи, приветствовавшему Республику 1848 г. и отправленному после переворота 2 декабря в изгнание.

I. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи, всякое внимание со стороны историков к нашим литературоведческим работам, малейшие указания, уточнения и поправки, вносимые ими в наши историко-литературные построения, в которых мы неизбежно вынуждены заходить в область и общей истории, представляют для нас, в особенности на данном этапе развития нашей науки, сугубое значение и ценность. Вот почему я никак не могу оставить без ответа рецензию И. Троицкого на книгу „Арзамас и арзамасские протоколы“, которая напечатана в I „Историческом сборнике“ и значительная часть которой посвящена разбору моей вступительной статьи „Социально-политическое лицо Арзамаса“.

За спорами о „старом и новом слогe“ я усматриваю борьбу двух идеологий — реакционной, феодально-церковной идеологии Шишкова, и „светской“ идеологии „европеизма“, „просвещения“, т. е. буржуазного движения, буржуазного развития — карамзинистов. Автор рецензии со мной не соглашается и считает, что никакого „социально-политического лица“ у «Арзамаса» не было: «Арзамас» просто литературное братство, объединявшее довольно разнородные в общественном смысле элементы“. Рецензент имеет полное право не соглашаться с рецензируемым автором и выдвигать свою точку зрения. Однако при аргументировании своего несогласия И. Троицкий применяет такие приемы, которые не могут не вызвать с моей стороны самый решительный протест, тем более, что его рецензия напечатана в таком высоко-авторитетном органе, как „Труды исторической комиссии Академии Наук СССР“.

В своей рецензии И. Троицкий пишет: „Установив... революционную сущность Карамзина, автор проделывает ту же операцию и со всем Арзамасом“ (стр. 338). Такое утверждение нельзя назвать иначе как двойной неправдой. О Карамзине я пишу буквально следующее: „Нам сейчас смешным покажется, что гнездо «французской заразы», исчадь революций — Шишков и его приверженцы готовы были видеть в Карамзине. Хорош революционер! Однако в то время наличие новых буржуазных элементов в литературной деятельности Карамзина ощущалось с такой резкостью, а вместе с тем феодальная идеология «шишковистов» отличалась такой пустотой, что политический консерватор и крепостник, автор «Записки о древней и новой России», бывший, однако, идеологом европеизма и просвещения, совсем всерьез воспринимался ими не более, не менее как... якобинцем“ (моя статья, стр. 7).

Можно ли сколько-нибудь серьезно сказать, что я, называя Карамзина „политическим консерватором и крепостником“, устанавливаю его „революционную сущность“? А вот что говорю я об „Арзамасе“. Указав ряд фактов, свидетельствующих о наличии в среде арзамасцев „просветительной“, „французской“ (как называли ее шишковисты), идеологии и подводя этому итоги, я заключаю: „Конечно, все эти факты ни в малейшей мере не свидетельствуют о какой бы то ни было прямой революционной настроенности членов «Арзамаса» (в нереволуционной, даже, больше того, в контрреволюционной первоначального основного ядра арзамасцев мы впоследствии убедимся)“ (стр. 11). И. Троцкому угодно рассматривать это мое прямое утверждение в качестве „оговорки“. (Кстати, он недоумевает, как можно примирить либерализм и контрреволюционность — напомним ему хотя бы наших кадетов.) Но как, при наличии такой пусть даже только „оговорки“, можно заявлять, что я пытаюсь в своей статье „установить революционную сущность «Арзамаса»“? Заявлять это можно в лучшем случае — в пылу полемического самозабвения, в худшем — при недобросовестном обращении и со словом, и с мыслью рецензируемого автора. Еще один тому же пример. Я говорю о „староверческой“ „раскольничьей“ идеологии Шишковской „Беседы“. Слова эти взяты у меня в статье в кавычки: так называли шишковистов арзамасцы, вкладывая в это понятие совершенно определенное содержание — „антиевропейскую“, реакционно-церковную настроенность шишковистов. Ясно, что эта — не моя — аналогия не имеет решительно никакого отношения к действительному старообрядчеству и расколу. Между тем И. Троцкий поучает меня: „К сведению Д. Благого — раскол по своему времени был явлением оппозиционным, а левый раскол даже прогрессивным, руководители же «Беседы» были, в основном, действительно, реакционерами.“ Ценное признание! „Руководители «Беседы» были в основном, действительно, реакционерами“ — это же я и утверждаю в моей статье. Мне так же хорошо известно, что на „архаических“ позициях стояли до известной степени и Грибоедов, и Катенин, и Кюхельбекер, как и то, что Карамзин не был революционером. Но в борьбе арзамасцев с беседчиками главными действующими лицами были не Катенин, Грибоедов и Кюхельбекер (ни одно из этих имен, кстати, ни разу не упоминается даже в арзамасских шутках и пародиях) как и не Карамзин, Карамзин только значился „почетным членом“ „Арзамаса“, как кстати значился он и „почетным членом“ „Беседы“ и почти никакого фактического участия в деятельности „Арзамаса“ не принимал). Борьба шла между реакционным руководством „Беседы“ и относительно либеральными в это время „карамзинистами“ („либеральным образом мыслей“, как известно, отличался в 10-е годы даже такой „столп николаевской реакции“ как Уваров), боровшимися не за поли-

тические взгляды Карамзина-историка, а за Карамзина „европейца“, автора „Писем русского путешественника“ и творца „нового слога“. Такова действительная точка зрения моей статьи, которую я вынужден повторить здесь снова в виду того, что рецензия И. Троицкого способна дать о ней самое превратное представление.

Д. Благой.

II. ОТВЕТ Д. БЛАГОМУ

„Решительный протест“ Д. Благого по поводу моей рецензии, напечатанной в № 1 „Исторического сборника“ за 1934 г. заставил меня заново перечитать и самую рецензию и рассмотренную в ней статью Д. Благого. Утверждение автора, что моя заметка „способна дать... самое превратное представление“ о его работе, естественно побудило меня прежде всего к некоторой самопроверке. Мне самому захотелось решить для себя вопрос, окончательного ответа на который „Письмо в редакцию“ не дает: действовал ли я „в пылу полемика самозабвения“ или же сознательно допустил „недобросовестное обращение и со словом, и с мыслью рецензируемого автора“?

В результате этой самопроверки я должен был признать, что до некоторой степени Д. Благой в своих упреках прав. Не могу согласиться, что моя рецензия дает „самое превратное представление“ о его статье. Но действительно, рецензируя собственно не работу Д. Благого, а весь сборник „арзамасских протоколов“, я позволил себе оставить без внимания ряд неувязок в статье Д. Благого и не привел против его положений всех тех аргументов, какие мог бы привести. В этом смысле соглашусь, что моя заметка может дать не вполне точное представление не о характере моего с ним расхождения, а о степени этого последнего. Эту свою ошибку я признаю и постараюсь ее сейчас исправить.

Итак, к чему сводится обвинительный акт Д. Благого?

а) К формулированию в начале и конце письма положительной задачи его статьи и выраженной в ней точки зрения.

б) К установлению следующих моих ошибок и передержек: 1) я неправильно изложил характеристику, данную им Карамзину; 2) я неправильно изложил характеристику, данную им „арзамасцам“; 3) я неправильно приписал ему характеристику шишковистов, как „староверов и раскольников“.

Теперь посмотрим, что же я писал, и насколько Д. Благой дал мне повод к тому, что в дальнейшем оказалось „недобросовестным обращением“ и т. п.

Прежде всего я указывал на неудобство механического противопоставления „шишковистов“ и „карамзинистов“. Вот что сказано в моей рецензии по этому поводу:

„Литературные споры «шишковистов» и «карамзинистов» окрасили все литературное движение 10—20-х годов XIX в.

Но социальный состав и того и другого течения был достаточно пестрый, и представители одной литературной школы оказывались на диаметрально противоположных позициях классовой борьбы. Если мы вспомним, что в среде «шишковистов» были такие деятели, как Грибоедов, Катенин и Кюхельбекер, что на этих же позициях стоял такой радикальный декабрист-поэт, как В. Ф. Раевский, что архаистические принципы шишковской школы оказали сильнейшее влияние на гражданскую поэзию Рылеева и, с другой стороны, — что знаменем «Арзамаса» являлся такой убежденный крепостник, как Карамзин, то нам будет странно прочесть следующие, определяющие всю концепцию автора, строки: „Адмирал Шишков и его приверженцы были идеологами «правительствующих», крупнопоместных, феодально-дворянских (к чему эта тавтология? — И. Т.) слоев — «вельможества». Положение этих слоев обладало по тому времени среди всей массы остального дворянства максимумом классовой (?) устойчивости... Карамзинисты в большинстве своем, наоборот, были представителями среднего дворянства, непричастного к непосредственному политическому управлению страной, зато более тесно связанного с «землей», с «поместным хозяйством»“ (стр. 6). „А так как, — рассуждает далее автор, — в средне-поместном хозяйстве к этому времени стали намечаться капиталистические тенденции, то и идеология «карамзинистов» является идеологией «буржуазного движения, буржуазного развития»“ (Исторический сборник, 1934, № 1, стр. 337).

Указав на вульгарность такого подхода, где два литературные течения определяются количеством крепостных душ у их представителей, я далее заметил, что и в рамках этого подхода у автора концы с концами не сходятся. Подробно первого возражения я не обосновывал, но сейчас принужден несколько развить его.

В концепции Д. Благого этот момент имеет решающий характер. „Борьба, одним из наиболее красочных эпизодов которой и явилась деятельность Арзамаса, — пишет он в своей статье (стр. 6), — была литературным выражением двух социальных группировок, двух противоположных общественно-политических идеологий“.

Оставляя в стороне стиль („борьба была выражением... группировок), рассмотрим это утверждение по существу. Итак, „Арзамас“ это лишь звено в цепи, один из эпизодов „страшной войны на Парнасе“; вышеприведенная же характеристика, естественно, относится ко всему периоду борьбы, и под „двумя социальными группировками“, как объясняет автор, надо разуметь реакционное „крупно-поместное“ „вельможество“ — „шишковистов“, с одной стороны, и прогрессивное, обуржуазивающееся „среднее дворянство“, в лице „карамзинистов“, с другой, и разуметь, повторяем, на всем протяжении борьбы, иначе суждения автора понять нельзя. Имел ли я по этому поводу право вспомнить, что в литературных спорах начала 20-х годов против

тех же карамзинистов из „Арзамаса“ выступила целая фаланга писателей-декабристов? Мог ли я усомниться в том, что В. Ф. Раевский и Рылеев выражали взгляды „вельможества“? Кажется, мог.¹ И что же ответил мне разгневанный автор? Что я допустил передержку, так как „в борьбе арзамасцев с беседчиками главными действующими лицами были не Катенин, Грибоедов и Кюхельбекер“. Д. Благой позабыл, что его социальная характеристика относилась вовсе не к частному моменту кратковременной борьбы между „Арзамасом“ и „Беседой“, а ко всему периоду, и в этом и заключался интерес его построения, и против этого-то утверждения и была направлена моя критика. Здесь, повидимому, мы наблюдаем случай самозабвения в чистом его виде, в буквальном смысле слова.

Но дело не только в этом. Самая характеристика идеологии „вельможества“ и „среднего дворянства“ дана в статье Д. Благого неправильно. Я не остановился на этом вопросе в рецензии сознательно, имея в виду, что историческая литература до сих пор недостаточно четко расшифровала общие понятия „крупного дворянства“, „среднего дворянства“ и т. д., и что ставить это в вину литературоведу, каким является т. Благой, нельзя. Претенциозное начало его письма заставляет меня высказаться в этом смысле подробнее.

Прежде всего, относительно „вельможества“. Это, конечно, отнюдь не однородная группа. В такую, условно нами создаваемую, категорию входят и владельцы огромных латифундий и десятков, подчас сотен тысяч крепостных душ, заводов и т. д., как Юсупов, Шереметев и им подобные феодальные князьки, огромные богатства которых делали их, действительно, стойкими охранителями существующего порядка; но сюда же относятся и просто крупные помещики, владевшие тысячами крестьян; и как раз эта последняя группа и оказывалась особенно чувствительной к вопросам товаризации своего хозяйства, к первым сигнальным гудкам капиталистического земледелия. Совершенно правильно отмечает Н. М. Дружинин, что „пропагандистами нового земледелия, осуществлявшими на практике требования западноевропейской агрономии, были крупные землевладельцы, преимущественно центральной нечерноземной полосы... Пионеры многопольной системы Д. М. Полторацкий, Н. П. Румянцев, С. С. Апраксин владели тысячами душ крепостных крестьян. Инициаторами и главными руководителями Московского общества сельского хозяйства были „богатеишие и влиятельные собственники района“ и т. д.² Стоит вспомнить, что как раз в годы, когда зачиналась борьба между архаистами и карамзинистами, из среды вельможества вышел ряд проектов ограниче-

¹ Следует отметить, что состав „Беседы“ до сих пор мало изучен. Он может оказаться гораздо более демократическим, чем это кажется Д. Благому.

² Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1932, стр. 29.

ния и смягчения крепостного права, и в 10-х годах та же группа продолжала выделять сторонников безземельного освобождения или полуосвобождения (проекты кн. Васильчикова, гр. Воронцова и др.).

Таким образом, по части „обуржуазивания“ среда крупного землевладения далеко не была однородной. То же нужно сказать и по части политических требований. Совершенно напрасно рисует Д. Благой крупнопоместную среду как враждебную „всяким переменам“. Если бы наш автор счел нужным познакомиться с историческими фактами изучаемой им эпохи, то он увидел бы, что большинство преобразовательных проектов начала александровского царствования исходили как раз из определенных слоев крупнопоместного дворянства, и что неудача этих проектов вызвана была стойким сопротивлением со стороны именно рядового крепостнического дворянства, видевшего в самом незначительном шаге по пути политического либерализма угрозу своему существованию. Недаром идеолог „благородного дворянства“ Растопчин обвинял в 1806 г. Александра I в том, что правительство, „рассеивая своеволие“, перестало признавать дворянство „подпорою престола“. Политические чаяния этого „благородного шляхетства“ начала XIX в. и выражены были наиболее ярко как раз идейным отцом „арзамасцев“ — Карамзиным.

Итак, самая отправная точка рассуждений Д. Благого грешит против истины. Неудовлетворительна и методология его дальнейшего рассуждения. Уж если он, как торжественно заявлено в начале статьи, хотел „путем социологического анализа, путем выявления социального лица как арзамасцев, так и их противников, установки места и роли тех и других в классовой борьбе их времени... прийти к правильному решению вопроса об «Арзамасе» (стр. 5—6), то именно так и следовало к объекту исследования подойти. Иначе говоря, т. Благой, нужно было Вам уяснить, если не читателю, то хотя бы себе самому, как же развивались в течение первых двух десятилетий XIX в. экономические и политические судьбы установленных Вами социальных групп и как эти изменения отражались на их политических идеологиях вообще и в области литературных споров в частности. Тогда и выводы статьи могли бы иметь хотя бы видимость убедительности.

Вместо этого обещанного автором анализа мы находим в статье декларирование наличия „двух крупнейших социально-исторических идеологий“, противопоставление которых мотивируется от чиновного и имущественного положения членов „Беседы“ и „Арзамаса“. В моей рецензии я и отмечал вульгарность такого подхода, добавляя при этом, что фактически такого различия между обоими кружками нельзя и провести, тем более, что ряд „арзамасцев“ входили и в „Беседу“. И это основное мое возражение Д. Благой оставил без ответа.

Поскольку „социологический анализ“ статьи строится на произвольных измышлениях автора, я счел возможным не задерживаться на дальнейшем разборе статьи, продемонстрировав только путаницу в установлении „либерализма“ и „революционности“ членов „Арзамаса“. Эти-то места рецензии и вызвали гнев нашего полемиста.

Здесь мне пришлось указать, что Д. Благой мобилизует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы ослабить крепостническую характеристику Карамзина. К сожалению, Д. Благой не понял иронического смысла моего замечания: „Установив... революционную сущность Карамзина, автор проделывает ту же операцию и со всем «Арзамасом»“. По этому поводу автор счел нужным всерьез уверить читателей „Исторического сборника“, что крепостнический характер взглядов Карамзина ему известен. В этом я, надо сказать, ни минуты не сомневался. Но зачем же тогда повторять дважды, что Карамзин, „сознавал себя «в душе республиканцем»“, зачем отрывать политические взгляды Карамзина от его литературной деятельности? Ведь у Д. Благого получается картина, для литературоведа-марксиста не очень удачная: Карамзин — это какой-то двуликий Янус; с одной стороны „политический консерватор и крепостник“, с другой — „идеолог европеизма и просвещения“, литературный носитель „новых буржуазных элементов“. Здесь мы имеем дилемму. Либо буржуазность художественных элементов сочеталась в Карамзине с крайним политическим консерватизмом, и тогда следовало объяснить, как это произошло, а не мотивировать от доносов, уличавших Карамзина в якобинизме, либо же следовало задуматься над тем, был ли действительно „европеизм“ Карамзина явлением буржуазного порядка и не имеем ли мы здесь прививку художественных приемов, выросших действительно на почве буржуазной идеологии, к совершенно иной социальной базе и к другому классовому сознанию? Вот в чем проблема, совершенно обойденная Д. Благом в его статье, обойдена она и в „Письме в редакцию“, где наш автор ставит все точки над *i*, говоря, что „арзамасцы“ боролись не за политические взгляды Карамзина-историка, а за Карамзина-«европеиста» — автора «Писем русского путешественника» и творца «нового слога»“. Здесь автор хочет под сурдинку обосновать свои утверждения противопоставлением раннего, более либерального Карамзина позднейшему крепостнику. Но разве „История государства российского“ находится в иной литературной системе, чем „Письма“? Боюсь, что Д. Благому здесь никакие извороты не помогут, и ему придется либо объяснить, каким образом в лице Карамзина сочетались политический крепостник и литературный буржуа, либо признать свою ошибку.

Неблагополучно обстоит и с другим возражением Д. Благого. В рецензии я отмечал, что, наговорив много хороших слов о либерализме первых „арзамасцев“ и не найдя в их деятель-

ности ничего, подтверждающего эту характеристику, автор в конце концов вынужден признать их „контрреволюционность“. Далее я указал, что автор все же пытается, и притом неудачно, примирить эту „контрреволюционность“ с „либерализмом“. По этому поводу Д. Благой считает нужным преподать мне урок политграмоты и напомнить мне кадетов, которые являлись одновременно и либералами и контрреволюционерами. Легко, однако, показать, кто из нас нуждается в усвоении азбуки политграмоты. Ведь о какой „революционности“ идет речь в статье, а стало быть и в рецензии? Д. Благой на стр. 14 статьи совершенно отчетливо противопоставляет „дворянский либерализм“ „дворянской революционности“. Если бы мысль автора сводилась к тому, что либеральные дворяне боялись крестьянской революции, то я, разумеется, возражать бы не стал и ограничился бы указанием, что так же боялись ее и революционные дворяне. Но речь шла вовсе не об этом. И тут Д. Благой обнаруживает полное непонимание того обстоятельства, что буржуазный либерализм кадетов в условиях, когда гегемоном буржуазной революции был пролетариат, в период начавшегося перерастания буржуазной революции в пролетарскую, — являлся фактором контрреволюционным, между тем как во втором десятилетии XIX в. буржуазные тенденции в дворянстве и дворянский либерализм являлись фактором прогрессивным и создавали питательную среду для дворянской же революционности. Этим и объясняется тот факт, что настоящие дворянские либералы (а не выдуманные Д. Благой) могли в дальнейшем находиться в рамках одной политической организации с дворянскими же революционерами. К сожалению, Д. Благой произвел полное смешение понятий, произведя Вигеля и Жуковского в либералов, а Н. Тургенева в революционера, и выбраться из этой путаницы ему довольно трудно. В руководящей ячейке „Арзамаса“, может быть, и можно отыскать некоторые элементы аристократической оппозиционности, но над природой ее и характером Д. Благой и не задумывался.

Наконец, последнее замечание Д. Благого, не носящее уже, впрочем, принципиального характера. Он оговаривает, что термин „раскольничий“ по отношению к взглядам шишковистов он применяет вслед за „арзамасцами“. Но в инкриминированном ему тексте он этот термин не только применил, но и солидаризировался с ним. Вот что сказано на стр. 9: „В деятельности арзамасцев и беседчиков сталкиваются две крупнейшие социально-исторические идеологии: идеологии «бороды» и «ветхих предассудков», т. е. до-петровской феодальной Руси, «староверческой», «раскольничьей» идеологии «Беседы» «Арзамас» противопоставляет свою просветительную «французскую» идеологию“. Как видим, автор вполне принимает точку зрения „Арзамаса“ на шишковистов как на носителей старомосковских начал, а потому, мне кажется, замечание рецензии было вполне обосновано.

Как видим, Д. Благой неправ в своих обвинениях; чтобы убедиться в своей неправоте, ему стоило лишь перечитать свою статью.

Следует еще заметить, что автор оставил без ответа еще один довольно существенный упрек. Я указывал в рецензии, что, ошибочно принимая арзамасцев первого поколения за сплошных либералов, Д. Благой производит настоящих либералов „Арзамаса“ Н. И. Тургенева, Орлова и Н. Муравьева уже в представителей „дворянской революционности“. А между тем на это замечание стоило ответить, так как справедливость его в корне подрывает всю концепцию автора. Д. Благой, как я в рецензии и указал, довольно правильно излагает внешнюю историю деятельности в „Арзамасе“ указанной группы (собственно, речь должна идти только о Тургеневе и Орлове, так как Муравьев практически в „Арзамасе“ не выступал); но идеология ее осталась для нашего автора книгой за семью печатями. А ведь если бы он дал себе труд познакомиться с общественной позицией изучаемых им лиц, то это могло бы избавить его от той путаницы по части „вельможества“ и „среднего дворянства“, которую мы выше отметили. Ведь как раз для Орлова и Тургенева „Арзамас“ явился кратковременным привалом на пути от „Ордена русских рыцарей“ к тайным обществам декабристов. А „Орден русских рыцарей“ был, как правильно указывает сам Д. Благой, организацией по своему идейному содержанию аристократической и основателем его был такой видный представитель „вельможества“, как М. А. Дмитриев-Мамонов. Всего за несколько месяцев до своего появления на заседаниях „Арзамаса“ Н. И. Тургенев рассуждал в своем дневнике о том, что в России стоит вводить палату пэров, а от палаты депутатов „нельзя теперь ожидать ничего полезного“. Вот уж действительно представитель среднепоместного круга „благородного шляхетства“.

На этом позволю себе полемику с Д. Благим закончить. Как видим, ни исторические, ни историко-литературные проблемы, связанные с деятельностью „Арзамаса“, Д. Благим не только не разрешены, но даже и не поставлены. И напрасно автор бряцает оружием в целях „восстановления истины“. Заключительный аккорд его „Письма“ — противопоставление Карамзина-историка Карамзину-литератору — имеет очень мало общего с тем „социологическим анализом“, какой был обещан читателю в начале рецензированной статьи. Обещанию этому не суждено было быть выполненным.

И. Троицкий.

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вышли из печати:

1. Исторический Сборник № 1. Стр. 360. Цена 7 руб.
2. Исторический Сборник № 2. Стр. 312. Цена 7 руб.
3. Исторический Сборник № 3. Стр. 392. Цена 8 руб. 50 к.

Выходят из печати:

1. Исторический Сборник № 5. Содержание: Е. Н. Петров. Общинное землевладение во Франции накануне революции 1789 г. — С. И. Архангельский. Русско-голландская торговля в XVII в. — П. Г. Любомиров. Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России. — Н. И. Ульянов. Панфинское движение в Карелии в 1905—1907 гг. — С. Н. Драницын. Экономические корни польского восстания 1863 года. — Б. П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в женевском рабочем движении. — Материалы и сообщения (С. Г. Лозинского, С. Б. Окуня, А. В. Предтеченского). Критика и библиография. — Аннотации иностранных исторических журналов. — Хроника.

2. Е. А. Косминский. Английская деревня XIII в., т. I.

3. М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г.

4. К. В. Базилевич. Московское восстание 1662 г.

5. Акад. Б. Д. Греков. Очерки феодального строя Киевского государства.

6. С. И. Архангельский. История земельного законодательства Великой английской революции, ч. I.

7. Акад. А. С. Орлов. Библиография русских исторических надписей (до 1499 г.).

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ СЕРИЯ

Вышли из печати:

1. И. Д. Шахназаров. „Крестьянская реформа“ 1861 г. и крестьянство после „освобождения“. Стр. 215, с 26 иллюстрациями, цена 2 р. 50 к., перепл. 50 коп.

